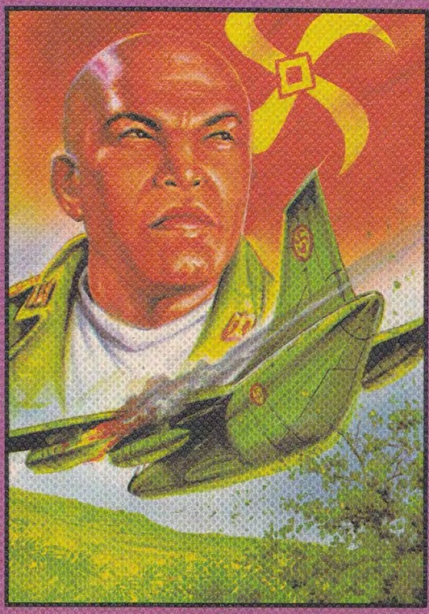
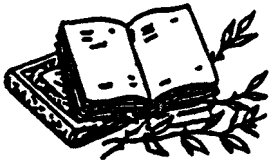


Кир Булычев

КЭРРА

Scan Kreyder - 09.04.2019 - STERLITAMAK

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ



Кир Булычев

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

УСНИ, КРАСАВИЦА

Роман

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

Фантастическая повесть

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Б90

Оформление художников
А. АКИШИНА, И. ВОРОНИНА

Булычев Кир

Б90 Сочинения: В 3 т. Т. 3: Усни, красавица; Смерть этажом ниже: Романы. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 432 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-02497-X (т. 3)
ISBN 5-300-02495-3

Кир Булычев (настоящее имя Игорь Всеволодович Можейко) — автор интереснейших фантастических повестей и романов для детей и взрослых, научно-популярных книг, сценариев к кинофильмам. Пишет он и детективы, в которых присутствуют и захватывающий сюжет, и неожиданная развязка.

В третий том Сочинений включены два произведения. Действие детектива «Усни, красавица» разворачивается в 1994 году. Главная героиня рано утром готовит завтрак своему любимому. Она становится случайной свидетельницей перестрелки. В кого стреляли и почему? Разобраться будет непросто...

Роман «Смерть этажом ниже» повествует об опасности, которую таит в себе любое вредное производство, об экологической катастрофе, которую можно было предотвратить...

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02497-X (т. 3)
ISBN 5-300-02495-3

© Кир Булычев, 1994
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

УСНИ, КРАСАВИЦА

Роман

Глава первая

СТРЕЛЬБА НА РАССВЕТЕ

Именно случайности, большей частью невероятные, правят нашей жизнью. Хотя мы и делаем вид, что невероятные случайности происходят крайне редко. События понедельника 14 февраля 1994 года полностью подтвердили этот тезис, который Лидочка не хотела выдвигать, но который выдвинулся сам по себе.

Невероятные события начались примерно в шесть часов утра. Лидочке пришлось встать в эту немыслимую рань, потому что Андрюша улетал в Каир на конференцию по коптскому искусству, а любящая жена была обязана приготовить своему рыцарю в дорогу сытный завтрак, проверить, не забыл ли он подтянуть подпругу, поправить перья на шлеме и вычистить пемоксолью железные рукавицы, а потом, услышав, как к дому подъезжает такси, присесть на дорогу, помолчать ровно тридцать секунд и проводить мужа до выхода, нежно поцеловав его на прощание...

Лидочка подошла к окну, отодвинула занавеску, ожидая, когда Андрей покажется из подъезда. Возле машины он остановился, поглядел на кухонное окно и помахал Лидочке. Потом машина уехала, а Лидочка вернулась к столу допивать кофе. Было семь часов двадцать пять минут.

Допив кофе, Лидочка стала рассуждать, лечь ли ей досыпать или, раз уж поднялась, затеять уборку, которую собиралась устроить уже вторую неделю, но за делами, сборами и суматохой все откладывала. К тому же накопилась стирка, но включать стиральную машину, которая шумит, как самолет с четырьмя моторами, в половине восьмого утра нетактично — соседи решат, что началась война.

Лидочка стояла в неуверенности посреди кухни, когда услышала, что к дому подъехала машина. А так как переулок в та-

кое раннее время обычно тих и транспорт без особой нужды сюда не заезжает, то она предположила, что Андрей таки умудрился забыть дома нечто жизненно необходимое. Она кинулась к окну. Оказалось, что подъехало не такси, а белая «тойота», откуда вылезла Лариска из шестой квартиры, существо глупое, злое и красивое, а из другой дверцы появился толстощекий молодой человек без головного убора, причесанный на косой пробор, одетый в пальто на пять размеров шире, чем следовало. Толстощекий оперся на крышу машины со своей стороны и давал Лариске какие-то указания, а она кивала и переступала с ноги на ногу, очевидно, торопилась в уборную. Все это было мало похоже на расставание влюбленных, но в любви ведь главное — не манера расставаний и встреч, а то, что происходит между этими событиями.

В тот момент, когда Лидочка поняла, что эта сцена ее не касается, и намеревалась отойти от окна, в переулок ворвалась еще одна машина, вишневая «Нива». Толстощекий обернулся в ее сторону. Вторая машина затормозила, поднимая облачко пухового, выпавшего за ночь снега. Когда она, почти остановившись, поравнялась с белой «тойотой», стекла с этой стороны опустились и оттуда высунулись руки. При свете уличного фонаря Лидочка успела сообразить, что в руках были пистолеты. Это смахивало на американский боевик, и Лидочка догадалась, что за этим кадром неизбежно последует второй — вспышки желтого огня из пистолетов, падающие фигуры, кровь на снегу...

Так и оказалось. Началась стрельба. Толстощекий что-то кричал и отмахивался от вспышек, как от пчел, завопила Лариска и побежала к подъезду. Вокруг Лидочки гремело и звенело, «Нива» рванулась вперед, и Лидочка кинулась было к двери, но, вспомнив, что она в халате и шлепанцах, побежала обратно к окну. На снегу расплылось темное пятно, но возле пятна никого не было. Лидочка увидела, что Лариска тащит толстощекого к подъезду, а его светлое пальто испачкано, рука безжизненно болтается, а с пальцев льется тонкая струйка крови. Лариска, надрываясь, упорно волокла мужчину, понимая, что оставлять раненого на улице в двадцатиградусный мороз дожидаться «скорой помощи» было для него убийственно.

В кухне резко дохнуло холодом, и Лидочка поняла, что окно разбито — остались лишь острые ножи стекла, которые стремились к середине, в одном из ножей была круглая дырочка с лучиками: в стекло угодило несколько пуль, хотя Лидочка мог-

ла поклясться, что стреляли в толстощекого, а вовсе не по ее кухонному окну на втором этаже.

Одна пуля попала в раму и пропилила в ней ровную полукруглую канавку, а когда Лидочка стала обозревать кухню далее, чтобы определить, что же еще натворили в ее доме участники рассветных боев, то увидела, что ее любимый белый кувшин, который она лет шесть назад купила в Таллине, разбился.

Законопослушный обыватель обязан вызвать милицию, если под окном убивают людей. Лидочка смахнула с телефона осколки и белую фаянсовую пыль, набрала «02» и стала объяснять сердитой девице, что звонит со Среднего Тишинского переулка, но девица оборвала Лидочку, сказав, что сигнал уже прошел и оперативная группа выехала.

Именно в тот момент, обозревая кухню, Лидочка подумала о том, насколько обычны в нашей жизни невероятные совпадения.

Во-первых, маловероятно, что настоящее покушение с участием автомобилей, красавиц и миллионеров, а тем более в семь утра, произойдет точно под окном твоей кухни. Еще менее вероятно, что ты будешь стоять у окна, а случайные и неслучайные пули будут летать вокруг тебя, бить твои стекла и посуду. С другой стороны, можно подумать — как мне повезло, что Андрюша успел покинуть поле чужого боя за пять минут до его начала!

Но невероятные совпадения того дня, из которых складывается наша обыкновенная жизнь, еще только начинались.

И они были скорее грустными, чем забавными. Разумеется, спать совсем расхотелось, и Лидочка стала ходить вокруг телефона и ждать, когда любящий муж позвонит из Шереметьево, чтобы сообщить, как хорошо он доехал до аэропорта, и она на это скажет ему, что только что вышла из-под обстрела. Потом Лидочка решила, что из Шереметьево дозвониться нелегко, но продолжала надеяться, только вынесла телефон в коридор и закрыла дверь на кухню, пока из квартиры не выдуло остатки тепла.

Раз телефон молчал, Лидочку подмывало позвонить кому-нибудь из знакомых и сообщить о том, что она пережила перестрелку. Но тех, кого она любила и кого могли заинтересовать ее приключения, было жалко будить. А тем, кого будить не жалко, было плевать на приключения Лидочки. Так что она накинула пуховик и возвратилась к окну, чтобы сверху наблюдать прибытие «скорой помощи» и милицейского «жигуленка». Их

встречала Ларискина мамаша в лисьей дочкиной шубе внакидку. Эта тупая страхолюдина просто лучилась счастьем, потому что оказалась в центре внимания.

К тому времени уже весь дом проснулся и был в курсе событий. Наверху топали, внизу слышались голоса, и все недостатки массового типового строительства в то незадачливое утро стали особенно очевидны. Можно было слышать, как время от времени хлопала входная дверь, и тогда Лидочка приклеивалась к окну, чтобы не пропустить продолжение этого увлекательного фильма.

Через какое-то время медики вынесли из подъезда носилки с раненым. Лариска бежала рядом. Несмотря на сопротивление врачей, она все же залезла в карету «Скорой помощи» и укатила в больницу со своим капиталистом, пожалуй, она решила полюбить его за муки.

Карета уехала. Стало уже совсем светло. В дверь позвонили, и Лидочка почему-то решила, что принесли почту.

Она подошла к двери и спросила:

— Почта?

Приятный баритон ответил вопросом:

— Ну какая может быть почта, гражданка, в восемь часов утра?

Лидочка внутренне согласилась и отворила дверь.

За дверью стоял милицейский лейтенант лет тридцати, высокого роста и самоуверенной красоты, выдававшей в нем не очень умного человека.

— Извините, — сказал он, не делая попытки войти в квартиру или совершить какое-нибудь иное насильственное действие. — Здесь на площадке холодно и дует, а вы практически босиком. Вернитесь, пожалуйста, в квартиру.

Этими словами он растрогал Лидочку, и та сказала:

— Заходите, заходите, вы, наверное, по поводу стрельбы?

Лейтенант вошел и остановился в прихожей.

За его спиной обнаружился ранее незамеченный комендант Каликин в старой боевой шинели с нашитыми на нее орденскими планками. Такие же комплекты были прикреплены к его кителю, пиджаку и спортивной куртке. Лидочка подозревала, что и к халату, но в халате ей видеть коменданта не приходилось.

— Я могу разуться, — сказал лейтенант.

— Не надо, я вас прямо на кухню поведу, — сказала Лидочка. — Они вели стрельбу по окнам.

— Старший лейтенант Шустов, — сообщил милиционер. —

Андрей Львович. Из восемьдесят восьмого отделения милиции. Провожу дознание по поводу стрельбы, которая имела место у вашего дома.

Он говорил так, словно заранее составлял протокол. Отрепетирует и перепишет на бумажку.

— Смотрите, — сказала Лидочка и почувствовала, как в ней постепенно растет праведный гнев. — Вы только посмотрите, во что они превратили мою кухню. Вы не боитесь мороза?

Она открыла дверь на кухню. Там стоял жгучий мороз.

Комендант Каликин отпрянул, но лейтенанта холод не пугал.

— Оставайтесь в помещении, — приказал лейтенант Андрей Львович Шустов. — Или наденьте какие-нибудь валенки — на вас смотреть страшно. Верное воспаление легких.

Он прошел к окну и стал разглядывать его разбитую створку.

— Надеюсь, вас рядом не было? — спросил он.

— Вот именно, — ответила Лидочка. — Я тут и стояла.

— Ясно, — сказал Андрей Львович. — На шум побежала. Как мотылек на свет фонаря. Я точно выразился...

— Лидия Кирилловна.

— Вот именно, Лидия Кирилловна. Сотни людей, не менее достойных, чем вы, находили свою смерть по причине любопытства.

— Я больше не буду, — сказала Лидочка. Ей стало спокойно, потому что при таком человеке ничего плохого произойти не могло. Она пошла в спальню и крикнула ему оттуда: — Андрей Львович, вы пока изучайте, а я оденусь. В самом деле, неудобно.

— В самом деле, — согласился Андрей Львович. — И на ноги что-нибудь потеплее. А потом принесите мне плед, пожалуйста.

— Плед?!

— Или одеяло, — закричал комендант. — Мы пока прикроем окно.

Лидочка быстро оделась. Она слышала, как старший лейтенант прошел по прихожей, выглянул на лестницу и кому-то крикнул:

— Ты зайди сюда, Смирнов, ты посмотри, как общественность страдает!

Сразу же по прихожей затопали сапоги, и голос тонкий, вовсе не начальственный, подтвердил из кухни:

— Черт знает, что делают.

Второй милиционер оказался капитаном, низеньким, животастым, ему было зябко и не очень интересно. Лидочке показа-

лось, что он больше всего хочет возвратиться в их теплое тесное восемьдесят восьмое отделение, которое было ей известно по всевозможным паспортным делам. В прошлом году она как раз теряла паспорт и восстанавливала его, ожидая своей очереди в узком коридоре, по которому очень деловито проходили парни в штатском, видно, спешили ловить опасных бандитов, а те милиционеры, что в форме, курили на крылечке, рассуждая о ремонте машин.

— Вы сюда не заходите, Лидия Кирилловна, — сказал Андрей Львович. — Обязательно схватите воспаление легких.

«Наверное, у него с этой болезнью связаны какие-то жуткие воспоминания, — подумала Лидочка. — Может быть, она унесла всю его семью».

Лидочка послушно закрыла дверь на кухню. Все равно квартира выстудилась. Даже хотелось надеть пальто и сапоги, но как-то неловко было ходить в таком виде по собственному дому, когда воспитанный Андрей Львович свою шинель снял и теперь терпел на кухне жгучий мороз. Из кухни выскочил комендант Каликин, воротник шинели был поднят, шапка нависла над костяным носиком, нижняя губа отвисла и дрожала от холода.

— Ремонт надо делать, — сообщил он, прикрывая дверь. — Срочно нужен стекольщик, а где его найдешь?

— Вы мне поможете? — спросила Лидочка и обрадовала этим вопросом коменданта.

— Нелегко, — сказал он, — но для вас как пострадавшей я обязан, слово ветерана!

Серые глазки ветерана слезились от холода.

На кухне шел спор и проникал сквозь дверь.

— А я что могу поделать? Он вчера обещал камеру починить. Обещал? — это был голос толстенького капитана.

— Ну почему у вас все ломается именно тогда, когда нужно срочно? — сердился лейтенант Шустов.

— Знаете, у вас, оперативников, все просто — догнал, поймал, пристукнул, — гневался толстенький капитан, отступая из кухни под напором лейтенанта Шустова. Он открыл дверь и вместе с волной мороза выкатился в коридор.

— Ну почему ты ее не задержал? — спросил лейтенант.

— А как ты ее задержишь, если она не в свою смену вышла и ей ребенка в детский садик вести?

Они надвигались на Лидочку и совсем было притерли ее к стенке, но на помощь пришел комендант.

— Товарищи милиция, — сказал он. — Вы мне жиличку совсем замордовали. Она человек случайный, но жертва. У нас как бывает — стреляют, наводят беспорядок, а в результате наблюдаются жертвы из мирного населения.

Лидочке порой казалось, что костеносый комендант начитался рассказов Зощенко и старательно подражает их персонажам.

— А Кацнельсон где? Разве у него камеры нет?

— Кацнельсона я поднимать не буду, он сутки отдежурил, — ответил капитан.

— Но нельзя же в самом деле зимой человека с разбитым окном оставлять, — заметил лейтенант Шустов.

— Пускай гражданка часа три потерпит, я в райотделе когонибудь попрошу.

— Как так потерпит? — возмутился комендант. — Чего она потерпит?

— Пока придет фотограф, — ответил толстенький капитан. — Мы должны снять следы на кухне.

— А где раньше были? — строго спросил комендант. — Ведь на улице тетка снимала — и в подъезде. Я сам видел.

— Тетка уехала, — ответил лейтенант. Он чуть улыбнулся. Почему-то сравнение фотографа с теткой его развеселило.

— А вы пока и пригрейте вашу соседку, — буркнул толстый капитан.

— Соседку? — комендант вдруг обиделся. — Я здесь работаю, а проживаю в другом районе.

— Так пригрейте в другом районе, — сказал капитан, проталкиваясь к двери.

— Во-первых, — рассудительно ответил комендант, — каждый знает, что у меня третий месяц сестра из Чечни, бежавшая с тремя детьми, живет. Во-вторых, как, простите, гражданка Берестова будет оставлять квартиру без присмотра, да еще с открытым окном?

— Ну, сюда не залезут, — сказал с лестницы капитан.

— На второй-то этаж? — комендант даже обиделся. — На второй этаж запрыгнуть можно. Позову Бубку, он и прыгнет.

«Нет, наверное, он успел с утра выпить, — подумала Лидочка. — Уж очень образно мыслит».

— Да обойдетесь вы без этих фотографий! — рассердился комендант. — Пишите протокол. Пожалейте интеллигентного человека!

Никогда раньше Лидочка не ощущала такой теплоты и заботы со стороны Каликина.

— У нас, — сказал заботливый комендант, — пока что нужного размера стекла есть, а завтра уже не будет.

— Нет, — прогудел баритон Андрея Львовича. — Мы тогда оставим все, как есть, а в десять я лично подниму Осипа Давыдовича, и мы его пошлем сюда сделать фотографии.

— Так, — сказала Лидочка. — Мне надоело мучиться. Какой вам нужен фотограф?

— Понимаете, — красивый Андрей Львович попытался донести до ее сознания, что дважды два четыре. — Мы имеем дело с вещественными доказательствами серьезного преступления. Характер повреждений вкупе с баллистической экспертизой могут помочь нам определить преступников.

— И что же вас останавливает? — спросила Лидочка, словно не догадываясь о милицейских проблемах.

— Как всегда, — развел руками лейтенант. — Техника подводит.

— Пока мы все не умерли, — сказала Лидочка, — я вам сделаю нужные фотографии. А вы за это оставите меня в покое.

— Лидия Кирилловна, — вежливо произнес Андрей Львович. — Вы меня не так поняли. Мне нужны не любительские фотографии, а профессиональные. Это нелегкая и специфическая работа. Поэтому я советую вам поехать куда-нибудь к родственникам, погреться...

— А я не советую оставлять квартиру без присмотра, — резко возразил рыцарь Каликин. — Мало ли кто теперь под видом проникает?

— Пожалуйста, выслушайте меня, — произнесла Лидочка, стараясь не стучать зубами. — Я работаю в музее, фотографирую всевозможные специальные объекты, например насекомых или растения. Для научных изданий. Мои фотографии печатались во многих странах — это не любительские фотографии. Я могу точно воспроизвести на пленке любой предмет, в нужном вам масштабе. А для того чтобы вы поскорее ушли и позволили товарищу Каликину вставить мне стекла, я готова потратить на ваши цели «Кодак» и доставить фотографии по назначению через два часа.

— Нет, спасибо, — ответил твердо Андрей Львович. — В любом деле должен быть профессионал. Одни фотографируют бабочек, а другие — трупы.

— Какое счастье, — не выдержала Лидочка, — что вам сегодня не досталось ни одного трупа, а то пришлось бы их зарисовывать.

— Слушайте, Лидия Кирилловна, — решил помочь ей Каликин, — вы им покажите какие-нибудь журналы. Может, проникнутся?

Лидочка отрицательно покачала головой.

Она взяла с подоконника «мокрого Ваню» — как-то привезенное с юга и безумно разросшееся растение, о котором в суматохе забыла. Вернее всего на таком морозе «мокрый Ваня» погиб.

— Не смейте! — закричал Андрей Львович.

— Оставьте меня в покое, — совсем уж рассердилась Лидочка. — Мы не можем с вами до бесконечности стоять в моей кухне и губить растения только потому, что вы не умеете работать.

— Это мы еще посмотрим! — воскликнул Андрей Львович. Но толстый капитан, вернувшийся от двери, потянул лейтенанта за рукав. Ему не терпелось уйти.

— А пускай она снимет, Андрюша, — сказал он. — А то в самом деле только время теряем.

Андрей Львович изобразил грозный взор. Он никак не мог придумать достойного пути отступления.

Тогда Лидочка, обняв холодный глиняный горшок с поникшими ветвями, ушла к себе в комнату. Ей показалось, что там тепло, как на июльском пляже. Хотя она понимала, что это тепло — лишь видимость и даже здесь температура приближается к нулю, что плохо отразится и на других цветах, стоявших на окне.

Открыв шкаф, Лидочка вытащила «Минолту», в которую как раз был заряжен «Кодаколор» и оставалось еще полпленки. Вспышка на «Минолте» была хорошая, кольцевая.

Ей хотелось произвести впечатление на этого упрямого красавца.

Когда она возвратилась на кухню, Андрей Львович вел телефонный разговор со своим отделением. Капитан исчез, комендант подпрыгивал от холода, и полы шинели ритмично взлетали.

— Что снимать? — спросила Лидочка.

Андрей Львович сдался и доступно объяснил Лидочке ее простую задачу: сфотографировать разбитое стекло, канавку в раме, а потом найденную возле дальней стены пулю и выщербину на стене. Лидочка спросила, стоит ли сфотографировать осколки белого кувшина, но Шустов ответил, что кувшин его не интересует.

Лидочка приложила к раме прозрачную полуметровую линейку с делениями для масштаба. Никто ее не похвалил за та-

кой научный подход к делу, но никто и не помешал приложить линейку. Когда Лидочка сфотографировала щербину на дальней стене и пулю на полу, Андрей Львович оторвал в туалете от рулона кусок бумаги и, завернув в нее пулю, положил в карман.

Во время работы Лидочка чуть согрелась — но эта иллюзия исчезла через минуту, после того, как закончила снимать. Она поспешила к себе в комнату и там стала дышать на пальцы, чтобы их отогреть.

Вскоре заглянул лейтенант.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал он.

— Фотографии я вам сделаю к вечеру. Время терпит?

Она знала, что время терпит, и лейтенант знал, что время терпит.

— Не спешите, — сказал он. — У нас бы они раньше чем послезавтра не отдали. То бумаги нет, то фиксаж кончился. Обеднели, стыдно признаться. С этим надо кончать!

С чем надо кончать, Лидочка не поняла.

— Если вам удобнее, — совсем уж миролюбиво закончил лейтенант, — то давайте поговорим в отделении. А потом уж следователь в прокуратуре с вами встретится. Тут пахнет организованной преступностью, а такие дела ведутся там.

Старший лейтенант показал пальцем на потолок, где положено заниматься организованной преступностью.

— А когда вы хотите меня видеть? — спросила Лидочка.

Они стояли в прихожей. Дверь на кухню была закрыта, но из-под нее тянуло холодом.

— Вот комендант вам стекла вставит, вы к нам и заходите. Я еще по улицам пройду — но вряд ли кто-то что-нибудь видел. Может, вы и будете наш единственный свидетель.

— К счастью, я ничего особенного не видела, — поспешила ответить Лидочка. — И интереса для преступников не представляю.

— Не шутите этим, — сказал старший лейтенант. Он был катастрофически лишен чувства юмора.

— Так я пошел за стеклом? — спросил комендант.

— Идите, идите, — велел лейтенант.

— А кто оплатит материал и работу? — спросил комендант у Андрея Львовича.

Тот пожал плечами. И Лидочке был ясен этот жест: «Я эти окна не бил, почему меня нужно спрашивать?»

Комендант ушел за милиционером. Он поклялся, что тут же

будет обратно — одна нога здесь, другая там. Не успеешь замерзнуть. По крайней мере до смерти не замерзнешь.

Теперь, когда все убрались из дома, можно либо спрятаться в спальне, либо пойти на лестницу — там теплее. Но там можно встретить кого-нибудь из любопытных соседей. Сейчас бабушки и домохозяйки пошли гулять с собаками, а прогулки с собаками заменяют давнишние прогулки по главной деревенской улице — к середине улицы все новости уже известны.

Придерживая воротник пуховика, Лидочка подошла к окну. Уже совсем рассвело, снег был куда светлее сизого неба. Несколько ворон расселись на ветвях тополей в детском садике на другой стороне переулка. По очереди они слетали вниз, на мостовую, на снег, ходили возле кровавых пятен, разглядывая, но не трогая их. Собака, из непородистых, что развелись за последнее время в доме — таких дешевле кормить, — потащила Рыжову из второго подъезда к красному пятну, а хозяйка стала оттаскивать собаку и тут же натолкнулась на председателя кооператива Добровольского, в вышедшей из моды пыжиковой шапке пирожком и с толстой тростью, — тот уже, конечно, все знал и занял пост возле кровавых пятен, чтобы популярно разъяснить обитателям дома суть ночных событий.

Лидочка оторвалась от окна, под которым собрались уже человек шесть, не считая собак, и кто-то уже кинул взгляд наверх, на разбитое стекло ее кухни.

Вскоре пришел комендант. Он вел себя, как заговорщик, посвященный в страшную тайну. Сразу прошел на кухню, поставил стекла к стенке и выглянул в окно. Потом стал вытаскивать из затвердевшей и замерзшей замазки зубы стекол и притом покрикивал на зевак, чтобы шли по своим делам, нарочно привлекая этим к себе внимание.

Лидочке казалось, что с приходом коменданта сразу стало теплее, и она даже вознамерилась пойти к нему на кухню, чтобы поставить чайник и согреть отважного мастера, но тут зазвонил телефон.

Этот звонок относился к области совпадений, потому что Татьяна Иосифовна Флотская не смогла бы застать Лидочку дома — не будь рассветной перестрелки, она бы уже ехала на работу. Так что пуля, неточно выпущенная из автомата в Среднем-Тишинском переулке, послужила толчком к дальнейшим невероятным событиям.

Лидочка прошла с телефоном в туалет, куда не так громко

доносились удары коменданта, который отбивал замазку, и спросила, кто звонит?

— Простите, — произнес капризный женский голос, за которым Лидочке почудилась средних лет аристократка в китайском атласном халате. — Правда ли, что я говорю с Лидией Кирилловной Берестовой?

— Это вы? — почти догадалась Лидочка. — Это вы, Татьяна Иосифовна?

— Только не надо утверждать, что ты со мной знакома, — отозвалась аристократка. — Если я тебя и видела младенцем или качала на коленке, то совершенно запамятовала этот исторический момент. Но я рада, что ты меня все же отыскала. Честное слово, рада. И чтобы услышать твой голосок, я прошла больше километра до телефона-автомата — единственного средства связи нашего поселка с городом. И если у нас случится беда, надо будет вызвать «скорую», то я со всей ответственностью утверждаю, что машина приедет через неделю после смерти больного!

— Но где вы, Татьяна Иосифовна?

— Разве я тебе не сказала?

— Нет еще.

— Я получила зимнюю дачу, от «Мемориала». Слышала о такой организации?

— Разумеется.

— Ты можешь называть меня тетей Таней, правда, если сочтешь это возможным.

— Спасибо.

— Поняла. Я привыкла к обертонам в чужих интонациях. Следовательно, пока я для тебя — Татьяна Иосифовна. Кто там у тебя стучит?

— Окно разбилось, — сказала Лидочка. — Сейчас вставляют новое.

— Ты на каком этаже?

— На втором.

— И конечно же, без решеток. Одинокая женщина без решеток на окнах второго этажа — верная кандидатка на изнасилование. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

— К сожалению, пока что нет. К тому же я замужем, только мой муж в командировке.

— Считай, что ты получила бесплатный совет и поторопишься его исполнить. Или подвергнешься нападению. Ты что молчишь? Ты подверглась?

— Простите, Татьяна Иосифовна, — произнесла Лидочка. — А нельзя ли мне все рассказать вам при встрече?

— Ты хочешь меня повидать?

— Да.

— У тебя ко мне дело или сентиментальные переживания?

— Простите, дело.

— Замечательно! Ненавижу лицемерок. И дело требует личной встречи?

— Да.

— Странно, я не думала, что у нас с тобой могут быть дела. Честно говоря, я вспоминала о твоем существовании раза три в жизни, когда листала семейный альбом и видела фотографию твоей бабушки. Она умерла?

— Да, — ответила Лида. — Она умерла.

Из кухни донесся пронзительный скрип, затем частые удары и треск. Лидочка догадалась, что комендант надрезал алмазом полосу стекла, а затем, постучав по краю ручкой резака, отломил ее.

— Разумеется, Лидочка, я рада, что ты меня отыскала. Так тяжело терять близких... Но я думаю, что ты искала меня не из-за родственных чувств.

Когда-то Маргошка Потапова жаловалась на свою дочку, что растет она — исчадием советской эпохи. Это были слова Маргошки. Маргошка имела все основания так рассуждать, проведя лучшие годы рядом с вершиной власти, и, какие там выводятся исчадия, знала отлично. Таня училась в сто десятой школе, с младенчества знала, что такое персональная машина и почему ей не надо готовить домашних уроков — все равно похвалят и переведут. За это, за маму и папу, арестованных в начале войны, она была жестоко и несправедливо наказана. Ее выслали из Москвы в сорок шестом году, в день, когда она получила серпастый и молоткастый паспорт. Страна успешно завершила борьбу с бесчеловечным нацизмом, комсомольцы совершали все новые подвиги, а девочка Таня Флотская ехала по этапу на восток, потому что на нее давно, уже несколько лет, лежала убийственная разнарядка — как подрастет и изготовится мстить за родителей — тут же изолировать. В последующие годы избалованную пухлую, добрую, хорошенькую девушку Таню Флотскую били, насиловали, морили голодом и холодом. Она под гнетом этой немыслимой жизни коренным образом изменилась и выросла бабой наглой, хитрой, жадной и лживой, она стала тусклым исчадием советской

эпохи и научилась в ней безбедно существовать. Но не более того — существовал некий мистический барьер, который вставал на ее пути, как только судьба подводила ее к богатству или к счастью. Миновать этот барьер она так и не смогла.

В лагерях она пробыла недолго, зато несколько лет съела ссылка в Муйнаке, притулившемся с юга к Аральскому морю. Была она кастеляншей, библиотекаршей, санитаркой и даже поварихой в рыболовецкой артели и твердо усвоила, что за пайку надо платить.

Несмотря на тяготы юности выросла она знойной красавицей, такой, что никогда не догадаешься, что она прошла через гнилые вертепы, а казалось, что это сытое, отмытое и умасленное благовониями балованное дитя гарема.

В Нукусе она окончила пединститут, ей пришлось выйти там замуж за преподавателя марксизма-ленинизма, тоже из бывших, потом ее понесло от мужика к мужику, все они попадались умельцы получать свое и не дать Татьяне заслуженной доли. В путешествиях по стране она сменила несколько мужей и любовников, прижила с одним из них дочку Аленку, сама все толстела от романа к роману. Наконец осела в Москве, подкинула дочь Маргарите, бросила мужа-профессора взамен на деловитого, уставшего от московских интриг корреспондента «Юманите». Это была перспектива заграницы и настоящих денег. Но счастье лишь поманило. В душный день на экскурсии в Сухуми Мишель умер от инфаркта. Бывший муж не принял обратно раскаявшуюся Татьяну.

Бежали годы, и даже косметические вмешательства не могли удержать расползающееся лицо и мягкое тело Татьяны. Каинова печать неудачного брака с иностранцем зарубила маленькую карьеру. Пришлось заниматься переводами по журналам и даже кое-какой распродажей подарков, за каждым из которых скрывалась романтическая страсть прошлых лет. Обнаружилось, что жизнь пролетела слишком быстро и виноваты в том большевики. Когда же большевики начали терять власть, Татьяна догадалась, как можно использовать их падение, чтобы извлечь шерсти клок из губителей ее молодости. Она быстро и крепко прижалась к «Мемориалу», организации бывших политических заключенных и иных жертв сталинского режима. И там, использовав опыт лагерной и ссыльной жизни да многолетних интриг, вскоре достигла определенных высот. По крайней мере, ей досталось почти постоянное место в писательском доме творчества «Переделкино», достойная пенсия, возможность давать интервью и дважды в год ездить за рубеж в качестве писательницы, так как Тать-

яна писала беллетризированные мемуары, и первый том уже увидел свет. Ее книга раскупалась потому, что в девяносто первом году откровенные признания дочери Марго Потаповой, любовницы Сталина и жены генерала НКВД, прошедшей лагеря и тюрьмы, утоляли читательскую страсть к темным тайнам прошлого. Со второй книгой дело застопорилось, и Татьяна не могла отыскать издателя — за три года сменилась мода; о лагерях, Сталине и генералах читать не хотели. Но сам факт причастности к разоблачительному процессу и надежда на итальянскую литературную премию для узников тоталитаризма обеспечивали Татьяне Иосифовне некую нишу в мире бывших мучеников. А в то же время Татьяне не хватало именно советской эпохи. В ней она выросла, в ней страдала и в ней прожила все свои взлеты и падения. В новую демократию она не верила, и торгаши ее искренне раздражали, хотя по избранной за нее историей роли ей приходилось избегать дружбы с коммунистами. Когда-то давным-давно она подкинула свою маленькую, прижитую в неудачном союзе дочку Маргошке и умчалась строить личное счастье. Маргошка и Алена не простили ей этого предательства, но и они не были Татьяне нужны. Когда Марго умерла, Татьяна даже не появилась на ее похоронах, а на следующий день уехала к далекой родственнице во Францию читать там перед узким кругом интеллектуалов лекции о Сталине, о тиране, который любил качать ее на коленке и шутя пускать сладкий удушающий трубочный дым ей в носик...

Лидочка Берестова, давно забытая, сразу попала в категорию ненужных родственников, но Татьяна понимала, что отделаться от нее всегда успеет, сначала надо выяснить, зачем та ее разыскивает.

— Я вас искала не только из родственных чувств, — призналась Лидочка. — Мне хотелось с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

— Это не телефонный разговор? — спросила Татьяна.

— Не знаю, — улыбнулась Лидочка. Но Татьяна, конечно же, этой улыбки не уловила.

— Я не покидаю мою скорбную обитель, — сообщила Татьяна почти серьезно. — Осталось так мало жить, а надо рассказать людям правду.

— Я могу приехать к вам, куда вы скажете.

— Ну, что ж, — в голосе Татьяны появились такие знакомые Маргошкины нотки: Лев Толстой рассуждает вслух, когда допустить пред свои очи надоевшую поклонницу.

— Ну, что ж, давайте заглянем в мою записную книжку...

Лидочка явственно услышала, как на другом конце линии шуршат страницы блокнота. Комендант на кухне вслух выругался, возглас еще не утих, как раздался звонкий грохот. С ужасом Лидочка догадалась, что он уронил на пол только что обрезанное стекло. Обняв телефон, Лидочка бросилась на кухню. Разбилось не стекло — разбилась литровая бутыль с подсолнечным маслом, которая стояла на кухонном столе. Почему Лидочка ее не спрятала — уму непостижимо... Комендант глядел на хозяйку, как кот, застигнутый с ворованной селедкой в зубах, а Лидочка сказала:

— Ну и слава Богу.

Она отлично понимала, каково оттереть кухонный пол от разлитого по линолеуму подсолнечного масла, но была счастлива, потому что будет это делать в тепле — стекло цело.

Комендант, конечно, не понял причин радости и принял улыбку за грозный оскал.

— Я сам, — сказал он. — Вы только скажите, где тряпка, и я сам.

— Вставляйте стекло! — сурово произнесла Лидочка, сообразив, что надо воспользоваться обстоятельством и поторопить замерзшего коменданта. И была права.

Возвращаясь в спальню, подальше от двадцатиградусного мороза, она всей спиной чувствовала, как спешно и бережно комендант потащил стекло к очищенной от осколков раме.

— Ты меня слушаешь? — пищала телефонная трубка.

— Одну минуту, — попросила Лидочка, — у меня маленькая авария.

— Авария?

— Стекольщик на кухне вылил на пол литр подсолнечного масла.

— О, боже! — воскликнула Татьяна Иосифовна, искренне сочувствуя Лидочке. Трудно отыскать на свете нормальную женщину, которая не пришла бы в ужас от такой новости.

— Сначала пожертвуйте губкой, — приказала Татьяна, — и соберите все с пола, как можно тщательнее. Только затем займитесь настоящей чисткой...

— Хорошо. Спасибо, — прервала ее монолог Лидочка. — Расскажите мне, пожалуйста, как и когда мы с вами сможем увидеться?

— А хотя бы сегодня! — ответила Татьяна чуть более радостно, чем можно было бы ожидать.

Лидочка насторожилась. Ничего плохого об этой женщине

она не знала, но не доверяла ей. Бывает — человек ничего еще не сделал, но ты ждешь каверзы.

— Ты меня слушаешь, Лидочка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Можно тебя так называть?

— Конечно, я буду рада, Татьяна Иосифовна.

— Ведь я куда старше тебя.

— Да, вы старше.

— Значит, тебе нужно со мной поговорить без свидетелей?

— По важному делу.

— Надеюсь, ты не несешь с собой плохих вестей? Плохих гонцов раньше убивали.

Татьяна Иосифовна засмеялась жидким, влажным смехом.

— Честное слово, я не знаю ничего плохого, — поспешила заверить ее Лидочка. — Мне нужен ваш совет по поводу событий, которые случились тысячу лет назад. Когда-то ваша мама приняла у нас на хранение шкатулку...

Краем уха Лидочка прислушивалась к звукам из кухни. И ей даже казалось, что уже становится теплее, хотя надежда на это была наивной.

— Да что я тебя все допрашиваю и допрашиваю, — возмутилась самой себе Татьяна Иосифовна. — Приезжай, конечно же, приезжай. Нынче и приезжай. Я тебе сейчас все расскажу. Бери бумагу и карандаш. Заодно запишешь и расписание электричек.

Лидочка села на край кровати, послушно записала окоченевшими пальцами, как идти, куда поворачивать, какую тропинку выбирать... Но это было не все.

— Да, вспомнила, — сказала Татьяна Иосифовна, убедившись в том, что Лидочка все записала правильно. — Я тут два дня хворала, не вылезала на улицу — мне страшны такие морозы — я тебе как-нибудь расскажу, где и когда я отморозила верхушки легких... Я не выходила, а наш сельский магазин мне недоступен по расстоянию. Лидочка, не в службу, а в дружбу, запиши, пожалуйста, что нужно больной старухе, чтобы не умереть с голоду и накормить тебя достойным обедом. Хорошо, зайчонок? Только ты не думай, я тебе все отдам, мне сегодня или завтра принесут пенсию, так что все до капельки. Мы, бедные люди, всегда щекотливы в денежных расчетах. Ты меня слушаешь?

— Конечно, Татьяна Иосифовна.

— Знаешь что — называй меня тетей Таней. Честное слово, мне как-то теплее, душевнее слышать от тебя такое обращение. Я испытываю страшный дефицит человеческого общения.

Иногда хочется выть. Буквально выть... Эта снежная пустыня и эта собственная ненужность никому на земле...

Наступила тягучая пауза, и Лидочка представила, как Татьяна Иосифовна, тетя Таня, достает платок, прикладывает его к увлажненным глазам, к носу. И когда Лидочка мысленно досмотрела эту процедуру, Татьяна Иосифовна произнесла:

— Не слушай меня, старую. Не слушай. Это минутная слабость. У меня есть свой долг в жизни... Приедешь и увидишь меня совсем другой. Это я от простуды расклеилась. Так что записывай, что нужно тебе купить. Картошка у меня есть... впрочем, картошки купи килограмма три. У тебя рынок далеко? Три килограмма, не больше, чтобы не тяжело тащить. Ненавижу, когда молоденькие девушки таскают тяжести.

— Татьяна Иосифовна...

— Тетя Таня.

— Тетя Таня, я давно уже не хрупкая и не молоденькая девочка. Я женщина средних лет и привыкла таскать сумки.

— Ах, оставь! Я же знаю, когда ты родилась! Я все помню.

«Черта с два ты что-нибудь помнишь, тетя Таня», — подумала Лидочка.

— Говорите дальше, — сказала она. — Я записываю.

— Мясо на твоем рынке есть?

— Должно быть.

— Считай, нам с тобой повезло. На обед у нас с тобой свиные отбивные. Купи шесть штук — вдруг судьба принесет к нам гостей. Я так не люблю казаться бедной... если тебе известна моя жизнь, то ты поймешь чудачества старухи.

— Ну какая вы старуха! — возразила Лидочка.

— Каждый из нас стар настолько, насколько он себя таким ощущает. А я состарилась давно. Впрочем, давай кончим эту пустую дискуссию. Слушай меня дальше. Я понимаю, что помидоры и огурчики нам с тобой сейчас не по карману, но если вдруг попадутся чуть подгнившие...

Оставляя жирные следы на паркете, в комнату вошел комендант и сказал, не обращая внимания на то, что Лидочка говорит по телефону:

— Я сейчас вставил без замазки — в такую температуру замазка, сами понимаете... Гвоздиками закрепил. Днем второе стекло достану, сделаем все, как в аптеке.

— Подождите одну секундочку, — сказала Лидочка. — Не уходите.

— Ты это мне? — спросила в трубку Татьяна Иосифовна.

— Нет, тетя Таня. Я все поняла. У меня тут небольшая авария, и мне надо поговорить с человеком.

Комендант подошел к стеллажам с книгами и стал рассматривать книги на верхней полке, закинув голову так, что был виден тонкий пробор, разделявший редкие пряди — буквально по волоску.

— Все. Я поняла, — ответила тетя Таня обиженным голосом, — у каждого свои дела... да, одну секунду! У меня кончился майонез. Может, встретится... но специально его не ищи, хорошо, Лидия?

Лидочка повесила трубку. Она была рада тому, что тетя Таня решила ее использовать по хозяйству. Потеря времени и денег как бы уменьшали объем благодарности, которую Лидочка должна бы испытывать к тете Тане, если та согласится и сможет помочь.

— Я принципиально не беру денег, — громко заявил комендант. — У меня, конечно, было намерение поживиться от ваших благ, потому что я наблюдаю за внутренней жизнью всех квартир и давно надеялся получить в подарок книгу вашего супруга Андрея Сергеевича. Не удивляйтесь, что простой ветеран войны интересуется исторической литературой. Я ведь тоже не всегда был комендантом. Не всегда... Но получилось так, Лидия Кирилловна, что я нанес вред не меньше, чем принес пользы. И если вы дадите мне тряпку, то я займусь уборкой на вашей кухне, не претендуя на вознаграждение.

Уборкой на кухне он заниматься не собирался, это была дань вежливости, так что Лидочка отдала ему книгу, в которую вложила крупную купюру, а когда дверь за ним закрылась, Лидочка с глухой раздраженной тоской некоторое время стояла в прихожей, медленно поворачивая голову от почти невидных жирных следов коменданта у входной двери к подсолнечным лужам дальше по коридору и масляному морю, которое выползало из кухни и норовило затопить всю квартиру.

Так что ближайшие часы в жизни женщины грозили быть напряженными.

Лидочка дошла было до кухни, от которой уже не так несло холодом, но тут вспомнила — вернулась к телефону, позвонила Алеше в фотолабораторию, объяснила ему, что приедет через час и чтобы тот отменил свой визит к парикмахеру, так как нужны срочнейшие отпечатки.

Потом внутренне собралась, поборола в себе отвращение и, разувшись, направилась прямиком через кухню, стараясь не на-

ступать на осколки бутыли, взяла губку, тазик и занялась уборкой.

Кончила она, и то лишь приблизительно, сбор растительного масла на кухонном полу и в коридоре лишь через полчаса, так что пришлось тут же отмываться и бежать в фотолабораторию.

* * *

— Вы наш следователь? — спросила Лидочка у Андрея Львовича, который работал в кабинете не один — помимо его школьного, обтянутого сверху черным дерматином стола, там стояло еще два таких же. День выдался солнечным, и потому кабинет, покрашенный в казенный голубой цвет, чем-то Лидочке понравился — то ли календарем с Гавайскими островами на стене, то ли тем, что на окне стояло три горшка с цветами. В том числе и «мокрый Ваня», только пышный, здоровый, не подмороженный, как у Лидочки.

— Нет, я сыщик, — сказал лейтенант Шустов.

Андрей Львович Шустов, который встретил Лидочку в коридоре случайно, возвращался от начальства, но сделал вид, что специально вышел ей навстречу. Вряд ли он был настолько глуп, что надеялся на то, что Лидочка ему поверит, но от людей, обладающих глазами столь непроницаемого черного цвета, можно ждать чего угодно.

Он не скрыл радости от встречи с Лидочкой, и это было неудивительно.

Лидочка, помимо очарования, обладала еще одним странным и полезным качеством — она могла передавать, сама не прилагая к тому старания, свое настроение иным людям. И если у нее было настроение хорошее, радостное — а Лидочка была человеком, склонным к смеху и добрым надеждам, хотя жизнь так редко дарила ей основания для надежды, — она могла создать хорошее настроение у человека и куда менее жизнерадостного, чем Андрей Львович Шустов.

Когда они вошли в кабинет, Андрей Львович кивнул на стол у двери и сказал, перехватив взгляд Лидочки:

— Цветы разводит у нас Соколовская, Инна Соколовская. Она скоро придет. Но я тоже обладаю склонностью к комнатным растениям.

«Господи, только не так красиво!» — мысленно попросила Лидочка лейтенанта.

— Вы хорошо сделали, что пришли, — сказал Андрей Льво-

вич, изящно поправляя чуть более длинные, нежели положено милиционеру, кудри. — Вы садитесь, Лидия Кирилловна, выкладывайте, что вас привело.

— А я думала, что мы с вами сотрудничаем, — ответила Лидочка. Но было приятно, что Шустов запомнил, как ее зовут.

Андрей Львович засмеялся. Ему понравилась мысль о сотрудничестве с Лидочкой.

Лидочка положила на стол пакет.

— Что это такое? — спросил Андрей Львович, не дотрагиваясь до конверта.

— Вы же просили, — сказала Лидочка и вытащила пачку фотографий.

Лейтенант стал перебирать их, потом разложил перед собой на столе.

На оконном карнизе прыгали две синички — значит, их здесь подкармливали.

Вошла узкоплечая сероглазая женщина — погоны наполовину свисали с ее плеч. Юбка была слишком длинной и широкой.

Не поздоровавшись с Лидочкой, — сыщики не здороваются со свидетелями или подозреваемыми, которые проходят у их соседей по кабинету, — она подошла к окну и коротким накрашенным ногтем потрогала землю в горшках.

— Я поливал, — сказал Андрей Львович. — А ты посмотри, ты сюда посмотри! Ты такое видела?

Лидочкин Алеша постарался — содрал с нее как за выставочные работы, но отпечатки были ясные, цвет — лучше естественного, размер тринадцать на восемнадцать, бумага «Кодак». Что еще может пожелать сотрудник Скотленд-Ярда?

Сыщики отделения милиции и не мечтали.

— Это кто тебе сделал? — спросила хриплым голосом Инна Соколовская.

— Вот, Лидия Кирилловна. Она свидетелем проходит по ночной стрельбе. Это у нее на кухне сделано. В порядке любезности.

— А вы что, работаете в ателье? — строго спросила Инна Соколовская, будто намеревалась тут же обвинить Лидочку в принадлежности к преступной группе фотографов.

— Нет, — ласково ответила Лидочка, хотя Соколовская категорически ей не понравилась. — Я сотрудничаю в прессе.

Соколовская положила фотографии на стол и вытащила из бокового кармана кителя кусок бумаги, в которую были завернуты кусочки хлеба. Она открыла форточку, высунула руку в

окно и высыпала крошки так, чтобы они упали на карниз под окном — Лидочка поняла, что Соколовской хочется видеть, как благодарно птички будут клевать ее подарок.

— А я вам не поверил, — конфиденциально сообщил ей Андрей Львович. — Думал — придется обойтись без фотографий.

— Я пошла к Севостьянову, — сказала Соколовская. — Если мой будет звонить, скажешь.

— Скажу, — согласился Андрей Львович, но Соколовская и не собиралась уходить. Вместо этого она уселась за свой стол, вытащила ящик и стала не спеша в нем копаться, выкладывая на стол бумажки и делая из них стопочки.

— Гражданка Берестова, — сказал Андрей Львович и надолго замолчал. Лидочка уже догадалась, что он жаждет, чтобы его соратница покинула общий кабинет.

Если не считать настенного плаката-календаря с Гавайскими островами, и прибоем, и пачкой «Баунти» поперек пальмовой кроны, кабинет сыщиков был похож на все подобные кабинеты даже дореволюционного образца, вплоть до особенного тоскливого голубого цвета стен в человеческий рост и побелку выше головы, коричневого стального шкафа, застекленных полок с несекретными бумагами и еще одним сейфом — на низкой тумбе. Приметой времени стояли телефоны — на каждом столе по аппарату.

— Как себя чувствует... пострадавший? — спросила Лидочка.

— Состояние средней тяжести, — ответил лейтенант. — Проникающее ранение в области грудной клетки и пуля в бедре.

— Но он будет жить? — спросила Лидочка, все еще полагая себя помощницей милиционеров.

— Мы надеемся, — сказал лейтенант. Он перекладывал фотографии на столе.

— А кто он такой?

— Его фамилия Петренко. Петренко Александр. Приходилось слышать?

Соколовская неожиданно кашлянула. Предупредительно, как кашляют в фильмах о шпионах, чтобы главный герой не проговорился подосланной к нему врагами проститутке.

Лейтенант, как и положено герою, смутился и сложил фотографии в стопку, как бы подводя итог беседе.

— Спасибо, — произнес он. — Спасибо за помощь. Сегодня я занят, но завтра или, в крайнем случае, послезавтра вам

придется дать мне показания. Я вам позвоню домой. Или на службу?

— Домой, — ответила Лидочка, — лучше домой. На службе могут неверно истолковать.

— Надо беречь свою репутацию, тогда истолкуют правильно, — наставительно сказала Соколовская.

— Вы меня неверно поняли, — ответила Лида. — Они удивятся, каких я нашла знакомых.

Лидочка поднялась. В конце концов, она выполнила гражданский долг. Соколовская еле кивнула ей. Лейтенант поднялся, ожидая, пока она покинет комнату.

Лидочка вышла в узкий коридор. Петренко Александр. Какая-то украинская фамилия.

Теперь можно было отправляться на рынок. Лидочка была так рада, что наконец-то отыскала Татьяну Иосифовну, что недоверие новых милицейских знакомых ее не огорчило.

* * *

По дороге с рынка — она обещала коменданту быть к часу, чтобы он занес стекло, — Лидочка побежала по магазинам. Уважаемая госпожа Флотская на даче для жертв сталинского режима ожидала от нее материальной помощи. И Лидочка должна была предоставить ей эту помощь в гигантских масштабах, потому что с Татьяной Иосифовной она связывала большие надежды.

Комендант маялся перед подъездом, правда, чтобы не терять времени даром, давал какие-то ценные указания дворнику, вяло бившему ломом по наросшим под сточными трубами глыбам льда.

Лидочке он обрадовался. Даже не стал упрекать в опоздании — мужчине, даже самому эгоистичному, неловко упрекать в опоздании женщину, которая волочит сумку чуть меньше ее самой размером.

— Я стекло достал, — сообщил он. — Пошли работать.

— Только, пожалуйста, поторопитесь, — попросила Лидочка, — мне надо за город ехать, уже скоро два часа.

— Один миг, одно мгновение, — сказал комендант.

Квартира согрелась, только на кухне было еще холодно, тянуло от незамазанного окна.

Комендант повесил шинель в коридоре, под ней оказался пиджак с такими же орденскими планками.

— Я вам так благодарна, — сказала Лидочка. — Вы меня так выручили, просто не представляете. Вы простите, что я вам

даже чаю не предлагаю, я на самом деле тороплюсь. Мне за город надо, а там днем зимой электрички редко ходят.

— К тому же, — подтвердил комендант, — они даже расписание не соблюдают. Доходит до возмутительных случаев. А что за спешка такая?

— Моя знакомая, старая женщина, просила приехать сегодня, — сказала Лидочка. — Я эту женщину давно искала.

— Долг надо получать?

— Можно сказать, и долг. Но не в прямом смысле этого слова.

— Ну, не надо, — сказал комендант, будто утешая Лидочку. — Не хочешь — не рассказывай. Меня эти ваши дела не касаются. А от станции далеко?

— Минут пятнадцать.

Комендант взял у Лидочки столовый нож. Он накладывал на раму и разравнивал им замазку.

— Я вас не задержу, — сообщил он. — Только вы меня развлекайте. В милицию ходила?

— А как вы догадались?

— А мне приходилось с этим Шустовым встречаться, — сказал комендант, — совсем по другому делу. И должен сказать, что он произвел на меня впечатление типичного карьериста. Спешит запрягать. Ну вас-то он не стал бы мучить — вы жертва случайной бури.

— Я фотографии относила, — сказала Лидочка. — И оказалась свидетелем. Шустов сказал, что допускает, что и в меня стреляли не случайно.

— Я согласен, — ответил комендант. — Вы же стояли в освещенном окне — типичная цель. Вот вас и пугнули, чтобы не заглядывались.

— Вы правы, — сказала Лидочка. — Оказывается, Лариса даже не заметила, какая у них была машина.

— У бандитов? — спросил комендант.

— У тех, кто стрелял.

— Я могу найти оправдание ее поведению, — серьезно сказал комендант. Он завершил обводку стекла замазкой и теперь осторожно вел ножом вокруг него, чтобы замазка легла гладко и красиво. — Кромешная тьма, вспышки выстрелов, крики, кровь... удивительно еще, что она не уползла. Я помню, как в первый раз под обстрел попал, на Западном фронте. Это же ужас. А вы меня спрашиваете, какого цвета был немецкий танк. А я вам отвечу: серо-буро-малиновый. Честно отвечу. Потом-то, уж конечно, научился различать. Но большинство в первые дни погибало.

— Я сначала не подумала, что в меня стреляли, — сказала Лидочка.

— Это вы только подумали, что не стреляли.

— Уже рассвело, а фонари еще горели — все было как на сцене. Я даже теперь могу закрыть глаза и все вижу. Эта вишневая «Нива» и их лица, конечно, невнятно — они в машине сидели, — но тот, справа, был усатый.

— Со страху чего только не привидится, — усомнился комендант. — Где вишневый — там и малиновый, где усы, там и борода.

— Вы мне не верите? — в Лидочке взыграла спесь. — У меня хорошая зрительная память. Я даже номер этой «Нивы» запомнила.

— Номер? В такой темноте и на таком расстоянии?

— Машина остановилась как раз вполоборота ко мне, под фонарем — ну почему мне со второго этажа не увидеть номера?

— И какой же номер? — спросил комендант. Нет, он ей не верит!

— Я боюсь ошибиться... Кажется, первая буква Ю, потом 24-22 и МО.

— Московский номер, — сказал комендант, словно его успокоила эта информация. — В милиции сказать надо. Хотя наверняка машина ворованная.

— Я скажу, — пообещала Лидочка.

— А может, промолчать? — задумался вслух комендант. — Если они найдут, то без тебя, а если не найдут, то тоже без тебя. Не исключено, что бандиты и стреляли по окну, потому что им не нужны были свидетели.

Лидочка пожала плечами. Это был абстрактный разговор. Тем более что она не была до конца уверена в своей правоте. И уже сомневалась, таким ли был номер машины.

— Я пойду, — сказал комендант Каликин, — не буду вас задерживать, так как вам предстоит поездка в Переделкино. Я вас правильно подслушал?

Конечно же, он присутствовал при разговоре с Татьяной.

— Сейчас соберусь и поеду.

— Ваша знакомая в Доме творчества советских писателей проживает?

— Рядом. Там есть участок дач, которые снимает для своих активистов общество «Мемориал».

— Как же, — сообразил комендант. — Жертвы культа личности. Но учтите, что среди них скрывались порой и настоящие враги и шпионы.

— Я учту.
— Вам с Киевского вокзала ехать.
— Знаю.

Комендант натянул шинель с орденскими планками. Шинель была ему узка, видно, в боевые годы комендант был стройнее. Потом Лидочка сообразила, что ни одна шинель полвека не прослужит. Значит, как износится шинель, комендант Каликин покупает себе новую, точно такую же.

Глава вторая

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Разумеется, электричку в четырнадцать двадцать до Апрелевки со всеми остановками отменили, две следующие в Переделкине не останавливались, и, наконец, материализовалась электричка до Нары, отходившая в пятнадцать двадцать две, и к тому времени на перроне скопилось несколько сот человек, которые стояли плотно, как на спасательном плоту парохода «Титанию».

Когда состав подполз к перрону, Лидочка не кинулась, подобно остальным пассажирам, к вагонам, а отошла к середине платформы, соразмерила свою позицию с открывающейся дверью и рванулась к ней напрямик, тогда как основная масса конкурентов давилась, вползая в вагон вдоль его стенок.

Правда, пришлось потерпеть, но чего только не вытерпит русская женщина, если спокойна за содержимое сумки, в которой нет ни яиц, ни банок со сметаной, а лежат лишь небьющиеся и немнущиеся продукты, ибо масло, торт и котлеты под влиянием мороза приняли твердый вид — условно можно было считать, что в руке у Лидочки находилась сумка с булыжниками различных размеров и форм.

В вагон Лидочка попала далеко не первой — ее опередили более шустрые и сильные профессионалы разного возраста и пола, штурмующие эти поезда ежедневно. Но все же ей досталось сидячее место посреди вагона, и за десять минут, прошедших между ее прорывом в вагон и отходом переполненного поезда, она даже успела вписаться в своеобразный мирок, образованный двумя — друг против дружки — скамейками. Шесть мест, семь человек, считая трехлетнего малыша на коленях у мамаши. Итак, четверо взрослых, двое подростков. У девицы на плече сидела грустная белая крыса и мешала юным любовникам целоваться. Они все время шептались, он — сердито,

она — лукаво. Потом девица стала гладить и целовать крысу. Лидочка понимала, что наблюдает сцену якобы социального протеста. Подростки сидели у окна, мамаша с трехлетним детенышем, который все норовил погладить крысу, рядом, а на Лидочкиной стороне уместились полная интеллигентного вида женщина лет тридцати, а дальше к окну — мужчина с книгой. Периодически он закрывал книгу и, заложив ее пальцем, начинал мечтать, а все, включая малыша, смотрели на обложку, где парочка испытывала какой-то невероятно изысканный и потому совершенно неправдоподобный способ любви. На самого же мечтательного читателя никто не смотрел.

Поезд нехотя набирал скорость, словно предпочел бы еще постоять на вокзале, перекликаясь и пересматриваясь с другими электричками. Но долг есть долг, и ему пришлось тащить эту толпу пассажиров в снежные подмосковные просторы.

Девица с крысой была желтоволосой, лохматой, хорошенькой, и в ней была некоторая первобытная привлекательность. Правда, до того момента, как она открывала рот и сообщала что-нибудь спутнику. Порой даже крыса поднимала брови и ахала. Крысы не приучены к некоторым словам и интонациям.

Юноше удалось как-то обойти крысу и чмокнуть подругу возле рта. Крыса сбежала на колени девице и строго посмотрела на Лидочку, будто та была во всем виновата. А может, это не крыса, а он — крыс? Король подземного царства, а я отношусь к нему так несерьезно?

— Девушка, прибрали бы вашу тварь, — угрожающе пропела полная Лидочкина соседка.

— А она не кусается, — ответила девица, и они с парнем принялись хохотать, потому что ответ, видно, был отрепетирован давно и казался им удивительно забавным.

Но крыса почувствовала нелюбовь к ней со стороны Лидочкиной соседки и беззвучно змейкой взлетела на плечо девице, где и замерла.

— Специальные отряды существуют, — сказала соседка Лидочке, — чтобы их уничтожать, а некоторые их разводят.

— А она умнее вас, — сообщила девица. — Она все понимает.

— Вы не представляете, как я боюсь этих тварей, — сообщила Лидочке ее соседка, краснощекая женщина с добродушным пуговичным носом и маленькими карими глазами, казавшимися еще меньше из-за выпуклых линз. — Мы их травили в институте, ни одной не вытравили, а кошка умерла.

— Ой! — Лидочке стало жалко кошку.

— Впрочем, она сама виновата, — задумчиво рассуждая вслух, произнесла соседка. — Если б она ловила крыс, не пришлось бы их морить, не погибло бы животное, вы со мной согласны?

— Все равно жалко, — сказала Лидочка.

Они беседовали негромко, словно боялись потревожить чувства девицы с крысой или самой крысы. Но это им плохо удалось: подняв глаза, Лидочка встретилась с крысой взглядом. Крыса слушала весь этот разговор, не спуская черных глазок с женщины напротив. И хотя ни выражение глаз, ни выражение крысиной морды нельзя было разгадать, Лидочке стало неловко перед крысой, об уничтожении соплеменников которой они так равнодушно разговаривали, больше того — жалели кошку.

— Москва превратилась в сплошную помойку, — продолжала соседка, словно они уже давно и дружески беседовали. Она была из тех женщин, что легко сходятся в поездах или даже в очереди, и обычно бывают столь настойчивы, что случайный собеседник покоряется и не смеет возразить, даже если вовсе не согласен.

Соседка была доверчива, но настырна, ей обязательно надо было донести до Лидочки груз банальных истин — пересказать газетные и телевизионные стенания.

У Лидочки был с собой недочитанный детектив Рут Рендел, в котором толстый инспектор Уэксфорд отправился ночью к тихой загадочной речке, чтобы отыскать труп невинной девушки. Лидочка достала книжку, раскрыла ее, и соседка, разумеется, тут же спросила:

— Вы читаете по-английски? Я так вам завидую! Знаете, в школе мне казалось, что это совершенно никому не нужно, а теперь поздно. Голова совсем не та...

— Сколько же вам лет? — не сдержалась Лидочка.

— Мне тридцать два, но я выгляжу куда старше, не бойтесь меня обидеть.

По правилам игры, Лидочке положено было возразить, сбросить лет десять с объявленного возраста соседки. Но Лидочка не стала ей подыгрывать. Пускай сама выпутывается. Соседка же замолчала, потому что не знала, как вести себя дальше.

И тут случилась неприятность с крысой.

Лидочка первой увидела причину драмы, но все произошло столь быстро, что она, увидев, не осознала значения виденного.

Виноват был парень.

Высокий, в джинсовой поношенной синей куртке и в кепке, низко надвинутой на нос. Глаз не было видно, но конец крючковатого носа разделял пополам густую щетку усов и чуть не касался вздернутой верхней губы. Лицо было, вернее всего, кавказским, по своей преувеличенной карикатурности схожим с иллюстрацией к диккенсовскому роману, где такие носы и острые подбородки встречались у отрицательных персонажей.

В тот момент Лидочка поглядела вдоль вагона и увидела, как усатый парень не спеша вытащил изо рта белый комок жевательной резинки и, скатав шарик между пальцами, запустил его в крысу, которая сидела на плече у хозяйки спиной к молодому человеку и неодобрительно разглядывала Лидочку.

От неожиданности, а может, от боли крыса подпрыгнула и слетела с плеча девочки на спинку скамейки. Вроде бы первой завизжала Лидочкина соседка и попыталась вскочить на скамейку. Лидочка никак не могла сообразить, что надо сделать, чтобы остановить этот визг, заразный и перекрывающий все шумы электрички — и грохот колес, и устоявшийся гул голосов, и даже заунывное нытье младенца.

Испуганная крыса ринулась было на пол, но, остановленная прыгнувшей навстречу собакой, снова метнулась наверх, угодила кому-то на колени, спрыгнула, понеслась между ног и сумок. Никто, разумеется, не понимал, что произошло. Но визг первой из женщин был искренен и страшен в этом замкнутом пространстве, и люди тут же начали вскакивать, спрашивать, перекликаться и передвигаться толпой к выходу — хотя до очередной станции было еще не близко.

Кто-то подхватил визг Лидочкиной соседки.

Сама Лидочка чуть не упала, потому что владелица крысы сообразила, что произошло, и кинулась вдогонку за своей подружкой. Ей было труднее, чем крысе, вырваться из толчеи и растущей паники, но девушка была сильнее и злее, и потому она все же пробилась к выходу из вагона. Люди, стоявшие в тамбуре, лишь догадывались, что в центре вагона что-то произошло, вернее всего, кого-то убили, но сами еще не выработали для себя линии поведения. Наоборот, они тянули головы, вставали на цыпочки, стараясь разглядеть причину паники.

Лидочка встала — она не могла не встать, — иначе все еще пребывавшая в истерике соседка истоптала бы ее: та взобралась ногами на сиденье и сидела на корточках, крупно дрожа и всхлипывая. Лидочка, в отличие от остальных, знала, что ис-

кать глазами, и ей повезло: тесная толпа у самой двери на мгновение раздалась, туда отчаянно стремилась девочка. Лидочке удалось увидеть или угадать белый комочек, вылетевший в тамбур, там, где она мелькнула, в ужасе закричал ребенок — и тут же сквозь толпу прорвались девица со своим дружком.

Скорее из стремления сделать что-то для спасения любимицы, чем желая проявить свою власть над событиями, находящимися совершенно вне пределов этой власти, подросток, бежавший за девицей, рванул стопкран, чем вызвал вспышку криков и мужских ругательств, но поезд послушался и дернулся, словно пес, которого хозяин осадил на поводке. Возмущенный голос машиниста возник под потолком вагона. Машинист требовал ответить, что происходит, в противном случае грозил какими-то карами, а женщина, сидевшая напротив, стала показывать в окно и кричать:

— Вот они, смотри!

Подобно чуду — такого быть не могло — Лидочка увидела, как по склону, покрытому девственным глубоким снегом, бежит, утопая, почти невидимая замаскированная, как финский лыжник белым халатиком, крыса, а на некотором расстоянии от нее, размахивая руками, крича и страшно радуясь своей удаче, карабкаются девица и ее спутник. Крыса первой перевалила через хребет насыпи и скрылась в щели забора, преследователи заметались вдоль забора — поезд двинулся вперед рывками, набирая скорость. Лидочка прильнула к окну, заинтригованная драмой и готовая заплатить любую цену за то, чтобы узнать, чем она завершится, и страстно болея за хозяев крысы. Она успела увидеть, как юноша стал подсаживать девицу, чтобы она перелезла через забор, и, когда, поняв, что ничего более не увидишь, Лидочка перевела взгляд внутрь вагона и поняла, что все, буквально все, кто мог, — глядели в окно. И теперь один за другим отваливались от живого экрана, усаживались, утрясались, кляли молодежь, а этих, сбежавших с крысой, тем более, и никто не заступился за них, а Лидочка не посмела пойти против течения. Впрочем, ее мнение никто и не спрашивал. Соседка Лидочки спустила ноги, уселась как следует, а места убежавших заняли два старичка, схожие, грустные и немного пьяные.

— Сумасшедший дом, — сказала соседка Лидочки.

Она вынула большой несвежий платок и принялась громко сморкаться. Потом извинилась перед Лидочкой, как перед зна-

комой, и сказала, что это у нее нервное — всегда так случается, если она переволнуется.

— Вы думаете, они поймают то животное? — спросила соседка.

— Это будет ужасное горе, — ответила Лидочка, — если крыса погибнет.

— Вы в самом деле ее жалеете?

— Не крысу, а девочку, — сказала Лидочка.

Соседка отвернулась и стала глядеть в окно. Снег, прошедший ночью, прикрыл простынкой придорожную грязь, накопившуюся за недели, сровнял следы, принес обманчивую тишину и благополучие, словно уговаривал поверить в зимнюю девственность природы.

— Как странно, — сказала соседка. — Совсем нет границы между жизнью и смертью. Даже плакать хочется. — Она уперлась в лицо Лидочки растерянными близорукими глазами, сведенными в точки сильными стеклами очков. — Мне крысу не жалко, но бывает, что страдают люди. А окружающим совершенно неинтересно. Можно быть убийцей, а никто тебя не может в этом обвинить.

Лидочка послушно согласилась, у нее не было никакого желания поддерживать разговор с этой женщиной, и она даже заподозрила ее в том, что та чувствует себя неловко от того, что стала источником паники в вагоне. Но вскоре она убедилась, что соседка уже забыла об инциденте и собственном в нем поведении, куда более сильные чувства владели ею.

— Наверное, у меня нервы не в порядке, — сообщила соседка, — я буквально как на иголках сижу. У вас бывало такое чувство?

На свете есть не много стран, где ты рискуешь подружиться с соседкой по вагонной скамейке. Россия — первая из них.

Лидочка делала вид, что читает, но некоторые из заявлений соседки требовали обязательного ответа, и тогда приходилось откладывать книгу, чтобы не показаться невоспитанным человеком.

В сущности, для Лидочки было не столь уж важно, кем будет ее считать визгливая соседка, но, однако, их уже связывали эфемерные нити дорожного знакомства.

Соседка ее, Соня, Сонечка, Софья Александровна, так она представилась, говорила, не умолкая. Она была возбуждена, но Лидочка не знала, то ли это свойство характера, то ли следствие переживаний.

Соседка спросила, до какой станции едет Лидочка, но ответа не дождалась — на самом деле ее не интересовало, куда Лидочка направляется.

У этой Сонечки, очевидно, были проблемы с мужчинами, вернее, с их нехваткой: ногти были слишком ярко накрашены, а лицо разрисовано более чем нужно для того, чтобы соблазнить Шварценеггера. И в то же время она оставалась непривлекательной, как диванная подушка.

Соня поведала о каком-то газетном сообщении — некий муж бросил жену с тремя детьми, а когда та стала жаловаться компетентным органам, то он убил ее и всех детей, а может быть, намеревался это сделать. Почему-то с этой темы разговор переключился на события в институте, где работала Софья Александровна. Там одна молодая и прелестная женщина собирается покончить с собой из-за того, что один мерзавец ее оставил. Лидочке хотелось дочитать до конца главу, и потому она лишь кивала головой, словно соглашаясь с сентенциями Софьи, и подробности мучений сослуживицы Софьи пропустила мимо ушей.

Порой Лидочка исподлобья посматривала на парня в кожаной кепке, как бы желая показать ему, что он виновен в эпизоде с крысой, но, конечно же, ни в чем его не убедила — парень равнодушно смотрел в окно и на взгляды Лидочки не реагировал. А Лидочка понимала, что даже если она сейчас встанет, укажет перстом на молодого человека и обвинит его в маленькой житейской драме, то, во-первых, никто ее не поймет, во-вторых, никто не поверит, и, в-третьих, если даже и поверит, то останется равнодушным к тому, что уже стало древней историей для всех пассажиров вагона.

Но в конце концов Лидочка не выдержала и сказала своей соседке, не глядя на человека в кожаной кепке:

— Я знаю, почему убежала крыса.

— Почему? — Соня обрадовалась, что Лидочка наконец-то вступила с ней в разговор, — ее смущала неотзывчивость Лидочки.

— Вон тот парень у дверей кинул в нее жвачкой.

— Вполне возможно, — сразу согласилась Соня. — Мы живем в обществе, где понятия добра и зла перемешались. Зло правит нами.

Лидочка подумала, что краснощекая Соня похожа на школьную учительницу. У нее был профессиональный тон.

— Чего он хотел? — додумала вслух Лидочка.

— Он мог в меня попасть, — Соня состроила жалобную

мину, маленький носик даже покраснел, — своей слюной. А что, если он болен СПИДом?

Это был странный вывод. Лидочка обернулась и встретилась глазами с молодым человеком, который запрокинул голову назад, обнаружив под козырьком черные томные глаза.

Он не отвел взгляд, и Лидочке почудилось осуждение, — может, он обладает таким невероятным слухом, что услышал, о чем они с Соней говорили? Это было немыслимо.

— Они снимают квартиры вокруг Москвы, — сообщила Соня. — Город буквально в осаде.

Лидочка поняла, что соседка имеет в виду «лиц кавказской национальности» — этим гнусным эвфемизмом пользовались даже члены правительства, ибо в нем скрывалась смесь опаски перед организованной сплоченностью чеченцев или, скажем, осетин и презрения великого белого человека к черноволосым кавказцам. Обыватель как бы мстил им за то, что грузины столько лет правили Россией и делали это столь уверенно и жестоко. Может, из-за этого в конфликте грузин и абхазцев многие россияне внутренне были на стороне абхазцев, а наемники из казаков в абхазской армии бились с грузинами не только за хорошие деньги.

Парень кавказской национальности отвернулся и снова посмотрел в окно.

Лидочка подумала, было бы хорошо, если бы он сошел раньше.

— Вам далеко? — снова спросила Соня.

— Мне через одну, в Переделкино, — сказала Лидочка.

— Молодец, — сказала Соня, как будто Лидочка правильно ответила урок, — мне тоже там выходить.

И несмотря на недавнее желание поскорее отделаться от соседки, Лидочка искренне обрадовалась: Соня выходит вместе с ней, потому что в ней уже созрела внутренняя уверенность, что парень с крючковатым носом тоже едет в Переделкино и что он каким-то образом угрожает Лидочке.

Наверное, десять лет назад, нет, меньше — пять лет, Лидочка не обратила бы внимания на этого парня, по крайней мере, не заподозрила бы угрозы. Какая может быть угроза средь бела дня, когда вокруг люди? Да и кому нужна женщина средних лет и скромного вида? Но пять лет назад людей не расстреливали вот так, запросто у подъезда собственного дома, и в газетах не констатировались очередные убийства очередных банкиров и директоров. Казалось, что даже убий-

цы перестали бояться кары — масштабы преступлений маньяков стали теперь исчисляться десятками жертв, и это тоже стало привычным.

Лидочка не связывала того кавказского парня с ночными событиями у дома — к тому не было никаких оснований, но существовало какое-то внутреннее сходство безнаказанности. Лидочке показалось даже, что в мимолетном взгляде, брошенном на нее парнем с крючковатым носом, была наглая угроза, с какой кот смотрит на полузадушенную мышь, с которой еще не наигрался.

Поезд затормозил у занесенной снегом платформы — снег был настолько утоптан по краю, что легко было скользнуть под вагон, и углублен тропой посередине открытой платформы. Железные дороги сдавались разрухе последними, но сдавались и они. Платформы перестали убирать, ступеньки лестниц провалились, у единственного телефона-автомата была оторвана трубка, а бетонный забор, за которым тянулся густой высокий лес, частично рухнул — бетонные квадраты углами высовывались из снега.

— Вам с платформы направо? — спросила Соня.

— Да, — согласилась Лидочка.

Сердце сжалось — парень в кожаной кепке сошел с поезда и сразу стал виден, когда несколько человек, также покинувших электричку, потянулись к началу платформы, где была лестница.

Парень и не думал скрываться. Он словно поджидал Лидочку. Но на нее не смотрел.

— Он мне не нравится, — сказала Соня, как будто угадав мысли Лидочки. — Мне кажется, что он за нами следил. Кстати, у меня есть газовый баллончик. Вы не возражаете, если я его приготовлю к бою?

— Нет, не возражаю, — ответила Лидочка. С Соней ей стало как-то спокойнее. К тому же выглянуло солнце — февральское, еще холодное, но совершенно настоящее, светящее с синего неба, цвет которого был интенсивен из-за снежного царства вокруг. Загрохотала, набирая скорость, электричка и скоро унесла с собой не только грохот, но и все остальные звуки, словно высосала их из воздуха. Лидочка обернулась: парень с крючковатым носом стоял на платформе, разглядывая верхушки сосен. Женщины прошли так близко от него, что Лидочка заметила даже наклеенный на его щеке кусочек пластыря.

— Я надеюсь, что нам по дороге, — сказала Сонечка. — Вы меня взволновали этим чеченцем.

— Почему чеченцем? — спросила Лидочка, уже догадываясь об ответе.

— Они все чеченцы. Или азербайджанцы. Им дома не сидится, а мы, лопоухие, — лучшая в мире добыча. Толстые зайчики, грабь — не хочу.

Лидочка хотела было рассказать Соне, что на рассвете она видела, как убили человека, но спохватилась — получилось бы, что она как бы соглашается с Соней, а она не была с ней согласна. И Лидочка понимала, что в иной ситуации была бы даже рада отвязаться от Сони, существа мелкого, завистливого и питающегося не столько колбасой, сколько сплетнями и суевериями. Но сейчас она была даже благодарна Соне за то, что та мелко, как болонка, семенит рядом, — Лидочке хотелось оглянуться и посмотреть, следует ли за ними тот парень, но надо было заставить себя не оборачиваться. Даже если он идет сзади, он не должен догадаться, что Лидочка его боится, потому что, вернее всего, он очень хочет ее испугать. И только испугать?

— Вы не в Дом творчества писателей идете? — спросила Соня.

— Нет. Мне нужны дачи «Мемориала», за Домом творчества направо.

— Вот это совпадение! — обрадовалась Соня.

— Какое совпадение?

— Скоро узнаете. Я загадала и раньше времени не могу сказать.

Узкое шоссе, повернув, вывело их к воротам имения, которое, как сообщила Соня, принадлежало патриарху, потом дорога стала огибать кладбище.

— Вы знаете... — Соня показала на поднимающиеся на холм, прижавшиеся друг к дружке могилы.

— Здесь похоронен Пастернак? — угадала Лидочка вопрос Сони.

— Вот именно. — Соня была недовольна тем, что ей не удалось показать эрудицию. Она шмыгнула покрасневшим помидорчиком носа, поправила толстые очки и мелко засеменила вверх — дорога, обогнув кладбище, сбежала к мостику, за которым справа открылось заснеженное поле, а слева потянулся забор, принадлежавший, как сказала Соня, главному питомнику советских писателей. Здесь в творческих муках родились многие шедевры социалистического реализма. Соня явно повторяла чьи-то слова, вернее всего — поэта-авангардиста, о котором и принялась рассказывать Лидочке:

— Я здесь позатот Новый год встречала, меня тогда один Борис кадрил, он потом в Штаты уехал. Ему самому путевку не дали, но у него там каждый второй — знакомый, вплоть до Евтушенки. Двое суток гудели. Группен-секс был самым невинным развлечением.

Соня привирала, но Лидочка не стала возражать. Сырой морозный ветер дул с поля.

— Здесь природа обалденная, — продолжала Соня. — Тишина, сосны, правда, компания смешанная. Приличных людей немного.

Видно, с авангардистом ничего не вышло. Даже в пределах группен-секса. В то же время поэт-авангардист, склонный к разврату, и в поклонниках украшает женщину. Это тебе не реалист Некрасов.

Из ворот Дома творчества, за которыми были видны старые дачи и гараж, вышла пара пожилых людей, тепло закутанных. Они придерживали друг друга, чтобы не поскользнуться. Шарфы у них были замотаны под поднятыми воротниками, точно как у первоклассников. Старички вежливо поздоровались с Соней.

— Еще помнят, — сразу сообразила Соня. — Два года прошло. Я с ними о жизни много говорила. Он Чехова помнит.

Лидочка не стала спрашивать Соню, в каком году умер Чехов, потому что Соня ответила бы, что речь идет о другом Чехове, скажем, о племяннике великого писателя.

Вскоре забор кончился, и они свернули на узкую дачную улицу, ограниченную оградами из штакетника. Ветер задувал сюда не так яростно, но все равно было зябко.

— Когда вы со мной рядом сели, — сказала Соня, и ее карие глазки излучали радость, — я подумала, вот бы хорошо, если бы мы с вами сошли на одной станции. Вы мне с первого взгляда понравились. Я подумала, а может быть, вы писательница?

— Я художница... и фотограф. Теперь — фотограф.

— А я что говорю! Это же почти одно и то же. Вот моя любимая писательница Вика Токарева, вы с ней незнакомы? Вика Токарева сама иллюстрации к своим книжкам рисует.

— Вот никогда бы не подумала.

— Вы еще много от меня узнаете! Вы будете благодарить небо, что оно нас свело.

Когда Лидочка сказала, что она фотограф, в том не было притворства. Когда-то она была убеждена в том, что отдала

жизнь искусству. Но основным плодом ее таланта стали сотни акварельных иллюстраций к Большому ботаническому атласу СССР, который готовил ее институт. Лидочке пришлось уехать, а оригиналы пропали неизвестно куда. А в последние годы Лидочка увлеклась фотографией, сначала в качестве компенсации призванию, а потом — осознав, что обрела истинное занятие.

Направо вел узкий проулок.

Лидочка остановилась, чтобы попрощаться с Соней. Соня остановилась, чтобы попрощаться с Лидочкой, потому что, как они тут же признались друг дружке, нельзя поверить в столь невероятное, а впрочем, обычное совпадение.

Возвращаясь потом мысленно к произошедшим событиям, Лидочка понимала, что ею управляли чудодейственные совпадения. Ведь и утренняя пуля могла попасть Лидочке в сердце, и потом знакомые бы говорили: «Представляешь, какое невероятное совпадение! Она провожала Андрюшу, подошла к окну, и тут ей в сердце попала пуля рэкетира. В центре Москвы в шесть утра, ты представляешь?»

То, что Сонечка Пищик направлялась именно к Татьяне Иосифовне, а не в любой из домов по Киевской железной дороге — также было удивительным совпадением.

— Сейчас вы мне скажете, — радостно сообщила Сонечка, когда они бок о бок повернули в узкий переулок, — что вам нужна дача номер шесть — бывшего поселка «Чайка», в котором живут ветераны «Мемориала»?

— Дача шесть, — покорно согласилась Лидочка.

— И вам нужна Татьяна Иосифовна Флотская?

— Почему вы так думаете? — частично смирившись с господством случайностей и бессмысленностью здравого смысла, Лидочка все же сопротивлялась слишком обширным знаниям соседки по электричке.

— А очень просто, — глазенки Сонечки за очками сверкали, как в битве, полные щечки алели, а губы бантиком все старались разъехаться в тонкий полукруг — как рисуют дети смеющегося человечка: точка, точка, два крючочка... — Вы же признались, что идете на дачу номер шесть? Правильно?

— Правильно.

— А на этой даче зимой остается лишь одна Татьяна Иосифовна. Она работает над мемуарами. Ей нельзя мешать, ей нужен полный покой и изоляция. А другие дачи вокруг пустуют.

Летом за них страшная драка между ветеранами. А зимой живи — не хочу. Вы знаете, эти ветераны лагерей совершенно не отличаются от ветеранов большевизма — такие же склоки и борьба за копейку. Честное слово. Я не выношу всех этих демократов-плутократов и других грабителей народа. Татьяна вам приказала продуктов привезти?

— А вы ее родственница? — осторожно осведомилась Лидочка. Ведь Соня знала даже о продуктах, в которых нуждалась Татьяна Иосифовна.

— Не совсем родственница, — возразила Соня и вытерла варежкой красный носик. — Я — лучшая подруга ее дочери. Это совсем не значит, что она меня за это любит.

— А я когда-то знала ее мать, — сказала Лидочка.

— Бабушку Маргариту? Так я ее еще по школе помню. Я помню, как она Аленку до третьего класса через дорогу водила.

Сумка с продуктами оттягивала руку — там четыре килограмма картошки, капуста, апельсины, отбивные, помидоры — общим весом больше чем полпуда.

Лидочка бросила взгляд на руки Сони, — впрочем, этого можно было не делать, ведь они уже минут десять шагают рядом — хозяйственную сумку Соня не несет — только простую дамскую сумочку через плечо.

Лидочке хотелось спросить, почему Соня приехала налегке, но тут ей словно ударили в затылок: она обернулась.

Тот парень стоял у входа в тупик, отделявшийся от переулка, сунув руки в карманы синей, плохо гревшей куртки, кепка еще более съехала на нос. Он стоял и притопывал. Ему было холодно.

Соня тоже обернулась.

— Так я и думала! — громко заявила она. — Мелкий бандит. Сейчас я с ним поговорю.

— Постойте! — крикнула ей в спину Лидочка.

Но Соня уже уверенно направилась к парню, снимая на ходу с плеча сумку, будто это был автомат.

Похоже, что парень тоже решил, что в него сейчас будут стрелять. Он шагнул в сторону — и исчез.

И тут Лидочка догнала Соню.

— Ну что вы делаете! Вы с ума сошли! Чем вы хотели его испугать?

— Гласностью, — ответила Сонечка. — Преступный мир тем и известен, что боится гласного суда.

В переулке возникли быстро шагающие молодые люди — компания, видно, из местных, потому что они громко обсуждали поведение какого-то Степана, но тут же они миновали просвет между заборами, словно сцену, и скрылись за кулисами.

Сцена была пуста.

— У меня газовый баллончик, — сказала Соня. — Я уже вам об этом говорила?

— И все же давайте пойдем к Татьяне Иосифовне, — попросила Лидочка.

Соня похлопала себя по сумке.

— Вот здесь лежит. И знаете — ужасно хочется попробовать — но, как назло, никто на меня не нападает. Я даже жду.

— Едва вы успеете вытащить газовый баллончик, как любой бандит отнимет его у вас прежде, чем вы из него выстрелите. И очень на вас рассердится.

— А вот это мы посмотрим, — сказала Соня, но Лидочке удалось развернуть ее и направить к даче.

* * *

За зеленым штакетником густо стояли елки и березы, указывая на то, что участок — не коммерческий, а дача в традиционном понимании этого слова, придуманная еще Чеховым: там пьют чай на веранде, танцуют под граммофон или более современное устройство, флиртуют за сиреневым кустом, стреляются в белой беседке... но никогда не разводят картошку или огурцы. В лучшем случае, крыжовник.

Дач было несколько, от калитки можно насчитать пять. Лишь к двум из них вели тропинки, вытоптанные в глубоком снегу.

— Мы у нее с Аленой два раза были, — призналась наконец Сонечка.

Она просунула руку сквозь доски и нащупывала крючок или засов.

— Алена — это кто? — спросила Лидочка.

— Алена — ее дочка. Вы разве не знаете?

— Я же сказала, что никогда не видела Татьяну Иосифовну.

За ночь поднасыпало снега, и потому открыть калитку было нелегко — пришлось навалиться вдвоем, и на снегу остался очищенный полукруг.

Они прошли к даче гуськом.

Татьяна открыла не сразу, пришлось ждать минуты три. Со-

нечка, относившаяся к Татьяне Иосифовне скептически, сообщила:

— Думаете, она нас не видела? Она наверняка с утра у окошка стоит. Но надо же гонор показать. К тому же она сейчас вычисляет, почему это черт нас вместе принес? А вдруг мы знакомы?

Наконец за дверью послышались шаги, и оттуда донесся низкий голос:

— Не открывайте сразу, я отойду, чтобы не простудиться.

Щелкнул замок.

— Раз, два, три, четыре, пять, — сказала Соня. — Вышел зайчик погулять...

Так как Соня медлила, Лидочка сама отворила дверь.

Они оказались в прихожей, кое-как освещенной из узкого окна над дверью.

Дверь в комнату приотворилась. Татьяна Иосифовна сопливо спросила в щель:

— Дверь на улицу закрыли?

— Закрыли.

— Как следует? А то она неплотно прикрывается, и из-под нее дует.

— Все в порядке, Татьяна Иосифовна, — сказала Соня. — Мы как следует ее закрыли.

И тут Лидочка почувствовала в голосе своей новой знакомой необычные нотки — опаски, легкого повизгивания, какими встречает мелкая собачонка забредшего на площадку дога.

Дверь в комнату заскрипела, преувеличенно громко, словно в фильме ужасов. Татьяна Иосифовна отпрянула назад, прижимая к лицу носовой платок.

— Я надеюсь, — прогундела она сквозь платок, — что вы не принесли с собой инфекцию.

Это было странно слышать от простуженного человека.

В комнате было жарко и душно, пахло дешевыми духами, под потолком жужжали мухи.

— Здравствуйте, — сказала Лидочка, — моя фамилия Берестова. Я договаривалась с вами о встрече по телефону.

— Заходите, заходите, дитя мое, — сказала Татьяна Иосифовна жеманно.

Она была мягким, расширяющимся к полу существом в лиловом халате. Но как только Татьяна Иосифовна отняла от носа платок, Лидочка увидела, что лицо хозяйки не совсем соответствует столь объемному и текущему к земле телу. Толстощекое

лицо было снабжено острым, красным в конце британским носом, тонкими сомкнутыми губами и выступающим вперед острым подбородком. Еще несколько лет, и это лицо станет лицом старой карги, ведьмы, злой колдуньи — пока же будущее в значительной степени скрывалось за дымчатыми очками. Если очки Сони были невелики и безжалостно уменьшали и без того небольшие глазки, то очки Татьяны Иосифовны могли заменить собой колеса старинного автомобиля, и глаза за ними казались карими, в зелень, озерами, что смягчало резкий и неприятный облик пожилой женщины.

Лидочка оглянулась на Соню, не будучи уверена, к кому из них относится приглашение, но Соня оставалась в дверях, всем видом изображая почтение и даже смирение. Значит, приглашали не ее.

Татьяна Иосифовна не замечала Соню.

Даже не поздоровалась с ней.

— Пальто вешайте здесь, — сказала она Лидочке. — Тут же снимайте обувь — мне за вами трудно убирать. Вчера ко мне привели целый класс — познакомиться с настоящей писательницей! — тут Татьяне Иосифовне пришлось прервать рассказ и шумно высморкаться. Но и без этого Лидочке было понятно, что школьники в передней у писательницы наследили и ей пришлось за ними убирать. Может быть, из-за этого писательница и занемогла.

Лидочка разделась, а все еще не замечаемая Соня повторяла ее движения, и, пока Лидочка, сидя на стуле, стаскивала сапоги, Соня стояла, опершись об этот же стул рукой, и другой тоже снимала сапоги.

Тем временем Татьяна Иосифовна взяла у Лидочки сумку с продуктами и исчезла с ней, видно, пошла разбирать. Лидочка оказалась права, потому что почти сразу справа, где, по всей видимости, была кухня, донеслись возгласы удовлетворения, низкие, басовитые, напоминавшие Лидочке уханье марсиан из «Войны миров», когда те кушали добрых англичан.

— Чего ты ей такого притащила? — вполголоса спросила Соня.

— Что она попросила. Картошки, мяса, еще чего-то...

— С рынка? Мясо с рынка?

— Мясо с рынка.

— Это она ценит.

И Лидочка поняла, что Соня почему-то нуждается в Татьяне Иосифовне, но при том побаивается и недолюбливает ее. И эти чувства взаимны.

— Спасибо, Лида, — произнесла Татьяна Иосифовна, вернувшись в комнату. — Если бы не жестокая простуда, я бы вас расцеловала. Это ничего, что я вас просто по имени называю? Ведь я вдвое старше вас, Лидочка. Вы знаете, что я должна вам сказать? Да вы проходите, проходите в комнату. Шлепанцы нашли? Так проходите. И садитесь пока.

— Я вам помогу готовить...

— Это мы еще обсудим. Соня, поищи получше, там должны быть другие шлепанцы, я не желаю, чтобы ты разгуливала по дому босиком и оставляла всюду следы.

— Какие следы может оставить человек в чулках? — спросила Соня.

— Грязные, — лаконично ответила Татьяна Иосифовна.

Соня присела на корточки у вешалки, возле которой были свалены сапоги, валенки, туфли и даже, кажется, галоши.

— Мне и без того трудно выходить из дома. И некогда, и трудно. И как вы понимаете, люди привыкли тебя использовать, радуются такой возможности, но очень редко сами способны на альтруистические поступки. Вы меня понимаете?

— Если вы обо мне...

— Меньше всего я думала сейчас о тебе, девочка. Ты — счастливое исключение.

— Я к вам приехала, — вмешалась забытая Соня, — чтобы поговорить об Алене.

— Ну что там еще у вас произошло? — капризно спросила Татьяна Иосифовна.

— Еще не произошло, — произнесла Соня так, словно сообщила о завтрашнем наводнении, — но в любую минуту может произойти.

Лидочка последовала за Татьяной Иосифовной на кухню, так как поняла, что ее присутствие там может понадобиться. Соня тоже направилась на кухню, к счастью просторную. Продукты, привезенные Лидочкой, были разложены на столе, который никто не вытирал лет пять.

— Я плохой повар, — сказала Татьяна Иосифовна и склонила голову, словно клюнула что-то острым носом. — Моя жизнь сложилась так, что я почти всегда голодала. Для меня было счастьем съесть целую картофелину. Но приходилось делить ее с ребенком. И ребенку доставалась большая часть.

Лидочка поймала себя на недостойной мысли — ей представилось, как Татьяна Иосифовна делит большую-большую картофелину на две части и себе берет меньшую, но потом до-

бавляет к ней шмат сала и всякие прочие яства, и это называется у нее суп из топора.

— Я распухла еще в ссылке, — сказала она Лидочке, словно угадав, что ее вид неубедителен для новой знакомой. — Я была у сотни врачей, последние годы провела на диете. Даже в Голландию в прошлом году ездила — там практикует удивительный чародей с острова Бали... — Вдруг ее тон изменился. — Это вам не так интересно! Вам кажется, что жизнь еще впереди и вы никогда не станете такой же старой развалиной, как я. И это неправда!

Теперь перед Лидочкой стояла Склодовская-Кюри, только что открывшая радиоактивность.

— Вы будете старыми, дряхлыми, немощными. Это неизбежно... Но я провела жизнь в мучениях и тоске по ближним, я была лишена жизни и потому имею право быть уродливой. А вы нет!

— Вы не уродливая, — поспешила возразить Соня.

— Что же вы тогда именуете уродством, мои крошки? — Татьяна Иосифовна усмехнулась. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я думаю, что мы обойдемся без супа. Но вот мясом и картошкой займется Лидия. Я убеждена, что она отлично готовит. К тебе, Софья, у меня доверия нет, готовишь ты плохо, — сказала она, забыв о Лидии и выходя из кухни с Соней, словно вопрос с обедом был уже окончательно решен.

Уже войдя в комнату, Татьяна Иосифовна крикнула оттуда:

— Я разберусь с Соней и тут же поговорю с вами. Так будет лучше, Лидочка.

«Что ж, — подумала Лидочка, — не будем спорить, ибо если моя миссия удастся, если я приехала сюда не зря, то можно приготовить ей обед».

Кухня была оборудована разномастно, скудно, но посуды было достаточно для троих — только найти тарелки и ложки удалось не сразу, — видно, Татьяна Иосифовна пользовалась только одним комплектом и редко мыла посуду. Ее мало кто навещал, если и навещали, то не кормились. На счастье, в кухне была газовая колонка, и Лидочка пустила воду, чтобы сначала хотя бы вымыть кастрюлю и нож. Потом уж, пока картошка будет вариться, она вымоет остальное.

Несмотря на то, что лилась вода и шумела газовая колонка, Лидочка отлично слышала беседу, что велась за стенкой, — перегородка была фанерной или картонной, да и женщины вскоре после начала разговора повысили голоса. Лидочка не испытывала угрызений совести из-за того, что подслу-

шивает чужие тайны: ведь, в конце концов, Татьяна Иосифовна знает об акустических особенностях ее дома. Да и нет особенных тайн в разговоре, хотя, конечно, он не предназначен для посторонних ушей.

— Ты могла бы чего-нибудь привезти, — это были первые слова Татьяны, услышанные Лидочкой. — Посмотри, Лида — чужой человек, совершенно чужой, но не поскупилась на элементарные продукты для пожилой женщины.

— Неужели вы ей не подсказали, что вам нужны эти элементарные продукты? — спросила Соня, показывая зубки.

— Она — чужой человек, впервые здесь.

— И еще не знает, как вы умеете использовать людей.

— Еще одна подобная фраза, Соня, и ты вылетишь отсюда.

— Лиде что-то от вас нужно, вот пускай и старается. А я к вам притащилась из-за вашей дочки, в этом вся разница.

— Как ты цинична, Соня.

«В таких случаях, — подумала Лндочка, — спортивные комментаторы говорят, что боксеры проводят разминку».

— Вы не спрашиваете, почему я вдруг приехала. Взяла и приехала, — послышался голос Сони.

— Чтобы пообедать? — с иронией спросила хозяйка дома.

У нее был молодой голос, он не состарился вместе с хозяйкой. Когда говоришь с такой женщиной по телефону, рассчитываешь увидеть благородное изящное существо — только таким природа дает звучные с хрипотцой голоса. Здесь же природа схитрила.

— Меня беспокоит состояние Алены, — произнесла Соня.

— Оно всех давно беспокоит, — ответила Татьяна Иосифовна, щелкнув зажигалкой и, видимо, закурив сигарету.

— У меня такое впечатление, что она на грани срыва, — сказала Соня.

— И это заставило тебя бросить все и кинуться ко мне, в глушь, зная, что я давно уже не авторитет для собственной дочки и что мои увещевания вызовут лишь обратную реакцию.

— Но все же вы ее мать. А я ее ближайшая подруга.

— Меня вообще удивляет, что у Алены может быть подруга. Я вспоминаю слова: «И у крокодила есть друзья». Ты слышала?

— Неужели вам безразлична судьба вашей единственной дочери?

В голосе Сонечки задрожали слезы.

— О, Господи! Почему я родилась в стране демагогов?! —

воскликнула Татьяна Иосифовна. — Ты лучше расскажи мне, что вам с Аленой или тебе одной от меня нужно. Только учти, что денег у меня нет и никогда ни для Алены, ни для тебя не будет.

— Мне не нужны ваши деньги, — сказала Соня. — Я приехала, потому что всерьез обеспокоена судьбой Алены. Вы знаете, что она практически перестала принимать пищу. Она похудела на пять килограммов.

— Я мечтаю об этом.

— В ваши годы об этом можно не задумываться.

— Не спеши загонять меня в могилу.

Лидочка хотела отбить мясо, но потом передумала. Ей становился весьма любопытен нечаянно подслушанный разговор о незнакомой Алене, дочери Татьяны Иосифовны, и уж совсем не хотелось напоминать собеседницам, что за стеной стоит невольная слушательница.

— Так что же изменилось? — Татьяна Иосифовна сердилась. — Чем ее состояние отличается от того, что было год назад?

— Она в кризисе.

— Это что означает?

— Это означает, что Алена близка к самоубийству. Я не боюсь этого слова, потому что я стараюсь предотвратить это несчастье, но я не всесильна.

— А чем я могу помочь?

— Вы рассуждаете, будто вы и не мать Алены, а совершенно посторонний человек. Даже соседи по дому беспокоятся о ее состоянии.

Разговор за стеной прервался.

Лидочка представила себе, как Татьяна Иосифовна, вальяжно расположившись на диване, медленно курит, не глядя на Соню, а та нервно примостилась на краешке стула, готовая продолжить свою речь и понимая, что у нее нет слушателя.

Лидочка представила себя на месте Сони — и ощутила бессилие от бесплодной попытки выполнить миссию.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила и поговорила с ней? — спросила наконец Татьяна Иосифовна.

— Только при условии, что вы не скажете, что я к вам приезжала.

— Ну уж совсем сумасшедший дом! А с чего это я ей позвоню. Что я ей скажу? До меня дошли слухи?..

— Если она узнает, что я ездила к вам, она меня никогда не простит. Вы сделаете еще хуже. Вы не представляете! Она же,

как на краю пропасти, — неосторожный толчок, и она может сорваться вниз!

Соня громко всхлипнула, Татьяна Иосифовна недовольно произнесла:

— Не надо этих театральных представлений. Они никому еще не помогали.

— Я не представляю...

— Мне пришлось, в отличие от тебя, прожить трудную жизнь, на грани голодной смерти, поминутно всем рискуя. И я научилась эту сволочную жизнь ценить. Ценить каждую ее минуту!

— Татьяна Иосифовна, я все знаю, — устало произнесла Соня. — Мы же сейчас не о вас говорим, а об Аленке. Вы же живете в отдельной даче, водопровод, канализация и так далее. А ваша дочь в Москве готова покончить с собой.

— Но уж не от голода! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — А от простой банальной причины, которую я называю распущенностью.

— Вы можете называть это, как хотите, но я, как ее ближайшая подруга, официально вам заявляю: Аленушка страдает. Искренне страдает. Из-за этого мерзавца она готова покончить с собой.

— Когда на сцене появляется очередной мерзавец, я это и называю распущенностью. Нельзя метаться всю жизнь в поисках мужских объятий. Нужно уметь сохранить чувство человеческого достоинства.

Лидочка поставила кастрюлю с очищенной картошкой на плиту, потом стала искать, где Татьяна хранит масло, чтобы поджарить мясо. Она опустилась на корточки, открыла дверцы шкафа под кухонным столом. Оттуда выбежали вереницей несколько больших черных тараканов. Лидочка отпрыгнула и чуть не села на пол — она не выносила этих тварей.

— Извините, — бубнила за стеной Соня. — Я приехала к вам не потому, что люблю слушать ваши поучения. Со мной все в порядке. Я не собираюсь травиться или стреляться. Речь идет о вашей единственной дочери.

— Но я же не могу к ней поехать! Я физически не в состоянии.

— Заставьте ее приехать к вам! Прикажите. Вы же умеете.

— Ну, хорошо, хорошо. Я сейчас кончаю шестую главу воспоминаний. Кстати, как тебе название: «Остров ГУЛАГа». Правда, неплохо? Я билась над названием две недели. А в пятницу

проснулась ночью и подумала: ведь лагерь — это остров, один из островов — ты меня поняла?

— Татьяна Иосифовна! — Сонечка могла быть упорной. — Я приехала к вам потому, что боюсь за судьбу вашей дочери. Неужели вы не понимаете, что речь идет о жизни и смерти хорошего человека! При чем тут название книги?

— Жизнь нам дается только один раз... — начала было Татьяна Иосифовна и оборвала сразу, узнав, видно, в ней неудачную цитату.

Лидочка чуть было не рассмеялась: уж больно забавно прозвучала цитата в устах Татьяны Иосифовны.

Подсолнечное масло обнаружилось в холодильнике, на дне литровой банки.

— Вы говорите о своей дочери, — голос Сонечки повысился, она перешла в наступление, — словно она вам чужой человек, будто мы с вами не сидели на кухне и не обсуждали ее судьбу после первой попытки самоубийства.

— Ах, ты напомнила! — с сожалением произнесла Татьяна Иосифовна и вплыла на кухню. Лидочка как раз собиралась лить масло на сковороду.

— Нашла масло? А я боялась, что не найдешь. И, пожалуйста, Лидочка, не трать много масла — мне так трудно ходить в магазин.

Соня стояла в дверях, смотрела в спину старой писательницы и старалась привлечь внимание Лидочки гримасами и дать ей понять, с каким чудовищем ей, Сонечке, ратующей за спасение подруги, приходится иметь дело.

— Ты, разумеется, слышала наш разговор, — утвердительно произнесла Татьяна Иосифовна. — Не возражай, здесь перегородки фанерные, каждое слово слышно.

— Я занималась обедом, — ответила Лидочка, но это прозвучало, как попытка оправдаться.

— Я ценю твою деликатность, но она сейчас никому не нужна. И раз уж ты оказалась здесь в это время и в этот час, — старая женщина подняла вверх толстый указательный палец, как бы призывая аудиторию к молчанию, — то тебе недурно бы знать, что Алена — моя родная дочь, ей тридцать два года, она ни на что не годна...

— Татьяна Иосифовна, ну как вы можете! — теперь Соня готова была расплакаться.

— Да, могу! Имею на то моральное право! — она обернулась к Лидочке. — А знаешь ли ты, Лидия, что за последние

годы Алена ни разу не удосужилась навестить больную мать, не привезла ей жалкого кусочка хлеба! Ни разу не поздравила с Рождеством. В это трудно поверить? Но это именно так.

— Но речь идет о ее жизни! — вмешалась Соня.

— Хватит! Я знаю, что Аленочка истеричка! — теперь обе они стояли на кухне, почти прижимаясь к Лидочке, и кричали друг на дружку через ее голову. — Еще в школе она устраивала дикие скандалы — мне пришлось трижды переводить ее в разные школы.

— Но не об этом сейчас речь! Не время выяснять отношения. Вы должны поговорить с ней, иначе будет поздно.

— Она уже пять раз устраивала самоубийство! — кричала Татьяна Иосифовна Лидочке. — Пять раз, и каждый раз весьма разумно! Так, чтобы не повредить своему здоровью.

— Как вы смеете! Это голый цинизм! — кричала Соня в другое ухо Лидочке. — Вы потеряете последнее близкое вам существо на этом свете.

«Господи, они же обе на сцене, а я — зрительный зал. И еще заплатила за билет натуральным продуктом».

— Прекратите бой, — попросила Лидочка. — Скоро ленч будет готов.

— Ленч? — Татьяна Иосифовна как бы переваривала значение слова. Потом поняла, улыбнулась. — Ленч, — повторила она. — Какое сладкое слово. Вот именно, сладкое. Со мной сидела одна болгарка из Земледельческого союза, если не ошибаюсь. Она всегда говорила это слово — сладкая погода, сладкий надзиратель.

На время бой прекратился — женщины принялись помогать Лидочке накрывать на стол, а Татьяна Иосифовна вовсе расщедрилась и достала полбутылки «Мартини», сообщив, что к ней приезжали брать интервью из «Столицы», и она взяла гонорар бутылкой «Мартини».

Перемирие, отвлечение от главной темы спора, было кратким, но продолжение спора приняло несколько иной характер. Татьяна Иосифовна сказала Лидочке:

— Вся моя молодость прошла в лишениях. Мне не на кого было опереться, и прежде, чем я осознала себя и свое место в жизни, я уже попала под тяжелый пресс сталинских репрессий.

Татьяна Иосифовна говорила все громче, как бы с трибуны.

— Я старалась дать Аленочке все, что могла. Но много ли могла я? Мне приходилось отрывать от себя последние куски!

— Татьяна Иосифовна! — вмешалась Сонечка. — Не надо об этом!

Татьяна Иосифовна осторожно отрезала кусок мяса, осмотрела его и спросила:

— А у вас на рынке есть санитарный контроль?

Неожиданный переход сбил Лидочку с толку — она даже не сразу сообразила, что же Татьяна Иосифовна имеет в виду?

Но и Татьяна Иосифовна забыла о вопросе, потому что обернулась к Соне и сказала ей:

— Алена может иметь ко мне субъективные претензии. Но никак не объективные. В конце концов факт наличия у меня собственной личной жизни не должен был отвращать ее.

— Я не говорю о прошлом! — Сонечка посмотрела на Лидочку умоляюще, словно искала у ней поддержку. — Но сегодня вашей дочери очень плохо. Она близка к смерти.

— Ах, оставь, я ненавижу шантаж! — воскликнула Татьяна Иосифовна. — К сожалению, с возрастом у Аленки выработался псевдосуицидальный комплекс. Вы меня понимаете? То есть Алена стремится к самоубийству, но не к самой смерти, а к попытке, чтобы вызвать сочувствие или страх у окружающих. В первую очередь у разочаровавшихся поклонников.

— Татьяна Иосифовна! — взмолилась Соня. — Поймите же, что у Алены, кроме нас с вами, нет близких людей.

— Она сама в этом виновата.

— У нее нет никого! Неужели родная мать от нее отвернется?

Обе женщины удовлетворяли свою страсть к театральности, обеим роли достались трагические, со слезой, и конфликт грозил достичь древнегреческих высот.

— Лучше тебе уехать, — сказала Татьяна Иосифовна. — Пока еще не поздно, тебе лучше вернуться в Москву. Твое присутствие выводит меня из себя.

— Я не уеду, пока не добьюсь от вас согласия позвонить Аленушке. Хотя бы позвонить.

— Ну подожди, сначала поедим, — ответила, подумав, Татьяна Иосифовна.

Она стала быстро и обильно накладывать себе в тарелку картошку и мясо, словно мысленно уже отсчитывала, кому сколько положено, и себе, как старшей, выделила большую дозу.

Она ела шумно, мелко и быстро, как бы стараясь растянуть удовольствие от еды и в то же время насладиться как можно интенсивнее.

Соня ела также с удовольствием, но, поймав на себе взгляд Лидочки и ложно истолковав его, громко сказала:

— Кусок в горло не лезет, честное слово.

— Это от избалованности, — заметила Татьяна Иосифовна. — Ты не знаешь цену сухой горбушке.

— Вы бы радовались, что мое поколение обошлось без этого, — ответила Соня. — А вы как будто злорадствуете.

— Я говорю горькую и нелицеприятную правду. И мало кто любит ее слушать.

Соня вздохнула и отрезала кусочек мяса. Лидочка видела, что Сонечка голодна и с удовольствием умяла бы всю тарелку, но она сама загнала себя в роль несчастной подруги, лишившейся аппетита.

— А кто чайник поставит? — спросила Татьяна Иосифовна. — Лидочка привезла торт, и он уже почти разморозился.

Соня поднялась и спросила:

— А где чайник?

— Синий чайник стоит на плите. Милостями Лидочки даже растворимка появилась в нашем доме.

Сонечка пожала крутыми плечиками и направилась на кухню. Татьяна Иосифовна спросила Лидочку:

— Вы мне рассказали по телефону о шкатулке. Может, вы сможете ее описать?

— Разумеется! — сказала Лидочка. — Эта история началась еще до войны. Моя бабушка дружила с вашей мамой.

— Я знаю, знаю! — радостно ответила Татьяна Иосифовна. — Я даже нашла ее фотографию. Соня, достань альбом. Вон там, на стеллаже. Правее, еще правее. Ну что же ты, слепая, что ли? Синий! Вот именно. Спасибо.

Соня уселась на свое место, а Татьяна Иосифовна раскрыла старый, переполненный наклеенными, а то и просто вложенными фотографиями, альбом. На первой странице оказалась групповая фотография, судя по одежде — тридцатых годов.

— Вот моя мама, а рядом — ваша бабушка, Лида. Мне же мама все рассказывала. Я сама плохо помню вашу бабушку, но мама рассказывала. И я сразу узнала. Я поэтому и вас сразу узнала.

На глянцевой, чрезвычайно четкой фотографии — так и представляешь себе покрытый черным платком, согнутый вперед торс фотографа, как бы приставленный сзади к деревянной, на ножках коробке с пирамидальной гармошкой объектива, — была изображена группа людей на фоне фонтана и пальм. Группа состояла из нескольких обритых либо коротко остриженных мужчин в белых сорочках и светлых мятых брюках, возлежа-

щих у ног легкомысленно хохочущих девиц в сарафанах и панамках. Все эти люди излучали жизнерадостность и беззаботность.

— Тридцать пятый год, — сообщила Татьяна Иосифовна. — Мало кто из них протянул больше двух лет.

— Это точно ваша бабушка, — сказала Соня, показав на молоденькую Лидочку, стоявшую в обнимку с бровастой, пышной, чернокудрой красавицей.

— Правильно, — согласилась Татьяна Иосифовна, — а рядом моя мама. Меня же, как всегда, оставили в Москве.

— А я думала, что вашего папу в честь Сталина назвали, — разочарованно произнесла-протянула Соня. — А он получается старше.

— Нет, когда папа родился, никто не подозревал о том, что один грузинский бандит станет освободителем человечества. Поэтому моего папу назвали так в честь одного плотника.

— Плотника? — удивилась Соня. — А почему плотника?

— Такая была специальность у папы Христа. Иисуса Иосифовича. Поняла?

— Ах, я совсем забыла, — Соня покраснела, даже круглый носик покраснел. Особенно покраснели щечки — казалось, что их незаметно помазали свеклой.

— Тогда считали, — сказала Лидочка, — что с вашей мамой, с Маргошкой, ничего не случится. Она имела большие заслуги перед партией... — Лидочка, произнеся эту формулу, сделала осторожную паузу, опасаясь, что вызовет вспышку гнева у диссидентки, но Татьяна Иосифовна лишь послушно склонила голову. — И ее муж, ваш папа, занимал большой пост.

— Это никому не помогало, — сказала Татьяна Иосифовна. — Сталин с наибольшей яростью уничтожал старые ленинские кадры.

Она вздохнула. Сонечка, как дитя другой эпохи, не подумав, произнесла:

— Что Сталин, что Ленин — один сатана.

— Ах, что ты понимаешь! — вздохнула Татьяна Иосифовна.

Сонечка и в самом деле ничего не понимала.

— Моя бабушка, — сказала Лида, — оставила у Маргошки шкатулку с археологическими находками и дневниками деда. На время. А потом началось...

— И всех арестовали? — спросила Соня.

— Не сразу, — ответила Лидочка. — И это — долгий рассказ.

— Человеческие судьбы — всегда долгий рассказ, — подтвердила Татьяна Иосифовна.

— Все эти годы в нашей семье сохранялась надежда, — продолжала Лида, — что шкатулка с находками и документами хранится где-то в вашем доме. Ведь Маргарита, как я знаю, даже чувствуя опасность ареста, уговаривала мою бабушку не брать у нее шкатулку. Потому что она хранит ее в безопасности.

— Она не смогла сохранить не только себя, но и меня! — с осуждением заметила Татьяна Иосифовна.

— Господи, какая тайна! Как интересно, — прошелестела Соня.

— А поэтому вы можете понять, что мы никогда не теряли окончательно надежды, — сказала Лидочка. — Ведь так хочется надеяться.

— А какая это была шкатулка? — спросила Татьяна Иосифовна. — Если она была в нашем доме, то я бы запомнила, я помню все мамины вещи.

— Вряд ли Маргарита увезла эту шкатулку в тюрьму или в ссылку.

— Но она могла выкинуть все вещи, а шкатулку использовать как ящик, — предположила Соня. Лидочка давно допускала такой вариант и огорчилась тому, что, помимо нее, так же думает посторонний человек.

— У меня есть ее рисунок. Моя мама сделала его по памяти.

Лидочка достала лист, сложенный вчетверо.

Она развернула его на столе, между тарелками. Это была простая шкатулка, формой напоминающая сундучок, из-за того что крышка была немного выпуклой.

Шкатулка стояла на ножках, сделанных в форме деревянных шариков, а рядом аккуратно были проставлены размеры — двадцать на тридцать два сантиметра, а высота — шестнадцать сантиметров.

— Она большая, — сказала Сонечка, отмерив расстояние на столе.

— И тяжелая, — добавила Лидочка.

— Нет, — уверенно сказала Татьяна Иосифовна, — такой шкатулки я не видела.

Лидочка, конечно же, готовила себя именно к такому ответу, но тем не менее была ужасно расстроена.

— Вы говорите об археологических находках, — произнесла Татьяна Иосифовна. — А может быть, они лежали не только в шкатулке?

Лидочка подхватила кончик путеводной ниточки.

— Как же я не подумала! Конечно, что-то могло сохраниться и без шкатулки.

— Впрочем, — Татьяна Иосифовна склонила крупную птичью голову, посаженную на моржовое тело, — я могла и видеть шкатулку, но не обратить внимания... В каком году, вы говорите, она была передана моей маме?

— В тридцать восьмом.

— За три года до ареста мамы.

— И вам уже было... — Лидочка запнулась.

— Мне было восемь.

— Но, может, Маргарита хранила шкатулку в другом месте?

— Где? — вскинулась Татьяна.

— На даче?

— У нас тогда была государственная дача. Мама никогда не хранила там ценных вещей. Садовый участок она купила уже в конце пятидесятых.

— Но у родственников...

И тут Лидочка обратила внимание на то, что Соня подмигивает ей. Она даже не поверила сначала своим глазам. Что хочет сказать Соня?

— У нас было мало родственников, и никто не пережил этой кровавой бойни, — заявила Татьяна Иосифовна, подводя итог разговору. — Но я допускаю, что мама могла куда-то спрятать вашу коробку. И затем скрыть от меня сам факт обладания ею. Допускаю... Она не хотела, чтобы я знала то, о чем лучше не знать. Лишнее знание в те годы — лишний риск. Лишний шанс погибнуть. Она и без того меня не уберегла.

— А что она могла поделать? — вмешалась Соня.

— Не мне сейчас судить маму, — ответила Татьяна Иосифовна, и стало понятно, что она давно уже ее осудила.

— Если бы я за мою мамочку взялась, — вздохнула Соня, — на ней бы живого места не осталось. Я уж не говорю о моем родителе. Но у них была своя жизнь, Татьяна Иосифовна. А то тут недолго и вас осудить.

— Это не входит в твою компетенцию, — холодно оборвала ее Татьяна Иосифовна. — Когда у тебя будут собственные дети, тогда мы посмотрим, как ты будешь себя вести. — Сказав так, Татьяна взяла кастрюлю и выскребла из нее на свою тарелку остатки картошки. Потом полила ее соусом с пустой уже сковородки.

— Не исключено, что у Маргариты были драгоценности. Аленка как-то вспоминала, что у бабушки было кольцо с изумрудом.

— Чепуха, — заявила Татьяна. — Маргарита была бессребреницей. Это было ленинское поколение революционеров, которые не думали о выгоде для себя. Вы путаете ранних идеалистов и хапуг тридцатых и сороковых годов.

Татьяна Иосифовна бросила на тарелку кусок хлеба и, насадив его на вилку, стала возить по донышку, чтобы собрать самое вкусное.

— Я думаю, что никогда не избавлюсь от чувства голода, — сказала она, почувствовав взгляд Лидочки.

— Я вас так понимаю, — вдруг поддержала старуху Соня. — Я ночью встаю, иду на кухню, открываю холодильник, достаю кусок колбасы и жую, представляете?

«Интересно, почему Соня подмигивала мне? Имело ли это отношение к шкатулке? Но есть возможность проверить...»

Татьяна выскребла тарелку и спросила:

— А что у нас с кофе, девочки? — Она явно подобрела.

— Я сейчас принесу чайник, — сказала Лидочка.

— Ты, по-моему, хозяйственная, — решила Соня. — А я в чужих домах совершенно не ориентируюсь.

Лидочка не поняла, хвалят ее или осуждают.

— Ну, где же наш торт? — капризно спросила Татьяна. Лидочка принесла из кухни чайник, затем поднос с чашками и торт. И, садясь вновь за стол, как бы невзначай заметила:

— Видно, мне не остается ничего другого, как спросить о шкатулке вашу Алену.

— Конечно, — сразу, с готовностью согласилась Соня. — Именно так. Я вам дам ее адрес. А то, хотите, сама спрошу.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Мне очень хочется надеяться, что хоть что-то от этой шкатулки сохранилось. Клянусь, там не было никаких драгоценностей — только дневники моего деда и археологические находки.

— А какие находки? — спросила Соня.

— Когда-то перед революцией мой дед копал в городе Трапезунде, в Турции.

— А как он туда попал?

— В то время там стояли русские войска.

— И он сделал открытие?

— Да, он сделал открытие.

— А как к этому отнеслись турки?

— Честное слово не знаю. Но насколько мне известно, находки связаны не с турками, а с грузинами.

— Я вас потому слушаю, — сказала Соня, — что у меня в памяти все это всплывает, — она и в самом деле будто прислушивалась к собственным воспоминаниям и искренне желала вспомнить. — И мне даже кажется, что я помню рассказ о тетрадях — они были в синих твердых переплетах.

— Правильно, Соня, — в Лидочке проснулась надежда. — И где вы могли их увидеть?

— Я постараюсь вспомнить, — сказала Соня.

— Я все более склоняюсь к тому, что шкатулка была спрятана на маминой даче, — подсказала Татьяна Иосифовна. Она произнесла эти слова с каким-то вторым значением, которого Лидочка не могла разгадать.

— Свежо предание, но верится с трудом, — кухонным голосом отрезала Соня. — Вы же отлично знаете, что дача сгорела.

— Ах, я об этом все время забываю. Это так далеко от меня. К тому же мне «Мемориал» выделил настоящий дом, с газом, ванной, не то что мамина хибара.

— Что ж делать, — съязвила Соня. — У кого-то «мерседес» по заслугам, а кто-то на мотоцикле всю старость проездил.

— Лучше пойди и поставь снова чайник, — велела Татьяна Иосифовна. — А то кипятку на донышке осталось.

Сонечка послушно поднялась и прошлепала на кухню, отбивая шаги задниками старых тапочек.

— Меня очень беспокоит Алена, — тихо сказала Татьяна Иосифовна. — Я стараюсь не показать это при дурехе Соне, но на самом деле я буду тебе очень благодарна, если ты съездишь к Аленке, не только из-за шкатулки, а как... ну как молодая, но старшая родственница.

— Я же не родственница.

— Ах, какая разница. Ты давно уже родственница. Ты сделаешь это для меня? Ну выслушай ее, помоги ей определить свое место в жизни, убеди ее, наконец, что нельзя мыслить лишь этим самым местом — иначе мужчины не будут тебя уважать.

— А я думаю, что позвонить надо вам, — оказывается, Соня уже возвратилась из кухни и, конечно же, слышала часть разговора.

— Ты не представляешь — что это для меня означает! — взъярилась Татьяна. — Километр по глубокому снегу человек практически без ног одолеть не может.

«Но одолела, когда заинтересовалась моим письмом», — подумала Лидочка.

— Я не могу привести в порядок дом, хотя для меня это трагедия. Я не хочу жить в грязи, но не могу вымыть пол. Я даже пыль вытираю лишь на уровне живота, — и Татьяна горько засмеялась.

— Тогда давайте договоримся, — неожиданно заявила Соня, демонстрируя Лидочке добрую сторону своей натуры. — Я останусь у вас, вымою полы, вытру пыль, а вы позвоните Алене.

— Честно? — спросила Татьяна Иосифовна.

— Честное пионерское.

Обе теперь улыбались, и Лидочка поняла, что, несмотря на споры и ссоры, эти две женщины знакомы давным-давно, и этот стаж, события, которые они вместе пережили, и, видно, любовь к несчастной Алене объединяют их куда больше, чем кажется с первого взгляда.

Они пили кофе, говоря о вещах нейтральных, но близких к теме шкатулки — об археологии и экспедициях, в которые так часто ездил Лидочкин дед, а теперь ездит и муж, Андрей Берестов, о тайнах и последних открытиях — причем Лидочка обрела в женщинах внимательных и благодарных слушательниц. Наконец Лидочка сказала, что ей пора идти. Уже темно, а ей не хочется возвращаться поздно. И, конечно же, ее поняли, потому что хоть Переделкино — относительно спокойное место, все же даже по центру Москвы в темноте женщине теперь лучше одной не ходить.

Так что Лидочку никто не задерживал. С Соней они договорились созвониться завтра с утра. Татьяну Иосифовну Лидочка обещала не забывать и обязательно навестить в самое ближайшее время, а не как только у той кончатся продукты и окончательно откажут ноги.

Сонечка не спешила начинать уборку, а включила старый телевизор и была огорчена тем, что в нем уже не осталось красного цвета, и изображение было желто-зеленым. Но шла какая-то серия какого-то бразильского фильма, и потому Соня приклеилась к экрану и обо всем забыла.

Татьяна Иосифовна сделала жалкую попытку вспомнить что-нибудь о Лидочкиной бабушке и этим как бы восстановить древние связи, но, конечно же, ничего не вспомнила. Лидочка оделась. За окном было черно.

Татьяна Иосифовна проводила ее до дверей и, когда Лидочка вышла на крыльцо, с удивлением поперхнувшись ломким мо-

розным воздухом, долго гремела сзади ключами и засовами, чтобы не впустить в дом ни мороз, ни воров.

Лидочка поняла, что в ней забрезжила надежда отыскать если не шкатулку и не предметы из Трапезуида, то, по крайней мере, тетради Сергея Серафимовича.

Лидочка дошла до калитки, рассуждая о возможном везении и о том, как вещи порой переживают своих хозяев, отворила калитку и несколько секунд постояла, оглядывая улицу и пока еще не сознавая, почему так странно себя ведет. Потом вспомнила: восточный человек в джинсовой куртке.

Вспомнив о нем, поморщилась и тут же постаралась отогнать неприятную мысль разумным уверением о том, что на двадцатиградусном морозе ни один кавказец не сможет продержаться два часа.

Она отправилась по проулку к улице. Снег стал лиловым, отражая по-зимнему черное холодное небо. Он скрипел так, что, казалось, звук ее шагов доносился, по крайней мере, до поспешившего показаться на небе месяца.

Интересно, станет ли Соня мыть пол или так и останется у телевизора? А Алена ждет родственного участия и не дождется. Впрочем, может быть, она более нуждается в участии какого-то неизвестного джентльмена?

Эта мысль проскочила быстро, как продолжение прежних рассуждений, и тут же оборвалась, потому что, повернув на улицу, Лидочка услышала быстрые шаги.

Она не сразу обернулась, сначала представила себе, что это торопится из школы девочка с портфелем или семенит старушка, опаздывая на электричку.

Но потом она поняла, что шаги мужские и кому они принадлежат. Потому что чеченцы вовсе не боятся морозов, а их сакли расположены на склонах гор выше линии вечных снегов или альпийских лугов... что за чепуха лезет в голову — надо же обернуться и посмотреть, далеко ли этот человек, надо решать, куда бежать спасаться — на пустую платформу или вернуться назад к Татьяне. Впрочем, на платформе могут оказаться нормальные люди... и они не дадут ее в обиду? Но до платформы бежать минут пять. За эти пять минут он ее убьет. Она чувствовала, что он хочет ее убить — только ради этого можно подвергать себя таким мучениям...

Лидочка не заметила, как побежала вперед — жертва всегда убегает вперед, не глядя куда, чем облегчает задачу преследователю.

Но, пробежав несколько шагов, поскользнувшись и потеряв скорость, Лидочка спохватилась — что я делаю? Он же меня сейчас догонит...

И Лида поняла, что больше всего ей хочется остановиться и спросить у молодого человека: «Простите, а что вам от меня надо? Я ведь ни в чем перед вами не виновата».

А он не для разговоров со мной мерз. Он ждал, пока мы останемся одни...

Надо закричать...

А то так громко скрипят шаги — мои, сбивчивые, неровные, его — мерные, уверенные в своей силе, в себе, словно он загонял жертву в угол, откуда не было выхода... Однако выход был, он представлял собой улицу, ведущую к железной дороге, но ей никогда в жизни не добежать до железной дороги...

Надо закричать... но почему-то не получается, дальше мыслей о крике дело не идет — рот открывается и закрывается вновь — разве это стыдно: звать на помощь? Но кто придет тебе на помощь? Люди лишь крепче запрутся в домах.

Вроде справа приоткрыта калитка.

Ринуться на участок? Но дом стоит темный, вернее всего, хозяев нет дома... и на затененном соснами участке бандиту будет куда удобнее разделаться с Лидочкой.

Здесь, под редкими фонарями, хоть останется надежда...

Надо обернуться. Он уже совсем близко, а у нее сапоги на каблуках. Это же надо быть такой идиоткой — собраться за город, а сапоги на каблуках. Но она же не знала.

— Лида... Л-и-д-д-а-а-а!

Зачем он зовет ее?

— Лида, постой!

Это не его голос. Это знакомый голос. Надо обернуться, а как обернешься, если страшно.

Все же голова обернулась сама, и тут Лидочка поскользнулась, потеряла равновесие и совершила отчаянное падение в стиле раннего Голливуда, когда комик долго по-куриному машет руками на краю крыши небоскреба, чтобы потом сорваться и повиснуть над пропастью, держась за карниз носком ботинка.

Во время этого гимнастического номера Лидочку развернуло, и она увидела, как молодой человек в джинсовой куртке тормозит у начала ледяной дорожки, но смотрит не на нее, а обернулся, закрывая ее от взора того, кто и звал Лидочку.

— Лида! — донеслось из-за спины, и в это мгновение хлопнула калитка, та самая, в которую Лидочка хотела было ныр-

нуть, и оттуда появился пьяный мужик с рюкзаком за спиной и мощным сверлом в руке — такими пользуются любители подледного лова.

В руке Лидочкиного преследователя что-то блеснуло, а может, ей показалось, что блеснуло, потому что должно было блеснуть, и он кинулся бежать. Он побежал назад, обогнул Соню, которая, уверенно расставив толстые ноги, стояла посреди дороги. Она погрозила ему вслед кулаком, а потом поспешила помочь Лидочке подняться.

— Он тебя испугал, да? — спрашивала Соня. Ее очки аж запотели от сопереживания, а у Лидочки тряслись губы, и она не могла ничего ответить.

— Он тебя преследовал?

— Помочь? — спросил, нависая сверху, мужик с коловоротом.

— Спасибо, не надо. Вы на станцию? — произнесла Соня.

— На станцию.

— Тогда не спешите, — приказала Соня. — Чтобы моя подруга вашу спину впереди видела. Я не хочу, чтобы на нее нападали.

— А как же я спину буду показывать, если поезд через четыре минуты? — удивился мужик. — Спешить надо.

— Тогда иди, — согласилась Соня. — А я выскочила, потому что ты забыла бумажку с адресами и телефонами.

Соня сунула в руку Лидочке смятый листок бумаги и добавила:

— Завтра позвони, все узнаешь о своей шкатулке. А сейчас беги! Чтобы спину не упустить.

И весело засмеялась.

— А ты? Ты не боишься возвращаться? — спросила Лидочка.

— Он сейчас уже к Москве подбегает, — ответила Соня. Она сняла очки и стала их протирать.

Лидочка поспешила за спиной мужика. Она успела на электричку, а когда уже сидела в полупустом холодном вагоне, то ноги отнялись. Лидочка сидела и боялась, что ноги не отойдут до Москвы — как тогда доберешься до дома?

Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Лидочка смотрела в окно на пробивающиеся сквозь февральский снег огни все растущих, чем ближе к Москве, домов. Потом развернула листок с телефонами и адресами. Оказывается, Алена Флотская жила на Васильевской улице, недалеко от Лидочки, пешком можно дойти...

Но избавиться от страха, который укоренился в ней, она не смогла. И если дверь в вагон открывалась, она резко оборачивалась, хотя было безопаснее прятать лицо и делать вид, что спишь. Если ее ищет убийца, то он скорее заметит женщину, которая смотрит на него в упор.

Убийца так и не показался.

Непонятно было, кому могла Лидочка досадить настолько, что ее подстерегал незнакомый и страшный человек. Это не мог быть отвергнутый поклонник, потому что всех своих поклонников Лидочка знала в лицо, и не мог быть наемник поклонника, так как все ее поклонники были самостоятельными людьми. Врагов случайных и сознательных у нее вроде бы не было... Грабитель? Но грабители не ждут два часа на жутком морозе. Сексуальный маньяк — допускаем, но сомневаемся по той же морозной причине — за два часа сексуальные позывы на морозе в двадцать градусов гаснут — это вам любой доктор скажет. Ну а если без шуток, что это все означает?

Лидочка ничего не придумала и, конечно же, не догадалась связать восточного человека с утренними событиями и выстрелами у подъезда.

Толпа пассажиров внесла ее в метро — каждый третий волочил трехцветную пластиковую сумку размером с молодого бегемота, но больше весом, остальные тащили тележки с двумя-тремя сумками. Притом все спешили и сердились на Лидочку, которая ничего не волокла и не толкалась.

Какого черта он за ней гонялся?

В вагон метро она забралась предпоследней — за ней влез амбал с чемоданом. Он нажал чемоданом Лидочке на живот, и она стояла целую остановку, прижавшись к чемодану.

Он хотел ее убить? За что же можно ее убить?

На «Белорусской» из вагона выплеснулось несколько тысяч мешочников, и все одновременно принялись штурмовать эскалатор метро. Спрятанная в стеклянном стакане у подножия эскалатора дежурная кричала в микрофон, чтобы пассажиры не ставили тележек на ступеньки, потому что их колеса заклинивает между ступеньками и происходят аварии. Когда Лидочка была на полпути к выходу, эскалатор неожиданно остановился, все повалились вперед, и люди начали сердиться на дежурную за то, что она сглазила, другие — проклинать торгашей. Затем все стали подниматься пешком на высоту десятиэтажного дома. Когда до выхода с эскалатора оставалось двадцать ступенек, эс-

калатор без предупреждения рванулся вперед и снова все, кто на нем были, повалились, но назад.

Лидочка, избитая, на ватных ногах, вышла из метро.

Сколько же можно мучить русскую соломенную вдову? В нее стреляют, за ней бегают, ее сбрасывают с эскалатора. Ну и денек...

Совсем уже стемнело, лед вокруг Белорусского вокзала был покрыт замерзшей грязью и скользкими кусками картонных ящиков. Последние торговки выкрикивали что-то у киосков, милиция уже ушла по домам, мелкие бандиты вытащили на мостовую столики со стаканчиками — завлекать приезжих идиотов игрой в наперстки. Лидочка скользила по буграм черного льда и замерзшим хлопьям картона.

Глава третья

ДОПРОС

Лидочке ничего не снилось. Как провалилась в сон, вымывшись с дороги, так и вывалилась из него, от телефонного звонка.

Красавец Андрей Львович говорил с ней, как со старой приятельницей.

— «Проснись, красавица, проснись, — заявил он, — открой сомкнуты негой взоры». Узнали меня?

— Пушкин, — уверенно ответила Лидочка.

— Нет, я серьезно, — сказал лейтенант.

— И я серьезно, Александр Сергеевич.

— Андрей Львович, — поправил ее лейтенант. — Ну ничего, со временем привыкнете к моему голосу.

— Это что, угроза? — поинтересовалась Лидочка.

— Мало ли что может случиться? — ответил лейтенант. — От врачей и милиции не отказываются.

Лидочке хотелось спать, глаза не открывались. Даже угроза постоянных встреч с милицией ее окончательно не разбудила.

— Вы меня слушаете? — спросил лейтенант.

— С трудом, — призналась Лидочка.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал лейтенант. — Я сейчас как раз собрался в отделение, по дороге вас захвачу.

— У вас «мерседес»? — спросила Лидочка, проникаясь отвратительным чувством беспомощности перед роком в лице милиционера. Ее самый сладкий утренний сон вот-вот будет добит.

— Нет, на своих двоих, — сказал лейтенант.

— Тогда я сама найду к вам дорогу. Часа через два.

— Часа через два я буду на другом объекте, — сказал лейтенант. — А мне надо записать ваши показания. Следователь мне не простит, если их в протоколе дознания не будет. Так что вставайте, вставайте. Я у вас через...

— Два часа! — закричала в трубку Лидочка.

— Через двадцать пять минут! — лейтенант дьявольски захохотал и бросил трубку.

Лидочка поняла, что Андрей Львович сдержит свое слово. Пришлось вставать, так и не выспавшись и не изгнав из себя вчерашние страхи и переживания. Причем утром они приняли странную форму. Войдя на кухню, Лида хотела подойти к окну, но не посмела — ей стало страшно. Ноги буквально прилипли к полу — сказалась замедленная реакция на вчерашние события. Голову ломило так, словно Лидочке уже исполнилось сто лет, хотя это было неправдой. Она заставила себя сделать крепкий кофе. И пока была в ванной, кофе убежал.

...В дверь позвонили. Лидочка поглядела в глазок. Никогда раньше не глядела в глазок, а на этот раз поглядела. Подумала, что пора бы Андрею позвонить из Каира, хоть они и не договаривались о таком звонке — жили по принципу много и часто ездящих людей: если вестей нет, это хорошие вести. Как только случается беда, о ней сразу становится известно.

За дверью стоял лейтенант Шустов, в шикарной шинели и ушанке. Только сейчас через глазок Лидочка увидела, что у него есть усы, небольшие черные усы.

Она открыла дверь и сказала, чтобы лейтенант проходил на кухню, кофе ждет.

Лейтенант стал отказываться, ссылаться на то, что им надо спешить, но Лидочка сама еще не завтракала, — так что лейтенанту пришлось подчиниться. Он разбавил свой кофе морем молока и выпил залпом. Пока Лидочка допивала свой кофе, он проверил, хорошо ли вставлено стекло, и спросил, когда комендант принесет стекло для внутренней рамы, а то дует. Лидочка сказала, что комендант ищет стекло. Лейтенант рассеянно водил пальцем по следу от пули. Потом смотрел в окно, как бы проверяя, откуда эта пуля прилетела. Он был серьезен. Лидочка подумала, что когда он говорил с ней по телефону, то был еще дома и вел себя как простой молодой человек, а теперь он уже ощущает себя на службе.

— Вы не женаты? — спросила Лидочка.

— Был женат, — ответил Андрей Львович. — Неудачно. Не сошлись мировоззрениями.

— Да, — сказала Лидочка, — это сложнее, чем не сойтись характерами.

Андрей Львович в очередной раз не понял ее, к тому же он, оказывается, не знал, что женщинам помогают надевать пальто или шубу. Может быть, в этом и заключалось несходство его с женой мировоззрений.

Когда они спустились вниз, было около девяти — невероятно раннее время, если забыть, что вчера она поднялась в шесть. Первой в дверь лейтенант Лидочку не пропустил — но она уже начала привыкать к свойствам его характера. Лейтенант даже задержал ее, выглянув наружу первым и посмотрев по сторонам, как положено делать полицейским из американского боевика. Не увидав никакой мафии, он пошел вперед, правда, придержав дверь для Лидочки. На улице было холодно, как вчера, сразу обожгло щеки.

— Крестный отец спит? — спросила Лидочка.

— А черт его знает, — ответил лейтенант. И Лидочка поняла, что на этот раз ответ лейтенанта следует понимать буквально. По какой-то, еще неясной для Лидочки причине лейтенант Шустов полагал, что ей может грозить опасность. А он вовсе не был похож на человека, который ни свет ни заря приходит за девицей от офицерского безделья...

— А что нового о Петренко? — спросила Лидочка.

— Ему повезло. Пуля пронзила мышцы. Выкарабкается.

— Не нам судить, — сказала Лидочка и смутилась — почему она должна учить морали лейтенантов?

— Судить будет суд, — согласился лейтенант.

Они вышли на площадь Тишинского рынка и направились вдоль сквера. Рынок лишь недавно открылся, но первые белорусские торговцы, что привозят утренними поездами сардельки и сметану, уже располагались на тротуаре.

Лейтенант крутил головой, словно искал злоумышленников, Лидочке он сказал о белорусских торговцах:

— Ну что будешь делать? Они нам своей грязью весь район погубили.

— Вы бы отвели им место, наняли бы уборщиков...

— Ничего не помогает — не хотят за собой убирать. Рынок.

Последнее слово прозвучало ругательно. Свобода торговли, хотя и приносит прибыль, для милиции — источник беспокойства.

В отделении было мало народу. У дверей стоял газик с решетками на окнах, туда сажали каких-то сонных оборванцев. В коридоре было пусто и пахло дымом хороших сигарет. Андрей Львович провел Лидочку к себе в комнату, разделся сам и повесил ее пуховик на вешалку в углу комнаты. Она села за стол, лицом к окну. Перед глазами была Васильевская улица. Надо будет сегодня позвонить этой Алене. Жаль, что она не взяла с собой сумку, в которую положила записку с телефоном, а то можно было бы зайти к ней прямо из милиции. Ее дом где-то рядом.

— Я вас пригласил, — заявил лейтенант безличным голосом чиновника, не имеющего ничего общего с галантным ее приятелем, который провожал ее от дома до отделения, — чтобы снять с вас показания относительно перестрелки, имевшей место по Среднему Тишинскому переулку вчера утром.

— Но вы же все знаете.

— Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, — вчера мы разговаривали. А сегодня мне к следователю идти, показывать, что сделано.

— А разве вы не следователь? Я думала, что вы как комиссар Мегрэ.

— Давайте без шуток, — осадил ее лейтенант. — У нас не Франция. У нас следствие ведет прокуратура.

— А вы?

— Мы ей помогаем, — сказал лейтенант, и Лидочка поняла, что его не устраивает такой порядок вещей, он предпочел бы французские порядки.

— Значит, вы как служебная собака, — рискованно произнесла Лидочка. Но лейтенант почему-то не обиделся, а понял ее правильно.

— Вот именно, — сказал он. — Мы прибегаем, берем след, догоняем, хватаем, получаем пулю в живот, а Чухлов разбирает бумажки и проявляет неудовольствие. Все верно.

— Чухлов — это следователь?

— Следователь прокуратуры, — уточнил Шустов. — Мы с вами поговорим, а он прочтет.

— Так, может, ему лучше сразу поговорить со мной?

— Если он сочтет нужным, то он вас вызовет. А может, не вызовет. У него тридцать дел, только и успевает закрывать.

Они помолчали. Этим Лидочка выражала сочувствие своему знакомому милиционеру. Но оказалось, зря.

— И это хорошо, — признался Шустов. — А то бы меня во-

обще делами завалило. Я же за день два-три раза выезжаю, в городе беспредел. Когда мне все расследовать?

— Значит, он не успевает и вы не успеваете, — поняла Лидочка.

— Но записать все нужно, — закончил разговор лейтенант. — Вы оказались одной из двух свидетельниц.

— А кто вторая? — Лидочке вдруг стало обидно, что она потеряла монополию из-за того, что какая-то бабуся с шестого этажа выглянула на шум.

— Как кто? Забыли, что ли? Лариса, ваша соседка — она же тащила его.

— Я думала, что она — потерпевшая.

— А в чем она потерпевшая? Что пальто кровью испачкала?

— Ее могли убить.

— Но ведь не убили.

— Вы жестокий человек, лейтенант.

— Жизнь заставляет... Не улыбайтесь, я даже не шучу. Вы бы насмотрелись на то, что я вижу, — вообще бы в человечестве разочаровались. А я терплю. Жена бывшая меня просто умоляла — Андрюша, уйди из розыска, будем хорошо жить, устроишься, как человек. Чудачка. Я же авантюрист.

— Значит, вами управляет не совесть?

— А вы детективы читали? Наши, совковые?

— И не деньги?

— Теперь за американские принялись. Давайте перейдем к делу. Меня в любой момент могут отозвать. Чует мое сердце, надвигается бешеный день. Итак, начнем с начала: ваше имя, отчество?

— Берестова Лидия Кирилловна.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят девятый.

— Вот бы никогда не подумал.

— А что вы подумали?

— По крайней мере, на десять лет моложе.

— Нет, к сожалению, я гожусь вам в тети.

— Очень любопытно. Только я вас тетей называть не буду.

— Я этого и боялась.

— Проживаете по адресу...

— У вас указано.

— Что можете сообщить по поводу событий, имевших место возле вашего подъезда вчера, в семь часов утра? Почему вы так рано поднялись?

— Я провожала мужа в командировку.

— Куда?

— Это имеет отношение к делу?

— Возможно.

— Он улетал в Каир, на конференцию по коптскому искусству.

— Он что, этим искусством занимается?

Лидочка уловила в вопросе снисходительность настоящего мужчины, который занимается настоящим делом, к недомерку-искусствоведу.

— В частности, он разбирается и в этом. Иначе зачем бы египетскому правительству его приглашать?

— Не знаю, — отрезал лейтенант.

Было очевидно, что на месте египетского правительства он загнал бы Лидочкиного мужа на полуостров Таймыр.

— Расскажите, что вы видели.

— Было тихо, — почему-то Лидочка вспомнила сначала, как было тихо. — И вдруг я услышала, что к дому подъезжает машина. Я решила, что Андрей что-то забыл, понимаете?

— Конечно, понимаю. Самое обидное, — согласился следователь. — Я как-то билет дома оставил. На самолет. Подхожу к стойке для багажа, чтобы отметиться, и вспоминаю, что билет лежит на столе. Дома лежит, понимаете?

— Понимаю, — сказала Лида.

Перед окном проехал троллейбус. Люди поднимались, готовясь выйти на последней остановке. Шустов записывал. Из-за этого возникла пауза.

— Пора вам переходить на диктофоны, — сказала Лида.

— Пленки не подпишешь, — возразил Шустов. Он поставил жирную точку и произнес: — Продолжим наш разговор. Следовательно, вы подошли к окну. Кстати, ваш муж уезжал на служебной машине?

— Нет, на такси, — сказала Лидочка. — Я подошла к окну и увидела другую машину, белую «тойоту». В ней было двое. Один толстолицый в большом длинном пальто, вернее всего верблюжьего цвета.

— Почему вернее всего?

— Потому что рассвет только начинался, и отличить верблюжий цвет от светло-голубого нелегко.

— Но именно верблюжий, а не серый? Почему?! — вскричал Андрей Львович.

И в то же мгновение Лидочка заглянула на много лет назад

и поняла, почему он стал именно сыщиком и не мог стать никем иным. Он любил дознаваться. Он уже в первом классе допрашивал своих сверстников: а где ты был, а куда ты пойдешь... от него несчастная жена ушла, потому что он ее замучил допросами. Нет, даже не сами допросы были так сладки Андрею Львовичу, как возможность поймать человека, загнать в угол, заставить его смешаться, сбиться с толку, соврать, а потом вывести на чистую воду.

— Верблюжий цвет я вычислила по фасону, — сказала Лидочка.

Шустов отложил ручку, заглянул Лидочке в глаза и спросил:

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду под фасоном.

Лидочка искренне ответила:

— Это невозможно, Андрей Львович.

— Вы правы, — признал тогда лейтенант. — Оно было песочным.

Лидочка ему нравилась. Она была женщиной мягкой, доброй и стеснительной. У нее было лицо, которым можно любоваться — правильный овал, обрамленный забранными сегодня назад пепельными волосами, губы чуть более полные, чем нравилось лейтенанту, зато такого нежного розового цвета, словно никогда в жизни Лидочка не дотрагивалась до них помадой. И глаза у женщины были серыми, большими, а ресницы вокруг темными и густыми. Пожалуй, глаза были очень красивыми. Лейтенант не знал Лидочку и не догадывался, что губы и ресницы были умело тронуты косметикой, хотя Лидочка и спешила сегодня утром, и, уж конечно, он не подозревал, что Лидочкины глаза могут менять цвет и становиться стальными и узкими, если Лидочка гневается.

Помимо симпатии к прелестной женщине, что так остро и недоброжелательно почувствовала Инна Соколовская, которая надеялась женить на себе Шустова, Андрей Львович имел и дополнительные виды на Лидочку. По обстановке в квартире, по количеству книг, по одежде этой женщины, ну и, конечно же, на основе информации, походя выуженной у коменданта, лейтенант Шустов понял, что Лидочка — не простая жиличка и не простая гражданка, а ее муж не какой-нибудь искусствовед, а член-корреспондент Академии наук и член президентской комиссии. В последние месяцы Шустов принялся коллекционировать нужных людей, ибо понял, что пора уходить в большую политику, где чувствуется такой дефицит квалифицированных юристов и

решительных молодых людей, готовых навести в стране спокойствие и порядок. А в таком случае Берестовы могли ему понадобиться. Только не следует думать, что Шустов был циничным и на все готовым карьеристом — все его политические планы пока что оставались в его воображении.

Временно признав свое поражение в вопросе о верблюжьем цвете пальто, Шустов сделал вид, что удовлетворен данным ответом, и стал задавать следующие вопросы.

— Что еще вы может сказать о пострадавшем? — спросил он.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Кроме того, что он был модно пострижен.

— То есть без головного убора?

— Разумеется, Андрей Львович. Иначе бы я не догадалась, что он толстощекий и модно пострижен.

— Вы его раньше видели?

— Может быть.

— Что это значит?

— Могла видеть его с Ларисой, но не обратить внимания. Он не первый и не последний толстощекий кавалер нашей фотомодели.

Лидочка постаралась не вкладывать в эту фразу никаких эмоций, чтобы не навлечь на себя новых вопросов следователя.

— Откуда вы знаете, что она фотомодель? — сразу вцепился в это слово Андрей Львович.

— Потому что все в доме знают о том, что она — фотомодель. — На этот раз Лидочка вложила в наименование обозначение профессии.

Шустов был цепок, но не чуток. Его удовлетворил ответ.

— На какой автомашине прибыл пострадавший? — спросил следователь.

При ближайшем рассмотрении глаза у следователя оказались не совсем черными, а темно-шоколадными, но все равно совершенно непрозрачными, что смущало Лидочку, потому что она не могла заглянуть внутрь следователя. Пальцы у Андрея Львовича были не очень короткими, но сильно сужались к концам, и ногти были острыми, как у женщины.

— Пока следствием не выяснено, кто в этой ситуации пострадавший, а кто нет, мы с вами воздержимся от оценок, хорошо? — спросила Лидочка исключительно для того, чтобы перехватить инициативу.

— Это не оценка! — Андрей Львович повысил голос, и Лидочка подняла вверх густые брови — чуть растерянно и почти

жалобно. Глаза ее излучали беззащитность, и лейтенант смутился.

— Может, вы хотите чаю? — спросил он. — Я могу поставить. У нас плитка есть.

— Нет, что вы, Андрей Львович, — лукаво ответила Лидочка, — вы же плитку от пожарных в сейфе прячете. А вдруг кто войдет?

— Нет, в шкафу, — сказал Шустов, но улыбнулся. — Я повторю вопрос?

— Не надо. Я помню. Он касается машины. Так вот, ваш Петренко приехал в белой «тойоте». Эту машину два часа спустя увезли на буксире ваши сотрудники. Вернее, я надеюсь, что это были ваши сотрудники, а не просто угонщики.

— Наши, наши, — успокоил ее следователь.

Солнце уже поднялось довольно высоко — февраль звал весну. По подоконнику ходил голубь, ждал крошек от Инны Соколовской.

— Откуда вы знаете, что это была «тойота»? — спросил следователь.

— У моего начальника такая же, — ответила Лидочка.

— Вы могли ошибиться. Они теперь все похожи. — В голосе лейтенанта промелькнула горечь небогатого человека.

— Нет, я не ошиблась, — сказала Лидочка.

— Хорошо. — Андрей Львович вздохнул, будто Лидочка чем-то его огорчила. — Что вы еще можете мне сообщить по этому делу?

— А потом к дому подъехала другая машина.

— Какой марки?

— «Нива».

— Цвет заметили?

— Вишневая.

— И что сделала эта машина?

— Эта машина притормозила, и я увидела, что окна с моей стороны в машине опустили и в них появились стволы.

— Какие стволы?

— Я сначала думала, что пистолетные, но вы мне вчера объяснили, что стреляли из автоматов.

— Так, — произнес следователь, словно поймал Лидочку на серьезном проступке. — Но вы-то не видели, из чего стреляли.

— Зато я видела их лица.

— Но они же были в глубине, в темноте.

— Нет, они выглянули.

— Вы бы могли их узнать?

— Одного, может, узнала бы. Усатого.

— Но может, ошиблись? — Лидочке показалось, что лейтенант надеется на ошибку. И пошла ему навстречу:

— Может быть, я и ошиблась.

— Хорошо, — сказал Шустов. — Теперь давайте перейдем к следующему вопросу. Вы стояли у окна. Вас было видно с улицы?

— Разумеется. На кухне горел свет, занавеска была откинута.

— Значит, вас могли увидеть из машины, — голос следователя сошел на нет. Он замолчал и стал постукивать концом ручки по листу бумаги. — Вас могли хорошо видеть из машины.

— Вряд ли хорошо, — возразила Лидочка. — Но мой силуэт — да!

— А знаете ли вы, — спросил Шустов, — что выстрелы по вашему окну были не случайны?

— Вы хотите сказать, что они меня заметили?

— Да, вы поставьте себя на их место. Вот они едут медленно, вот они увидели свою жертву. Он же вышел из машины.

— Он вылез и пошел к Ларисе, чтобы проводить ее до подъезда.

— Тут они снизили скорость?

— Почти остановились.

— Теперь представьте себе, Лидия Кирилловна, что все окна в вашем доме были совершенно темными. И лишь в одном окне на втором этаже, как раз над подъездом, горит свет. Там стоит женщина и смотрит.

— Все случилось слишком быстро, чтобы они меня разглядели.

— Так они вас и не разглядывали! Они вас и убивать не хотели!

— Так зачем стреляли?

— А затем, чтобы отогнать вас, чтобы вы их не рассмотрели. Неужели непонятно?

— Понятно.

— Они боялись, что вы запомните их... или хотя бы машину.

— Я и запомнила.

— А еще больше они боялись, что вы заметите номер машины. Ведь бывают чудеса.

— Номер у них был такой, — сказала Лидочка, — Ю 24-22 МО... Я говорю, что номер у них был...

— Вы не могли его запомнить!

— Но у меня хорошая память на цифры, — сказала Лидочка. — И они проехали под самым фонарем.

— Так чего же вы раньше молчали?

— А вы меня не спрашивали!

По виду Шустова можно было заключить, что он жаждал назвать ее идиоткой, но удержался.

— Ну почему? Почему вы сразу не сказали! Мы же сутки потеряли!

Андрей Львович был глубоко удручен. И Лидочка даже поняла почему. Он ведь должен был допросить ее вчера и выудить информацию. А раз не выудил, значит, сам виноват. О номере машины следовало спросить сразу, когда был шанс эту машину задержать.

Но Шустов не любил признавать поражения.

— Ну как же вы могли! — сказал он и отбросил карандаш. Карандаш покатился по столу, следователь и свидетельница дружно полезли под стол, чтобы подобрать его, столкнулись под столом головами, а карандаш тем временем укатился под шкаф.

— Честное слово, — сказала Лидочка, стоя на коленях под столом, — я думала, что его не знаю. Но когда меня комендант спросил, я вдруг вспомнила.

— Где ее теперь найдешь, — следователь вылез из-под стола и уселся на свой стул раньше, чем это же успела сделать Лидочка. — Ваше счастье, — сказал Шустов, — если они не догадались, что вы заметили номер.

После чего он покинул кабинет.

На этот раз его не было долго. Раза два звонил телефон, но Лидочка не поднимала трубку. Заглянул человек в синем мятом костюме и спросил, где Вартанян. Лидочка не знала, где Вартанян, но предположила, что он владелец третьего стола в комнате.

— Сейчас мы подняли все силы на поиски машины. Если что — вы наш основной свидетель, — заявил Шустов, возвратившись после долгой отлучки.

— Меня нужно спрятать и сменить мне паспорт. Так всегда делают в Америке, — по мере сил серьезно сообщила Лидочка.

— В Америке нет паспортной системы, — возразил следователь.

— Какой ужас! — заметила Лидочка. — Как они находят друг друга?

— К сожалению, Лидия Кирилловна, — сообщил Шустов, — мы с вами собрались здесь не шутить. Мы имеем дело с серьезными преступниками, для которых ваша жизнь не представляет большой ценности. Это жестокие и беспринципные люди. И сейчас, в период, так сказать, разгула демократии, они потеряли всякий стыд и страх.

Лидочка не стала спорить. Но она не любила выражений типа «разгул демократии» или «Эльцина на плаху!», тем более «Демократов на виселицу!», хотя бы потому, что в этом была некоторая несправедливость. Ведь ей, Лидочке, никогда не придет в голову звать к топору или отправлять на плаху коммунистов. А ее как демократку кто-то желает обезглавить. А с сегодняшнего дня к категории желающих присоединились обитатели вишневой «Нивы» и, возможно, сыщик Шустов.

— Я вам советую, — продолжал между тем Шустов, — не рассказывать знакомым о ваших наблюдениях, особенно о номере машины. Надеюсь, никто об этом не знает?

— Никто, — твердо ответила Лидочка. — Кроме одного человека.

— Это еще кто? Подруга?

— Нет, комендант Каликин.

— Зачем вы ему рассказали?

— Я ему специально не рассказывала. Просто я при нем вспомнила номер «Нивы».

— А он что?

— А он предложил мне сообщить об этом в милицию.

— Правильно. А когда это было?

— Вчера в половине второго. После того как я побывала у вас с фотографиями. Помните, я принесла фотографии, а потом пошла домой. Каликин мне стекло вставлял.

— И почему же вы не пришли к нам?

— А я как-то не составила о вас благоприятного впечатления, — ответила Лидочка. — К тому же я спешила на поезд.

— Могли позвонить. Для этого не надо благоприятного впечатления.

— Мне показалось, что вам все это дело — до лампочки.

— Не знал я, что вы пользуетесь такими выражениями! — зло заметил лейтенант. — Но следовало бы думать, что независимо от ваших предположений у вас есть гражданский долг.

— Извините, очевидно, вы правы, а я не права. Но я очень спешила.

— Ваше счастье, что вас никто не пристукнул по дороге, — заявил милиционер. — А если бы они знали о номере, то точно бы пристукнули.

И тут к Лидочке возвратился вчерашний ужас — ужас, пережитый на поселковой дорожке перед молодым человеком в джинсовой курточке, который бежал за ней. Господи, как все понятно и просто...

— Что вы замолчали? — вторгся в ее страх голос лейтенанта. — Что-то уже было? Да говорите вы!

— Было, — призналась Лидочка.

Она рассказала лейтенанту о ее вчерашнем преследователе. Лейтенант слушал невнимательно, будто мысленно торопил ее, поддакивая и кивая головой, словно говоря: «Ну я же вас предупреждал!»

Лидочка видела это нетерпение, но не могла остановиться и рассказывать короче — словно сидела перед исповедником и должна была выложить ему все свои грехи. Сама на себя злилась за это, но продолжала тонуть в подробностях.

— Ясно, — прервал наконец ее рассказ Шустов. — Он побежал к шоссе, так что в поезде его не было. Значит, послали одного.

— Но, может быть, это совпадение... какой-нибудь сексуальный маньяк?

— Если вам так приятнее думать, — сказал лейтенант, — то пожалуйста.

Наконец-то она услышала в его голосе иронию. Сама виновата — показала себя глупой курицей.

— Но даже если наш дорогой комендант сообщил куда следует, что в моем лице можно ухлопать единственного свидетеля...

— Комендант Каликин вне подозрений, — отрезал лейтенант. — Он — ветеран, председатель ячейки общества ветеранов, трижды ранен. К тому же ему уже семьдесят лет. Давайте вычеркнем его.

— Давайте вычеркнем.

— Другое дело — он мог кому-то проговориться. Ведь старики у нас разговорчивые.

— Мне его спросить?

— Вам следует ни во что не вмешиваться. Спрашивать буду я. А пока мы с вами зафиксируем ваши показания.

— А что мне делать?

— Лучше всего переехать на несколько дней к кому-нибудь из родственников.

— У меня нет родственников.

— Тогда будьте осторожны и не открывайте незнакомым.

Зазвонил телефон. Звон у него был пронзительный и противный.

— Да, — сказал Шустов. — Нет, не могу. Я же сказал: не могу, у меня свидетельница. Мы показания оформляем... Понимаю... А где Петренко?.. Слушаюсь.

Он положил трубку.

— Ну вот, — сказал он виновато. — Этого я и боялся. Совершенно людей нет: Стоим, как спартанцы под Фермопилами.

Лидочка не удержалась и сказала:

— Фермопилы — не деревня, а горный проход. Под ним стоять трудно.

Шустов только поморщился.

— Я оформлю показания после обеда, — сказал лейтенант. — Вы идите. Мы с вами завтра поговорим. Вам в самом деле некуда уехать?

— Лучше уж я буду держать оборону дома, — ответила Лидочка. — В случае чего, вам позвоню.

— Хорошо. Будьте осторожны, — сказал лейтенант.

В комнату заглянул милиционер и сказал:

— Поехали. Все тебя ждут.

Лидочка поняла, что она здесь лишняя, и пошла к двери. Но в дверях спросила:

— А вы сегодня утром за мной заходили... потому что заподозрили, что они могут меня испугаться?

— Испугаться или напугать. Но убивать они пока не будут, — обещал Шустов.

Они вместе прошли по коридору. Шустов проводил Лидочку до выхода и вернулся к себе, а Лидочка направилась в сторону рынка.

Комендант стоял на загаженной детской площадке, где, в основном, прогуливают собак, и ждал Лидочку.

— Ну как? — крикнул он. — Ничего не случилось?

— А что должно было случиться? — спросила Лидочка. В ней уже жило подозрение к коменданту, она размышляла, как бы спросить его, что он сообщил о ней бандитам.

— Лидия Кирилловна, — комендант почти бежал к ней. —

А я здесь дежурю. Мне из милиции звонили, предупредили, чтобы я принял меры...

— Какие меры?

— Ну вы же понимаете! — комендант приблизился к ней и перешел на шепот. — Вам угрожает опасность от бандитов. А я, как ветеран, и если надо, то и мои товарищи ветераны, обещали товарищу Шустову обеспечить вашу безопасность.

— Спасибо, — только и могла сказать Лидочка.

Каликин проводил ее до подъезда, но там она попросила его возвратиться к своим неотложным делам.

Комендант согласился с ней, но тут же вошел в лифт следом за ней и, пока за Лидочкой не захлопнулась дверь, стоял в лифте, выглядывая наружу.

Лидочка прилегла на диван, но сон не приходил.

Может, позвонить Алене Флотской и договориться о встрече? Лидочке хотелось надеяться, что следы шкатулки отыщутся — ведь Соня утверждала, что видела шкатулку собственными глазами.

Мысли перенеслись от шкатулки к делам более близким и земным. Сейчас она понимала, нет, даже верила в то, что усатый парень в джинсовой куртке был подослан теми же, кто стрелял по ее окну. И он появился на сцене вскоре после того, как она сообщила коменданту о номере машины. Если эта машина не ворованная, то, конечно же, лучше заткнуть Лидочке рот. Будь она на их месте, непременно бы заткнула.

От таких мыслей стало неприятно.

И тут же (ведь каждый умеет себя успокаивать) пришла спасительная мысль: лейтенант разбудил ее так рано утром, чтобы иметь предлог выйти с ней вместе из дома. И если потенциальные убийцы поджидали ее — то желал пугнуть их своим бравым видом. Хотя мог бы и не пугнуть — тогда бы в ее висок вонзилась роковая пуля, и ее безжизненное тело, выскользнув из рук лейтенанта Шустова, тяжело опустилось в снег... Значит, он успокаивал ее, утверждая, что комендант — ветеран и отличник боевой и политической подготовки, тогда как, кроме коменданта, никто не знал о номере машины. Это был обман. На самом деле Шустов Каликину не верил, он даже обезвредил коменданта, позвонив ему прежде, чем Лидочка вернется домой. Теперь комендант знает, что он разоблачен, и не посмеет убить Лидочку.

Рука сама потянулась к телефону — если комендант не бродит вокруг дома, наблюдая за тем, как дворник Тамарка чистит

дорожки от снега, и не меняет лампочки во втором подъезде, то он таится в своей комнатке, выделенной для коменданта кооперативом.

Лидочка набрала номер.

Комендант откликнулся сразу — словно сидел и ждал указаний от банды убийц.

— Вас Берестова беспокоит.

— Внимательно слушаю, Лидия Кирилловна.

— Скажите, пожалуйста, когда лейтенант Шустов вам звонил, он дал вам понять, что вы единственный, кто слышал от меня о номере машины?

— Как вы сказали? — комендант откашлялся.

— Как вы слышали, — грубо ответила Лидочка. Грубость заключалась не столько в словах, сколько в интонации.

— Нет, я только просил вас повторить. Слух у меня старческий, не всегда понимаю.

— Значит, предупредил, — сказала Лидочка. — Потому что вы единственный. И если кто-нибудь будет... — нет, слово «покушаться» какое-то безвкусное, надо сказать что-то попроще, — ко мне приставать, угрожать, то ясно будет, откуда идет информация.

Комендант молчал.

Лидочка повесила трубку.

Она была довольна собой — пожалуй, впервые в жизни оскалилась и сама посмела угрожать человеку... А если старик ни в чем не виноват? Если он и на самом деле лишь ветеран и активист, а бандитам не понравилось то, что за ними наблюдают со второго этажа?

Она поднялась, поставила чайник. Никуда она нынче не пойдет. Хоть убейте. Будет отсиживаться в осажденной крепости, то бишь в собственной квартире...

Пора звонить Алене, нескладному чаду Татьяны Иосифовны Флотской, с неудавшейся личной жизнью. Телефон Алены был на листке из блокнота Сони, вместе с Сониным домашним телефоном. Второй листок — служебный телефон Сони. Соня может нравиться или не нравиться, но, по крайней мере, она спасла Лидочку от усатого бандита.

Время бежало незаметно. Шел уже двенадцатый час, когда Лидочка, позавтракав, наконец набрала номер телефона Алены.

Трубку взяли сразу.

Подошел мужчина.

— Вас слушают, — сказал мужчина знакомым голосом. Та-

кнм знакомым, будто Лидочка случайно набрала другой знакомый номер.

— Будьте любезны, попросите Алену, — произнесла Лидочка. Чей же это голос?

— А кто ее спрашивает?

Голос был похож на голос лейтенанта Шустова. Это какое-то наваждение. Неужели сейчас окажется, что лейтенант Шустов и есть тот мерзавец, который издевается над несчастной Аленой? А что такого? От милиции до ее дома два шага. Она могла идти домой и встретить бравого волоокого лейтенанта. Тот напросился к своей любовнице на чашку кофе.

— Ее нет дома? — вопросом ответила на вопрос Лидочка.

— Она дома. Но кто ее спрашивает?

— Она не может подойти?

— Да, она не может подойти.

— Тогда передайте ей, что я позвоню позже.

— Хорошо, — ответил после заминки голос милиционера Шустова. — Но скажите, кто звонит.

— Она меня не знает.

— Тем более.

— Ну ладно, — Лидочка поборола желание швырнуть трубку. — Скажите ей, что звонила Лидия Берестова. Я ей позвоню позже. Когда позвонить?

— Лидия Кирилловна? — спросил мужской голос. — А зачем вы сюда звоните?

— Потому что мне надо встретиться с Аленой, Андрей Львович, — ответила Лидочка. Если ты, голубчик, не хочешь сам хранить инкогнито, то почему я должна больше других за тебя переживать?

— Лидия Кирилловна, вы находитесь в родственных связях с гражданкой Флотской? Или вы знакомы?

— Это уже допрос?

— Нет, я просто удивлен совпадением.

— Андрей Львович, когда мне перезвонить?

— Я сам вам позвоню, — сказал Шустов. — Вы из дома?

— Нет, с космической орбиты!

— Мне не до шуток.

— Куда же я денусь? Я боюсь бандитов.

— На самом деле? — спросил Шустов. — Тогда повесьте трубку. Когда я освобожусь, то я вам позвоню.

Все милиционеры — хамы. Это не тайна, а банальная истина. Даже лучшие из них.

С досадой кинув трубку, Лидочка вздрогнула, потому что в то же мгновение телефон зазвонил.

Ну что ж, самое время вам, лейтенант, сменить тон и поговорить со мной по-человечески, решила Лидочка и подняла трубку.

Голос был женским, высоким, срывающимся.

— Лида? Это ты, Лида? Я тебе уже десятый раз звоню — куда ты исчезла?

— А кто это говорит?

— Это я, Соня. Ты меня не узнала? Это неудивительно... — Соня захлебнулась словами и громко всхлипнула в трубку.

— Что случилось, Соня?

— Я же говорила, я же тебе говорила! — закричала Соня.

И тут же в мозгу Лидочки как бы щелкнул выключатель, и все стало на свои места. Вчерашние сетования Сони на то, что Алена готова покончить с собой. Пребывание лейтенанта Шустова в квартире Алены и его подозрительность к людям, которые звонят туда по телефону. И этот звонок Сони...

— Что случилось с Аленой? — спросила Лидочка.

— Она... она ушла от нас.

Господи, где она подслушала этот эвфемизм? Ушла от нас...

— Почему она умерла?

— Она отравилась... — Соня плакала, потеряв способность членораздельно говорить, но говорить ей хотелось — она, видно, в самом деле искала Лидочку, которая волей случая оказалась свидетельницей вчерашних разговоров.

— Выпей воды, — посоветовала Лидочка.

— Я не могу, я из автомата...

И Лидочке пришлось терпеть, вылавливая между рыданиями отдельные фразы и даже слова. Она поняла наконец, что же произошло утром с самой Соней. Та, оказывается, спозаранку приехала с дачи, но ее беспокоило, как себя чувствует подруга. С вокзала она позвонила ей — никто не подошел. Было еще рано, Алена могла спать. Тогда, движимая тревогой, Соня все же поехала к ней — у нее был свой ключ от квартиры Алены. С дороги она еще раз позвонила и тоже без результата.

Когда Соня вошла в квартиру, она увидела, что Алена лежит на диване, рядом — телефон и несколько таблеток. Видно, отравившись таблетками, Алена попыталась позвонить по телефону. Но опоздала — умерла, лишь подняв трубку стоявшего на тумбочке аппарата.

Соня кинулась звонить в «скорую помощь», но сначала при-

ехала не «скорая помощь», а милиция. Молодой черноглазый лейтенант. Он стал разговаривать с Сонечкой, как с преступницей, он ужасно себя вел.

Потом прибыли эксперты и другие люди, и Соня смогла уйти из той квартиры — она все равно не хотела там находиться... Зная, что Лидочка живет поблизости, она стала дозваниваться Лиде. Почему Лиде? А кому же еще?

В том была некоторая логика. Вернее всего, у Сони и Алены не так много друзей — они образовывали некий замкнутый мирок — две подруги и несчастная любовь одной из них. Или обеих?

А Лида — это новое приобретение, это свежо в памяти, это — рядом. Лидочка — нечто, объединяющее Соню с Татьяной Флотской. Ей, по крайней мере, не безразлично то, что произошло.

— А когда это случилось?

— Можно, я к тебе приду? А то я на улице, совсем окоченела, у меня ни одной силы не осталось.

— Хорошо, иди, — согласилась Лида и стала объяснять дорогу.

Соня пришла через пять минут — видно, звонила с Тишинской площади, от аптеки. Но за это время Лидочка успела снова позвонить Алене, но там уже никто к телефону не подходил. Потом она стала звонить Шустову, но на работе он еще не появлялся. Пришлось смириться и надеяться на то, что Андрей Львович вскоре сам объявится — хотя бы из профессиональной любознательности.

И тут пришла Соня.

За прошедшие часы она постарела лет на десять. По красным пышным щечкам побежали лиловые ниточки вен, веки распухли, и под глазами образовались мешки. Кожа была сизой, как у алкоголички. Наверное, у Сони какие-то нелады с обменом или почками...

— Слушай, дай чего-нибудь выпить, — попросила она с порога. — Я так больше не могу.

Лидочка провела Соню в большую комнату, хотя таких вот дневных гостей принято принимать на кухне, но на кухне было холодно. Соня уютно устроилась на диване, а Лида достала из буфета початую по какому-то давнему поводу бутылку коньяка. Она налила коньяк в рюмку, потом пошла на кухню, чтобы нарезать сыр и взять крекеров, а когда вернулась, увидела, что Соня наполняет вторую рюмку.

— Прости, — сказала Соня, — это, наверное, подозрительно смотрится, но я, в принципе, непьющая. Это у меня шок.

— Ничего, ты только закуси. А я тебе сейчас сделаю кофе. Или чай?

— Кофе, растворимку, и покрепче. — А когда Лидочка уже была на кухне, ставила чайник, то услышала: — Сахару два куска!

Соня постепенно оживала.

Кофе они пили вместе, у Сони перестали дрожать пальцы. Она уже обрела способность рассказывать о том, что же произошло. Правда, время от времени сама подливала себе коньяк.

Оказывается, она застряла у Татьяны Иосифовны, они смотрели телевизор, потом снова ругались.

— Ну, ты понимаешь — мы с ней, как кошка с собакой, но довольно давно знакомы... Нас Аленка объединяет.

Тут Соня сделала паузу и тихо сказала:

— Объединяла.

Это изменение времени снова вызвало слезы, и Лидочка побежала за валерьянкой.

Не дозвонившись Аленке с вокзала, Соня приехала на Васильевскую и сначала позвонила в дверь. Было уже больше десяти.

«Ага, я в это время сидела у Шустова», — поняла Лида.

Когда никто на звонок не откликнулся, Соня открыла дверь своим ключом.

— Понимаешь, я, честное слово, не подозревала. Я, конечно, все время беспокоилась, но чтобы так на самом деле случилось — это я и представить себе не могла. Честное слово!

— А она пыталась покончить с собой раньше? — Лидочка вспомнила, что об этом Татьяна Иосифовна говорила вчера на даче.

Соня ответила не сразу — Лидочка поняла, что ей сейчас неловко чем-то обидеть погибшую подругу, словно прошлые попытки самоубийства были постыдными поступками.

— Конечно... у нее были попытки. Но они были ненастоящие. Она никогда не принимала смертельную дозу. У нее срабатывало чувство самосохранения. Она сама вызывала «скорую».

— Извини, что я тебя перебила.

Кофе был каким-то железным на вкус, и Лидочке вдруг показалось странным посмотреть на себя со стороны: вот она сидит, кладет в кофе сахар, хрустит крекером — они обсуждают

смерть молодой женщины, а из кухни тянет холодом, потому что комендант Каликин не вставил еще разбитое пулями стекло во вторую раму. Бред какой-то, а не жизнь! И на улицах совершенно не убирают... Бежать бы отсюда.

— Я вошла. А шторы закрыты. Алена любила полумрак, для нее яркий свет — пытка. Она, как пантера. Сидит в полумраке, а глаза сверкают... сверкали. Ужасно, когда надо поправлять себя. Ты понимаешь, я ей глаза закрыла, я не могла, чтобы она на меня смотрела. Глаза закрылись, а все лицо как мрамор — твердое и ледяное. Куда холоднее, чем температура в комнате. Ты не задумывалась о таком феномене — почему покойники холоднее, чем воздух?

Лидочка пожала плечами.

Она этого не знала.

— У нее однокомнатная квартира. Хороший дом, между сталинским и хрущевским, еще кирпичный, и кухня восемь метров, но одна комната... Прости, куда-то язык мой меня увел...

Соня высморкалась и допила кофе.

— Еще сделаешь? А то у моего организма странная особенность — как только случается несчастье, мне сразу хочется спать. Представляешь!

За второй чашкой Соня снова рассказала, как она вошла в комнату и увидела Алену на диване, рука свесилась... Она, видно, хотела набрать номер, но не успела — и умерла.

— Умерла... я никогда не привыкну к этому слову.

Лидочка молчала — Соне лучше было выплакаться.

Неожиданно Соня переменила тему:

— А как он смел так со мной разговаривать? Представляешь — они приехали, я чуть живая, вот-вот в обморок грохнусь. А он со мной разговаривает, будто я Алену зарезала. Ты понимаешь?

Лидочка поняла, что, вернее всего, эти обвинения направлены в адрес ее милицейского приятеля Шустова.

— У него такая работа — подозревать, — сказала Лидочка. — В принципе — они обыкновенные люди.

— Послушала бы тебя Татьяна, — усмехнулась Сонечка, — для нее любой мент или гэбист — преступники. А для них — мы преступники. У нас полдержавы сегодня преступники, а полдержавы — завтра. Чудо из чудес! Впрочем, этот лейтенант мог бы сначала поговорить, а потом допрашивать.

— Он тебя там допрашивал?

— Фактически допрашивал. Словно он инквизитор, а я — Джордано Бруно или Галилей. Отвратительное чувство.

— Так о чем он спрашивал?

— Сначала накинулся на меня, почему я ее трогала? Ну я ему постаралась объяснить, что я была в истерике, что я сначала вызвала «скорую», а потом мне показалось, что Аленка еще оживет — ну как ему объяснить, что я не очень соображала? Мне все казалось, что она еще оживет, что она в шоке! Я ее попыталась раздеть, потом одеялом накрыла, чтобы ей теплее было. Ну неужели это непонятно?

— По инструкции, наверно, нельзя мертвых трогать, — сказала Лидочка.

— Какая, к черту, инструкция, когда передо мной моя лучшая подруга, и я не могу поверить, что ее нет! Я же ее звала, я ей искусственное дыхание хотела сделать — ты скажешь, что я дура? Я не дура — у меня нет ближе человека, это все равно, что половина меня самой умерла.

Лидочка понимала Соню — и ее ужас в полутемной квартире, и дикую нелепую надежду на чудо, и одиночество, и даже страх перед тем, что еще вчера было близким ей человеком.

— А когда она умерла? — спросила Лидочка.

— Ой, они при мне не говорили. Там приехал еще один, осматривал — я их не знаю, Я ушла, как разрешили, а они — не задерживали. Сказали, потом вызовут. Я, знаешь, что думаю — я думаю, что она долго не спала и переживала. И наконец решилась. Решилась — ночью. Ночью всегда делаются самые темные дела, правда? Мы с тобой спали, а она глотала эти чертовы таблетки и запивала их — меня бы сразу вырвало, мой организм бы сопротивлялся. А она, наверное, хотела умереть...

Соня допила кофе, отставила чашку и вдруг зарыдала. Сквозь рыдания прорывались слова:

— Ну как же так... ну зачем я уехала? Если бы я рядом была, она бы осталась жить... я убью его!

Лидочка не хотела спрашивать, кто этот негодяй, которого Соня считает виновником смерти подруги. Будет время — расскажет.

— Надо Татьяне Иосифовне сообщить, — сказала Лидочка. — Туда надо позвонить?.. Съездить?

— Зачем ездить? — удивилась Соня. — Там есть сторожка — как бы комендантский пункт. В ней телефон. Оттуда она в Москву звонит. А если не ответит, то в Дом творчества можно позвонить. Там тоже телефон есть. Только давай не сразу позвоним. По большому счету, Татьяне до лампочки — есть Аленка или нет. Я знаю. А мне сейчас говорить об этом — нет сил.

— Соня, тебе надо немного отдохнуть, — сказала Лидочка. — Может, ты поспишь у меня?

— А можно? — спросила Соня.

На нее смотреть было страшно. Не помогли ни коньяк, ни кофе.

— Я тебе постелю на диване. И ты поспишь.

— Ой, спасибо, Лидочка! Ты настоящий человек, с большой буквы.

Сонечка с облегчением налила себе еще рюмку коньяка и выпила.

— Теперь мы, так сказать, не за рулем, — сообщила она. — Имеем право на заслуженный отдых.

Она как будто вылила все слезы и отдала все эмоции, а теперь была пуста, словно шкура, сброшенная змеей, и мысль о сне казалась ей самой сладкой мыслью на свете.

Соня покорно и молча стояла у книжных стеллажей, ожидая, пока Лидочка постелит ей на диване, потом ушла в ванную.

— Я тебе этого никогда не забуду, — сообщила она Лидочке на прощание и тут же заснула — через минуту уже похрапывала. Она спряталась во сне от всех тяжких мыслей.

Через пять минут, Лидочка как раз мыла чашки и рюмки, позвонил Шустов.

— Извините за беспокойство, — сказал он. — Вы меня узнаете?

— Теперь я узнаю вас даже среди ночи по двум словам.

— По каким словам? — не понял сыщик.

— По любым словам, — ответила Лидочка.

— Понятно. Какие-нибудь инциденты были?

— Вы имеете в виду покушения на меня или инциденты вообще?

Шустов не стал уточнять.

— А как комендант? — спросил он.

— Вы его пугнули?

— Я никогда никого не пугаю.

— Но вы сказали ему, что вам известно, что только он знает про номер машины.

— Может быть, — сказал Шустов, словно судьба Лидочки его уже не так волновала. — Но если у вас есть три минуты, то расскажите, что за история с вашим звонком Елене Флотской?

— Какая история?

— Вы давно знаете ее?

— Я ее вообще не знаю.

— Мне что, зайти к вам и взять у вас показания?

— Андрей Львович, мы с вами уже неплохо знакомы, — сказала Лидочка. — Вы же знаете, что я не отношусь к преступным личностям.

— Это мало о ком можно сказать с уверенностью, — ответил Шустов, и Лидочка не знала, шутит он на этот раз или нет.

— Но мне кажется, что я к этой категории не отношусь, — упрямо повторила Лидочка.

— Вам лучше знать.

— Если у вас есть лишнее время, то приходите, снимите с меня показания. Но я думаю, что на этом этапе вам лучше заняться другими делами.

— Почему?

— Потому что мне достаточно двух минут, чтобы рассказать вам всю правду и только правду.

— Хорошо. Говорите, а потом я решу, что с вами делать.

— Вас смущает, что я прохожу сразу по двум делам?

— Это только у меня, — пояснил Шустов. — А сколько еще следователей и сыщиков вами занимаются?

— Вы будете слушать?

— Уже слушаю.

— Мой дед — археолог, — сказала Лидочка. — В свое время, когда вас и на свете не было, он попросил некую Маргариту Потапову, она же Маргарита Флотская, взять на хранение шкатулку с бумагами и археологическими находками, интересными и ценными лишь для моего деда. Вы меня слушаете?

— Внимательно слушаю. Продолжайте.

— Мой муж тоже археолог и занимается теми же проблемами. Так что записи и материалы ему очень нужны. Но Маргариту Потапову арестовали в сорок первом году, и следы ее затерялись.

— Отдали черепки в безопасное место! — фыркнул лейтенант. — Лучше бы обратно в землю закопали.

— Ну вот, они не могли оценить грядущих опасностей. Им казалось, что Маргарита — вне опасности. Ее муж был заместителем наркома и членом ЦК.

— Таких-то в первую очередь и ликвидировали.

— Он был верным сталинцем!

— И что же?

— Я с вами не спорю. Я просто объясняю вам ситуацию. Мы долго искали следы Маргариты Потаповой или ее родственников. И вот совсем недавно мне удалось узнать, что дочь Мар-

гариты — Татьяна Иосифовна Флотская жива и живет под Москвой. И вчера я к ней поехала.

— Куда?

— На станцию Переделкино. Там несколько дач выделено для членов «Мемориала». Кстати, когда я туда ездила, за мной и гонялся этот самый бандит, о котором я вам рассказывала.

— Что же вы мне сразу не сказали, к кому ездили?

— А разве кто-нибудь из нас мог подозревать, что ее дочка покончит с собой?

— Откуда вы знаете, что она покончила с собой?

— Никакой в этом тайны и никакого заговора нет, — ответила Лидочка, которой не хотелось тратить силы на убеждение милиционера. — Вчера на даче я была вместе с Соней Пищик, подругой Алены Флотской. Она как раз приехала к Татьяне Иосифовне, чтобы поделиться своей тревогой. Она беспокоилась, что у Алены... как это сказать?

— Депрессия, — подсказала Сонечка, которая стояла в дверях спальни. Она, оказывается, услышала разговор и поднялась. — Депрессия, только я не думаю, что надо обсуждать мои дела с милицией.

Она явно догадалась, с кем говорит Лидочка, и была настолько разгневана, что густо покраснела.

— Она у вас, — догадался лейтенант, видно, телефон хорошо работал. — Она не велит вам со мной разговаривать.

Почему-то милиционеру это показалось забавным.

Соня хлопнула дверью и удалилась в большую комнату. Лидочке было неловко — хоть она и не сказала милиционеру ничего такого, что могло бы повредить Соне, но, может быть, вообще ничего не следовало говорить?

— Кстати, — сказал лейтенант, — хоть мы с вами еще об этом побеседуем — вы когда вчера уехали с дачи?

— Это не телефонный разговор.

— Мне некогда сейчас оформлять документы. Может быть, от быстроты зависит расследование.

— А разве Алена не покончила с собой?

— Вернее всего, она покончила с собой, но в таких случаях мы всегда проводим экспертизу и допрашиваем свидетелей.

— Даже когда эксперт уволился в коммерческую организацию, а лимитов на пленку не дали.

— Ваша ирония неуместна, — ответил лейтенант, который, видно, подслушал эту фразу в каком-то сериале с претензией на элитарность. — Вы не ответили на мой вопрос.

— Я уехала в темноте, было часов семь, даже больше семи.

— А гражданка Пищик?

— Позвать Соню к телефону?

— Передайте ей трубку.

Лидочка положила трубку на столик и позвала Соню. Та появилась почти мгновенно, словно стояла под самой дверью.

— Лейтенант Шустов хочет тебе что-то сказать.

— Еще чего не хватало! — заявила Соня, но трубку взяла.

Чтобы не подслушивать, Лидочка ушла из комнаты. На столике перед диваном стояли две рюмки — одна, Лидочкина, была лишь пригублена. Лида допила коньяк.

Вскоре в комнату вернулась Соня. Она была еще сердита, но гнев ее угас.

— Завтра просил меня к нему прийти.

— Это его работа.

— Да что ты все о работе, о работе! Они все садисты! Ты не знаешь, какими похотливыми глазами он на меня сегодня глядел. Совершенный козел.

Лейтенант не показался Лидочке совершенным козлом, но спорить она не стала.

— Он еще требует, чтобы я ехала к Татьяне. Еще чего не хватало! Может, ты съездишь?

— Но ведь договорились, что ей можно позвонить.

— А он говорит, что звонить бесчеловечно. А разве человечно, если она услышит эту новость из моих уст? После моих просьб! После того, как я ее умоляла позвонить Алене! Ведь я считаю, что Татьяна — потенциальная убийца своей дочери. Если бы она вовремя поддержала дочь, Алена осталась бы жива. Можно я еще себе налью?

Выпив очередную рюмку коньяку, Соня задумалась.

— Самое обидное — ты даже не представляешь, насколько обидно, — произнесла она, почесывая толстое колено, обтянутое черным шерстяным чулком, — что этот козел почувствовал облегчение. Вот бы не хотела! Ты понимаешь, что Аленка пошла на это, чтобы его наказать. Я клянусь тебе, что она его наказать хотела. Чтобы он зарыдал, понимаешь, опомнился, понял, что он натворил, какого человека убил! А знаешь, что получится? Он утрется и пойдет дальше, даже вздохнет с облегчением. Из всех подлых мужиков он — самый подлый.

— Соня, я же ничего не знаю, — перебила ее монолог Лидочка. — Ты говоришь мне о ком-то, словно я с ним знакома.

— Ты права. Я вижу в тебе подругу, как будто мы тысячу лет знакомы.

— Так о ком ты говорила?

— Об Олеге. Об Осетрове. Об этом партийном ошметке.

— Знаешь что, Соня, — заявила Лидочка, — у меня от вас всех голова идет кругом. Еще вчера утром я была обыкновенной женщиной и не участвовала в смертях, убийствах и покушениях. Сейчас — я в центре какой-то гигантской интриги...

— Не преувеличивай. Никакой интриги нет.

— Лейтенант Шустов другого мнения.

— Твой лейтенант — козел и садист. Я тебе говорю со всей откровенностью. В отлнчие от тебя я знаю мужчин.

— Меня не интересуют мужчины, — сказала Лидочка. — Мне была нужна шкатулка.

— Лида, я должна тебе сказать, что у тебя типичная вязкость сознания. Для тебя шкатулка важнее человеческих судеб. Стоит твоя шкатулка у Алены. И всегда стояла. Ее Аленке бабка Маргарита отдала. Но я не хотела говорить при старухе...

— При ком?

— При Татьяне Иосифовне. Она жадная, как Гобсек. Если бы я при ней сказала, что шкатулка стоит у Алены на комоде, она бы бросилась получать ее через суд. Все же карельская береза!

— Но ты внутрь заглядывала?

— К сожалению для тебя — заглядывала. И знаю, что шкатулка пустая, как космос. В ней Аленка хранила свои старые пуговицы. Килограмм пуговиц.

— А где же вещи? Дневники? Ты не знаешь?

— Подумай, с чего бы мне спрашивать у Аленки про твои бумаги? Откуда мне знать, что шкатулка не всегда была пустой? Может быть, и Аленка этого не знала. Стоит шкатулка, как всю жизнь стояла, а бебехи из нее еще до войны выкинули.

Лидочка не нашлась, что сказать: Соня была права.

— Я тебе хотела сказать об этом, а потом подумала — ты же все равно будешь Аленке звонить, пускай она тебе сама скажет. Какое мне дело до чужих шкатулок?

— Жалко, — сказала Лидочка.

— Жалко, — поняла ее Соня. — А мне в тысячу раз жальче. Тебе ведь жалко, что Аленка не сможет рассказать тебе про тетрадки, а мне ее как человека жалко. У нее, конечно, были недостатки, но она притом — моя лучшая подруга. А может, и единственная.

— А при чем тут мерзавец?

Соня налила еще коньяку.

— Извини, — сказала она, — но я постепенно у тебя отогрелась. И физически, и душевно. Ничего, что я твое время отнимаю?

— Я не спешу.

— Тогда я расскажу тебе грустную историю жизни моей подруги Алены Флотской.

Наверное, эта формула и даже подзаголовок рассказа уже давно созрели под выпуклым лбом Сони. Лидочка наблюдала за интересным феноменом, как у нее на глазах ужас перед лицезрением смерти и горе от гибели подруги сменялись ощущением участия в важном событии, важном ее собственной ролью в нем, то есть отравилась не просто Алена, а отравилась Подруга Сони.

И, как бы подтверждая мысль Лидочки, Соня заметила:

— Ей уже все равно, а нам, живым, нести бремя. Так могла бы сказать и Татьяна Иосифовна, и нечто подобное она обязательно скажет...

— Не надо так жалеть себя, — не удержалась Лидочка, не терпевшая фальши. — Ты здорова, молода, у тебя все впереди.

— Друг бывает в жизни только один, — наставительно возразила Соня. — Второй может и не попасться на жизненном пути.

— А может и попасться, — заметила Лидочка.

Соня только отмахнулась.

— Это история, достойная пера Льва Толстого, — произнесла она с выражением, словно это был номер, с которым она выступала на детских утренниках. — Представь себе краснопресненскую школу, двух девочек в параллельных классах, обе бедные, но не лишенные способностей и амбиций. У Алены Флотской фактически нет матери. То есть формально она есть, но у нее очередной муж или любовник в Ташкенте или Питере, а ребенка тянет из последних сил бабка Маргарита, отсидевшая по лагерям и тюрьмам. А у меня все похоже, но еще проще. Если кто и сидел, то мой папаша за растрату или хулиганство — я его плохо помню. Он приходил к нам иногда по воскресеньям, от него пахло водкой, он давал мне конфеты, а маму тащил в постель.

— Ты можешь мне все это не рассказывать, — заметила Лидочка, которую вовсе не увлекала жизненная история Сони Пищик.

— Что любопытно, — продолжала Соня, не обращая внимание на реплику Лидочки, — мы в школе не очень дружили. Так, симпатизировали, но компании были разные. Можно сказать, Аленка была романтик и всегда оставалась на бобах, потому что ставила слишком высокую планку. Попрыгает, попрыгает возле нее воздыхатель и бежит к более доступной цели. Аленка же начинает переживать, кидаться вслед, но поезд уже ушел... А я жила проще, у нас была компания, мы знали, что мальчикам надо давать, а мальчики тоже полезны в личной жизни. Без особых иллюзий, но с интересом. Ну что говорить — я в девятом классе аборт первый сделала, а Аленка в институт девственницей поступила. В общем — истеричка.

— Это называется истеричкой?

— Разумеется, — Соня была искренна. Судя по всему, она была грудастой толстушкой с круглыми коленками, рано созревшей и соблазнительной для сверстников. В десятом классе Соня Пищик была притчей во языцех — не шлюха, но девочка с большим жизненным опытом. А к тридцати она уже стала младшей по чину подругой той самой Аленки, к которой в школе относилась снисходительно и даже с некоторым презрением.

— Я все пела, это дело, — продолжала свой рассказ Соня. — А зима катит в глаза. Школа позади, я сделала попытку поступить в институт, но тут наш папочка совсем слинял — нашел себе другую сексуальную партнершу, денег — ни фига. Мои парни готовы были сводить в кабак и даже на концерт рок-музыки. И концы. Я знала, что должна платить. И мне, честно говоря, нравилось так платить. Я ужасно сексуальная. С Петриком у меня такой роман был — ты не представляешь! Он меня раз в такси на заднем сиденье трахнул — представляешь?

Петрика Лидочка еще не знала, так что не смогла оценить значимость этого воспоминания. Разговорчивость Сони ее утомила, но она не могла ее остановить, понимая, что в значительной степени это — реакция на шок, который испытала Сонька, увидев мертвую Алену.

— В институт я провалилась, но мама устроила меня в районную библиотеку. Сначала я думала, что рехнусь в бабском коллективе. Но потом поняла, что если отдавать работе лишь минимум времени и ни грамма души, то можно прожить и на доменном производстве. У меня даже появились кое-какие поклонники, я чуть замуж не выскочила, но он в Израиль уезжал, а я подумала — как я буду жить, когда вокруг одни евреи? Это

же точно антисемиткой станешь. А дети пойдут? Как им жить с антисемиткой-матерью?

— Проблема, — согласилась Лидочка. Соня выпила еще коньяку.

— Завершаю эпопею, — сказала она. — В своей карьере я попала в библиотеку Тихоокеанского института. С повышением и в поисках мужика. Было это года три назад. И вдруг вижу — Аленка Флотская, из нашей школы, за книжкой ко мне приходит. Я чуть не расплакалась от радости — все же родной человек! И ей было приятно меня встретить. Она к тому времени кончила институт, поступила в аспирантуру — все же у бабки Маргариты сохранились какие-то связи, да и сама Аленка — голова номер один. И расцвела она как роза. Ты не представляешь. Я тебе покажу...

Вдруг Соня закручинилась, из ее глаз медленно выкатились слезы.

Лидочка поняла недосказанное: я тебе ее покажу... на похоронах.

Соня отдышалась и продолжала:

— У нее как раз тогда кончался роман — трагически. Он женился на другой. У Аленки такое свойство — глупость почти психическая: она всегда любила не тех, кого надо.

Соня поднялась с дивана и, продолжая монолог, начала неспешное путешествие по комнате, как следопыт в джунглях, исследующий пути к логовищу зверя. Ему все важно в пути — и где была лежка, и чем питался зверь, и какую ветку сломал.

— Ты была за границей? — спросила Соня. — Не отвечай. Я сама отвечу. Япония?

— Китай и Бирма.

— Жалко, что не Япония. Китай и Бирма — страны бесперспективные. Мы с Аленкой в прошлом году в шоп-тур ездили, в Эмираты. Честно говоря, пожалели, что ввязались. Доходы мизерные, унижения страшные, а я чуть было в публичный дом не попала — оказалась очень во вкусе турецких гаремов. Не веришь?

— Верю.

Лидочка не поверила. Хотя, честно говоря, вкусы турецких гаремов были ей незнакомы. И откуда взялись турки в Эмиратах, она не знала.

Наконец Соня справилась со своими чувствами и продолжала:

— Институт наш не очень большой, и молодежи сначала было мало. Так что мы с Аленкой оказались в «звездах». И в устном журнале, и в капустниках — нас мужики тянули. Обыч-

ная академическая жизнь. Я думаю, что мы даже нашли свое счастье. Все своим чередом. У меня возник один перспективный мужик, немолодой уже, но, сама понимаешь, кому в нашем бальзаковском возрасте нужны молодые? Мне тридцать минуло... Правда, недавно. Никогда не дашь?

— Не дам, — согласилась Лидочка.

— И тут эта трахнутая перестройка. Это не значит, что я против демократов или перестройки вообще. Перестраивайтесь сколько угодно. Тебе надоело?

— Мне скоро уходить.

— Закругляюсь.

Лидочка узнала, как молодые женщины ходили в институт, не столько рассчитывая сказать свое слово в науке, как рассчитывая устроить личную жизнь. Причем они даже ездили два раза на пикники и вместе были в Симеизе, который оказался заштатным местечком, где по кипарисовой аллее бродили шахтеры-туберкулезники, ночевавшие под навесом на пляже, да снобистская компания из какого-то московского издательства. В Ялте они познакомились с Артуром, которому понравилась Соня, но Аленка увела его из-под носа у подруги. Из-за этого они рассорились, но случилось так, что у Артура оказалась другая любовница, с которой он не мог или не хотел порвать. Аленке пришлось сделать аборт, причем в последний момент, она все надеялась. После этого эпизода Аленка с Соней даже не здоровались в институте, но потом, сделав аборт, Аленка попыталась покончить с собой, наевшись таблеток. А когда она поняла, что теряет сознание, то ночью в три часа позвонила — кому бы вы думали? Правильно, обманутой и отринутой подруге Соне! Так устроен человек. Соня ей все, разумеется, простила, прискакала к ней ночью, помогала «скорой помощи» прокачивать ей желудок, доза оказалась неопасной, но в институте кто-то узнал, и это было отвратительно, об Аленке говорили «эта самоубийца». Тогда Соня и познакомилась с ее матерью Татьяной Флотской, они скрывались у нее с Аленкой неделю на даче. Бывает любовь с первого взгляда, а бывает и отвращение с первого взгляда. Так у Сони с Татьяной. Впрочем, и Аленка к маме теплых чувств не питала за то, что та бросила ее на руках у бабушки в самом нежном возрасте, а сама устраивала свою личную жизнь. Этого дети родителям не прощают.

К этой стадии рассказа Соня уже усидела половину бутылки коньяка, чуть опьянела и стала свободнее в выражениях.

— Наступила перестройка, и оказалось, что академическая наука никому не нужна. Честное слово, никому. И тут в отделе произошло событие. К нам перевели из ЦК КПСС пожилого мужика. Еще вчера он заведовал сектором, перед ним сам директор на пузе ползал, а уж о завотделом и говорить не приходится. Господин Ростовский взял его на работу — все понимают, что эта перестройка скоро кончится и тогда коммунисты спросят — а с кем ты был в тяжелую для родины годину? Наш Ростовский тогда ответит — я дал приют и минимальную зарплату гонимому руководителю среднего звена. И в него, в Олега Осетрова, наша Аленка врубилась с лету. Осетрову примерно пятьдесят, у него уже есть маленький внук. Красавец мужчина, метр восемьдесят, для ЦК — предел, высоко не поднимешься, они длинных не терпят, помнишь, как Ельцина гоняли? А правда, что у Ельцина все-таки мать — еврейка? Мне точно говорили. Я сама было глаз на Осетрова положила, но Аленка, конечно же, меня обштопала. Покойница была с мотором, а фигура, как у фотомодели.

Лида отметила про себя, как по мере рассказа Соня все более отстранялась от подруги — она уже называла ее покойницей — так о погибшей сегодня подруге не говорят. Впрочем, отношения двух сравнительно молодых, но засидевшихся в девках подруг, не поддаются рациональному описанию. Время утекает меж пальцев, словно песок. Порой страшно проснуться и подумать — а вдруг ты уже опоздала? И ты бросаешься в авантюру, не имеющую шансов на успех, и, может, даже теряешь шанс в ином, скромном, но надежном уголке. Но остановиться не можешь. А вдруг выгорит?

Так случилось с Аленкой. Она решила соблазнить Олега Дмитриевича Осетрова, красавца из ЦК, и преуспела в том быстро и красиво, потому что Олег был растерян, устал от нервотрепки предыдущих двух лет — развала и гибели системы, и, в отличие от своих начальников и коллег, не проявил склонности и умения в сфере бизнеса. Вот и пришлось ему пересиживать эпоху в оживающей лишь в дни зарплат и компенсаций комнате отдела Австралии. Вчера еще наш посол в Австралии приходил к тебе с отчетом и дрожал перед твоим столом. А сегодня ты — старший научный... А вдруг коммунизм не вернется? Или — его возводить молодым?

Аленка всерьез влюбилась в Осетрова, и тот был польщен, в первую очередь, именно польщен ее влюбленностью. Он прожил свою жизнь, вечно остерегаясь бдительных глаз вра-

гов и завистников. И романы у него были малочисленны и всегда происходили на юге в санатории, если жена не увязывалась за ним. Так что он порой нарочно выбирал неудобный для нее месяц — ведь происходившая из министерской семьи жена тщательно следила за тем, чтобы у нее была путевка не только в соответствующий рангу санаторий, но и в соответствующий рангу сезон.

Редкие санаторные романы да один или два случая в командировках были лишь эпизодами, приключениями, необходимыми для самоутверждения. И потому Олег Дмитриевич Осетров был неопытен в любви и даже искусстве служебного романа. Хорошенькая и знающая себе цену Аленка уложила его к себе в постель через неделю после знакомства и сделала это так, что до конца дней своих Осетров будет уверен, что он овладел ею почти насильно.

А потом все это оказалось значительно серьезнее, чем планировалось. Наслаждения от победы над бывшим красавцем из ЦК не получилось — в постели он был скучен, бездарен и по сравнению с прошлыми любовниками Алены — ничтожен. Никакой красивой жизни с ним не было и быть не могло, потому что он по старой партийной привычке больше всего боялся огласки, даже в отделе в присутственные дни старался не замечать возлюбленной, держа ее на расстоянии. Встречались они всегда днем, к шести этот монстр должен был вернуться домой, в семью, желательно по дороге купить кочан капусты или шесть килограммов печенья для его благоверной, которая вот-вот лопнет от жадности и гордыни. За три года романа он умудрился ни разу не съездить с ней, ну не то что в Ниццу или в круиз — в подмосковный пансионат не смог. Трудно поверить, но они даже единой ночи вместе не провели. Аленка всегда говорила — я бы ему многое простила, если бы хоть раз проснулась с ним на одной подушке.

Это была банальная история обманутых надежд, которые строились на песке. Лидочка знала о десятках подобных историй, словно их штамповали на небесах, чтобы никого ничему не научить. Товарищ Осетров был недостаточно силен, чтобы разорвать эту связь, к тому же трепетал перед оглаской. Наверное, порой Олег Дмитриевич мечтал, чтобы Аленка угодила под машину или утонула в речке — но она была живуча. И роман тянулся, не принося даже физического наслаждения, потому что Олегу Дмитриевичу не нужна была постоянная любовница, ставшая жалким заменителем супруги — он знал наперечет все

недостатки ее тела: и недоразвитость грудей, и плоский зад, и форму родинок, и то, что она скажет, когда он войдет в квартиру, и какие упреки он услышит, раздевшись, и новые упреки, когда соберется уходить...

Соня говорила размеренно и вовсе не то, что случилось на самом деле. Она поведала Лидочке историю любви одной подруги, рассказанную другой подругой, то есть историю, далекую от действительности, но субъективно существующую в мозгу Сони, то есть не придуманную, а прочувствованную. Лидочка же слышала не слова, а воссоздавала ситуацию и знала, что ее понимание куда точнее, чем воспоминания Сони.

В последние месяцы отношения любовников зашли в полный тупик. Алена становилась все агрессивней и требовательней. Ведь она отдала этой скотине три лучших года своей жизни, — а что получила взамен, кроме постоянных унижений и двух абортов, один из которых чуть-чуть не кончился трагедией? Ничего. Она заявила ему открыто, что если он не решится на последний шаг, если он не уйдет к ней — ведь тысячу раз обещал, неважно, что делал это все, чтобы заставить замолчать, — то она открыто расскажет обо всем в институте. Она понимала, что другой мужчина лишь усмехнулся бы — какой институт, какой профком в эпоху рынка и базара? Но для Олега Дмитриевича, который жил надеждой на возвращение прошлого, это была не пустая угроза. И в то же время Алена понимала, что одной такой угрозы окажется недостаточно, и решила подкрепить ее угрозой самоубийства.

Разумеется, в изложении верной Сонечки и этот эпизод прозвучал иначе.

Желание получить мужчину себе в личное пользование объяснялось якобы ее детской верой в его клятвы, а угрозы покончить жизнь самоубийством не возникало вовсе — оказывается, Соня просто чувствовала такую опасность, потому что в глазах Алены она увидела смерть. Ну, может, не смерть, а нечто особенное, неземное и потому угрожающее... Именно это и заставило метнуться в отчаянии к жестокосердной матери. Если ее уговоры и мольбы не помогали — оставалась одна надежда на авторитет Татьяны.

Слушая ее, Лидочка не понимала — да, впрочем, и не понять ей этого никогда: насколько план с угрозами исходил лишь от Аленки, а насколько он был выпестован тридцатилетними девицами совместно. Тогда и поездка к маме была частью заговора.

Но почему тогда Аленка умерла? По всему судя, никто этой

смерти не планировал. И не ожидал. Ни мама, ни Соня. Они вели себя, как в театре, ожидая игрушечной дуэли Гамлета с Лаэртом, а не холодного тела на ковре и не милиционеров, которые громко разговаривают, курят и даже матерятся, переступая через труп молодой женщины.

Может быть, она все же обманула Соню? Может, она решила умереть, но скрыла это решение от близких.

Нет, сказала себе Лидочка. Весь этот роман был понятен, и время для самоубийства было давно упущено.

— Хотела бы я посмотреть ему в глаза, когда он узнает, до чего довел Аленку, — сказала, подытоживая монолог, Соня.

— Он еще не знает?

— А кто ему скажет? — отмахнулась Соня.

— Я думала, что ты уже сказала.

— Не надо песен, — отрезала Соня. — Я считаю, что он косвенный убийца Аленки. Неужели я буду с ним разговаривать?

— Ты хочешь рассказать о нем милиции?

— А ты думаешь, что я должна его щадить? Ты что, забыла, что моя лучшая и единственная подруга находится в морге и, может быть, ее уже разрезают — с них станется! — а я должна покрывать ее убийцу?

— Это твое предположение.

— Вот именно об этом предположении я и хочу сообщить, — ответила Соня, и глазки ее, маленькие за очками, стали такими холодными и злыми, что Лидочка даже пожалела товарища из ЦК.

— Я бы на твоем месте не лезла в это дело, — заметила Лидочка.

— Спросят — отвечу. Я не отвечу, Татьяна скажет. Или кто-нибудь из отдела.

— Ах, конечно, — вырвалось у Лидочки. Как же она не подумала — в отделе три года кипит, потом тлеет роман между двумя сотрудниками. Роман, о котором знают все и о значении которого наверняка имели беседы с Олегом Дмитриевичем его товарищи. А может быть, знали, но не придали значения? Махнули на него рукой? Как бы то ни было — весь отдел, конечно же, в курсе дел, вернее всего, привык и смирился, как со скрипящей дверью в комнату, но теперь-то, после трагедии, Олег Дмитриевич окажется под лучами прожекторов, и неизвестно, удастся ли ему выкарабкаться из этой истории. Если Алена хотела отомстить, то, очевидно, ее месть осуществится.

— А Татьяна Иосифовна знала о нем?

— Разумеется, знала. И не выносила его. Да, она плохая мать, она равнодушный, глухой к чужим бедам человек, но, когда дело касается мужчин, ее нюх начинает работать. Она давно отговаривала Алену... но разве на нее повлияешь?

— Значит, вчера ты знала, что Алена решила припугнуть товарища Осетрова?

Соня прищурилась, размышляя. Лидочка чувствовала, что права, и видела, что Соне не хотелось признаваться в излишней информированности.

— Я не знала, — сказала она наконец. — Конечно, я не знала. Но догадаться могла. Дурак бы на моем месте догадался.

— Она впервые это проделывала с ним?

— С Осетровым?

— Да.

— У нее такое в жизни уже было.

— А Осетрову она только грозила?

— Лидия! — не выдержало сердце Алениной подруги. — Ты говоришь так, словно не Осетров убил Аленку, а она сама его убила. Теперь легко говорить — она сама во всем виновата. Хотела увести пожилого человека, а когда не получилось, стала шантажировать.

— А разве не похоже?

— Ты бы посмотрела на Осетрова. И тогда бы говорила. Мужику шестой десяток, перспектив никаких, зарплата нищенская — кому он нужен?

— Кто нас разберет, — ответила Лидочка. Она была уверена, что ни размер зарплаты, ни внешние данные не были и не будут решающими факторами в душевных драмах.

— Вот именно! — Соня одержала малую победу и защищала честь погибшей подруги.

День был в полном разгаре. Соня взглянула на часы.

— Мне в институт надо, — сказала она. — Ты же понимаешь. Это я к тебе от шока прибежала, а вообще-то мне надо быть в институте. Там же никто еще ничего не знает.

Соня поднялась.

— Значит, я побежала в институт, а ты, будь другом, доберись до Татьяны. Надо же старухе сказать, что ее дочь отравилась.

Слова были недобрыми, словно Соня сводила счеты с Татьяной Иосифовной.

— А ты пол-то хоть вымыла вчера? — неожиданно для самой себя спросила Лидочка.

— Пол?

— На даче. Ты же осталась, чтобы вымыть пол.

— Но я же, честное слово, хотела пол вымыть, — Соня вдруг покраснела. — Я хотела, но потом был сериал, я совсем забыла, что сериал, а потом мы с Татьяной чай пили, заговорились, а потом уже поздно стало, и мне пришлось у нее ночевать... А утром? Впрочем, я думаю, что она сама тоже забыла о моем обещании. Только ты, Лида, со своим холодным бесчувственным умом помнишь о таких пустяках. И мне вообще непонятно, зачем ты об этом спросила?

— Не знаю, наверное, из-за твоей просьбы. Я подумала, что ты совсем недавно от нее уехала, а я должна позвонить и сказать...

— Можешь не звонить, — отозвалась Соня. — Кто-нибудь обязательно порадует.

Она поднялась и стала собираться. Она была немного пьяна, и движения ее были более размашистыми и резкими, чем следовало.

— Извини, что я спрашиваю в такой день. Но для меня это все равно важно. Ты сказала, что шкатулка стоит в квартире Алены...

— Ну сколько раз мне нужно повторять! Стоит. На комоде.

— И ты эту шкатулку видела?

— И трогала, и открывала, и закрывала — я ее знаю, как собственный унитаз.

И сделав столь изящное сравнение, Соня покинула Лидочку. Та хотела, правда, опередить ее и глянуть в дверной глазок, но Соня не знала о страхах и опасениях Лидочки и потому оттолкнула ее своим тугим, плотно сбитым телом.

— Я тебе позвоню! — крикнула Соня с лестницы. Голос ее звучал гулко. Лидочка закрыла дверь и поспешила к телефону — кто-то звонил.

Оказалось — Татьяна Иосифовна.

— Лида, Лидочка, неужели это правда? — спросила она вместо приветствия. — Ничего от меня не утаивай, скажи всю правду, какой бы тяжелой она ни была.

— Татьяна Иосифовна, простите, но все, что я знаю, я знаю от Сони и милиционера.

— Она погибла?

— Соня только что ушла от меня. Она ее обнаружила утром.

— Это случилось ночью?

В их разговор вмешался чужой голос и сказал:

— Это шестое стройуправление?

— Повесьте трубку, вы мешаете, как вам не стыдно! — ска-

зала Татьяна Иосифовна. И в голосе ее была такая убедительная сила, что тот, неизвестный мужчина, отключился. — Представляете, Лидочка, — сказала Татьяна. — Я сидела и спорила о каких-то не очень важных вещах с этой Софьей, когда моя единственная дочь умирала... я никогда себе этого не прощу.

— Но вы-то при чем?

— Я не уделяла ей должного внимания. Так сложилась моя жизнь.

— Боюсь, что вы вряд ли могли бы что-то сделать. — Лида говорила то, что Татьяне хотелось услышать. — Ваша дочь была взрослым человеком и сама решала, что ей делать.

— Людям кажется, что они решают. На самом деле — они рабы случая. В нашем роду женщины погибали от любви.

Заявление было сомнительным, но Лидочка его не оспаривала. Ей хотелось узнать, каким образом Татьяна узнала о гибели дочери.

Татьяна сама решила эту маленькую загадку.

— Меня вытащили к телефону, который в километре от дачи. Телефонограмма. Это так называется. Коменданту поселка звонили из Аленкиного института. Мне невыносимо думать, что в институте уже знают. А когда я сюда пришла, оказалось, что звонили еще из милиции. Вы не представляете зачем?

— Молодой человек, вежливый? — спросила Лидочка.

— Вот именно.

— Тогда я знаю, что он сказал.

— Даже знаешь, что сказал?

— Он попросил прощения, что действует не по правилам, но он очень занят и выражает свое соболезнование...

— Что-то в этом духе.

— Но ему главное было узнать, когда от вас уехала Соня и оставались ли вы на даче одна.

— Ты чудо, Лидочка. Именно так... — Татьяна сделала паузу. Потом воскликнула: — Неужели он подозревает, что я могла приехать в Москву, чтобы предложить своей дочери снотворные таблетки?

— Нет, лейтенант Шустов любит порядок. И он, на всякий случай, ищет подтверждения показаниям других лиц.

— Ты имеешь в виду Соньку? Но ведь она не уезжала! Мы с ней засиделись — я ее не люблю, но я к ней привыкла. Мы засиделись, а потом она уехала утром, ранней электричкой. Впрочем, что я говорю... не все ли равно, кто звонил и кто уехал! Мне так трудно поверить... я еще в шоке. Меня тут накачали таблет-

ками. Как будто мать может пережить смерть своей дочери, если выпьет флакон валерьянки... Лида, Лидочка, скажи, скажи, в чем я виновата? Что я не сделала? Что я должна была сделать?

— Не казните себя, Татьяна Иосифовна. Ведь, может, и лучше, что это случилось, когда вас не было рядом — иначе вам было бы еще тяжелее.

Лидочка никогда бы не посмела сказать так другой матери — но здесь был особый случай.

Лидочка так и не увидела Аленку живой. Она узнавала ее косвенно, шаг за шагом, из чужих уст. И пока что она не встретилась с настоящим героем, который стал причиной ее смерти. Соня расстроена, но она и торжествует, потому что какая-то справедливость в ее понимании восстановлена. Смертью Алены наведен порядок в мироздании, злодеи будут наказаны. Соня всех предупреждала, била во все колокола, но звон не донесся до нужных ушей. Пусть будет хуже этим ушам.

Татьяна Иосифовна готовится выполнить долг безутешной матери, она будет вполне удовлетворена тем, что трагедийность ее собственной фигуры возрастет: «И помимо всего она потеряла единственную дочь!» Но Татьяне на самом деле спокойнее от того, что она не присутствует при самом событии. И не участвует в нем.

— А как меня привезут? — спросила Татьяна.

Лидочка не знала, как должны привезти мать Алены.

— Я могу за вами приехать, — сказала она неуверенно. И не потому что была глуха к страданиям других людей — люди, с которыми она познакомилась вчера, не были ей приятны, и ей не хотелось быть втянутой в круговорот их чувств и поступков.

— Нет, — ответила Татьяна после некоторого раздумья. — Пожалуй, я тебя оставлю в резерве. Сейчас буду звонить в «Мемориал». Должны же они обеспечить транспорт. И, кстати, венок... и материальную помощь. Конечно же, они обязаны предоставить материальную помощь. Я хочу быть уверенной в том, что Алена будет достойно предана земле.

Лидочка хотела сказать, что об этом позаботится институт, но промолчала — не ее дело вмешиваться в эти частности. Хотя, как подумала она, любопытно, что при полном развале академии, какие-то обязательные функции институты продолжают выполнять, в частности организацию похорон. На зарплату денег может не остаться, но похороны институт обеспечит, в крайнем случае и президиум поможет.

— Ты никуда сегодня не уходишь? — спросила Татьяна.

— Еще не знаю.

— Я буду тебе звонить. А ты запиши местный телефон. Если будут новости, немедленно сообщи мне, здесь будут люди — они так добры ко мне. Они добегут ко мне и расскажут. Правда? — последнее слово относилось к тем, кто стоял рядом с Татьяной. — Вот видишь, — закончила она. — В тяжелые моменты русский человек всегда приходит на помощь слабому и несчастному. До свидания, Лидочка, и спасибо тебе за участие. Я никогда не забуду благородной роли, которую ты сыграла в моей трагедии.

— Ну, что вы, — ответила Лидочка, которая не знала, какую роль она сыграла, она хотела попрощаться, но оказалось, что Татьяна еще не спросила главного:

— Лидочка, а ты не знаешь, какое снотворное выпила Аленка?

— Нет, Соня мне не сказала.

— Ну как же так! Пожалуйста, узнай для меня. Может, милиция знает?

— Я постараюсь, — хотя было совершенно непонятно, зачем ей это узнавать.

— Тогда до свидания, девочка.

Татьяна всхлипнула и повесила трубку.

Лидочка убрала со стола. «Я совсем забыла, что меня саму собирались убить, — подумала она. — Отказались они от этой мысли или нет? Надо спросить у коменданта Каликина... Что же не звонит Андрей? Уже давно должен был долететь. Вот он удивится, если узнает, что шкатулка существует, стоит в двух шагах от нашего дома, правда, пустая. А владелица ее, которая, вернее всего, знала, куда делось содержимое шкатулки, покончила с собой сегодня ночью. Как будто судьба погрозила пальчиком и усмехнулась, не желая возвращать Берестовым семейные реликвии».

* * *

Странное состояние владело Лидочкой — она не могла заставить себя покинуть надежность квартиры и ступить на лестницу. Как будто была убеждена в том, что нечто страшное ждет ее на лестнице или в подъезде. Она понимала, что в ней накопилось нервное напряжение последних суток. В ней боролись два человека — один требовал действий, утверждал, что, лишь преодолев препятствия, можно возвратиться к нормальной жизни. Так что сначала надо добраться до булочной, затем побывать в изда-

тельстве «Наука» и получить там деньги за фотографии... Другой человек, осторожный и запуганный, уверял, что хлеба еще немного есть, гонорар пустяковый, подождет, а вот Андрюша может в любой момент позвонить из Каира, и он очень удивится, что ее нет дома, и будет беспокоиться, к тому же ей самой хочется услышать его спокойный голос...

В результате победил второй осторожный человек, и Лидочка, убрав квартиру, запустив белье в стиральную машину, села поработать. Телефон она поставила рядом. В течение второй половины дня он почти не звонил — обычно в это время никого дома не бывает, и телефон знает об этом. В шесть позвонил Андрей. Она была счастлива услышать его голос, потому что уже начала строить в воображении ужасные картины авиационной катастрофы, отгоняя их и не в силах отогнать. Слышно было очень плохо. Так плохо, что приходилось кричать, и, конечно, Лидочка ничего не стала кричать Андрею об утренней перестрелке и почти найденной шкатулке — событий было столько, что для объяснений потребовалось бы минут десять. А у Андрея было денег в обрез, и он сам, узнав, что дома все в порядке, закончил разговор. И, только повесив трубку, Лидочка поняла, что даже не спросила, в каком отеле он остановился и какой у него там номер телефона — ведь ей следовало теперь позвонить ему самой.

Ну ладно, подождем следующего звонка.

Почти сразу позвонил комендант. Казалось бы, ему проще заглянуть перед уходом с работы. Но он позвонил и сказал, что не посмел беспокоить, так как еще не достал второго стекла. Что же касается всяких нападений и угроз, о которых говорил лейтенант Шустов, то Лидочка может не беспокоиться. Комендант по своим каналам предупредил бандитов, чтобы они не смели появляться по соседству. Потом он пожелал спокойного вечера и даже поинтересовался, благополучно ли долетел Андрей Сергеевич.

— У вас есть свои каналы? — удивилась Лидочка.

— Москва вся пронизана мафиозными связями, — внятно объяснил ей комендант. — Каждый второй — бандит. А у коменданта большое хозяйство. Неужели вы думаете, что в нашей работе можно обойтись без контактов? Нельзя. Помните, как нам телефоны ставили — тогда нелегко было это сделать. Зато у нас на автоплощадке три места не принадлежат жильцам. Не замечали? Ну ладно, вы не автомобилист. А подвал мы сдаем фирме? Нужно же на какие-то деньги дворника и уборщицу иметь? А фирма какая? Голландская. Из кого состоит? Из трех азербайджанцев. Можно и еще примеры приводить, но довольно и этих.

Говорил комендант вежливо, умильно, как бы по-дворницки. Но Лидочка знала, что он не дворник, а полковник, ветеран и председатель ветеранов, так что в любой момент он может сменить интонацию.

Потом Каликин спросил, правда ли, что она сообщила номер той машины милиционеру Шустову?

— Правда, — ответила Лида с замиранием сердца. Она поняла, как сердится на нее мафия за этот донос.

— Ну и молодец, — сказал комендант. — Я же их предупреждал, не вяжитесь к нашим уважаемым товарищам. Все равно номер ваш в милиции, а примет ваших женщина не помнит. Правда?

— Правда, — ответила Лидочка после короткой паузы.

— Лидия Кирилловна, — настойчивее повторил комендант. — Вы меня, может, неправильно поняли, но мне хочется довести до вашего сознания, что вы не запомнили лиц тех людей, которые были в машине. Для вашего же блага. Так и милиционеру сказали. И зря они беспокоятся. Вы меня поняли?

Только тут Лидочка его поняла и с облегчением, почти искренне ответила:

— Я совершенно не запомнила никаких лиц. Я и так плохо лица запоминаю, а в темноте, в машине тем более — я же специально не приглядывалась.

— Вот и умница, — одобрил комендант. — Значит, я людей не обманул.

На этом он и попрощался.

Лейтенант Шустов позвонил уже в восьмом часу, узнать, как там дела? И вообще, никто не беспокоил Лидочку?

Лидочка ответила, что день прошел спокойно.

— Комендант звонил?

— Он в самом деле знаком с бандитами?

— Откуда мне знать? — в голосе Шустова ей послышалась насмешка. — Если я об этом узнаю, то подберу ему статью.

— Я ему сказала, что сообщила вам номер машины.

— Но, наверное, не запомнили, кто стрелял? Не увидели?

— Почему вы так думаете?

— Я ничего не думаю. Но учтите, что от вас я и не требую, чтобы вы кого-то запомнили. Раннее утро, перепуганная стрельбой женщина... даже суд никогда не рассчитывает на такие подарки. Да и я как профессионал ваши показания принимал бы с подозрением.

— Значит, я ничего не видела?

— Ваше дело.

— А как себя чувствует Петренко?

— Пострадавший находится в больнице и просит отпустить его домой, потому что полагает, и притом с основанием, что больница не самое безопасное для него место.

— Вы его прячете?

— Мы не в Америке. У нас для этого денег нет. Но место, где он лежит, не афишируем.

— Если они захотят, то доберутся до Петренко?

— Может быть.

— И убьют его?

— Допускаю.

— И вас не будет мучить совесть?

— Я подозреваю, что сегодня чуть попозже он смоется из больницы. И его не поймают. Вас это устраивает?

— Спасибо. А что известно об Алене Флотской?

— А что может быть о ней известно? Покончила с собой. Думаю, что всерьез она и не собиралась этого делать. Но так получилось. Уже не первый случай в моей практике. Хотят пугнуть, а дозу не рассчитывают.

— Вы так уверены?

— Она не оставила предсмертной записки, но я отыскал ее записную книжку. В ней записи на ближайшие дни, настоящие самоубийцы так не делают.

— Уже известно, почему она это сделала?

— Вы любопытная, Лидия Кирилловна.

— Как и всякая женщина.

— Мы не рассказываем посторонним тайну следствия. Но с вами я могу поделиться. При одном условии.

— При каком?

— Если вы дадите мне слово, что в самом деле раньше не были знакомы с погибшей и позвонили ей случайно.

— Я же сказала! Я ее так и не видела! Мне нужна была шкатулка, вернее, информация о шкатулке, которую мои родственники передали на хранение ее бабушке в тридцать восьмом году.

— А где эта шкатулка теперь?

— Это меня интересует не меньше, чем вас. Ко мне сегодня приходила Соня Пищик, она говорит, что шкатулка хранится дома у Алены.

— Ага, — сказал Шустов.

— Что это означает?

— Разгадку для Шерлока Холмса, — ответил лейтенант. — А я думал, что же стояло на комоде?

— Вы видели?

— Нет, но я могу сообщить ее размеры. Тридцать два на двадцать четыре сантиметра.

— Правильно! Но как вы догадались?

— На комоде пыль. Алена Флотская была большая неряха. А в одном месте пыли нет. Там что-то стояло, примерно тридцать на двадцать четыре сантиметра. Я и решил — коробка с нитками и пуговицами. Зачем она кому-то понадобилась?

— Она пропала?

— Вот именно. И дорогая шкатулка?

— Наверное, не очень. Я ищу дневники, которые в ней когда-то хранились.

— На комоде лежали кучей нитки, пуговицы — всякие пустяки. Кому-то шкатулка понадобилась, вот он все и высыпал. А когда Пищик ее видела?

— Не знаю. Спросите у нее.

— Спрошу, — сказал лейтенант.

— Почему вы замолчали? Это вам кажется важным?

— Не знаю, — сказал лейтенант. — Вообще-то, это не телефонный разговор.

— Разве сейчас слушают?

— У нас всегда слушают.

— Но мы же не обсуждаем важных дел. Одна девушка покончила с собой. Каждый имеет право покончить с собой.

— Если эта шкатулка исчезла два-три дня назад, это меня не касается, — ответил лейтенант. — Но если сегодня ночью, то, значит, кто-то к ней заходил. Может быть, эта встреча и подтолкнула гражданку Флотскую к роковому решению.

Ну почему он всех называет гражданками? Неужели и меня он именует гражданкой Берестовой? А почему бы и нет?

— У вас есть подозреваемые?

— У нее были интимные отношения с одним из ее сослуживцев. Но если гражданка Пищик к вам заходила, то она наверняка вам об этом поведала.

— Поведала. Вы его будете допрашивать?

— Наверное, придется, — ответил Шустов. — Но, вообще-то говоря, не хочется. Такие дела, где виноватых не найдешь, я бы закрывал, пусть живут, как хотят. А то у нас бандиты на свободе гуляют, а мы самоубийцами на личной почве занимаемся.

— Но бывает же, что человека довели до самоубийства.

— Боюсь, что гражданка Флотская сама себя довела.

— Вы — женоненавистник.

— Вы так думаете потому, что я развелся? Но мы с Галей и сейчас поддерживаем нормальные отношения.

— Нет, я пошутила.

— В следующий раз осторожнее шутите, а то я не всегда вас понимаю, — признался милиционер.

— Андрей Львович, — Лидочка постаралась говорить ласково и убедительно. — Мне на самом деле важно узнать, куда делись те вещи, что когда-то лежали в пропавшей шкатулке. Я очень прошу, если будете спрашивать людей о шкатулке, вы потом мне расскажете, что узнали, хорошо?

— Хорошо. Но у меня нет доказательств принадлежности шкатулки вам или вашим родственникам.

— Андрей Львович, вы можете спросить у Татьяны Иосифовны. Она — мать...

— Знаю. Проживает в дачном поселке на станции Переделкино, где пишет свои воспоминания. Я спрошу ее.

— Заранее спасибо.

— Не спешите. Отдыхайте. Я пойду поужинаю, а то весь день без горячей пищи. И не бойтесь. Никто вас больше не тронет. Но, конечно, никому не открывайте, не посмотрев предварительно в глазок. Никому. Ясно?

— Ясно.

— Спокойной ночи.

Спать было еще рано — половина девятого. Лидочка устроилась с книжкой на диване, но, конечно же, не читалось — слишком много впечатлений.

Потом потянуло в сон.

Лидочка быстро отправилась в ванную — она боялась, что заснет.

Глава четвертая

ТЫ НИКОГО НЕ ВИДЕЛА

Утро началось со звонка в дверь.

Лидочке показалось, что еще ночь — так сумрачно было за окном.

Звонок был настойчив, он сбивал мысли, в нем была угроза, как бы продолжение тут же забытого ночного кошмара. Звонили убийцы... Лидочка кинулась было к двери, как была, в одной ночной рубашке, но потом остановилась в коридоре, замер-

ла, стараясь проснуться и привести в соответствие мысли и окружающий мир.

Для этого сначала надо было посмотреть на часы, но часы остались в комнате. Тогда лучше заглянуть в глазок.

Лидочка заглянула в глазок и обнаружила, что за дверью, опираясь на палку, в меховой широкой шубе и в сером шерстяном платке стоит Татьяна Иосифовна Флотская. Этого еще не хватало!

Лидочка открыла дверь.

— Ты спала? — спросила Татьяна, не скрывая укоризны.

Лидочка знала, что услышит дальше, и потому молча отошла в глубь коридора.

— Я уже дошла до станции, доехала до Москвы, по Москве болтыхалась полчаса или час, еле тебя отыскала, у вас все переулки перекопаны. Думала, что придется звонить.

— Вы бы позвонили из автомата, я бы вас встретила.

— Я подозревала, что ты дрыхнешь, поэтому и дала тебе лишних полчасика поспать. Я-то ранняя пташка — как запоет вертухай, как ударят по рельсе, так я и бегу в сортир.

Татьяна хмыкнула и принялась разматывать платок.

— К тому же, — сказала она, — на улице жуткий мороз. Не стой как скифская баба. Поспеши на кухню, поставь чайник — чашка кофе меня спасет.

Что Лидочка и сделала.

Пока чайник грелся, она быстро ополоснулась, оделась и приготовила нежданной гостье завтрак.

Татьяна объяснила, и это было естественно, что ночью ей стало не по себе. Совсем не по себе. Она начала плакать и поняла, что должна найти каких-то людей. И тут обнаружила, что людей-то и нет. Племянница уехала в Германию, друзья, если они и были, вымерли или покинули эту страну, и вдруг оказалось, что проще и приятнее было поехать к Лидочке, с которой познакомилась сутки назад. Ведь именно Лидочка — не чужая. Они практически родственники, встретившиеся после долгой разлуки, Лидочка того же возраста, что и несчастная Аленка, и именно в ней Татьяна почувствовала родственную душу, ты понимаешь?

— Человек в стрессовой ситуации, — рассуждала Татьяна, большими глотками спеша допить чашку кофе в расчете на добавку, — ведет себя, на первый взгляд, нелогично, им руководят инстинкты. Инстинкт рода, инстинкт самосохранения. Как ни странно, меня вел к тебе инстинкт самосохра-

нения — раненое животное чутьем понимает, какие травы для него целебны, а какие — ядовиты. Под ядовитой травой я имею в виду Соню. Вот к ней в трагический момент жизни я бы не смогла обратиться, потому что она недобрый человек...

Татьяна Иосифовна продолжала говорить, выговариваясь, видно, за недели одиночества и за вчерашний день, когда это одиночество она почувствовала в полной мере. А Лидочка с безнадежностью размышляла о том, что, вернее всего, сегодняшний день тоже погибнет — Татьяна Иосифовна послана ей злою судьбой, чтобы лишить свободы.

После третьей чашки кофе Лидочка смогла все же вставить вопрос в сплошной поток речи гостьи.

— Какие у вас планы, Татьяна Иосифовна?

— У меня? Планы? Не говори глупостей. Какие могут быть планы у старухи, только что потерявшей единственного родного человека?

— Но ведь вы ехали, наверное, не только для того, чтобы поговорить со мной?

— Если ты думаешь, что я хочу поехать в морг, — испуганно заявила Татьяна, плотно обволакивая кухонную табуретку мягким телом, — то ты ошибаешься. Я не переживу той картины. Нет, ни в коем случае. Ни одна мать не может увидеть свою дочь в таком виде.

Лидочка ничего не ответила, но почувствовала громадное облегчение от того, что ей не придется сопровождать в морг несчастную мать. Впрочем, не исключено, что лейтенант Шустов заставит ее туда поехать — Лидочке приходилось читать в американских детективах, как несчастную мать или жену везут в морг на опознание...

— Но я подумала, — сказала Татьяна, — что мне все-таки надо зайти к себе в квартиру.

— А где это?

— Где Аленка жила. Это же теперь моя квартира! Я — наследница.

Наверное, формально так и было. Некогда, вернувшись в Москву, Татьяна подселилась туда, к Аленке с бабушкой. Потом она купила небольшое кооперативное жилье на Аэропорте, где почти не бывала, потому что сдавала квартиру одному швейцарцу, предпочитая свежий воздух Переделкина.

Татьяна вытащила мужской бумажник, извлекла из кар-

машка небольшую фотографию хорошенькой, чернокудрой, с острым носиком девушки. И Лидочка наконец-то увидела Аленку.

— Она была полной? — спросила Лидочка.

— Нет, совсем худой. Чертами лица мы похожи, но должна тебе сказать, что в двадцать, даже в тридцать лет я была, как тростиночка, а теперь вот — результат неправильного обмена веществ.

— Вы хотите туда пойти? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Ты меня проводишь туда? Это два шага, всего два шага. А то я за себя боюсь. Я одна не выдержу!

— Конечно, — согласилась Лидочка.

Из двух бед ей выпала меньшая — хоть не надо ехать в морг. К тому же ей любопытно было побывать в той квартире.

В том, что в ее быстром согласии присутствовали и корыстные мотивы, Лидочка призналась лишь самой себе: ей хотелось увидеть то место, где стояла шкатулка, и, может быть, случайно заметить, как из-под комода высовывается уголок когда-то завалившегося туда дневника.

— Единственная деталь, — заметила Татьяна Иосифовна, — ключей у меня нет. Я их давно уже потеряла.

— А как же мы туда попадем?

— Я знаю из разговора с лейтенантом Шустовым, что ключи находятся у него. Он мне сказал по телефону. В крайнем случае, отберем у Соньки. Ей они уже не понадобятся.

Лидочка позвонила в милицию, подошла Инна Соколовская, Лидочку она не узнала или сделала вид, что не узнала, но призналась, что лейтенант Шустов будет к десяти.

* * *

Пока они собирались да шли до милиции, с заходом на рынок — надо купить чуть-чуть зелени — Татьяна испытывает нехватку витаминов, пока отдыхали на скамеечке в коридоре милиции, Татьяна все говорила, но, к сожалению, не сказала ничего достойного запоминания. Мучения и лишения, которые ей пришлось претерпеть, долгие годы оставались лишь ее бедой и собственностью, но, когда она дожила до иных времен, она решила, что государство, общество и каждый отдельный член общества обязаны заплатить за причиненное ей зло. Причем это правило распространялось на всех жителей нашей страны, включая собственную дочь Татьяны, из-за чего и усу-

губились противоречия, а потом и вовсе вражда между этими женщинами. Так что и теперь Татьяна была убеждена в том, что ее беды, в число которых вошла и смерть дочери, должны разделяться остальными. Ближе всех была Лидочка, ей больше всех и досталось. Причем Татьяна нагружала своими терзаниями представителей человечества не поровну, а в зависимости от их податливости. Лидочка была мягкой и воспитанной, ей достался груз побольше. Соня — невоспитанная грубая эгоистка, значит, с нее и спрос меньше. Татьяна, как опытный сборщик налогов, чувствовала, с кого можно сколько взять, чтобы и по миру не пустить, и лишнего жирку не оставить.

Потому-то постепенно проявилась и главная цель приезда — не желание проводить в последний путь свою единственную дочь, а скорее, опасение того, что эта Соня Пищик сегодня же вытащит из квартиры все ценные вещи, если она уже не сделала это с утра пораньше.

Главное — отобрать у нее ключи. И даже, может быть, срочно поменять замок, чтобы обезопасить память о девочке. Почему врезание нового замка называлось заботой о девочке, Лидочка не поняла. Да и не положено ей было понимать.

В отделении милиции было пусто — похоже, сегодня все сотрудники разъехались с утра по заданиям. Лишь в паспортном отделе толпились какие-то люди, приезжие, судя по одежде и смуглости. Лидочка первой сунула голову в кабинет Шустова. Тот сидел за своим столом, положив перед собой квадратный кусочек бумаги, затачивал, уперев концом в бумагу, карандаш. Лидочку он увидел сразу — смотрел на открывающуюся дверь. И был ей рад.

— Привет, — сказал он. — Мне Инна сказала, что вы звонили. Что стряслось? Кто обидел?

— Я к вам по делу.

— К сожалению, — он положил карандаш на стол, смял бумажку и кинул комочек в корзину. — К сожалению, все ко мне идут по делу, а я так хотел, чтобы от безделья.

Он уже увидел вплывающую в комнату тушу Татьяны Иосифовны и потому завершил фразу дипломатично:

— Хорошие примеры заразительны. Не зря я вас вчера так рано разбудил.

Он обогнул стол и вышел к ним навстречу, как делают демократически настроенные министры. Но у министров соответствующие кабинеты, а у Шустова комнатенка в десять квадрат-

ных метров, шкаф и сейф. Так что получилось тесно, и пришлось долго топтаться, прежде чем все расселись.

— А я уже догадался, кто вы, — сказал Шустов, приняв серьезный, соответствующий случаю вид. — Вы будете Татьяна Иосифовна Флотская, мать трагически погибшей гражданки Елены Флотской?

Лидочка оценила память Шустова. Тот понял ее удивление и объяснил, словно оправдываясь:

— Так я же это дело веду, мне его следователю передавать. Пока не передам, я всех свидетелей и родственников помню. А потом забуду, не бойтесь.

— Я не боюсь, — сухо заявила Флотская. Кажется, ей не понравился красавчик, словно она уловила в его голосе насмешку. Но насмешки не было. Лидочка уже познакомилась с Шустовым и знала, что он человек серьезный. А если старается шутить, то от напряжения перегорают пробки во всем квартале.

— Татьяна Иосифовна пришла к вам, — начала было Лидочка, и тут Шустов совершил роковую ошибку.

— Не беспокойтесь, Татьяна Иосифовна, — заявил он официально, — я лично отвезу вас в морг. Как раз проведем дополнительное опознание, у нас нет показаний члена семьи. Так что я все устрою. Я думаю, завтра анатомы кончат с ней работать, и мы поедем, добро?

— О, нет! — Татьяна Иосифовна сглотнула слюну. Лидочке показалось, что ее тошнит от страха. — Я инвалид, мне нельзя волноваться, у меня плохое сердце...

Шустов растерялся и обернулся за поддержкой к Лидочке.

— А нельзя обойтись без опознания? — спросила она.

— В принципе можно. Но я решил, что Татьяна Иосифовна специально для этого приехала.

— Нет, — отрезала Татьяна Иосифовна и поглядела сквозь импортные очки на лейтенанта так, что он должен был провалиться сквозь землю. К счастью для лейтенанта, он глядел на Лидочку, ожидая от нее совета, и не заметил убийственного взгляда.

— У Татьяны Иосифовны проблема, — сказала Лидочка и замолчала. А почему она должна работать переводчиком? — Татьяна Иосифовна, объясните все лейтенанту Андрею Львовичу.

— Мне нужно попасть в мою квартиру, — скупо произнесла Татьяна.

— Ради бога, я не имею ничего против, — сказал лейтенант. — Но я при чем?

— Как? — строго спросила Флотская. — А ключи у кого?

— Вы имеете в виду квартиру вашей дочери?

— Приватизированную, — уточнила Татьяна, но тут же сообразила, что взяла неверный тон, и поправилась: — Я мать, в конце концов!

— Да разве я возражаю? — сказал лейтенант. — Простите, Татьяна Иосифовна. Конечно же, квартира опечатана. Но мы почему это сделали? Мы это сделали потому, что вас в городе нет, и мы не знали, когда вы вернетесь, а чтобы посторонние лица приходили, нам не нужно.

— Вы хотите сказать, что квартира опечатана? Моя квартира опечатана?

Лидочка кинулась на помощь Шустову:

— Но так всегда делается. Ведь Андрей Львович не возражает.

— Значит, я не могу попасть в мою собственную квартиру? — Татьяна Иосифовна рвалась к скандалу. Она уже мысленно готовила уничтожающие письма в средства массовой информации.

— Татьяна Иосифовна, — Лидочка повысила голос. Надо было пресечь наступление в самом начале. — Поймите же. Второй ключ есть у Сони, у Сони Пищик. Андрей Львович не хотел, чтобы она, не будучи родственницей, бывала в квартире.

— Вот именно! — закричала Флотская. — Это я и хотела сказать.

Тут она осеклась, и все тоже молчали, потому что никто не понимал, что же она хотела сказать. Пауза затягивалась. Первой опомнилась Татьяна, спросив тоном пониже:

— Она не сможет войти?

— Вот именно, — ответил Шустов.

— Значит, она все вынесла с утра, — заявила Татьяна.

— Что вы имеете в виду? — спросил лейтенант.

— А то, что она была там с утра, увидела тело моей дочери, вынесла все ценное из квартиры, а потом позвонила вам.

— Так, — Шустов уже все понял, а когда он все понимал, то он тоже мог постоять за справедливость. — Простите, гражданка Флотская, но вы упомянули сейчас ценные вещи, которые, по вашему мнению, гражданка Пищик вынесла из квартиры вашей дочери. Вы не могли бы перечислить вещи, имеющие наибольшую ценность?

— То есть как? — Татьяна к такому вопросу не была готова. — Какие ценности?

Лейтенант был на коне. Он взял отлично заточенный карандаш, элегантным движением достал из стола лист бумаги. И по тому, что он решил воспользоваться именно карандашом, который не употребляет в официальной обстановке, Лидочка поняла, что он преподает Татьяне урок поведения, о чем она не должна догадаться. А так как Татьяна была Лидочке несимпатична, она не собиралась мешать лейтенанту проводить урок вежливости.

— В квартире, где прописана ваша дочь Елена, находятся некие ваши ценности. Попрошу их перечислить.

Татьяна растерянно обернулась к Лидочке.

— О чем он говорит? — спросила она так, словно услышала от лейтенанта гнусное предложение.

— Я думаю, — ответила Лидочка, — что Андрей Львович хочет помочь вам выяснить, не пропало ли что-нибудь из дома.

— Какие могут быть ценности у Алены? — строго спросила Татьяна Иосифовна, будто слова о ценностях исходили не от нее, а от лейтенанта.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

— Я не была в этой квартире больше года! — воскликнула Татьяна. — Больше года! А вы стараетесь навязать мне чуждое мнение.

— Кого вы подозреваете? — спросил лейтенант, который умудрился пропустить мимо ушей ее слова.

— Именно ее, Софью Пищик, — ответила Татьяна.

— Вы полагаете, что гражданка Пищик взяла в квартире какие-то ценности, наименования которых вы уточнить не можете ввиду того, что давно не были на данной жилплощади. Но назовите хоть один предмет!

— Один?

— Один.

— Магнитофон, — сказала Татьяна. — Магнитофон «Панасоник», который был подарен лично мною Аленке к окончанию института.

— Большой?

— Очень большой.

— Проверим, — сказал лейтенант.

— Проверьте, — повторила за ним Татьяна. Она потеряла свою агрессивность.

— Скажите, пожалуйста, — произнес лейтенант заинтере-

сованно. — А каким поездом уехала от вас гражданка Пищик вчера утром?

— Я не знаю, каким поездом, — ответила Татьяна.

— Приблизительно.

— Это допрос?

— Да никакой это не допрос! Я хочу развеять недоразумения, — сказал лейтенант. — Чтобы вы не беспокоились понапрасну.

— Она уехала... она ушла в восемь часов. Около восьми.

— Допустим, в восемь, — согласился лейтенант. — Электрички у вас в это время часто ходят?

— Откуда мне знать. Неужели вы думаете, что я в восемь утра способна уехать на электричке?

— Я полагаю, что вы способны, — откликнулся Шустов. — Значит, в восемь. Даже если она добежала до станции и сразу села в поезд, то в Москве она была без четверти девять и сколько-то времени потратила, стараясь дозвониться до Алены.

— Никуда она не звонила! — заявила Татьяна, полагавшая, что лейтенант покрывает Соню из каких-то эгоистических соображений.

— Значит, не звонила, — согласился лейтенант, — а прямиком поехала на Васильевскую. И была там, скажем, в половине десятого. А без четверти десять мы расстались с гражданкой Берестовой.

— Расстались с Берестовой? — Татьяна была поражена и охвачена новыми подозрениями. — С Лидой?

— По другому делу, — пояснила Лидочка.

— Как раз без четверти десять меня вызвали в дом к вашей дочери. А звонок в «скорую» — я проверил — ушел в девять сорок. Через семь минут я был в вашей квартире, там я застал гражданку Пищик в истерическом состоянии. Я даю голову на отсечение, что у нее не было ни возможности, ни сил, ни настроения выносить магнитофон «Панасоник».

— Все может быть, — ответила Татьяна, показывая тоном, что окружена врагами и никому не верит.

— Ну хорошо, допустим, что у нее был сообщник, которому она передала ценные вещи. Но тогда она должна была заранее знать, что Алена умерла. Иначе даже у сообщника, который живет на соседней улице, не было бы времени, чтобы прийти ей на помощь и ограбить вашу квартиру.

— Но она могла вызвать его с дороги.

— Значит, она знала, что Алена погибла?

— Да! Она же мне вчера говорила, что Алена собирается покончить с собой.

— Очень интересно, — лейтенант буквально обволакивал старуху взглядом своих маслин. — Выходит так: к вам приехала гражданка Пищик и сообщила, что этой ночью ваша дочь покончит с собой. И что же вы сделали?

— Не пытайтесь шутить, — грозно предупредила лейтенанта Татьяна. — Это не предмет для шуток. Да, все так, как вы говорите, гражданка Пищик сообщила мне в очередной раз, что моя дочь намеревается покончить с собой. Это уже бывало раньше, и потому я не обратила на это внимание. Потому что это обыкновенная чепуха.

— Значит, гражданка Пищик бросает все дела, едет к вам за город, чтобы предупредить вас о совершенной чепухе.

— Значит, так!

— И вас это не удивляет?

— Удивляет, но не настолько, чтобы выгнать ее за порог. Тем более что она была в обществе вот этой дамы!

Татьяна показала на Лидочку, и этим жестом было ясно сказано, насколько упала Лидочка в глазах Татьяны Иосифовны.

— Затем эта самая гражданка Пищик, которая приехала к вам с чепухой, остается у вас ночевать? Так?

— А куда ей было ехать? Пока мы кончили разговаривать и смотреть телевизор, уходить было поздно. Вашей милостью женщине нельзя появиться на улице после семи вечера.

— Моей милостью? — не понял милиционер.

— Вы умеете воевать лишь с беспомощными женщинами, нищими и лотошниками. Перед мелкими преступниками вы бессильны, а к мафии бежите на поклон.

Лейтенант, вежливо выслушав филиппику Татьяны, возразил:

— Я с вами не совсем согласен. Разумеется, у нас еще много недостатков. И со временем...

— Со временем их станет еще больше, — вставила Татьяна.

Ей стало жарко в шубе, дорогой, но не новой. Лидочка вдруг решила, что шуба подарена какой-нибудь благотворительной организацией — не было у Татьяны денег, чтобы купить такую дорогую, даже не новую шубу. Всю жизнь она просуществовала на грани бедности, и сегодняшняя ее бедность — это богатство по сравнению с тем, что было раньше.

— Даже с нашими ограниченными возможностями мы ста-

раемся защитить жизнь и имущество граждан, — наставительно бубнил молодой лейтенант, а старуха Флотская негромко огрызалась, врезаясь, как топор, в его монолог.

— В общем так, — сказал лейтенант. — Получите ключи от вашей квартиры и распишитесь вот здесь в их получении. И здесь.

— Бред какой-то! — проиграв первое сражение, Татьяна взяла верх в войне и потому ворчала, не переставая: — Почему это я должна расписываться в получении своих собственных ключей?

— Тогда подождите, и мы вернем их вам после окончания следствия.

— Ваше следствие никогда не кончится.

Лейтенант пожал плечами. Он кинул на Лидочку несчастный взгляд. У Татьяны оказалось особенное свойство — выматывать людей, которые с ней общаются. Лидочка тоже чувствовала крайнюю усталость.

Татьяна тщательно пересчитала ключи, как будто знала, сколько их должно быть.

— Последний вопрос, — сказала Татьяна. — Когда я получу вторые ключи?

— Какие вторые? У нас одни, — не понял вопроса лейтенант.

— Я имею в виду ключи, которыми завладела гражданка Пищик, — Татьяна старательно подражала лейтенантскому обозначению людей.

Дверца сейфа, из которого лейтенант вынимал ключи, была приоткрыта. Он поднялся, положил в сейф расписку Татьяны и запер его.

— Какие ключи и кому давала ваша дочь, меня не касается, — сухо сказал лейтенант. Он устал от Татьяны и был рад от нее избавиться.

— То есть как так? — Татьяна смотрела на него снизу вверх, как Петр Великий на своего непутевого сына Алексея на картине известного художника Н. Ге.

— Вы поищите ключи у ее друзей, знакомых, может быть, у ее близкого друга, — лейтенант не пытался щадить чувства матери, потому что уже понял, что перед ним сидит не подавленная горем одинокая женщина. По крайней мере, здесь никто не рыдал и рыдать не собирался.

— Вы хотите сказать, что Алена доверяла ключи черт знает кому?

— Вы же сами недовольны, что ключи есть у гражданки Пищик, — заметил лейтенант.

Тут Татьяна была вынуждена признать временное поражение и предпочла прервать переговоры с милицией.

Лидочка была удивлена сначала, что Шустов не воспользовался присутствием Флотской, чтобы допросить ее или хотя бы поговорить о дочери. Но потом поняла, что он настолько не хочет оставаться с Татьяной наедине, что согласен пойти на нарушение милицейского устава и обойтись без допроса. Благо, дело было, как понимала Лида, простым и для сыщика неинтересным.

* * *

Дом стоял в отдалении от улицы, служа боковой стеной двора. Семь этажей, ранний хрущевский стиль, когда с фасадов уже сняли все украшения и даже штукатурку, но строили еще из кирпичей и по урезанным вариантам сталинских проектов.

Во дворе и в подъезде они никого не встретили. И когда поднимались на лифте, Татьяна с облегчением сказала:

— А я так боялась соседок! Какая-нибудь идиотка должна была нам встретиться, чтобы выразить мне сочувствие.

Но она рано успокоилась. Реальная опасность поджидала у двери. Татьяна, тяжело дыша и опираясь на свою трость, которая нужна была ей, как она сама выразилась, чтобы не хлопнуться и не заработать перелом шейки бедра, начала копаться в связке ключей. Отыскав подходящий ключ, она сорвала пломбочку с двери и сунула ключ в скважину. Ключ в скважину не влез.

Открылась соседняя дверь на той же площадке, и вышла маленькая, чуть ли не карлица, женщина с круглым сморщенным личиком и воскликнула:

— А я думаю, кого черт принес — я специально прислушиваюсь. А тут звуки. И я думаю, кого черт принес, а это вы, Татьяна Иосифовна. Я как раз думала, а где Татьяна Иосифовна? Неужели родная мать не приедет?

Женщина говорила мягко и переливчато, как говорят московские татары.

— Здравствуйте, Роза, — сухо произнесла Татьяна, она перестала выбирать ключ и выпрямилась, ожидая, что соседка уйдет. Та же не выражала желания уйти. Казалось бы — открой скорее дверь и скройся в безопасности квартиры. Но тут Лидоч-

ка поняла, что Татьяна не хочет показывать соседке, что забыла, каким ключом дверь открывается.

— Это такой ужас, я просто спать не могу, — сказала Роза. — Мертвые по ночам ходят, особенно если злые.

— Кто злые? — спросила Татьяна.

— Ну так о мертвых не говорят, правда, — смутилась Роза. — Мы-то с вами знаем, чего же, свои люди какой был трудный ребенок, просто ужас. А как мне теперь спать? Некоторые считают, что он ее убил. Это может быть? Я милиции ничего не сказала, зачем им всякие тайны знать, еще хуже будет.

— Кто ее убил? — спросила Татьяна.

— Который к ней ходил. Седой такой мужчина, красивый, вежливый, его Олег Дмитриевич звали, всегда здоровался, очень воспитанный. Такие и убивают, правда? Сначала воспитанный, всякие слова говорит, а когда уже жениться нужно, то убивает. Может, боялся, что Алена беременная была? Испугался, что к его жене пойдет, и убил. Правда, так бывает?

— А разве Алена беременная была? — Татьяна растерялась от равномерного тоненького потока слов.

— А кто ее знает, — сказала татарка, — никто не скажет, пока она сама анализ не сделает, только Раиса Семеновна из шестнадцатой квартиры мне сегодня сказала, что у Алены такой вид был, что как будто она беременная. Особенный вид.

— Этого еще не хватало!

— А он к ней ходил, только не было чувства, я же понимаю. Он вежливый был, он вчера приходил, тоже вежливый был. Я милиции еще не сказала, я думала, вот придет Татьяна Иосифовна, и я ее спрошу, что мне говорить милиции, а что не говорить.

— Милиции это все неинтересно! — отрезала Татьяна и тут, видно, вспомнила, какой ключ ей нужен. Она выбрала его в связке и сунула в скважину. Ключ легко повернулся, но дверь не открывалась.

— А они на нижний тоже заперли, — сказала Роза. Лицо у нее было доброе, улыбчивое, но при том малоподвижное. — Алена никогда на нижний не запирала, только когда в Симеиз ездила, а так не запирала.

Роза показала на самый большой ключ в связке. Татьяна открыла дверь.

Роза осталась на лестнице, но заглянула внутрь квартиры, будто ждала приглашения.

— Они ее унесли на носилках, — сказала Роза им в спи-

ну. — С головой накрыта, просто ужасно, я как раз встала и думаю, чаю нет, надо чаю у Алены попросить, а тут эта курносая Сонька, в очках, пришла, как домой к себе ходит, и как начнет потом кричать, мне через две двери слышно.

— Спасибо, Роза, — сказала Татьяна и закрыла дверь.

В квартире пахло холодным табачным пеплом, как от неубранных пепельниц.

— Я должна отдохнуть, — устало произнесла Татьяна. — Я сейчас упаду. Это невозможно до такой степени совать нос в чужие дела. Она раньше дворничихой работала, потом за водопроводчика замуж вышла. И вот — получила квартиру.

— Зато водопроводчик под боком, — попыталась успокоить ее Лида.

— Какой водопроводчик! Он давно уже в префектуре работает, большой начальник.

— Значит, у вас есть знакомый большой начальник, — уточнила Лидочка.

— У меня нет настроения шутить.

Они стояли в коридоре, страшась сделать следующий шаг — в комнату, где недавно лежала мертвая Алена.

Портрет Алены — ученический, пастельный, видно, нарисованный недоучившимся поклонником, висел в коридоре над дверью. Глаза на портрете были синими, черные волосы завивались тугими локонами, губы были слишком красными, нос мамин, острый и вытянутый вперед.

На вешалке висело два пальто, одно — дутое пуховое китайское, второе пальто — шерстяное, внизу — сапоги, туфли и шлепанцы...

Не раздеваясь, Татьяна заглянула в комнату. Дверь отворилась с легким скрипом, и в коридоре сразу стало светлее. Комната оказалась больше, чем ожидала Лидочка, она была наполнена вещами пятидесятых годов, и комод, и диван, вернее, тахта, широкая и продавленная в центре, на которой были разбросаны подушки, но белья не было, хотя Алена, без сомнения, спала на этой тахте — другого спального места не было видно, да и негде его поставить. Овальный стол посреди комнаты был накрыт старой вышитой скатертью, на столе стояла высокая синяя ваза с засохшими розами. Над тахтой висел ковер — комната выглядела странно, словно здесь жил пожилой человек.

Татьяна, видно почувствовав недоумение Лидочки, пояснила, все еще не делая шага внутрь комнаты:

— Здесь все вещи, которые покупала мать, когда получила эту квартиру. Тысячу лет назад. По комиссионкам ездила — вот этот комод три рубля на наши деньги, а тахту практически задаром, только пришлось заплатить за перевозку, представляешь? Теперь бы все это стоило миллионы рублей.

Книжный шкаф был застеклен. Но все книги в нем не помещались — часть их, как попало, была свалена на шкафу, другие лежали стопкой на стуле, придвинутом к шкафу. Но в общем книг было немного. И в комнате было мало вещей, указывавших на Алену, на ее характер, на ее молодость.

— Раздевайся, — сказала Татьяна. — Выпьем кофе.

— Мне не хочется, — сказала Лидочка. — Мне пора идти.

Она была искренна лишь наполовину. С одной стороны, квартира подавляла ее тем, что была обманкой — она была призвана окружить заботой и сохранить хозяйку, а хозяйка вот взяла и умерла, и ничем квартира ей не помогла, а теперь делает вид, что хозяйки никогда не было. С другой стороны, Лидочка хотела понять, где могли скрываться вещи из шкатулки.

— И не вздумай меня здесь покидать, — взмолилась Татьяна. — Я же с ума сойду от страха. Ты пока кофе сделай, а я соберу кое-что, посмотрю и уеду.

Лида послушно прошла на кухню. В навесном шкафу было полбанки растворимого кофе. Она зажгла плиту, поставила чайник.

Кухня более соответствовала Алене. Может быть, она больше времени проводила здесь. Одна из стен была увешана разрисованными под народное творчество досками и досочками для резки хлеба. На полке над столом и холодильником стояли гжельские сосуды и чайники, кастрюли были стальными китайскими, видно, недавно купила — Лидочка сама видела такие в магазине у Тишинского рынка, но, пока рассуждала, купить или нет, их уже разобрали. Из-под приемника, стоявшего на столе, выглядывал уголок записки. Лидочка потянула за угол. На бумажке было написано: «Приду в шесть. В холодильнике котлеты. И огурец». И подпись: «Ал.»

Наверное, эту записку она оставила Олегу. Вряд ли Сонечке стоило писать о котлетах.

Лидочка открыла холодильник, заглянула в него. Он был почти пуст, если не считать пакета молока, куска масла, трех яиц и банки майонеза. Из такого набора предметов не сдела-

ешь вывод: собиралась ли хозяйка квартиры покончить с собой или жить дальше. Или собиралась жить, а потом передумала.

Татьяна возилась в комнате, выдвигала ящики комода.

Движимая любопытством, Лидочка вошла в комнату.

— Я вам не помешаю?

— Заходи, заходи, — откликнулась Татьяна. — Нет никаких гарантий, что самое ценное не утащили милиционеры. Ты же знаешь моральный уровень этих людей.

— У них разный моральный уровень, — осторожно ответила Лидочка.

— Конечно, тебе понравился этот смазливый лейтенант, — заметила Татьяна.

— Вряд ли.

— Интересно он говорит о Сонькином сообщнике. Но кто мешал ей без всякого сообщника вытащить все Аленкины драгоценности и унести их в кармане?

— А у Алены было много драгоценностей? — с сомнением спросила Лидочка. Она уже была убеждена в том, что ни Алена, ни ее мать не были состоятельными людьми и были лишены возможности когда-нибудь разбогатеть. И по даче, и по квартире было видно, насколько обе смирились со своим жизненным положением.

— Ей их дарили, — сообщила Татьяна.

— Может быть, у вас идеализированное представление о ее поклонниках.

— Аленка бывала сказочно хороша. Мужики падали и умирали у ее ног. И это были неординарные люди. Но если что и оставалось, то Сонька знала об этом куда лучше меня. Ведь я не интересовалась Аленкиными драгоценностями.

— Лучше думать, что их не было. Иначе бы она купила вместо них новые зимние сапоги.

— Ты уже подсмотрела? — Татьяна была недовольна.

Она плюхнулась на тахту и стала оглядываться. Потом осуждающе сказала:

— Ни одной новой вещи. Ни одной.

Говоря так, она как бы признавала допустимость Лидочкиной правоты. Они помолчали. Лидочка ждала в дверях, ведущих в коридор, в прихожую и на кухню. Татьяна сидела на тахте. Засвистел чайник, призывая Лидочку. Татьяна крикнула из комнаты:

— Я боюсь, что похороны обойдутся сегодня в дикие день-

ги. Ты не знаешь, сколько сейчас стоит достойно похоронить человека?

— Соня обещала поговорить в институте. Я думаю, что там должны помочь.

— Хорошо бы...

Татьяна постепенно смирялась с тем, что дочь ее так и не разбогатела.

Пока Лидочка собирала на стол, чувствуя себя неловко в чужом доме, потому что распоряжалась на кухне без разрешения хозяйки, которого уже никогда не получит, из комнаты не доносилось ни звука. Лидочка заглянула в комнату, чтобы позвать ее, полагая, что Татьяна продолжает раскопки, но оказалось, что она так и осталась сидеть на тахте, лишь опустила голову на толстые, распирающие рукава руки и тихо плачет. На самом деле плачет, не на публику и не для того, чтобы ее пожалели. Просто у нее дочка умерла...

Лидочка вернулась на кухню.

Глупая надежда на счастливую находку, вопреки всем соображениям разума, заставила ее обойти небольшую кухню, заглядывая на полки и отодвигая банки с чаем и солью. Конечно, так не положено делать и с точки зрения следствия, и по законам порядочности. Но Лидочке ничего не было нужно, кроме собственных вещей... Значит, шкатулка стояла на комоде, Шустов вычислил это по пятну на его пыльной поверхности. Кто-то взял эту шкатулку. По словам Шустова, Соня этого сделать не могла, потому что сразу вызвала «скорую помощь» и ждала милицию. Соня утверждает, что шкатулка стояла, по крайней мере, тогда, когда Соня там была в последний раз. Но уверена ли она в этом? А что, если Алена подарила шкатулку своему другу на день рождения?

Пока Лидочка размышляла, руки помимо воли совершали нескромные движения — они передвигали коробки и пакеты, даже приоткрывали некоторые из них. В большой потертой коробке из-под индийского чая оказались бумаги — какие-то квитанции и счета. К археологии они явно отношения не имели, так что Лидочка не стала их и разглядывать.

Она услышала движение в соседней комнате. Пошла навстречу Татьяне Иосифовне, которая тяжело вплыла на кухню и опустилась на табуретку.

— Ну где твой кофе? — спросила она. Глаза у нее были красные, щеки плохо вытерты от слез. — Давай, самое время подкрепиться.

Лидочка разлила кипяток по чашкам. Такое чувство, словно она это уже делала... но это потому, что она недавно готовила кофе у себя на кухне.

— Вот мы и остались одни, — сказала Татьяна. — Даже поссориться не с кем... Ведь ссоримся мы чаще всего с людьми, которые нам небезразличны. С чужими ругаемся, собачимся, деремся, сражаемся... а в ссоре есть нечто интимное.

Лидочке захотелось разглядеть комод, где стояла шкатулка.

Как будто услышав ее мысли, Татьяна попросила ее принести из комнаты сумочку, чтобы достать оттуда платок.

Лидочка прошла в комнату, схватила с дивана сумку и тут же обернулась к комоду. Комод был старинный, красного дерева, полированный, но, конечно, весь в морщинках царапин. Он был невысок, до пояса, чуть изогнут и три его больших ящика были украшены изысканными позолоченными ручками-петлями, чтобы удобнее выдвигать.

Лейтенант оказался прав. Если чуть склонить голову, то сразу увидишь, что точно по центру комода есть пятно чистого дерева, от него тянутся в стороны две полоски — Лида догадалась — лейтенант провел пальцем, чтобы выяснить, прав ли он. Но почему лейтенанту захотелось присмотреться к комоду? Ведь так, без особой нужды, к нему не подойдешь и не станешь вглядываться, стояло что-то на нем или нет.

И тут Лидочка сообразила, что же подвигнуло лейтенанта на исследование комода — сбоку грудой лежали мелкие вещи, так или иначе связанные с рукоделием — пуговицы, катушки ниток, крючки и так далее. И было очевидно, что некто в спешке вывалил их на комод так, что несколько пуговиц упало на пол — эта неправильность интерьера и привлекла внимание Шустова. Увидев груду мелочей, он предположил, что их вывалили из какой-то коробки, и потому внимательно присмотрелся к комоду. И увидел прямоугольник, чистый от пыли. Все просто и понятно. Решив свою задачку, лейтенант занялся иными делами, но Лидочка, в отличие от него, узнав, что на комоде стояла ее шкатулка, оказалась перед совершенно неразрешимой задачей — куда двигаться дальше? Где искать концы?

Она вернулась на кухню и сказала Татьяне:

— Оказывается, шкатулка, о которой мы говорили на даче, и на самом деле была здесь.

— Да? — Татьяне и дела не было до какой-то шкатулки. Она смотрела прямо перед собой остановившимся взглядом.

— А почему же вы ее не видели? Раньше?

— Значит, ее здесь не было.

— Но где она была? — конечно же, нетактично так допрашивать несчастную женщину. Но, в конце концов, эта несчастная женщина уже отняла у Лидочки полдня, потому что ей так было удобнее.

— Ну покажи мне ее! — раздраженно откликнулась Татьяна. — Покажи, и я все скажу.

— Ее больше нет.

— Как так нет? — вскинулась Татьяна. — Вот именно в ней и могли храниться все Аленкины вещи.

— Нет, — ответила решительно Лидочка. — Они там не хранились, потому что шкатулка была полной.

— Полной? Как так? — Татьяна резко поднялась с табуретки. — Что ты имеешь в виду?

Лидочка показала груду мелочей. Но Татьяну это не удовлетворило.

— Если бы там ничего не было, тогда зачем они утащили шкатулку?

— Этого никто не знает. И даже никто не знает, когда это случилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Шкатулку могли опустошить два дня назад.

— Вряд ли Аленка два дня терпела бы такой беспорядок, — резонно заметила Татьяна, хотя и не до конца убедила Лидочку — по всему видно, Аленка не была аккуратисткой.

Татьяна возвращаться на кухню не стала, а заявила, что очень устала, что у нее нервное переутомление. Так что ей хочется побыть одной.

Она и в самом деле выглядела очень усталой — поездка в Москву, визиты к Лиде, в милицию, сюда — это превышало ее возможности.

Лидочка спросила, не нужна ли помощь, может, вызвать врача или сходить в аптеку, на что Татьяна ответила, что все лекарства у нее с собой, а неотложку она вызовет, если станет совсем плохо. Она действительно хотела остаться одна. Что она будет делать: ляжет ли спать или займется поисками драгоценностей дочери — это уже ее дело.

Татьяна не стала провожать Лидочку, сразу же улеглась на тахту.

— Я позвоню тебе, — сказала она Лидочке. Но не поблагодарила, видно, действия Лидочки были для Татьяны естественны. Лидочка вышла на лестничную клетку.

Тут же дверь в соседней квартире открылась, и показалась карлица Роза. Она широко улыбалась.

— Татьяна Иосифовна отдыхать будет? — спросила она.

— Она пока останется здесь.

— Конечно, надо. Мать все-таки. Они хоть и не очень дружные были, все же мать, а вы как думаете?

— Конечно.

Лидочка собралась было спускаться, но вдруг ее посетила неожиданная мысль, и она спросила Розу:

— А позавчера вечером, когда Алена еще жива была, к ней кто-нибудь заходил?

— А тебе зачем знать?

Приходил, поняла Лидочка. Этот самый приходил.

— Он приходил? — спросила Лидочка.

— Он часто приходил, я за людьми следить не умею.

Еще как умеешь, подумала Лидочка. В американском романе сыщик тут же вынимает из кармана десять долларов и покупает информацию у консьержки. Здесь же соседка, наша родная, ей дашь доллар, она тут же в милицию.

— И что-нибудь выносил?

— Ничего не выносил, — тут же она спохватилась и быстро добавила: — Да откуда мне знать, выносил, не выносил? Я что, под дверью стою, в глазок подглядываю?

Таким образом Роза выдала механику подсматривания. Впрочем, альтернативы у нее и не было. Глазки изобрели не только для тех, кто боится вора, но и для любопытных соседей.

Лидочка поняла, что Осетров, если и вправду посетил Алену вечером, ничего не унес. Шкатулку не спрячешь под пальто и в портфель не положишь.

— Он в семь приходил? — спросила Лидочка настойчиво.

— Нет, он раньше приходил, наверное, в шесть приходил.

— И долго был?

— Нет, недолго был, — Роза смотрела на Лидочку как заколдованная.

— Он был с портфелем?

— С сумкой своей. Как портфель, но мягкая. Небольшая такая сумка.

— Спасибо, Роза, вы мне очень помогли, — сказала Лидочка голосом адвоката Перри Мейсона. Но Роза не знала, что име-

ет дело с детективом такого класса, ее как бы отпустило, и она сказала горестно:

— И что это я разговорилась?

— А вы и не говорили ничего такого особенного, — успокоила Лидочка Розу.

— Люди же могут подумать, что я за ними подглядываю, — защищалась бывшая дворничиха.

— Люди так не подумают, — заключила Лидочка и побежала вниз по лестнице. Роза осталась стоять на площадке.

Теперь быстрее в издательство — иначе из-за этих уголовных историй она загубит собственную жизнь.

* * *

В тот вечер у Лидочки случилась еще одна любопытная встреча — ну прямо из детективного фильма!

Когда она возвращалась к себе часов в семь — уже стемнело, она вдруг испугалась идти по лестнице. Нечто внутри, как короткий звоночек, предупредило ее об опасности.

Но домой все равно надо было возвращаться, а за помощью к коменданту не побежишь — он уже давно ушел домой, а где он живет, никто не знает.

Лидочка пошла сама с собой на компромисс. Она поднялась на лифте на третий этаж, вышла из лифта и некоторое время стояла возле него, затаив дыхание. Она ничего не слышала, хотя ей упорно казалось, что некто стоит возле ее двери этажом ниже и тоже затаил дыхание.

Так продолжалось минут пять.

Затем Лидочка стала спускаться вниз, стараясь сделать это бесшумно.

Она спустилась на пролет и, выглянув из-за шахты лифта, увидела в полутьме своей площадки человеческую фигуру. Фигура сидела на узком подоконнике, сгорбившись и, видно, устав подстерегать Лидочку.

Теперь надо было бежать обратно к лифту, потому что мимо фигуры не пробежишь — она очнется и схватит. Но идти к лифту значит повернуться к фигуре спиной... Лампочка на площадке, конечно же, не горела. Господи, ну за что все это валится на меня!

Лидочка, пятясь, стала отступать, нащупывая ступеньки каблуками сапог и на третьей или четвертой ступеньке она чуть-чуть ошиблась и ударила каблуком о ступеньку — почти не слышно, но все же.

Фигура распрямилась.

Лидочка ожидала увидеть того восточного парня в джинсовой куртке.

Куртка была джинсовая, похожая, и брюки были похожими, но надеты они были на Лариску с шестого этажа, жертву вчерашнего нападения.

Лариса стояла, напряженно прислушиваясь, и, видно, сама боялась.

Лидочка, чуть успокоившись, спросила:

— Лариса, вы меня ждете?

— Ой, — откликнулась Лариса. — А вы почему сверху идете?

— А я тебя испугалась, — ответила Лидочка, сообразив окончательно, что Лариса не представляет для нее опасности.

— А я к вам, — сказала Лариса, опомнившись. — Мне на минутку.

— Тогда заходи.

— Нет, мне два слова только, я могу и здесь.

— Заходи, заходи, я не хочу с тобой разговаривать на лестнице.

— Это правильно, — согласилась Лариса.

Лидочка открыла дверь и пропустила Ларису внутрь. Она зажгла свет.

В домашних условиях, без макияжа, Лариса казалась не такой эффектной, зато была милой простушкой, и в этом было свое очарование — она казалась похожей на германскую молочницу с какой-то старой открытки, ей к лицу была бы широкая яркая юбка до земли, белый передник, пышные рукава, открывающие руки выше локтей. И, конечно, золотые по плечам локоны. На самом деле локоны были туго стянуты резинкой и лежали на спине. Хорошие волосы, еще не испорченные перекрасками и химией. Но это скоро пройдет.

— Заходи в комнату.

— Не буду. Я тут скажу.

— Как твой друг?

— Алик? Петрик? Он из больницы сегодня сбежит. Уже все готово. Вы не настучите?

— Нет. Не настучу. Ему там угрожает опасность?

— Еще какая. Они на него не случайно наехали, вы ж понимаете?

— Наверное, если такую стрельбу подняли. Хорошо еще, что в тебя не попали.

— Я тогда об этом не думала.

— А ты откуда этого Алика знаешь? — они стояли в коридоре. Лариса не говорила, ради чего пришла, а Лидочка задавала пустые вопросы.

— А Петрика я давно знаю. Он же наш, пресненский. Из нашей школы. Он раньше кончал. А меня он помнил, я рано расцвела.

— Ты себя высоко ценишь.

— А то кто же оценит? Это я так, шучу, вы не обращайте внимания. Я к вам пришла, потому что Алик просил. Ему-то к вам нельзя, мы не знаем, кто здесь наводит.

Лидочка чуть было не сказала, что уверена в гнусных деяниях коменданта, но осеклась — даже если Лариса решит, что это шутка, у кого-то другого может не оказаться чувства юмора.

— Алик просил у вас выяснить, вас милиция допрашивала?

— А зачем ему знать?

— Ему ничего от вас не нужно. Но он не хочет впутываться. Честное слово, он нормальный, не рвань какая-нибудь. Он бизнесом занимается, а на него наехали.

— Со мной говорили в милиции.

— Вы сказали, что видели?

— Я сказала, что запомнила номер машины.

— Но люди?

— А Алику хочется, чтобы я их опознала?

— Нет, что вы! Наоборот! Иначе они вас уберут, точно! Надо их знать, поэтому и в милиции скажите, что никого не узнали. Петрику это до лампочки, потому что он их всех все равно знает, а кого не знает, те по найму работают. И в милиции твердо скажите — не помню. Никому это сейчас не нужно. А Алика могут пришить.

— Но я в самом деле никого не видела.

— Вот и умничка, — сказала Лариса и неожиданно поцеловала Лидочку в щеку.

Лидочка замерла от такой фамильярности, а Лариса уже открыла дверь и скрылась в полутьме лестничной площадки.

Застучали ее каблучки.

Лидочка закрыла дверь. Никому не нужна твоя наблюдательность. Все понимают, что ничего, кроме опасности, она не принесет. Удивительно: все — и милиция, и жертва — просят ее не видеть, не слышать и не замечать. И даже примкнувший к ним комендант.

Какое счастье, что я и на самом деле ничего не знаю, не замечаю и не вижу.

Глава пятая

ЧТО В ШКАТУЛКЕ?

Позиция полного нейтралитета дала трещину уже следующим утром.

Движимая совестью, которая жестоко казнила ее за трехдневное безделье, Лидочка заработалась допоздна. В результате проснулась в десять от телефонного звонка, но подниматься не стала, дала телефону отзвонить. Снова задремала — и тут опять телефон! Она понимала, что попала в осаду. Но терпела, сопротивлялась, но и не могла больше спать.

Она лежала на спине, глядела в потолок и размышляла о том, есть ли какая-нибудь надежда разузнать что-то о содержимом шкатулки. И не требовалось долгих размышлений, чтобы сообразить: она себя вела совершенно неправильно. Она могла выяснить куда больше о судьбе шкатулки, если бы задавала правильные вопросы нужным людям. Раз шкатулка стоит в доме Алены, а ее мать Татьяна утверждает, что никогда этой шкатулки не видела, то не следует ли из этого, что существует еще по крайней мере одно семейное гнездо Флотских или какой-то укромный уголок, в котором могут храниться их ценности? Долгие годы Алена жила с бабушкой, с Маргошкой. Маргошка ее и воспитала. А где жила Маргошка последние годы? Почему Лидочка решила, что в той же самой квартире? Наверняка нет. А это означает, что где-то в Москве... Впрочем, а почему именно в Москве — Россия велика. Как рабочая гипотеза эта картинка годилась. Следовало ее проверить. Надо только позвонить Соне или хотя бы Татьяне — вряд ли Татьяна уехала обратно на дачу. Ведь на днях будут хоронить Алену — зачем старухе снова приезжать, на похороны? Кстати, о похоронах тоже надо спросить Шустова.

Ведь похороны связаны с патологоанатомическими делами. Они должны отпустить тело Алены на свободу. А потом уж профком института может заняться своим прямым делом.

Итак, надо вставать и звонить. Сначала Татьяне о ее маме Маргошке, затем Соне — о родственниках Алены, хотя второй звонок может и не понадобиться. Потом надо позвонить милиционеру Шустову и узнать о похоронах — вроде она теперь не чужая для этого странного семейства. Надо ли гово-

рить Шустову о визите Ларисы и ее просьбе молчать? Пожалуй, пока не надо. Он ведь и не требует, чтобы Лидочка все говорила. Забвение и в его интересах — скорее можно будет закрыть дело. Мало ли теперь в Москве бандитов, которые друг на дружку наезжают?

Особой спешки не было — тем более что Лидочка чувствовала себя разбитой, усталой, вообще, состояние было такое, как будто день уже клонился к закату, и Лида весь этот день грузила кирпичи.

Телефон зазвонил снова, когда Лидочка была в душе. Еще раз он позвонил, когда она вытиралась, но не успела до него добежать.

Лидочка поставила чайник, засыпала в кастрюльку геркулес и сама позвонила Татьяне.

Никто не подошел.

Странно, она была убеждена, что Татьяна еще дома. Но с другой стороны, не исключено, что той стало страшно ночевать в квартире, где только что умерла ее дочь, и она бежала оттуда к себе на дачу. Лидочке стало жалко старуху — лучше бы уж ко мне пришла.

Тогда Лидочка позвонила Соне. Соня обрадовалась звонку и сразу принялась рассказывать, как она пришла в институт, и как она все организовала, и как все теперь смотрят на этого Осетрова. Как на прокаженного!

Соня еще не знала, когда похороны, она сама собиралась позвонить Шустову или следователю, с которым, оказывается, вчера встречалась, и он произвел на нее весьма благоприятное впечатление. Он склонен закрыть это дело и ограничиться моральным осуждением. Хотя она, Соня, привлекла бы Осетрова. За доведение до смерти хорошего человека!

— Соня, скажи, пожалуйста, — попросила Лидочка, когда рассказ Сони выдохся. — Шкатулка, о которой ты рассказывала и которая пропала из квартиры Алены — откуда она у нее появилась?

— Я же тебе сказала: от бабушки Маргариты, — уверенно ответила Соня, подтвердив Лидочкины мысли. — Из хибары.

— Это еще что такое?

— А это прошлое дружного семейства Флотских, — ответила Соня. — Когда наша Аленка подросла и ее мамаша Татьяна добыла квартиру только для себя, то Маргарита вообще уехала из Москвы. И последние годы бывала здесь только наездами. У нее была идея, что Аленке не светит замужество,

если она будет существовать в однокомнатной квартире с древней бабусей.

— Ну не такая уж Маргарита была древняя, — вступилась за нее Лидочка.

— Ты не знаешь — молчи! Она померла в восемьдесят пятом. Значит, ей было восемьдесят семь, клянусь тебе. Но никакого маразма!

— А как же Аленка согласилась, чтобы бабушка уехала? Ведь за таким старым человеком нужен уход.

— Маргарита сама за собой горшки выносила. До самой смерти. Она и умерла, как говорится, в одночасье. Правда, перед смертью в больницу попала. Но, может, это и хорошо, померла в цивилизованных условиях.

— Цинизм тебе не идет.

— Цинизм никому не идет, но без него не проживешь. Ты меня будешь слушать или намерена читать мне нотации?

— Говори, я слушаю.

— Когда Татьяна подкинула Маргарите младенца, Маргарита решила, что Аленке нужен свежий воздух. И записалась в какое-то садовое товарищество. Построила там хибару, это называлось финский домик, не слыхала?

— Слыхала.

— Развела малину, салат и несколько лет пасла там Аленку. Потом Аленке это надоело, а Маргарита привыкла к своей хибаре, пропадала там круглый год, морозоустойчивая бабка была. А когда она померла, хибара перешла к Аленке.

— И там была шкатулка?

— Там все Маргаритины вещи были — как склад. А когда Маргарита умерла, Аленка кое-что перевезла в Москву. Вот и шкатулку перевезла. Только, конечно, всякие бумажки из нее вытряхнула. И все это погибло.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю — я знаю. Два года назад в хибару какой-то дебил залез, мы зимой редко там бывали — только когда на лыжах собирались. Этот бомж там костер развел — и сгорела наша родная хибара. И все, что в ней было. До самого подвала.

— А потом?

— А почему тебя интересует, что было потом?

— Ты думаешь, что дневники тоже сгорели?

— Никакого сомнения. И Маргаритина библиотека сгорела и все ее письма.

— А потом?

— А потом суп с котом. А на второе кошка с картошкой, как говорит моя легкомысленная мамаша. Откуда у Аленки деньги новую дачу строить? Так и осталось пепелище.

— Значит, ты думаешь, что там искать нет смысла?

— Я убеждена.

— Жалко. А я надеялась... Прости, а не могут дневники храниться где-нибудь в квартире Алены?

— Не будь тупой! Квартира Алены — восемнадцать жилых метров, высота потолка два восемьдесят. Кухня шесть метров — какого дьявола человек будет хранить там чужие тетрадки?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Оставь надежду всяк сюда входящий. Читала?

— Читала.

— А я не читала. Если по телевизору не показывали — для меня пустое место. Вся мировая литература. Еще вопросы есть?

— К сожалению, нет.

— Тогда я в институт побежала. У нас сегодня должны компенсацию давать. Привет, до встречи...

Теперь оставалось сделать еще один звонок.

Лидочка набрала номер Шустова.

Лейтенанта на месте не было.

Инна Соколовская не могла ответить, когда он вернется.

Лидочка стала решать для себя проблему: то ли сесть работать, то ли пойти по магазинам, раз дома не осталось ничего съестного.

Ее раздумья прервал еще один телефонный звонок. На этот раз она сразу подняла трубку. Это был лейтенант Шустов.

— Ну вот, а я уж волнуюсь — звоню два часа, никто не подходит, хотел патрульную посылать.

— Ничего особенного у меня не случилось. Никто на меня не напал.

— Вы меня радуете, — сказал лейтенант.

— А я вам тоже звонила, но не застала.

— Какие проблемы?

— Мне нужно узнать, когда собираются хоронить Алену. От этого могут измениться мои планы на ближайшие дни.

— Пока что я не могу ответить на этот вопрос.

— Что за трудности? — Лидочка уловила в голосе нечто необычное — следовательское, столь не свойственное лейте-

нанту, даже когда он старался казаться волком следственной службы.

— Ничего особенного, но тело пока побудет у нас. Кое-что выяснилось.

— Что выяснилось?

— Я же сказал — ничего особенного.

— Если ничего особенного, то зачем вы мне звоните?

— Узнать о самочувствии. В интересах следствия.

— Самочувствие у меня нормальное. Так что же у вас произошло?

— Я не могу сказать.

— Ах, бросьте, Андрей! — Лидочка пошла на известную женскую хитрость. Одним ударом она как бы перевела милиционера в разряд своих приятелей. — Бросьте, Андрей. Что-то произошло.

— Вы должны... вы не должны распространять слухи...

— Вы намерены сообщить мне эти слухи?

— А, бог с вами! Завтра об этом все равно все заинтересованные лица будут знать. Я хотел только сказать, что Алена Флотская умерла не от излишней дозы снотворного.

— А от чего же?

— От цианистого калия.

— Как так? Ведь она же травилась снотворным.

— А вот здесь начинается загадка, которую я хотел бы разгадать. То ли она симулировала прием снотворного, желая на самом деле покончить с собой сразу. То ли кто-то подложил ей гранулу цианистого калия. Оба варианта изменяют картину дела.

— Еще бы! Тем более что в первый вариант вы сами не верите — зачем человеку, который и так решил умереть, притворяться, что он умер не так, как было на самом деле.

— Да, сомнительно, но я должен рассмотреть все варианты.

— То есть у вас есть подозрение, что ее убили?

— Да, понадеявшись на то, что мы удовлетворимся вскрытием, понадеявшись на то, что у нас царит разруха и вскрытия производят чуть ли не ветеринары. Но зря понадеялись.

— Это удивительно и даже страшно.

— И теперь мне очень важно узнать, кто последним видел Алену Флотскую.

— Могу дать вам бесплатный совет, — сказала Лидочка.

— Рад получить хоть что-то бесплатно.

— Поговорите с соседкой Алены по лестничной площадке. Ее зовут Роза, она татарка, сидит дома и смотрит в глазок. Знает все — кто к кому приходил и когда уходил.

— Такая карлица? С круглым лицом?

— Точное описание.

— Воспользуюсь.

— Как офицер и джентльмен вы не должны считать, что мы квиты, а рассказать мне, кто убийца.

— Нет, пока следствие не закончено...

— Тогда и я вам не буду помогать.

— Я испуган, — засмеялся Шустов.

* * *

Подозреваемый был всего один.

Лидочка это понимала, а скоро это поймет и Шустов, если еще не понял. А Соня уверена в этом с самого начала. Правда, она не подозревала о цианистом калии, но моральную вину Осетрова считала аксиомой.

Когда его видела Роза? В шесть вечера. И он пробыл у Алены час. Она умерла ночью, часа в два. А в шесть у нее был Осетров, и они с Аленой ссорились. Алена угрожала Осетрову самоубийством, и тогда ему пришла в голову светлая мысль: если ты угрожаешь покончить с собой, то кончай. Только на самом деле, без игрушек. Он возвратился к возлюбленной ночью. Может быть, она как раз собиралась начать свое действо, а может быть, безмятежно спала... Как он это сделал — покажет следствие. Но мотив убийства у него был, возможности — замечательные. Даже Соня пребывала далеко, на даче. Почти идеальное убийство. И если бы патологоанатом не стал копаться глубже, чем принято в наши дни, возможно, она бы уже была предана земле или огню...

К Шустову Лидочка пришла в два часа. Шустов объяснил необходимость в новых показаниях тем, что до сегодняшнего дня велось дело о самоубийстве, и при современной занятости милиции никто бы не посетовал, если какие-то формальности не были бы соблюдены. Человек умер, наследственных сложностей не возникает, все чисто. Захотела умереть — умерла. Но как только этот дотошный патологоанатом отыскал в ней цианистый калий и мы получили на руки еще одно нераскрытое убийство, следователь тут же потребовал оперативной работы, которой Шустову совершенно некогда заниматься.

И если бы не его отношение к Лидии Кирилловне, он бы взял бюллетень по поводу язвы — сил больше нет. Еще в прошлом году собирался поступать в Академию МВД, все возможности были. А в этом году сказали — жди, голубчик, жди. Может — год, а может — два, пока не разгребешь авгиевы конюшни. А ведь древние сказочники — хитрый народ. Рассказали, как Геркулес чистил эти конюшни, не прилагая к тому никаких особых усилий. Но хоть кто-нибудь задал себе вопрос, а что делали дальше обитатели этой конюшни, когда Геркулес уехал на свои другие подвиги? А они продолжали гадить под себя, пока не заполнили конюшни навозом по уши, да вот только Геркулес снова не приедет. Поняли аналогию, Лидия Кирилловна? Отлично поняла. И во сколько мне к вам прийти, господин сыщик? Если не хотите со мной пообедать... У меня в три поездка в управление. В два часа вас устроит?

В маленькой комнате было тесно, потому что на стуле перед столом Инны Соколовской сидела наглого и грозного вида девушка, каждое второе слово ее было матерным. Шустов был зол и сказал Инне:

— Может, вам в КПЗ пойти поговорить?

— Помолчи, падла, — огрызнулась девица.

— Я не могу так работать.

— Товарищ Дзержинский учил нас, — неожиданно возразила Инна, — не давать воли дешевым сиюминутным эмоциям, потому что нам приходится разгребать авгиеву конюшню капитализма.

— Опять авгиеву конюшню! — воскликнул Шустов, но Соколовская, конечно же, не поняла, что имел в виду ее коллега.

— Мы заканчиваем, — уже более миролюбиво сказала Соколовская и велела своей жертве снизить голос на полтона, причем так грозно, что девица стала говорить полушепотом.

— Давайте еще раз пройдемся по вашим показаниям, — предложил Шустов. — Ведь любая деталь теперь может приобрести иное звучание. Пока все думали, что в этом деле участвовал один человек, мы и вели себя соответственно.

— Кто один?

— Пострадавшая, кто же еще? Алена Флотская. А теперь у нас есть и убийца.

— Это тоже ваше предположение. И только.

— Лида, — убедительно произнес лейтенант, забыв произнести отчество свидетельницы. Следовало поставить его на место,

но как? — Лида, я сейчас исхожу из презумпции, что он был. Но если мы выясним, что в упаковке со снотворным в качестве бесплатного приложения вкладывается цианистый калий, тогда все претензии будут к аптеке. Я ясно выразился?

Ой, да ты кокетка! Или это называется кокет? Не надо соблазнять меня, лейтенант, я в десять раз тебя старше, я старая мудрая змея, у меня муж в Каире совершает невиданные открытия в области коптского искусства. А впрочем, есть что-то приятное, когда на тебя так смотрит восторженными глазами молодой лейтенант Шустов.

Они вместе с лейтенантом еще раз прошлись по всей ситуации, начиная со встречи в электричке, обсудили ее визит к Татьяне, закончив воспоминания тем, как Соня выскочила с адресом в руке и спасла Лидочку от усатого бандита.

— Вы что же, допускаете, что Соня — лучшая и единственная подруга Алены, могла встать ночью, добежать до шоссе, схватить там попутку, доехать до Васильевской, разбудить подругу, уговорить ее скорее покончить с собой, отравить, вернуться обратно на дачу и с ранней электричкой снова уехать в Москву? Очень сложно.

— Очень сложно, — согласился Шустов.

— Да я твоего Семенова в рот!.. — воскликнула вдруг девица за соседним столом, Лидочка даже обернулась — они сидели с девицей спинами друг к дружке.

Лидочка перевела дух, Шустов постарался не улыбаться.

— Продолжим наши рассуждения, — произнес он. — Получается все же, что Софья Пищик совершить убийство не могла.

— И Татьяна Флотская не могла.

— При условии, что они не находились в сговоре.

— Андрей Львович, одумайтесь!

Проходя, девица толкнула стул, на котором сидела Лидочка. Он мешал ей пройти как королеве. Инна сказала:

— А что поделаешь, с таким материалом нам приходится работать!

Как будто Шустов был виноват в том, что ему достался другой материал.

— Значит, у нас с вами появляются другие кандидатуры, — подытожил Шустов.

— Не у нас с вами, а только у вас, Андрей Львович, — сделала ему выговор Инна Соколовская. — А я пошла обедать. Вернусь через час.

Инна двинулась к выходу и в дверях столкнулась с высоким бледным седым мужчиной в хорошем, но не новом пальто, с рюкзаком в одной руке, пыжиковой шапкой — в другой.

— Могу я видеть Андрея Львовича Шустова? — спросил он.

— Что еще такое? — спросил лейтенант.

— Вы меня вызывали. Я Осетров. Олег Дмитриевич Осетров.

— Подождите в коридоре, я занят, — сухо ответил лейтенант.

— Но вы же меня на четырнадцать часов вызывали. У меня дела, я спешу, сейчас уже половина третьего.

— Я скоро освобожусь, подождите.

— Учтите, — повторил седой мужчина, — я спешу.

Он исчез.

— А вот и главный подозреваемый, — сказала Лидочка. — Чего же вы не сказали, что его вызывали?

— Было бы удивительно, чтобы в этих обстоятельствах я его не вызвал.

— Но у нас с вами все ясно? — спросила Лидочка.

— Лидия Кирилловна, у меня есть соображение, о котором я потом вам скажу, — лейтенант говорил, понизив голос, опасаясь, что его могут услышать в коридоре. — Подождите несколько минут. Я с ним быстренько поговорю, а вы у двери посидите. Потом я вам еще два вопроса задам — и все, расстаемся.

— Какие вопросы?

— В зависимости от результата моей беседы с гражданином Осетровым. Ну подождите, а?

— Ох, что вам будет от Соколовской, если она узнает, что вы так откровенны со свидетелями! А вдруг это я убила Алену?

— Зачем? — совершенно искренне спросил лейтенант. — Ее вы не знали, она бы вас вряд ли пустила ночью к себе. Никаких мотивов не вижу.

— Мотив — шкатулка, которая меня очень интересует. А все возможности у меня были: муж в отъезде, никто меня не контролирует, хоть всю ночь гуляй.

— Кстати, я бы на вашем месте после наступления темноты не гулял, — строго указал милиционер. — Наш район — не самый безопасный.

— Плохо работаете, лейтенант, — отметила Лидочка и поднялась.

— Когда это дело будет раскрыто, — ответил Шустов, — вы сами признаете, что мы работаем профессионально.

Интересно, подумала Лидочка, выходя из кабинета, какая у него биография, что кончал, как живет, — он же для нее теперь стал не просто лейтенант, а самый настоящий Знакомый Лейтенант.

Осетров поднялся, когда увидел, что дверь в кабинет открывается.

— Можете заходить, — сообщила Лидочка и поняла, насколько ситуации в жизни схожи — ведь это больше всего похоже на поликлинику. Вот она вышла от доктора, а следующий зайдет, и его спросят: что беспокоит? И начнут выяснять, что там, в нем, не в порядке.

Лидочка уселась на стул, освобожденный мужчиной, которого и она, и Шустов полагали основным кандидатом в убийцы.

Дверь в кабинет была закрыта. Но дверь-то была фанерной, и со стула, на котором раньше сидел Осетров, можно было отлично слышать все, что говорилось внутри. Голоса звучали настолько явственно, что Лидочка всполошилась, не сказали ли они с Шустовым лишнего, чего Осетрову слушать не положено? Впрочем, лейтенант говорил вполголоса — видно, он знал, что здесь и двери имеют уши.

Голоса изнутри переплетались, наезжали друг на друга, потому что Шустов, заполняя бланк допроса, выяснял имя, отчество и так далее.

— Осетров, Олег Дмитриевич, тысяча девятьсот тридцать девятого года рождения, старший научный сотрудник Института тихоокеанских проблем, проживает... — Еще какие-то вопросы.

Лидочка отвлеклась, потому что представила себе, каково сейчас этому немолодому человеку, которого ей так трудно было представить убийцей, точно так же как Татьяну или Соню. Знала она такие ситуации затянувшихся романов, в которых молодая женщина переоценила свои силы или бросилась в последний бой с опозданием — такие романы умирают мучительно, со скандалами и угрозами, особенно, если Алена была истеричной натурой. Но никто в нашей действительности не убивает женщин, даже если они угрожают твоему общественному положению. К тому же одного взгляда на Осетрова Лидочке было достаточно, чтобы почувствовать его растерянность и страх. Его поведение выдавало в нем человека, никак не способного к решительным поступкам. Если бы

он и положил Алене куда-то, допустим в чай, цианистый калий, потом сам бы вызвал «скорую»...

— Олег Дмитриевич, я пригласил вас, чтобы получить показания о смерти гражданки Флотской Алены Сергеевны, — произнес голос Шустова. — Вам знакома она?

Осетров откашлялся.

— Да, — сказал он и снова откашлялся, — простите, я немного простужен. Да, мы вместе работаем, в одном отделе.

Мимо Лидочки прошли, разговаривая, два милиционера, поглядели на нее, будто заподозрили в том, что она подслушивает допрос, но, наверное, ей это показалось. Из-за них Лидочка пропустила часть разговора.

— Значит, вы не отрицаете особых отношений с покойной? — спросил Шустов.

— Да, мы были с ней дружны. У нас было много общих интересов.

— И вам приходилось навещать ее в квартире на Васильевской?

— Да, о господи, ну конечно же! — тут Осетрова словно прорвало. Потому что он до этого момента сопротивлялся, как бы исполняя ритуал — если тебя вызвали на допрос и даже если ты заранее решил признаться во всем, все равно первое время, подчиняясь инстинкту самосохранения, ты сопротивляешься, запираешься, словно девушка, добровольно пришедшая на свидание, но оберегающая последние бастионы своей чести.

— Я все вам расскажу, только оставьте меня в покое. Я не менее вас травмирован этой трагедией. Я был дружен с этой женщиной, да, вы можете написать на меня куда вам угодно — может быть, я был единственным человеком на свете, который ее понимал! Вот именно! Я все сказал. Теперь пишите, забирайте меня, сообщайте, делайте что хотите...

— Куда писать-то? — спросил лейтенант. Он мог становиться наглым, если человек ему не нравился.

— Как куда?

— А кому есть дело до вашего морального облика? Может быть, вашей жене?

— Только не ей! Она уже столько пережила! Вы не представляете.

— Очевидно, по вашей вине, — заметил лейтенант.

— Скорее по вашей, — отрезал Осетров. Голос у него был злой. — Я лишился любимой работы, я тяну от получки до по-

лучки, живу на жалкую зарплату, и вы это полагаете моей виной?

Возможно, лейтенант не знал о цековском прошлом Осетрова. Он замолчал, чем лишил Осетрова главного оружия — возможности яростно спорить.

В возникшей паузе Лидочка физически ощущала неудобство, которое испытывал за стенкой Осетров. Он пришел сюда в полном смятении — одновременно желая действовать, сопротивляться, жаловаться, понимая в то же время, что его славное прошлое здесь ему лишь мешает.

Первым не выдержал молчания Осетров.

— Так зачем же вы меня вызывали? — спросил он с остатками гонора в голосе.

— Вы приглашены сюда, — вежливо ответил лейтенант, — в качестве свидетеля по делу о смерти Елены Сергеевны Флотской. Я вас уже ознакомил с вашими правами и обязанностями.

— Товарищ следователь, меня сейчас не интересуют права и обязанности. Надеюсь, меня ни в чем не подозревают?

Опять пауза.

Не хотела бы Лидочка оказаться на месте Осетрова.

— Ну? — раздался голос Осетрова.

— Вы о чем? — спросил Шустов.

— Так вы будете меня допрашивать или нет?

— Гражданин свидетель, — Шустов несколько сменил тему, — расскажите мне, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах вы в последний раз видели гражданку Флотскую?

— Алену?

— Если вы ее так называли, то Алену.

— За два дня до ее смерти.

— Как вы узнали о дне ее смерти?

— На следующий день после смерти в институт примчалась ее подружка Соня Пищик, чтобы сообщить о самоубийстве Алены, причем она сделала это так, чтобы все обратили внимание на меня — словно именно я довел ее до самоубийства.

— А это так и было?

— Не повторяйте глупостей, молодой человек, — ответил Осетров. — Наши отношения с Аленой не давали никаких оснований полагать что-нибудь подобное!

Ну вот, подозреваемый приходит в себя — он уже спокойно врет. Словно Шустов ничего не знает.

— Есть другие мнения, — сказал лейтенант. — Продолжайте.

Спокойствие милиционера раздражающе действовало на Осетрова. Если он и был готов сопротивляться, то теперь ему, должно быть, показалось, что все это бесполезно.

— В последний раз я видел Алену Флотскую... в отделе. В явочный день, в среду.

— Да я не о среде спрашиваю, — озлился тут Шустов, — я говорю о дне смерти Флотской. Меня не интересуют ваши отношения дома или на работе — меня сейчас интересует только смерть Флотской. Неужели вам на нее наплевать?

— Ну как вы смеете так утверждать!

— Это вы меня наталкиваете на такую мысль.

Соколовская быстро прошла по коридору, толкнула дверь, вошла. Внутри сразу наступила тишина. Потом голос Шустова произнес:

— Инна Борисовна, я тебя очень прошу, побудь где-нибудь... в коридоре. У нас разговор.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Инна и тут же вышла в коридор.

Она уселась на соседний с Лидочкой стул и тоже стала слушать возобновившуюся беседу Шустова с Осетровым.

— У меня есть показания свидетелей, — сказал Шустов, — что вы посетили Елену Флотскую в день ее смерти в восемнадцать часов вечера. Вы подтверждаете или отрицаете этот факт?

Наступила еще одна пауза.

— Это тот самый... любовник? — шепотом спросила Соколовская.

Лидочка кивнула. Соколовская вынула из сумки роман «Роковая страсть» с графиней или герцогиней на обложке и принялась читать.

— Да, я заходил к Алене, — после долгой паузы произнес Осетров. — В тот вечер... два дня назад.

— Ваш визит имел отношение к последовавшему затем самоубийству Алены Флотской?

— Да вы с ума сошли!

— Тогда расскажите, зачем вы пошли к ней вечером?

— Она мне позвонила.

Осетров отвечал теперь ровным, каким-то равнодушным голосом, словно сдался на милость победителя.

— С какой целью позвонила? — вопрос последовал после паузы, наверное, Шустов записывал ответ.

— У нее было плохое настроение, она попросила меня прийти и поговорить.

— Почему именно вас?

— Я уже сказал вам, что мы были с ней дружны...

— И вас не смущала разница в возрасте?

— Наша дружба не переходила известных границ!

Вот сидит мужчина и предает женщину, гневно думала Лидочка, понимая притом, что никаких оснований гневаться у нее не было. Алена уже мертва, ей все равно, а Осетрову возвращаться домой и в институт. И ему-то страшно.

В коридоре появилась еще одна женщина.

— Вы к лейтенанту Шустову? — спросила она Соколовскую, которая читала роман «Роковая страсть».

— Посидите, — сказала Инна.

Вновь пришедшая оказалась Розой, соседкой Алены. Когда ее успел вызвать Шустов — Лидочка не заметила. Но татарка могла понадобиться ему в любую минуту.

Лидочка уже поняла, что Шустов рассматривает Осетрова как главного подозреваемого. Но для этого ему надо доказать или заставить Осетрова самого поведать о том, как он приходил к Алене ночью. Инна отложила книжку, заложив ее указательным пальцем.

— Расскажите, что происходило во время вашей вечерней встречи с Аленой Флотской.

— Ничего особенного, мы разговаривали.

Роза вдруг узнала Лидочку.

— И вас тоже? — спросила она.

— Потише, — осадила ее Инна, словно они сидели в консерватории.

За дверью продолжался допрос:

— Значит, вы приезжаете вечером, после работы, где вы могли разрешить все ваши деловые проблемы, к своей молодой сослуживице просто поговорить.

— Да, — ответил Осетров. — У людей бывает нужда в беседе, в утешении старшего товарища.

— Надо ли понимать, что вы приехали к ней в качестве старшего товарища?

— Что за странная постановка вопроса? Я не вижу оснований для иронии.

— Вы пожилой человек, у вас семья, у вас есть внук.

— Два внука.

— Два внука... Но вы дружите с молодой одинокой женщи-

ной, посещаете ее квартиру, чтобы она могла побеседовать с вами как со старшим товарищем.

— Я вас понял! — возмутился Осетров. — Понял, что вам удобнее и проще питаться слухами и сплетнями, которые распространяются в институте, в основном с помощью и посредством ее подруги Сони Пищик, которая, к сожалению, работает в нашей библиотеке.

— И никаких оснований к сплетням вы не давали.

— Нет!

— Ой, врет же! — возмутилась Роза. — Ведь врет, он же ходил к ней, они даже в дверях целовались.

— Погодите, — снова оборвала ее Соколовская.

Круглое личико Розы излучало радость кошечки, прижавшей лапкой мышь.

— Хорошо, — произнес сыщик Шустов, — более подробно с вами обсудит эту проблему следователь прокуратуры, который ведет это дело. Моя задача проще — я сейчас как бы собираю мнения, смотрю, кто, когда, где был. Значит, гражданке Пищик доверять не следует?

— Соне? Ни за что!

— Так я ей и передам. Сведения, которые она сообщила, являются чистой ложью. Гражданин Осетров не имел близких и интимных отношений с потерпевшей.

— Не имел.

Опять была некоторая пауза, значит, Шустов записывал ответы Осетрова.

Потом Шустов деловито и как бы между делом спросил:

— А что вы в шкатулку положили?

— Куда?

— В шкатулку. В шкатулку крупного размера, тридцать два на двадцать четыре сантиметра, изготовленную из карельской березы, которая стояла на комоде.

— Я вас не понимаю.

Голос Осетрова звучал настолько неубедительно, что любому понятно было, что он просто тянет время и соображает, продолжать ли запираться или сменить пластинку.

— Значит, все-таки подсмотрела, — сказал он.

— Подсмотрела, — согласился Шустов.

— Это он про меня, — прошептала Роза. Она догадалась и была этим горда.

— Хорошо, я все расскажу. Совершенно честно, но попрошу вас, по крайней мере пока, не записывать мои показания.

Примите их в устной форме. Я, в силу своего общественного положения, не могу позволить себе появиться в суде, даже просто свидетелем. Мое прошлое вызывает ко мне вражду со стороны так называемых демократов. Это объективная реальность. До сих пор звучат призывы к ликвидации членов коммунистической партии. Я же был одним из ее руководителей.

— Правда? — тихо спросила Соколовская.

Может, она тоже тайная или явная коммунистка?

— Врет, — ответила Лидочка. — Он был чиновником в ЦК. Таких там пруд пруди.

— Наверное, вы правы, — согласилась Соколовская, — хотя в любом случае интереснее, если ты поймала в чужой постели министра или члена Политбюро.

— Мы тут ни к чему не призываем, — заметил Шустов. — И уж я буду решать, что включать в протокол, а что не включать. Как мне кажется, гражданин Осетров, вы здесь не в таком положении, чтобы ставить мне условия.

— В таком случае я ничего говорить не буду.

— Уж лучше говорите, — возразил Шустов.

— Правильно, — подтвердила его слова Роза, — чего уж там.

— Хорошо, — сдался Осетров. — Я подтверждаю. У меня были интимные отношения с Аленой Флотской, однако я должен вас предупредить, что не являлся их инициатором. Я и не думал ухаживать за молодой женщиной, у меня нет таких склонностей. Но дело в том, что в тот период жизни, три года назад, я находился в подавленном состоянии после разгрома нашей партии и потери места, положения, даже уважения товарищей... Честно говоря, вы можете представить ситуацию, когда еще вчера вы вызывали на ковер директора института, а сегодня должны отчитываться перед заведующим отделом? И еще быть благодарным этим людям за то, что они вас не вышвырнули на улицу... Поймите меня правильно: я остаюсь высокого мнения о моих коллегах. Им ведь тоже было нелегко — пригласить меня, когда идет охота на ведьм, когда само слово «коммунизм» подвергается надругательству...

— Вы могли бы конкретнее? У меня много дел, — прервал его Шустов.

— Я хочу дать вам общую обстановку, в которой произошло мое сближение с Аленой Флотской. Алена была в те дни редким существом, которое, казалось, меня понимало. Я принял ее

маневры за чистую монету, потому что моя душа стремилась к какому-то очищению. Я понятно выражаюсь?

— Для меня — понятно, — ответил Шустов. Инна хмыкнула.

Осетров не уловил иронии Шустова. Он слышал только себя.

— У меня было мало женщин, я всегда старался оставаться добрым семьянином, сохранять верность моей супруге.

«Еще бы, у вас с этим было строго», — подумала Лидочка.

— Но все же бывали исключения? — съязвил Шустов.

— Очень редко. В длительных командировках, вы понимаете?

— И что же произошло с Еленой Сергеевной?

— Мне показалось, что она выгодно отличается от других молодых женщин своей образованностью, чуткостью, открытостью...

— Я вас слушаю, продолжайте.

— Я пытаюсь вспомнить, понять... как это произошло.

— Наверное, на каком-нибудь юбилее, дне рождения, празднике? — пришел на помощь Шустов.

— Почему вы так подумали?

— Потому что обычно интеллигенты выпивают на службе, потом говорят о политике, а потом едут к любовницам, — сказал Шустов.

— Ну вы упрощаете, — возразил Осетров.

— А если усложнить?

— Усложнить?

— Давно вы стали любовником гражданки Флотской?

— Господи! — вырвалось у Осетрова. Лидочка поняла, как одним ударом Шустов уничтожил и опошлил все еще сохранявшиеся руины романтической любви. От нее ничего не оставалось три дня назад, но теперь она, возможно, начала вновь воздвигаться в воображении Осетрова. И тут на пути тебе попадается прожженный, насквозь циничный милиционер.

— Вы встречались у нее на квартире? — Шустов торопил события.

— Да, — прошелестел Осетров. Женщины под дверью еле различили ответ.

— Это продолжалось...

— Около трех лет.

— Вы ездили вместе на курорты, в круизы, за рубеж?

— Помилуйте! — воскликнул Осетров. — Откуда у меня на это средства?

— Она предложила вам покинуть семью?

— Она этого не предлагала. У нас были отличные отношения.

— То есть вас это устраивало — любовница с отдельной квартирой, куда можно ходить, когда вам удобно, никто не мешает.

— Вы не имеете права вести допрос в таком тоне! Это пытка.

— А ты как ее пытал? — сурово произнесла Роза. — Я все лейтенанту расскажу, я женщина честная, я врать не буду, она на лестницу за ним бегала, она на него кричала, что жить не может.

— Так я и думала, — вынесла свой вердикт Инна Соколовская, поправляя погон.

— Могу ли я записать от вашего имени, — услышали они голос Шустова, — что «наши отношения ничем не омрачались, и мы не намерены были их изменять»?

— Если вам так удобно, записывайте.

— Почему же она угрожала покончить с собой?

— Она? Угрожала?

— У меня есть на этот счет показания различных людей.

— Ложь!

— Я могу устроить вам очные ставки, — пообещал Шустов.

— Как так? Разве меня в чем-нибудь обвиняют?

— Я вас допрашиваю как свидетеля. Но вы свидетель, который говорит неправду.

— Опять подруга Соня?

— Сейчас пойду туда и скажу все, что думаю, — решила Роза.

— Погодите! — попыталась остановить ее Соколовская.

Соколовская была жилистой, как стайер, но и она с трудом удерживала охваченную яростью Розу.

— Не только она, — сказал Шустов.

— Но кто еще? Если вы не скажете, я вынужден буду уйти.

— Тогда я вас задержу.

— Только посмейте!

Слышно было, как подвинулся стул.

— Да постойте вы! — Шустов, видно, тоже поднялся.

Но опоздал.

Дверь распахнулась, и в коридор выбежал свидетель Осетров.

Менее всего на свете он ожидал, что именно в тот момент

махонькая Роза вырвется из рук Соколовской и бросится к нему с криком:

— Это он! Это он! Не уйдешь, гад вонючий! Убил девочку, такой хорошей, такой доброй была, все за молоком мне ходила, а ты зачем ходил, удовольствие получал, а она потом плакала на всю лестницу. Я, как мама родная, ее утешала...

Осетров стал отступать к двери. Дверь в кабинет оставалась открытой, и в ней, ничего не предпринимая, возвышался лейтенант Шустов.

— Это провокация! — сообщил Осетров Шустову. Он прижимал к груди зеленый рюкзак. — Это гнусная провокация.

— Погодите, гражданка Хуснутдинова, — мягко сказал Шустов. — Мы с вами еще поговорим. Но я вам очень благодарен, что вы узнали этого гражданина и указали нам на его роль в судьбе потерпевшей.

— Это ты говоришь, что потерпевший, — возразила Роза. — А для меня она уже не потерпевший, для меня она уже совсем погибший.

— Хорошо, хорошо, погодите, через несколько минут я вас приму. А вы, гражданин Осетров, уходите или хотите еще со мной поговорить?

— Я ухожу! — решительно заявил Осетров, но вместо того чтобы уйти, отступил в кабинет и даже затворил за собой дверь.

Слышно было, как скрипят, стучат по полу стулья — мужчины вновь занимали свои места.

— Я чего натворила! — расстраивалась Роза.

— Может быть, ты правильно поступила, — сказала Инна. — По крайней мере, он теперь знает, что соврать ему будет нелегко.

— Вы будете дальше рассказывать? — спросил за дверью Шустов.

— Я не несу никакой ответственности за ее самоубийство! — попытался дать арьергардный бой Осетров, но Шустов не обратил на это никакого внимания.

— Записываю, — сообщил он.

— В последнее время, — сдался Осетров, — мои отношения с Аленой ухудшились. Они, разумеется, не стали враждебными, однако ее требования, капризы стали совершенно невыносимы. Я открытым текстом сказал ей, что не могу на ней жениться, не могу покинуть жену, с которой прожил почти тридцать лет, сына, внуков... Иногда она понимала меня и

даже сочувствовала. И, наверное, мы нашли бы с ней какой-нибудь путь к мирному расставанию, но ее подруга Соня Пищик делала все, чтобы изобразить мое поведение в глазах Алены в самых плохих красках.

— Подождите, — попросил Шустов. — Я записываю.

Роза энергично кивала головой, подтверждая слова Осетрова.

— Алена — натура нервная, если не сказать истеричная. Причиной тому ее тяжелое детство, когда ее мать, пустившись во все тяжкие, бросила ее на руках у старой бабушки, девочка росла без отца, она хотела ребенка, работой занималась не той, которая ей подходила... Все мои усилия доказать ей, что вся ее жизнь впереди, что она еще найдет себе и мужа, и отца будущего ребенка... все впустую. Тут были и истерики, и угрозы самоубийства, и даже звонки моей жене. Знаете, как звонят, потом дышат в трубку... а то еще и пустят грязное ругательство. Но это уже Сонькина работа. На службе все уже знали, мне было трудно глядеть в глаза людям... Но ведь и не порвешь так вот, бездушно... У вас можно курить?

— Курите, форточка открыта.

Лидочка догадалась, что последние слова были адресованы Инне, которая вознамерилась было ворваться в комнату и прекратить курение в служебном помещении, но сдержалась.

— Что случилось во вторник, 15 февраля?

— Она позвонила мне и просила приехать. Я не мог, у меня день рождения внука, она отлично об этом знала. Тогда она заявила, что если я этого не сделаю, то она обязательно покончит с собой. Это был чистой воды шантаж, и я не принял его всерьез, но потом пожалел Алену и приехал на минутку. Настроение у нее уже изменилось. Она встретила меня сухо, почти враждебно и сообщила, что на самом деле нам пора расстаться.

— Значит, вы признаете, что находились с потерпевшей в интимных отношениях? — как-то удивительно не вовремя вмешался Шустов.

— А вы об этом еще не догадались?

— Я должен это зафиксировать.

— Да погодите, дайте досказать, потом будете фиксировать, мать вашу!

Слова Осетрова возымели действие. Шустов замолчал.

— Честно говоря, я почувствовал облегчение. И даже както воспользовался моментом, чтобы подвести черту под наши-

ми отношениями. Я взял с комода шкатулку. У нее давно стояла на комоде шкатулка, в ней лежали всякие там пуговицы и нитки, сложил, разумеется, с разрешения Лены в нее некоторые вещи, которые мне принадлежали.

— Какие вещи? — недрогнувшим голосом спросил Шустов.

Лидочка вздохнула — все тайны имеют рациональные объяснения.

— Она вернула мне некоторые подарки...

— Бьющиеся? — неожиданно спросил Шустов.

— Почему бьющиеся?

— Да вы подумайте: вот вы пришли в дом к близкому вам человеку, и тот говорит: «Возьми свои подарки, возьми то, что оставлял здесь, помнить о тебе не хочу!» — Так?

— Приблизительно так.

— Вы берете с комода шкатулку и высыпаете из нее пуговицы и нитки на комод, а потом складываете в шкатулку ценные вещи. Непонятно.

— Что непонятно?

— Зачем вам понадобилась шкатулка? Неужели в доме не нашлось пластикового пакета?

— Да... Но среди вещей были тяжелые, например пепельница из нефрита.

— Нет, нет, все равно не получается! У вас с собой был портфель.

— Не портфель, а небольшая сумка, потому что я сказал дома, что иду за хлебом. Совсем маленькая сумка.

— У него маленькая сумка была, — подтвердила Лидочке Роза.

— Ну взяли бы у Елены Сергеевны какую-нибудь ее старую сумку. А тут — шкатулка! И дома как вы объяснили, что шкатулку принесли?

— Ее никто не заметил, — признался Осетров.

— Ну-ну, продолжайте, — сказал Шустов, который не поверил Осетрову.

— А, в сущности, нечего продолжать. Я ушел. Мне было некогда. А на следующий день узнал о смерти Алены...

— И вы не позвонили ей за весь вечер, вы не беспокоились?

— Знаете, я был зол на нее за эту демонстрацию. И за то, как она себя вела. Кстати, я вспомнил, почему я избрал именно шкатулку. Ведь этот ход мне подсказала Алена. Она так и сказала: сложи все в шкатулку, а потом вернешь... Вот именно...

Врет, врет, подумала Лидочка, жалеет, что не придумал эту версию раньше — она бы так легко все объяснила. И, наверное, Шустов это понимает.

— Значит, вы вернулись домой, — гнул свою линию Шустов, — легли спать и ни о чем не беспокоились.

— Не совсем так. Я беспокоился. Я несколько раз звонил ей за вечер, но было занято, подозреваю, что Алена сняла трубку, у нее была такая манера. Я лег поздно, и мне не спалось...

— А потом?

— А потом... я все сказал...

Опять пауза, наверное, Шустов пишет. Сейчас он попросит свидетеля подписать протокол допроса. И Осетров спокойно уйдет.

Но ведь так нельзя! Неужели неясно, что Осетров виноват во всем?

Видно, эта же убежденность овладела маленькой Розой.

Колобком она скатилась со стула и ворвалась в комнату Шустова, словно пушечное ядро.

— Зачем неправду говоришь?! — закричала она. — Я все видела, я все знаю.

От волнения ее акцент усилился, и она путала падежи.

Инна опять попыталась ее остановить. Лида тоже поднялась, но они с Инной остались в дверях, потому что Роза своим появлением так испугала Осетрова, что он отбежал к окну и прижался к нему спиной. Роза чуть доставала ему до локтя, но она была ему страшна, может, потому еще, что готова была разрушить логическое построение, которое только что, казалось, убедило товарища лейтенанта. Осетров еще не был до конца уверен, в чем состоит угроза Розы, но всей шкурой чувствовал, что погиб.

— Врет он, врет он, врет он! — визгливо повторяла Роза. — Зачем врать надо? Какую шкатулку уносил, если руки пустые были — маленькая сумочка была, а руки пустые. Не брал он эту коробку, гражданин начальник, не брал он ее в тот раз.

— А взял он ее в следующий раз, — закончил эту фразу Шустов, словно заранее знал, что скажет Роза. Будто подстроил так, чтобы Роза все слышала, сидя под тонкой дверью, и выступила Немезидой, когда преступнику будет казаться, что ему удалось уйти от правосудия.

— Вот этого я не знаю, не смотрела, но в тот раз он с пус-

той рукой шел, одна маленькая сумка в руке был... Зачем про ящик говорил?

— Ну, знаете, — нашел наконец слова Осетров, — вы могли и ошибиться, вы все подглядываете, подслушиваете — может быть, в это время вы в соседнем подъезде вынюхивали.

Несправедливые обвинения тяжелее всех переносят те, которым свойственны подобные грехи. Надо было видеть, с каким бешенством кричала Роза, перейдя от ярости на татарский язык, и это придавало всей сцене тем более сюрреалистический характер, так как она наступала на Осетрова, почему-то норовя подпрыгнуть, чтобы вцепиться ему в глаза, а тот был вынужден отступать вдоль стены, пока не попал в угол между стеной и несгораемым шкафом.

— Вы нарочно! — закричал он Шустову через голову маленькой татарки. — Я буду жаловаться министру внутренних дел, а вы еще попрыгаете у меня!

— Гражданка Хуснутдинова, — закричал тут Шустов, — уйдите из комнаты, я вас сюда не звал!

— Как так не звал? — искренне удивилась Роза. — А зачем давал слушать, как он тут врет?

— Я не отвечаю за дефекты строителей, — ответил Шустов. — И попрошу посторонних покинуть помещение.

Никто из женщин помещения не покинул. Только Осетров попытался это сделать, но остановился.

— Я не видела, я спала, — сказала Роза, — но все слышала. Я знаю, когда он к ней второй раз приехал. В два часа ночи. Мой муж, Геннадий Петрович, спросил, ты зачем не спишь? Уже третий час, а я сказал, там на лестнице человек есть, наверное, опять хахаль к Алене пришел. А мой муж говорит, ты спи, говорит, у них дела любовные, молодежные. А я говорю, какие молодежные дела у Олега Дмитриевича, если он мне в папы годится? У него внук есть.

— И долго он там был? — быстро спросил Шустов.

— Она меня не видела! — закричал Осетров. — Это все подстроено.

— Я думаю, недолго был, — сказала Роза, — может, полчаса был, может быть, побольше был.

— Пускай все уйдут, — с отвращением произнес Осетров.

— Выйдите, — поддержал его Шустов. — В самом деле, выйдите!

Женщины поочередно вышли из комнаты. Лидочка удивилась тому, как покорно вышла с ними Соколовская. Но,

видно, она понимала, что при ней свидетель не стал бы говорить.

И вот они снова уселись в ряд. Розочка в середине. Она все еще не могла успокоиться.

— Зачем он так говорит? — повторяла она. — Убил девушку, да?

Лидочка положила ей руку на плечо, чтобы замолчала. Интереснее было узнать, о чем говорят в комнате.

— Расскажите мне о вашем втором визите к Елене Сергеевне, — сказал лейтенант. Голос его был ровным, будто он не прыгал только что по комнате, отлавливая Розу.

Осетров заговорил мертвым голосом, будто был под гипнозом. Наверно, ему стало все равно.

— Она звонила мне несколько раз, — сказал он. — К телефону подходила жена, Алена бросала трубку... как обычно. В конце концов жене это надоело, и она сказала мне... моя жена многое знает. Я взял трубку, и Алена мне сказала, что ей очень плохо, что она намерена убить себя и хочет со мной попрощаться. Я сказал ей, чтобы она ложилась спать, а завтра я приеду. Это было после двенадцати. Через полчаса она позвонила снова... я как раз мыл посуду. Она требовала, чтобы я приехал. В последний раз. Я наотрез отказался... как каждый бы сделал на моем месте.

— Я не был на вашем месте.

— Шантажу нельзя поддаваться, от этого шантажисты только наглеют.

— Ваша... подруга уже умерла, — сказал Шустов. Наверное, хотел таким образом поторопить Осетрова. А тот вместо продолжения рассказа начал всхлипывать, и было слышно, как Шустов наливает из графина в стакан воду, а Лидочка подумала, что у всех следователей на столе должен стоять графин.

— Я не ложился спать, я ждал нового звонка. И он был. Это был странный звонок.

— Во сколько? — спросил Шустов. — Вы заметили время?

— Примерно в половине второго.

— Расскажите подробнее.

— Она говорила невнятно, я почти ничего не мог разобрать. У меня возникло жуткое подозрение, что она все же наглоталась таблеток. И я подумал — что же со мной будет!

— Вы подумали, что же будет с вами?

— Я сказал жене, что мне надо уехать. Она категорически

была против. Она предположила, что это какой-то очередной шантаж Алены. Но я очень испугался. Я позвонил еще раз, но никто не взял трубку... было занято...

— Занято?

— Я сам удивился. Позвонил еще раз... Я представил себе, что она лежит без сознания и не может дотянуться до аппарата.

— Вы поехали?

— Да, я поймал такси... У меня был свой ключ. Кстати, вот, я его хотел возвратить... наверное, лучше вам, да?

— Продолжайте.

— Я поднялся наверх, я позвонил... никто не открыл. Это совершенно ужасно, не дай вам бог... Я увидел, что она лежит... Трубка телефона у нее в руке. Дальше я действовал буквально бессознательно.

— Что вы делали?

Лидочка поняла, что Шустов продолжает записывать.

— Я взял трубку и положил ее на место.

— Почему?

— Не знаю. Но помню, как вытер отпечатки пальцев.

— Вы боялись, что вас заподозрят?

— Это наивно, но мне казалось... я был в шоке... мне казалось, что если убрать все следы моего пребывания там, то обо мне не вспомнят. Ведь мало кто видел, как я сюда приходил.

— Дальше.

— Дальше я стал искать, куда сложить все, что связано со мной. Там были мои фотографии, даже мои часы, которые она хотела отнести в починку, наручные часы... там были мои книги, две книги, я как-то занимался у нее. Потом я пошел в ванную, взял свою зубную щетку и пасту. Я очень чистоплотный человек и не выношу, когда кто-то пользуется моими вещами, и сам не люблю чужих вещей... моя щетка для волос... Я брал только свои вещи, клянусь вам.

— Этим вы ввели в заблуждение следствие.

— Но я был в шоке!

— А потом?

— Потом я ушел. Я положил все в шкатулку, которая стояла на комоде, и ушел.

— Но почему именно в шкатулку?

— Потому что я увидел ее, когда искал, куда же мне положить свои вещи.

— А Елена Сергеевна лежала там?

— Конечно, она лежала. Я старался не смотреть на нее. Я же понимал, что она сделала это нарочно, чтобы отомстить мне за то, что я не хочу на ней жениться. И потому мне надо было перехитрить ее — стереть следы. Да, это не очень хорошо, но это не преступление, и вы никогда не докажете, что это преступление...

— Я не собираюсь доказывать. Этим займутся другие. Я лишь веду дознание, — сказал Шустов. — И меня интересует: когда вы были в первый раз в квартире в тот вечер и Алена выразила желание покончить с собой, вы ничего не подкладывали в коробку с ее снотворным?

— Зачем? Я вас не понимаю...

— Хорошо, к этому мы еще вернемся.

— Что это значит?

— А когда вы приезжали ночью, вам показалось, что она мертва?

— Не показалось! Я пощупал у нее пульс! И сердце... она уже начала остывать.

В кабинете воцарилась тишина. Скрипнул стул...

— Гражданин Осетров, — сказал Шустов после долгого молчания. — Я не буду вас задерживать, хотя, с моей точки зрения, вы остаетесь подозреваемым. И надеюсь, что вы не вздумаете скрываться.

— Боже упаси. А что, есть подозрения, что Алена не покончила с собой?

— Я этого не знаю.

Опять пауза. Потом голос Шустова:

— Я попрошу вас подписаться внизу каждого листа.

— Конечно, конечно... Но если вы думаете... то вы ошибаетесь. Я не могу сказать, что в последние месяцы ее любил, но я очень хорошо к ней относился, и ее смерть... ее смерть для меня потрясение.

— Вы можете идти.

— Ах да, я совсем забыл. Я принес шкатулку. Это же чужая шкатулка. Она вам может пригодиться, как вещественное доказательство. Сейчас достану... такой неудобный рюкзак... Вот она! Держите. Это единственная чужая вещь, которую я взял в квартире у Алены.

— Хорошо, — равнодушно произнес Шустов. — Я выдам вам расписку.

— Не надо, зачем?

— Такой порядок.

Сейчас он уйдет, подумала Лидочка, я войду в кабинет и

смогу наконец увидеть эту злосчастную шкатулку. Если это та самая шкатулка. Только пустая...

Осетров вышел, ссутулясь, быстро пошел по коридору, не взглянув на женщин, которые с нетерпением ждали очереди войти в кабинет. Они были возбуждены и полны любопытства, словно только что возвратились с боя гладиаторов и теперь хотели поделиться с императором Калигулой своими впечатлениями.

* * *

Убегая от Шустова, товарищ Осетров в волнении не подписал акта о сдаче вещественного доказательства в виде шкатулки карельской березы, полированной, имеющей потертости и царапины, размером тридцать на двадцать четыре сантиметра при высоте в шестнадцать сантиметров. Внутри шкатулка неполированная, пустая, без следов пребывания в ней каких-либо предметов.

Женщины, набившиеся в маленький кабинет, рассматривали шкатулку. Роза клялась, что в семь вечера такой шкатулки у Осетрова с собой не было — она бы увидела. А Инна Соколовская, которая тут же принялась поливать из графина цветы, будто они могли высохнуть от присутствия Осетрова, разумно заметила:

— Твой Осетров шкатулку заранее приготовил и в рюкзак поместил, о чем это говорит?

— А о том, — ответил Шустов, который задним числом оформлял протокол сдачи шкатулки, — что, уходя из дома, он был убежден, что придет и все мне честно изложит. А как вошел в кабинет, то его охватило обычное для преступников чувство — желание не сознаваться.

— Не только для преступников, нам об этом еще Муромский читал, в психологии судебной психиатрии, даже свидетелями овладевает страх, и они начинают отрицать очевидные вещи, даже факты, которые не должны им повредить.

— Надо стены красить другим цветом, — заметила Роза. — Такой цвет нехороший, как в тюрьме сидишь.

Роза была права, синий казенный цвет, коричневые шкафы и серый сейф — это была тюремная палитра, враждебная практически любому человеку, а уж тем более тому, кто чувствовал себя в чем-то виноватым. Он понимал, что ему грозит остаться здесь навсегда, — и тут в его организме включались все системы защиты.

— А я почти сразу догадался, что у него в рюкзаке шкатулка. А то бы его с рюкзаком не пустил — мало ли с чем сюда ходить будут? Завтра пулемет принесут... Но здорово я его расколол?

Это была странная сцена, такой не должно быть в милицейском кабинете. Такие сцены могут происходить в адвокатской конторе мистера Мейсона или в кабинете сыщика Ниро Вульфа. Собрались приятели и сотрудники и радуются удаче...

Со шкатулкой в руках Лидочка отошла к окну. Сейчас она откроет ее и увидит мешочек с кусочками темного металла и камни, привезенные когда-то Полиной из Батума, — все, что осталось от ее непутевого брата. Как давно это все было... И главное — дневники Сергея Серафимовича.

Пустое... ты нашла шкатулку, шкатулка же представляет, скажем, только сентиментальный интерес. И вряд ли больше.

— Ваша? — догадалась почему-то Соколовская.

— А я с ними и познакомилась, — призналась Лидочка, — потому что искала эту шкатулку. В ней когда-то были наши семейные реликвии. Не очень ценные материально, но дорогие для нашей семьи и для науки.

— Зачем им отдали? — спросила Роза, наслаждаясь собственной причастностью к большому государственному делу.

— Время такое было, до войны еще. Ареста боялись.

— Вот что значит в Бога не верить, — наставительно произнесла Роза. — Бог вас сохранил, а вещи не сохранил. Раз отдали, зачем ему их хранить?

Сентенция не была лишена некоторого смысла, хотя и не утешала. Лидочка держала в руках шкатулку, ей трудно было с ней расстаться. Шустов заметил ее колебания и сказал:

— Закроем дело, отдадим вам, она вряд ли кому понадобится, ведь вещь ваша.

— Когда все кончится, — заметила мудрая Роза, — тетя-дядя прибежит, наследником назовется. Скажет, всю жизнь о такой коробке мечтал. — Роза искренне рассмеялась.

— Что-нибудь придумаем, — сказал лейтенант.

Лидочка с сожалением вернула шкатулку.

— Что же он в ней унес? — вслух подумала Инна.

— А я ему на этот раз поверил, — заметил Шустов. — Он в панике был, хватал то, что ближе всего, под рукой. Если ты комнату бы представляла, то как войдешь — налево диван и телефон — там она и лежала. Он, конечно, отпрянул. А тут комод. И шкатулка.

— При условии, что он никого не убивал.

— А я думаю, что убивал, — сказала Роза. — Тихий такой, вежливый. Точно, убивал.

— Пока мы ничего не знаем. Будем вести расследование, — решил прекратить дискуссию Шустов. — Сейчас еду в прокуратуру. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами будем думать, что делать дальше.

Глава шестая

ВТОРОЕ ПОКУШЕНИЕ

Хоронили Алену Флотскую через два дня, в воскресенье, 20 февраля. Сначала близкие, включая Лидочку — куда уж теперь от этой близости денешься, — поехали в морг Первой Градской больницы.

Морозы уже кончились, может, и насовсем, но поднялся неприятный ветер.

В морге народу оказалось мало. Так мало, что некому было нести гроб до автобуса, который кое-как подобрался задом к лестнице. В высоком, граненом, похожем на внутренность стакана зале ожидания, стены на высоту двух метров были выкрашены в поносный цвет. По стенам, по всему периметру зала тянулись царапины. Труп долго не выдавали, а Лидочка мучилась загадкой — кто и почему царапал стену на высоте человеческого роста. Она наконец не удержалась и спросила Соню. Соня была в черном платке, на рукаве пальто — черная повязка. Непонятно, где она откопала такой обычай, возможно, от членов правительства сталинских времен, правда, у тех повязки были красно-черными.

Соня кинула равнодушный взгляд на стену и пояснила без раздумья:

— К ней крышки гробов приставляют. Привозят и приставляют.

Соня была права. Голубая, кое-как обтянутая материей крышка Алениного гроба была прислонена к стене там, где стояла Татьяна Иосифовна с незнакомой Лидочке приятельницей или родственницей. Помимо них в гулком зале, с промокшими углами потолка и небоскребами паутин, были и несколько человек из института и Роза, которая сочла своим долгом...

— Это ничего, что я пришла? — шепотом спросила она.

— Ничего, — ответила Лидочка. — Даже очень хорошо.

Осетрова не было.

Когда наконец велели заходить в заднюю комнату, где толстая женщина за столиком заполняла документы и выдавала трупы, Лидочке пришлось помочь нести крышку гроба, а санитары, которых Сонечка просила помочь за деньги, спешили и, перенеся гроб, ушли обряжать следующего покойника.

В главном зале, куда все прошли постоять вокруг гроба и поглядеть на Алену, в нишах стояли две одинаковые гипсовые в человеческий рост женские фигуры в классической манере, обнимающие урны. Видно, их поставили сюда лет сто назад, когда строили морг.

Гроб опустили на каменный стол, и Лида впервые смогла разглядеть женщину, с которой чуть было не познакомилась.

Мертвая Алена Флотская была очень хороша. Перед смертью ее не терзала болезнь и не успела тронуть старость. На вид ей было лет двадцать, не больше — такой, наверное, была гоголевская панночка. Даже здесь, на конвейере, равнодушно выплевывающем покойников в зал, кто-то потратил время и проявил старание, чтобы причесать Алену, даже напудрить — может, то только кажется? — сложить воротничок, завернуть валиком край покрывала... На белом, в голубизну, лице особенно выделялись черные длинные ресницы, губы были чуть розовыми, на чистый лоб упал один из локонов, он оторвался от густой массы волос, как будто хотел остаться живым. Если слова «как живая» имели смысл, так именно в этот момент и именно здесь.

Красота и нежность покойной оказали странное воздействие на всех присутствующих. Впервые в жизни Лидочка увидела, как может плакать агентша, которая до того распоряжалась переносками и заполнением нужных бумажек — очевидно, все были потрясены несправедливостью этой смерти и бессилием ее перед мгновением красоты.

Когда гроб закрыли и перенесли в автобус — на этот раз мужчин было достаточно, потому что пришли два санитара и к ним присоединился шофер автобуса, — Соня, усевшаяся рядом с Лидой, не удержалась, чтобы не сказать правду:

— В жизни Аленка была куда хуже, грубее, даже вульгарнее. Не веришь? Мне лучше знать, я говорю объективно, как лучшая ее подруга.

Автобус ехал недолго, минут десять — ему надо было проехать по Ленинскому, потом свернуть к крематорию Донского монастыря. Там у крематория, как узнала Лидочка от Татьяны,

похоронена Маргарита Потапова, и потому есть семейное место для урны, а это очень удобно, потому что если надо будет Аленку навестить, то это два шага от метро, а то теперь все эти новые кладбища находятся за городом, надо истратить целый день, пока доберешься.

Площадка у крематория была расчищена и плотно утрамбована автобусами и людьми, которые сменяли друг друга весь рабочий день. Два автобуса ждали своей очереди. Длинный очкарик из профкома Тихоокеанских проблем вместе с Сонечкой побежал в контору оформлять документы. Начал сыпать снег, он поглощал звуки и создавал мирную добрую атмосферу прощения и спокойствия. Лидочка поймала себя на ненормальном желании скорее пройти внутрь, в зал для прощания, чтобы там открыли крышку гроба и можно было вновь полюбоваться нежной чистотой лица Алены. Если писать спящую красавицу, то писать ее надо с Алены. Но этой мыслью ни с кем не поделишься, нет здесь ни одного человека, настолько близкого, чтобы он не счел тебя сумасшедшей.

Когда их автобус подъехал к крематорию, к нему потянулись люди с разных сторон открытой площадки — оказалось, сюда пришло куда больше людей, чем Лидочка ожидала. История с Аленкой казалась ей настолько замкнутой в тесноте квартиры, в коридоре милицейского отделения, что интерес многих чужих людей казался неестественным и Лидочка вдруг испытала чувство, сродни ревности.

Вряд ли можно было объяснить появление всех этих людей лишь заметкой в газете «Московский комсомолец», где с развязностью желтой прессы под заголовком «Усни, красавица!» говорилось о том, что некая молодая сотрудница Тихоокеанского института решила взять в свои руки разрешение личных проблем и кончила дни в морге. В заметке не содержалось ничего, за что можно было подать в суд, но даже Лидочке очень хотелось пойти к редактору и сказать ему, что так не поступают.

Но тут же, подумав, Лидочка поняла причину многочисленности провожающих и появления нескольких венков, что было для нее полной неожиданностью. В тридцатилетнем возрасте смерть еще столь необычна и редка, а связи детства и юности еще свежи и не оборваны, что все последние три дня звонили телефоны в квартирах ее соучеников по школе, по институту. Подруг и бывших соседок обзванивала и Соня, для которой смерть Алены стала самым главным событием в ее жизни. В институте смерть молодой и хорошенькой сотрудни-

цы стала не только сенсацией, ибо каждый понимал связь ее с трагическим романом. К сенсации примешивалось очевидное чувство вины.

Пожалуй, за всю свою жизнь Алене еще не удавалось привлечь к себе такого внимания.

Кремация задерживалась, но никого это не расстраивало, потому что многие не видели друг друга по многу лет и были рады встрече. Люди переходили от группы к группе, почти все подходили к Татьяне Иосифовне и выражали ей свое сочувствие. Приехал даже директор института. Соня прибежала из конторы и сказала, что надо подождать еще минут десять — органист ушел обедать, — потом стала сетовать, что никто не рассчитывал на такое количество, думали, что к Алене придут человек десять, а тут...

— Здесь, по крайней мере, половина нашего класса, — сообщила она с гордостью.

Тут же она покинула Лидочку и пошла туда, где стояли группой молодые люди ее возраста, в основном в кожаных пальто или шубах — Соня среди них казалась бедной родственницей. Среди соучеников Лидочка узнала Алика Петренко с рукой на перевязи и Ларису. Конечно же, Соня говорила, что они учились с Аленой! Как тесен мир!

Лариса помахала Лидочке. Она была в сшитой из кусочков норковых шкурок дорогой модной шубе и льнула к Алику Петренко так нежно, словно пришла с ним не на похороны, а на конкурс красоты, где ей обещано первое место.

Петренко был центром компании. Самый удачливый и рисковый. И даже те, кто избрал иной путь и даже не заработал себе на кожаную куртку, потому что не чувствовал в том нужды, тянулись к нему, подчеркнуто дружески похлопывали его по здоровому плечу, обнимали, говорили с ним, и Петренко позволял себя трогать и обнимать, как большой дог, снизошедший до маленьких собачек. А так как эта тесная и вполголоса оживленная группа роилась недалеко от Лидочки, она могла увидеть Петренко поближе, чего не удалось сделать несколько дней назад, в то злополучное утро.

Петренко обещал с возрастом стать толстяком, но пока был просто плотен, упруг и розов, но никак не схож с поросенком — это было упрямое напористое и быстрое создание человеческой породы, и при взгляде на него становилось ясно, что попробуй его ущипнуть — пальцы соскользнут с кожи. Несмотря на снег, он стоял с непокрытой головой — его русые

волосы уже начали редеть, и потому он зачесывал их на косой пробор.

Лидочку он увидел сразу и тут же вычислил ее, понял, кто она такая, а вернее всего, знал ее давно, — это Лидочка за несколько лет жизни в доме могла и не заметить юношу, ставшего богачом, а он молодую привлекательную, не шикарную, но классную женщину наверняка видел не раз. И имел о ней мнение. И, может, даже знал о ней больше, чем ей самой того хотелось.

Встретив ее взгляд, он впился на секунду в него светло-карими кошачьими глазами, шевельнув тонкими подвижными губами, как бы здороваясь, улыбнулся, и Лидочка наклонила голову — она была и с ним теперь связана какими-то узами личных отношений, которые существовали настолько очевидно, что он счел необходимым послать к ней Ларису с предупреждением об опасности.

Пришлось ждать еще минут десять, прежде чем наступила их очередь.

Гроб выкатили из автобуса, мужчины двинулись к нему, чтобы внести в приземистое здание крематория, которое в конце двадцатых, когда его построили, было одной из достопримечательностей Москвы, и тогда много писалось о том, что наконец-то большевикам удалось добиться по-настоящему гигиенических условий для покойников.

Краем глаза Лидочка наблюдала за Петренко. Его не было среди тех, кто взялся тащить гроб, но он пошел следом за гробом, близко к нему, неся в левой руке венок. И тут Лидочка поняла, что высокий, весь налитой мышцами, которые с трудом умещались в просторной куртке, парень — телохранитель Алика Петренко. Он шел близко к нему и зыркал глазами — в толпе одновременно было и безопаснее, и рискованней, чем на открытом месте. Поняв, что Алик здесь с телохранителем, Лидочка почему-то успокоилась, как будто не хотела, чтобы на него снова покушались. Но, возможно, у мафиози есть правило — не нарушать кладбищенский покой. Рядом не было никого, кого можно было счесть врагом.

Почти весь зал крематория, до бархатного каната, который отделял подставку для гроба от той ямы, куда гроб через несколько минут опустится, был полон народа. Мужчины сняли крышку гроба и отнесли ее к стене, поставив возле бюста летчика, над которым был прикреплен алюминиевый аэроплан. Летчик разбился еще до войны — это можно было угадать по

аэроплану. Лиде пришлось встать рядом с другим бюстом — очень серьезный бровастый мужчина оказался автором проекта крематория. Неужели архитектор считал этот проект делом своей жизни?

Гроб был открыт, люди клали цветы, и постепенно из цветов образовался холм. Речей не произносили, но под вялую игру органиста близкие стали подходить и целовать Алену в лоб или просто дотрагиваться до нее.

Лидочка тоже приблизилась и остановилась у гроба, чтобы в последний раз полюбоваться Аленой, которой в жизни не удалось побыть такой красавицей, как в мраморном холоде смерти.

Многие плакали, потому что эта красота подчеркивала дикую несправедливость смерти.

Тут Лидочка наконец-то увидела Осетрова. Он стоял в задних рядах и не делал попытки приблизиться к Алене. Он заметил взгляд Лидочки и задом, задом стал выбираться наружу. Он хотел и быть здесь, и отсутствовать.

Соня решила произнести речь, но Татьяна остановила ее. Она стояла, опираясь на палку, и ее поддерживали с двух сторон родственницы. Татьяна принималась рыдать, и тогда ее утешали, а какая-то пожилая женщина в черном платке доставала капли или порошки и предлагала их Татьяне.

Время остановилось, но потом его неожиданно подстегнул резкий голос распорядительницы похорон, которая сказала со лживым участием:

— Торжественная церемония прощания с дорогим нам человеком и гражданкой нашей родины Еленой Флотской закончена.

Она нажала на какую-то кнопку, и Лидочке стало страшно, что Алену сейчас опустят в подвал и там окончательно уничтожат. Она мысленно рванулась вперед, Татьяна стала просить, чтобы ее опустили туда, следом за дочерью, громко зарыдала Соня.

Створки ада раскрылись, гроб уехал вперед, потом опустился вниз, и люк закрылся.

Еще с минуту все стояли и ждали, словно гроб еще мог возвратиться, но потом пошли к выходу.

Лидочка шла одной из первых, следом за телохранителем Петренко. Сам миллионер выдвинулся вперед.

Лидочке открылась площадка перед крематорием. Приехал еще один автобус, и возле него стояла кучка старичков. Петренко быстро шел по аллее к выходу, за ним в трех шагах — те-

лохранитель. Рядом, отставая на шаг, спешила Лариса и что-то говорила на ходу. А еще дальше впереди, уже у самых ворот крематория, Лидочка угадала фигуру Осетрова.

И тут от ворот, из-за высокого черного памятника вышел парень в джинсовой куртке.

Лидочка уже настолько уверилась в том, что этот парень — ее личный убийца, что присела на корточки, кто-то налетел на нее, она потеряла равновесие и скатилась вниз по ступенькам. Из-за этого получилась суматоха и шум. Лидочке помогли подняться.

Когда Лидочка встала на ноги, она поняла, что никто из окружавших ее не видел происходившего у ворот.

Только она успела увидеть, что Петренко и его телохранитель промелькнули в воротах и исчезли. Куда же делся парень в куртке, она не поняла. Осетрова тоже не было видно.

— Сейчас к нам, к нам, — приглашала радушно и даже весело Татьяна Иосифовна. — В первую очередь это относится к тебе, Лидочка.

— У меня дела...

— Как ты можешь!

Татьяна стояла у автобуса и говорила:

— Желающие рюмкой водки помянуть мою дочь Алену, прошу в автобус.

В большинстве люди подходили к Татьяне Иосифовне, и она всех благодарила за то, что почтили. Но некоторые полезли в автобус — одноклассники, кто-то со службы, наверное, родственники.

Директор института сказал Татьяне:

— Моя машина стоит у ворот, прошу вас.

— Лидочка, ты со мной? — спросила Татьяна.

— Нет, спасибо, — сказала Лидочка, — я в автобусе.

Ей было страшно проходить между тех кустов, в которых недавно таился и, может быть, сейчас таится парень в джинсовой куртке.

Без гроба, стоявшего недавно в ногах, автобус казался пустым. В автобусе сидели Соня и несколько одноклассников Алены. Они не знали, что случилось с Петренко, потому что кто-то из них спросил:

— А Алик где?

— У него дела срочные, встреча, — сообщила Соня.

— С Рокфеллером, — пискнула одна из одноклассниц, и все засмеялись, но тут же спохватились, что смеяться еще рано.

За спиной Лидочки разговаривали две молодые женщины — бывшие одноклассницы Алены.

— А этот был? — спросила одна. Лидочка догадалась, что вопрос касался Осетрова.

— Такой высокий, седой, красивый. Ты не заметила?

— Нет. Как жалко.

— Мне его Сонька показала. Она его ненавидит.

— Еще бы, лучшая Аленкина подруга.

— А я думаю, что дело в ревности.

— Ну как наша Сонька может ревновать? Пора уж отдавать себе отчет...

— Любовь зла.

— Ты перепутала — это коза полюбила.

Девушки засмеялись.

— А он еще ничего, сохранился, — произнесла одна из них.

— Не соблазняй меня. Я его не видела и не увижу. А правда, что он был секретарем ЦК?

— Не исключено.

— Ну, тогда у Аленки не было шансов.

— А что, если он ее убил?

— Ты что, офигела?

— Ты же знаешь Аленкин характер — что схватила, то мое! А тут пролетела. Он понял опасность и убил ее.

— Она таблеток наглоталась. Это медицинский факт.

— Для кого-то факт, а для кого-то и нет.

— Ты что-то знаешь?

— Если бы знала, била бы во все колокола.

— Ты романтик.

Автобус выехал на Садовое кольцо и, застревая в пробках, пополз к площади Восстания. Интересно, ее переименовали или нет? В переименованиях, охвативших Москву в последние годы, чувствовался элемент игры. Почему-то надо было отнять улицы у Пушкина и Чехова или, допустим, разделить улицу Горького на две — Тверскую и 1-ю Тверскую-Ямскую, внеся этим разброд в умы почтальонов и полную растерянность в воображение приезжих, которые не могли понять, на какую же улицу попали. Но эта твердость в возвращении к временам солидным, православным и даже царьгороховым никак не мешала благополучно существовать могучему кусту Коммунистических улиц, переулков и тупиков на Таганке, Пролетарских, Комсомольских и других порождений большевистского ума. Видно, борьба с Чеховым требо-

вала меньшего гражданского мужества, чем сражение с коммунизмом.

Тем временем разговор подружек на заднем сиденье перешел, как и следовало ожидать, к темам куда более актуальным, чем смерть Аленки Флотской.

— Мне Татушкина говорила, что на Петрика было покушение.

— И что тебе еще эта раззява говорила?

— А что, неправда?

— Об этом лучше не болтать.

— На него наехали?

— На нем висит полмиллиона баксов.

— И не испугался приехать в крематорий?

— Он любил Аленку.

— Значит, наезжали?

— Кто-то, я тебе не буду говорить кто, нанял бандитов. Была разборка, Петрика хотели пришить, но Лариска, та телка, которая с ним сегодня была, его вытащила из-под огня.

— Как Анка-пулеметчица?

Женщины засмеялись. Лидочку подмывало желание обернуться и посмотреть на существ, которые милыми голосами вели такую неженскую беседу. Чувствовалось, они готовы были сами взять автоматы и тут же открыть стрельбу от живота.

— Он собирается рвать на Запад, у него все туда переведено.

— Так он тебе и сказал.

— Каждому жить хочется.

— Тогда они его достанут.

— А может, и не достанут.

Лидочка еле дождалась того момента, когда автобус остановился возле дома на Васильевской. Она поднялась и смогла рассмотреть тех собеседниц, которые только что обсуждали судьбу Петрика. То есть Алика Петренко.

Обыкновенные женщины тридцати с лишним лет, одна из них заметно растолстела и лет через десять станет грузной матроной, вторая, видно, всегда была худенькой, а теперь усохла. Но обе в шубах, перстни на пальцах, схожие сумочки с позолоченными замками и пряжками. Скучные личности, чьи-то жены. Для них самоубийство Аленки и покушение на Петрика — величайшие события года и в то же время обыденность жизни.

В квартирке было чрезвычайно тесно, составили все сто-

лы, соединили их досками, скатерти были разномастные, посуду принесли от соседей. Вилки и ножи собирали по всему подъезду, да и обитатели этого подъезда толклись на кухне, зарабатывая право на участие в поминках хозяйственными заботами. Кое-как втиснулись за стол, кому не хватило места, сидели на табуретках в коридоре или теснились в прихожей. Петрик, конечно, не появился. Но все равно Лидочке казалось, что центром внимания остается он — до Алены дела никому не было, за исключением Сони, Татьяны да самой Лидочки.

Роза помогала на кухне, потом носила блюда с нарезанной колбасой, сыром, зеленью и холодными цыплятами. Лидочка сидела напротив большой фотографии Алены над диваном. Ветер взъерошил Аленке волосы, и она пыталась удержать их обеими руками. Очень удачная фотография. Какие у нее были хорошие зубы!

Алена все более становилась абстракцией — это могли быть поминки, а мог быть и десятый юбилей смерти Пушкина, собравший лицейских друзей помянуть великого поэта, хотя никто его таковым не считал, потому что он не сделал карьеры и глупо погиб на глупой дуэли, в которой сам был виноват, о чем можно прочесть в истории Кавалергардского полка.

Бывает такое странное совпадение — «История кавалергардов» лежала на стеллаже, Лидочке надо было только обернуться и протянуть руку. А на открывшейся странице шло описание дуэли другого кавалергарда — Мартынова — и поручика Тенгинского полка Михаила Лермонтова. Авторы «Истории кавалергардов» отдавали должное поэту Лермонтову, но все их симпатии были на стороне Мартынова: «Как поэт, Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек он был мелочен и несносен. Эти недостатки и признак безрассудного упорства в них были причиной смерти поэта от выстрела, сделанного рукою человека доброго, сердечного, которого Лермонтов довел своими насмешками и даже клеветой почти до сумасшествия». А на самом-то деле была одна достаточно безобидная шутка о длинном кинжале, который нацепил Мартынов. Об этом Лидочка помнила. Лермонтова надо было убить, и потому для этой роли подошел «добрый и сердечный» Мартынов, который, как вычитала Лидочка из той же «Истории», убив Лермонтова, подошел к нему и по-братски его поцеловал. Из кавалергардов выходили замечательные убийцы.

— Что-то вы зачитались? — спросил мужчина с собачьими, приподнятыми у переносицы бровями и большими брылями — он был либо псом, играющим человека, либо человеком, играющим пса. — Вам положить блин?

Человеку было за сорок, седина тронула его виски и окрасила усы. Он был тяжел, басовит, и Лидочка представила, как он лает — глубоко и редко, а ночью выходит из своей дачи, спускается с крыльца в кусты и там редко и солидно лает, а ему отзываются собаки и собачонки дачного поселка.

Человек положил на тарелку Лидочке холодный блин, на него — столовую ложку кутьи. Лидочка, зажатая между его горячим бедром и острым локтем одной из одноклассниц Алены, извернулась и положила книгу о кавалергардах на место. Загадка — как эта книга могла здесь очутиться?

— Чем вы заинтересовались? — спросил мужчина с брылями.

— Там описано, как убивали Лермонтова, — ответила Лидочка.

— Лермонтова убила тяжелая действительность российского самодержавия, — сообщил мужчина с брылями и представился: — Константин. Просто Константин. И это допустимо, потому что я старше вас ровно настолько, насколько мужчина должен быть старше женщины, чтобы стать ее ровесником.

Лидочке потребовалось несколько секунд, чтобы полностью осознать смысл сказанного.

— Вы вместе работали? — спросила Лидочка.

— Нет, я даже не однокашник.

Соня постучала вилкой о стакан.

— Мы собрались здесь сегодня, — сообщила она, перекрывая тот шум, который возник из-за желания быстрее заморить червячка, — потому что нас объединило общее горе и общая любовь. Мы не могли не явиться сюда, потому что в момент глубокого горя люди собираются вместе, в одну группу, в один рой, в один коллектив...

— Странно, — прошептал одними губами Константин, — бывают же люди, которым обязательно надо подчеркнуть свою монополию на любовь, дружбу, сострадание и даже соучастие в смерти.

— Она была ее лучшей подругой.

— Только не надо это мне объяснять, я это уже знаю, — сказал Константин. — А вы тоже подруга?

— Я на самом деле случайно попала в эту семью за день до смерти Алены.

— Вы ее не знали?

— Нет. Я знаю немного ее мать и знакома с Соней.

— Жаль, вам не повезло. Несмотря на всю истеричность, сумасбродность натуры, несмотря на то, что Алена была искалечена воспитанием, вернее, отсутствием такового, она была личностью незаурядной — ей просто не попался в жизни настоящий мужик, который бы носил ее на руках, но иногда и порол. Так что ей приходилось самой придумывать себе мужчин — одни ее некоторое время носили на руках, но без порки она распускалась, и они бежали от нее быстрее лани, другие старались все чувства заменить поркой — с ней это не проходило.

Сонечка завершила скорбную речь, и все потянулись к рюмкам и поднимали их, разъясняя друг дружке, что чокаться нельзя, потому что пьют за покойницу. Тут кто-то вспомнил, что не поставили рюмки самой Аленке, стали искать пустую рюмку, никому не хотелось жертвовать своей, потом из кухни принесли пустой стакан, наполнили его водкой и сверху положили кусочек черного хлеба.

— Вы так и не представились, — Константин со вкусом выпил свою рюмку, но закусывать не стал.

— Лида, Лида Берестова.

— Очень приятно. А я наследник.

— Я вас не поняла.

— Меня трудно понять без перевода, — улыбнулся Константин, но объяснить ничего не успел, потому что Соня опять стала звенеть по стакану вилкой и объявила, что слово предоставляется любимой учительнице Алены, Клавдии Эдуардовне.

Поднялась физкультурного облика блондинка с волосами, затянутыми назад в пучок с такой силой, что глаза разъехались и омонголились. Физкультурница, которая преподавала литературу, тут же начала рыдать, а ученицы вскочили, чтобы дать ей воды и успокоить.

— Кому и в чем вы наследовали? — спросила Лидочка.

— Я наследовал Маргарите Семеновне Потаповой, это имя вам что-нибудь говорит?

Это имя очень многое говорило Лидочке.

— Извините, я вас не совсем поняла. Вы — родственник Маргариты?

— Нет, даже не родственник.

Тут начала говорить сама Татьяна. Она говорила о безутешной доле матери, потерявшей единственного ребенка. Женщины плакали.

Но уже во время ее речи общий шум за столом, невнятный, приглушенный теснотой комнаты и низким потолком начал расти так, что к концу речи Татьяне пришлось повысить голос.

— Я бы не приехал, — сказал Константин, — если бы не дурацкая заметка в «Московском комсомольце». Я сначала даже не сообразил, о ком идет речь. А узнал — искренне огорчился.

Татьяна рыдала, ее отпаивали валерьянкой. Разговоры за столом стали громче и веселее. Кто-то вспоминал школьные времена. Лидочка только сейчас поняла, насколько одноклассники перевешивают здесь числом всех других знакомых Алены. Она поняла, что в классе Алена была первой красавицей, а в институте ее первенство уже стало испаряться. На службе круг ее общения ограничивался несколькими сослуживцами. Зато с одноклассницами она поддерживала отношения, благо большинство осталось жить по соседству, — и они продолжали бегать друг к дружке на дни рождения и на крестины. Стоило выйти на улицу — кого-то обязательно увидишь. Может, потому Алена так и сдружилась с Соней, что та тоже училась в ее школе.

Константин поднялся, сказал, что пойдет на кухню покурить. К Лидочке тут же привязалась Роза, которая полагала себя Лидочкиной подругой.

Таинственный Константин, которого следовало расспросить, не возвращался. Наконец Лида не удержалась и пошла на кухню его искать. На кухне было тесно, душно и в то же время дуло от открытого окна — как у Лидочки дома во время обстрела. Вокруг шумно говорили, выясняли отношения, спорили, объяснялись в любви — никому уже и дела не было, по какому скорбному поводу они здесь собрались.

Константина на кухне не оказалось. В поисках его Лидочка вернулась в комнату, в дверях столкнувшись с Татьяной. Татьяна Иосифовна была бледна, видно, плохо себя чувствовала или перепила. Соня протянула Татьяне пачку, та взяла сигарету и закурила.

— Я бы сейчас легла, — сказала она, — но это физически невозможно.

— Может быть, пойдем ко мне? — спросила Лидочка.

— Нет, далеко, мне не дойти.

Тут же подвернулась маленькая Роза. Она умела подворачиваться в нужный момент.

— Татьяна Иосифовна, пошли ко мне, баиньки будем.

— Куда? — строго спросила Татьяна, от усталости и горя ставшая еще более объемной и приземистой. Лидочка поняла, кого она ей напоминает — царевну Софью с какого-то исторического полотна, царевну Софью в монастыре. Та же бесформенная фигура и тупое отчаяние во взоре.

— Роза живет на этой лестничной площадке, — сказала Лидочка, понимая, что предложение Розы разумно и спасительно.

— Я никуда не пойду и предпочитаю умереть здесь, — заявила Татьяна.

— Ты поможешь мне ее отвести? — спросила Роза. — А то она меня задавит, как свинья вошку.

— Ах, какое гадкое сравнение! — возмутилась Татьяна. — Проводи меня, Лида, я хочу спать, у меня нет сил. Я хочу спать.

Непомерной тяжестью Татьяна оперлась о Лидочку, Роза без пользы суетилась с другой стороны. Они миновали прихожую и вышли на лестничную площадку. Тут Татьяна начала оседать, ноги ей отказывали. Буквально волоком Лидочка перетащила ее к Розе. Она хотела бежать за помощью, но тут им навстречу вышел невысокий квадратный человек с очень короткими кривыми ногами, затянутыми в тренировочные брюки — муж Розы. Так что теперь у Лиды появился помощник.

Роза постелила Татьяне на диване в большой комнате и велела мужу выключить телевизор, чем он был недоволен.

Муж ушел, а Лидочка, начав раздевать Татьяну, увидела, что той стало плохо, Роза быстро побежала за тазом...

Прошло, наверное, чуть более получаса с тех пор, как Лидочка покинула квартиру Алены, за это время Татьяна Иосифовна заснула.

Лидочка поспешила обратно — она не хотела упустить Константина. Ей казалось, что он может рассказать что-то нужное. На кухне Константина не было, не сидел он и за столом. Некоторое время Лидочка утешала себя надеждой, что он скрывается в ванной или туалете. Но вскоре от этой мысли пришлось отказаться.

Лидочка спросила про Константина у Сони, которая сидела на кухонном подоконнике, обнявшись с подружкой. Они пели в два голоса романс «Калитка», написанный, как известно, великим князем Константином, и никак не прореагировали на Лидочку.

— Соня, — снова повторила Лида, — ты не видела, Константин ушел?

— Какой Константин? — недовольно бросила Соня, которой испортили песню.

— Такой вот... на собаку похожий.

Сонькина подружка хихикнула:

— Лет сорока — пятидесяти, грузный. Он мне сказал, что он наследник Маргариты.

Сонька пожала плечами.

— Неужели ты его не знаешь?

— Никогда не видела. А откуда он узнал про Аленку?

— Говорит, что прочел в «Московском комсомольце».

— С такими надо быть осторожными, — заметила подружка, — такие приходят, все высматривают, а потом убивают.

— Здесь уже некого убивать, — сказала Лидочка.

— Всегда есть кого убивать, — возразила подруга.

— Я спрошу у Татьяны, — предложила Лидочка и тут же вспомнила, что сама только что уложила Татьяну спать.

— Спроси, — равнодушно заметила Соня. — Авантюрист какой-то.

Она слезла с подоконника.

Она тоже будет толстой, как Татьяна, подумала Лидочка.

Лидочка возвратилась в комнату. Там стало свободнее, потому что присутствующие сгруднлись по группам — однокашники, соученики по институту, сослуживцы. Каждый говорил о своих делах.

Соня, которой испортили песню, прибежала из кухни и спросила, кто будет пить чай, а кто — кофе. Но на нее закричали, что еще не все выпито и Алена обидится, если они так рано уйдут. Соня выругалась себе под нос и снова ушла на кухню. Ей с трудом давалась роль хозяйки дома — она была большой лентяйкой.

Лидочка не стала ждать, пока допьют водку. Она тихонько ушла. На лестничной площадке тоже стояли люди и пьяными голосами выясняли отношения. На Лидочку никто не обратил внимания.

* * *

Шел густой, вялый снег, и оттого было очень тихо.

Лейтенант Шустов поджидал Лидочку на улице. Он курил, Лидочка сначала увидела красный глазок сигареты и потом — темную фигуру. От усталости ей даже не было страшно.

— А я кончил дежурство, — сказал он, забыв поздороваться, — и решил погулять, свежим воздухом подышать. Как прошли поминки?

Лидочка не удержалась и засмеялась.

— Вы чего?

— Так спрашивают о субботнике.

— А как еще спросить? — почему-то обиделся Шустов. — Как вам рыдалось?

— Не старайтесь быть грубым.

Они пошли к площади Тишинского рынка. Лидочка была благодарна лейтенанту, что пришел встретить.

— А сегодня опять на Петрика покушались, — сказала она лейтенанту.

— Знаю, — ответил тот. — На Александра Петренко.

Он не договорил — она поняла: «Поэтому вас и встречал».

— Он уедет?

— Черт его знает. Может, его и там достанут. У него долги. Неплатежи. На него наезжали, но пока безрезультатно. Хотя обычно они не успокаиваются.

— А вы их знаете?

— Заказная работа.

— Мне странно, — сказала Лидочка, — как я попала в эту историю. Как бы с двух сторон, а сошлись в крематории — Петренко и Алена.

— Петренко пока живой, — возразил лейтенант.

Их обогнала медленно ползущая патрульная машина.

Лейтенант увидел, поднял руку, показывая — проезжайте. В тишине сквозь завесу мягкого глухого снега было слышно, как в машине засмеялись.

— А что будет с Осетровым? — спросила Лидочка.

— Прокурор завтра даст ордер на его арест.

— Разве это так нужно?

— У прокурора свои дела, он не уверен в себе, хочет отличиться.

— А вы думаете, что ее убил Осетров?

— Ничего я не думаю. Меня другое интересует.

Несколько шагов они прошли молча, видно, лейтенант надеялся, что Лидочка задаст ему вопрос — что же интересует лейтенанта. Лидочка не задала вопрос, и Шустову пришлось отвечать самому.

— Меня интересует, — сказал он, — почему Алена не оставила прощального письма.

Лидочка отметила, что он тоже стал называть погибшую женщину Аленой, как и все.

— А разве это обязательно?

— Для таких особ, как Алена, практически обязательно. Если кончает с собой молодая женщина, да еще от несчастной любви, она обязательно оставляет письмо. Человечество должно знать, почему и кого оно потеряло.

— Не старайтесь выглядеть циником.

— Я говорю правду, а вы делаете вид, что мир построен из шоколада.

— Я хотела бы, да кто мне даст? И что вы думаете о письме?

— Вернее всего, объяснение самое простое — Осетров приехал к ней ночью, увидел тело, перепугался, потому что в письме, разумеется, говорилось о его вине. «Прошу в моей смерти винить бывшего работника ЦК КПСС, соблазнителя невинных девушек, товарища Осетрова».

Лидочка поморщилась, но не стала снова придираться к словам лейтенанта. Может быть, ему именно этого и хотелось.

За ярко освещенным окном бывшего обувного магазина стояли американские автомобили. Снег перестал, но не растаял и искрился под фонарями — дневная грязь была прикрыта им, как белой простыней. Этот образ преследовал Лидочку и не означал чистоты или непорочности — наоборот, он пугал тем, что скрывается под простынкой.

— Вы не думаете, что он ее убил, — сказала Лидочка.

— Маловероятно. Я и следователю сказал, что маловероятно. Для этого надо придумать душещипательную сцену — он приходит к ней, и она ему говорит, что, мол, больше не могу терпеть двусмысленности своего положения! Я намереваюсь покончить с собой... Вы меня слушаете?

— Разумеется, Андрей Львович.

— Хорошо, говорит тогда Осетров. Кончай с собой, любимая. Но он знает при этом, что на самом деле ей очень хочется жить. И самоубийство будет условным.

— Вас убедила в этом Соня?

— И ее мать. Они обе мне сказали, что Алена и раньше обращалась к таким методам воздействия на мужчин, когда проигрывала битву. Она не знала, что подобные психозы всегда плохо кончаются. Об этом давно известно в судебной психиатрии. В один прекрасный день красавица принимает слишком много таблеток и засыпает навсегда.

— Но с чего вы решили, что она вообще пила эти пилюли? Может быть, они пили чай, и Осетров подсыпал ей яду.

— Я об этом подумал, но наш патологоанатом разрушил эту версию. Помимо цианистого калия она приняла и достаточно снотворных, чтобы проспать двое суток.

Они свернули в переулок. В переулке было очень тихо. Так тихо, что Лидочке сразу вспомнилось раннее утро и звук тормозов машины, подъехавшей к дому.

Лейтенант поддержал ее под локоть. Это было излишней заботой, но глупо вырывать локоть у представителя закона, пока он не начал целоваться.

— Ну и что же, — упрямилась Лидочка. — Она ему говорит: смотри, как я погибну у тебя на глазах. И начинает... Нет, не получается.

— Вот именно.

— Значит, вам кажется, что Осетров тут ни при чем?

— Я так не сказал. Но я с ним поговорил. Это человек холодный и пуганый. Они в ЦК все пуганые. Но он мог ее по голове чем-нибудь стукнуть, даже задушить. Но сыпать ей яд в чашку... кстати, и чашки не было.

— Они что же, чай не пили?

— Вы начитались иностранных романов, Лидия Кирилловна. В шесть он забегает к ней с хозяйственными сумками, на пять минут, чтобы отговорить от глупостей, и просит не звонить ему домой по телефону. Она еще жива. Вы не представляете, сколько мы ее окурков в квартире нашли. Она весь вечер была жива. Ходила по квартире, курила, наливалась ненавистью слабого человека — а как слабый человек мстит? Он обижает, убивает сам себя — смотри, что ты, подлец, наделал! Наконец, уже ночью она позвонила ему и сообщила, что она себя убила. Он мчится к ней. Он зол, как последняя собака, — вот тут он мог бы ее пристукнуть или задушить. Может, даже мечтал задушить! Но когда увидел, что она на самом деле мертва, то растерялся — уж этого он никак не ожидал. Даже когда испугался, все равно не верил. И он начал вести себя как обыкновенный неопытный преступник.

— Все же как преступник?

— Он сам себя таковым считает. Он ее довел до смерти. Ведь не вы, не я, а он довел, значит, он — преступник.

— Но он ее не убивал!

— Это дело второе. Вы сейчас говорите о масштабе преступления. Так вот, будь он христианином или люби ее на са-

мом деле — он бы вызвал милицию, он бы покаялся. А тут мы имеем дело не с христианином и не с моральным человеком, а с работником аппарата ЦК.

— Вы обобщаете.

До ее дома оставалось метров сто, они замедлили шаги. Шустов хотел договорить, а Лидочке было интересно его слушать.

— Как неопытный преступник, он начинает совершать ненужные действия, которые его и выдают. Он стирает повсюду отпечатки пальцев. Так что, когда я попросил Красильникова проверить комнату, оказалось, что все вытерто, будто воры поработали в перчатках. Ну какого черта любовнику стирать отпечатки пальцев, а заодно не только свои, но и Аленины?

— Глупо, — согласилась Лидочка.

— Это сразу же бросает на него подозрение.

— Бросает.

— Потом он решает вообще изъять все следы своего пребывания в доме. А так как он к ней ходит давно...

— Вам и это известно?

— А почему бы и нет? Всей Москве известно, а мне неизвестно?

— Продолжайте, сэр.

— Раз он ходит к женщине три года, а она живет одна, то постепенно в ее доме накапливаются его вещи и вещицы, а может, и его некрупные подарки. Он бегает по квартире и уничтожает следы своей дружбы... — Лейтенант остановился, достал сигареты, закурил и, не двигаясь с места, заметил: — Вообще-то говоря, мне этот Осетров как человек не нравится, холодный, но суетливый.

Лидочка кивнула.

— А куда ему все спрятать? Тут он видит ту самую вашу шкатулку. Как неопытный преступник, он высыпает из шкатулки пуговицы и нитки и сует туда свою зубную щетку, письма и открытки. Вы знаете, что ни писем, ни открыток от него не обнаружено? А это тоже характерный признак. Ну, не может так быть, чтобы он в лучших традициях большевистской конспирации ни строчки ей за три года не написал!

— Значит, он ликвидировал свои следы...

— И обратите внимание, Лидия Кирилловна, он же принес шкатулку — единственную чужую и не нужную никому вещь... Но ведь то, что было в шкатулке, он уже утопил... Или спрятал на нижней полке шкафа.

— Кстати, — заметила Лидочка, чувствуя, что подошло время расстаться — ей уже хотелось поскорее спрятаться в свой домик, где с утра комендант Каликин вставил второе стекло в кухонное окно. Она очень устала за день. Не столько, конечно, физически, как от постоянного и неприятного нервного напряжения. — Кстати, когда вы мне отдадите шкатулку? Тем более что на нее нет хозяина.

— Я должен ее пока придержать, — без особой уверенности в голосе сказал Шустов. — Он же ее добровольно выдал.

— Потому и выдал, что она никакой ценности для него не представляла и ему не принадлежала.

— Но где доказательства, что она — ваша?

— Я об этой шкатулке уже неделю всем талдычу. Я познакомилась с Татьяной Иосифовной и Соней только из-за этой шкатулки. Я даже стала поверенным чувств этого семейства из-за шкатулки. Ну как я могла сообразить, что Алена покончит с собой раньше, чем я успею забрать у нее мою шкатулку?

— Хорошо, я подумаю, — ответил Шустов. — Вы мне завтра позвоните?

— Когда?

— С утра, хорошо?

— И вы мне вернете шкатулку?

— Вообще-то говоря, ее должна опознать Татьяна Иосифовна.

— Она ее в глаза не видела!

— Ну что я тогда могу поделать?

— Поговорите с Соней. Это именно Соня сказала мне о шкатулке. Она помнит ее, она ее узнала по моему описанию...

— В такие моменты жизни женщин волнуют шкатулки, коробки, иголочки... — с напускным презрением заявил Шустов.

— Что ж, так мы, женщины, устроены. Поэтому мы остаемся низшими существами на этой планете.

Шустов неловко засмеялся — ему показалось, что он обидел спутницу. Лидочка не стала его переубеждать.

— Я завтра вам позвоню, — обещала она и убежала в подъезд.

В подъезде Лидочка обернулась — сквозь стекло двери было видно, что лейтенант не спешит уходить — ждет, закуривает.

Поднявшись к себе, Лидочка сразу пошла к кухонному окну. Не зажигая света, она приблизилась к стеклу и помахала

лейтенанту, который смотрел на окно. Тот, угадав Лидочку, поднял руку, помахал в ответ, выкинул в снег сигарету и быстро зашагал прочь.

Глава седьмая

ГДЕ ОСЕТРОВ?

Когда Лидочка позвонила Шустову утром в понедельник, Соколовская сказала, что он забегал в самом начале дня, а потом уехал на происшествие. Соколовская сообщила это особенным официозным голосом, призванным дать понять неким много себе воображающим особам, что свет не сошелся и никогда не сойдется клином именно на них — у настоящего мужчины найдутся дела и поважнее. По сути дела, Соколовская была права — смерть Алены Флотской была лишь одним из многочисленных эпизодов деятельности лейтенанта. Тем не менее Лидочка почувствовала раздражение против Соколовской. Ведь Лидочке лишь нужна собственная шкатулка, которую Шустов вряд ли сможет ей отдать, потому что теперь она перешла в разряд вещественных доказательств.

Так и не узнав у Соколовской, когда лейтенант возвратится, Лидочка сгоряча хотела было позвонить Соне, чтобы упросить ту воздействовать на Шустова. Соня же словно почувствовала, что Лидочка разыскивает ее, и позвонила сама.

— Ну как ты? — спросила она, не представляясь, словно подружка, выясняющая, не ломит ли у тебя голову после вчерашней попойки. Но Лидочка уже начала привыкать к Сониной бесцеремонности. Конечно, можно бы произнести в этом случае сакраментальную фразу о грубой оболочке, которая скрывает тонкую и трепетную натуру, но это было бы бесполезно, так как Лидочка понимала, что Соня предпочитала общаться с миром, выпустив коготки, потому что ничего хорошего от него не ждала.

— Спасибо, хорошо.

— Чего вчера так рано ушла?

— А почему мне надо было оставаться?

— А мы неплохо посидели, — сказала Соня. — Так ведь, без несчастья, и не увидишься. Жалко даже, что Аленки с нами не было — она была бы довольна.

Соня не притворялась. Она и на самом деле предпочла бы увидеть Алену на ее же похоронах — посидели бы вместе.

— У тебя ко мне какое-нибудь дело? — спросила Лида.

— Я не вовремя позвонила? — Соня сразу насторожилась, она уже была готова обидеться.

— Нет, вовремя, я не занята, не надувайся заранее, — ответила Лидочка. — Просто я сама собиралась тебе звонить, потому что надо посоветоваться.

— Давай, говори, у меня срочных дел нет.

— Я тебе говорила, что Осетров сдал в милицию шкатулку?

— Ага. Он в ней свои драгоценные подарки и запасные подштанники унес. Знаю, знаю.

— Но как честный человек...

— Как честный коммунист!

— Не перебивай старших. Он принес пустую шкатулку и отдал Шустову по принципу — мы чужой земли не хотим.

— Значит, с концами — теперь этот Шустов ее сопрет, и потом они ее спишут. Так всегда бывает. Только ты свою коробку и видела!

— Иногда милиция не так ужасна, как тебе представляется, — возразила Лидочка. — Шустов рад бы вернуть мне, но не знает, как это оформить. Ведь на шкатулке не написано, что она — моя.

— Ты думаешь, что если я скажу Шустову, чтобы он тебе шкатулку вернул, потому что в частных беседах с покойной мы неоднократно этот вопрос обсуждали и нас останавливало только то, что мы забыли твой адрес, он сразу же тебе шкатулку отдаст?

— Примерно так.

— Черта с два — отдаст! Ведь Аленка не знала, что это твоя шкатулка. Откуда ей знать? Ей от бабушки досталась коробка — я сама об этом узнала, только когда мы с тобой у Татьяны были. И я не спешила признаваться — сначала хотела с Аленкой посоветоваться — отдавать или оставить. Я тебе потом, помнишь, лапшу на уши вешала, будто Татьяна испугалась.

— Извини, я снимаю свою просьбу, — сказала Лидочка. Соня была права. И просить Соню сказать неправду Лидочка не хотела.

— Лида, послушай моего совета. Тебе этот лейтенант симпатизирует. И не спорь — по глазам видно. Красавчик рад был бы тебя трахнуть, пока твой муж в командировке. Так что не теряй времени. Дай ему, и шкатулка твоя!

— Соня!

— Надо шутки понимать. Но дело не в этом. А дело в том, что Шустов придумает что-нибудь, чтобы эту шкатулку тебе отдать — кому она нужна? Включая тебя.

— Но для меня она — символ. Символ того, что я все же отыщу вещи деда.

— Позволь тебе не поверить. Но делай, как знаешь. И Шустову не говори, что со мной разговаривала. То, что знают двое, — тайна. То, что знают трое, — газета. Я ничего не слышала, ничего не видела и ничего не скажу, как Зоя Космодемьянская. Подлизывайся к лейтенанту, говори, что в любой момент можешь получить подтверждение от меня, Татьяны, черта полосатого...

— Может быть, ты и права.

— Я всегда права. У меня жизнь нелегкая.

— Я тебе могу чем-нибудь помочь?

— Беда невелика, но для меня — проблема.

— Расскажешь?

— Вообще-то, не телефонный разговор.

— Нужны мы с тобой кому-нибудь?

— Хотя пускай слушают. В общем, мы с Аленкой собирались в круиз по Средиземному морю: Турция, Греция, Каир, Святая земля и домой. Чтобы на мир поглядеть и немного прибарахлиться. Все мы люди небогатые, я тебе скажу, деньги были очень нужны. Аленка даже к своей мамаше метнулась — та ее послала куда подальше. Ну, сама виновата, я предупреждала — на Татьяну где влезешь, там и слезешь. В общем, я для нее достала три сотни баксов у Петрика. Ну, тогда Петрик был на коне, а теперь он сам хочет смотаться.

— Петрик тебе одолжил?

— Он отстегнул мне деньги, даже не считая. А теперь надо бы вернуть. Как ты сама понимаешь, эти денежки спокойно лежали у Аленки — сдавать их на той неделе, до круиза еще почти месяц. А когда я утром к Аленке попала и увидела, что она померла, я так перепугалась, ну прямо в шоке была, я о деньгах и не подумала. Понимаешь?

— Понимаю.

— А уже вчера утром мне Петрик позвонил и спросил, как баксы. Ну, он в кризисе, его тоже понимать надо. Сейчас я уже себя прокляла.

— Почему прокляла?

— Вчера я сказала Петрику, что я ему деньги верну. Я же знаю, где Аленка деньги держит. У нас с ней тайн не было. Под вешалкой в коробке с гуталином — по принципу Шерлока Холмса — прячь на виду, где грабителю в голову не придет искать.

— А их там не оказалось.

— А откуда ты знаешь?

— Иначе зачем ты мне всю эту историю рассказываешь.

— Их там не было. С ума сойти! Но ты понимаешь, что это не мог сделать чужой?

— Да, наверное, он бы все перевернул...

— Есть три кандидатуры. Первая — твой лейтенант!

— Разве они обыскивали квартиру?

— Насколько мне известно — нет. Я вчера с кладбища прибежала самой первой, чтобы готовить, там двое наших из института были, а Татьяна с нами в крематории. Так что я посмотрела, под вешалкой — пусто. Это не оправдывает лейтенанта — конечно, он мог это сделать. Но он должен был догадаться о коробке под вешалкой. И о том, что у Аленки баксы есть.

— Маловероятно, — сказала Лидочка. — Вторая подозреваемая у тебя Татьяна Иосифовна.

— А почему бы и нет? — агрессивно откликнулась Соня. — Чем она лучше других?

— Ей под вешалку не залезть.

— Ты знаешь, Лид, я то же самое подумала — ей надо на пол сесть и ползти. Согнуться эта тумба не сможет. К тому же она видалась с дочкой раз в году, а то и реже. И они друг дружку не выносили как кошка с собакой. Даже если Татьяна что и подозревала... Впрочем, не исключено!

— И подозреваемый номер раз — Осетров, — сказала Лидочка.

— Номер ноль! Ты думаешь, он не знал про коробку? Да я сама слышала, как он уговаривал Аленку найти для ухоронки более достойное место. И наверняка он знал, сколько у нее там спрятано. Да, в конце концов — почему ей от него скрываться, если он все время делал вид, что не сегодня-завтра на ней женится. Кинет свою недокормленную галошу и женится на нас, прекрасных, молодых.

— Ты думаешь, что он ночью...

— Я уверена. Я так и вижу — он шастает по квартире, ледяная душа, перешагивает через Аленкин труп, свои подштанники собирает, открытки из Гонконга, чтобы следов не оставалось — в лучших традициях ЦРУ стирает отпечатки пальцев...

Здесь Соня оказалась догадливой, как Нострадамус.

— А потом вспоминает, что под вешалкой лежат баксы. И он спокойненько берет деньги и думает: кто теперь будет спрашивать с Алены? Хотя отлично знает, что это я брала для нее у Петрика, а

Петрик — не сахар, не пай-мальчик. Он свое всегда получит. А с кого он будет получать, если у меня такое материальное положение? С девочки по имени Софья-мученица. Скажи, Лида, почему человеку так не везет в жизни?

— Но вряд ли Петренко будет иметь к тебе претензии.

— Дорогая моя Лидия, у меня такое впечатление, что ты провела детство и юность где-то в райских кущах, где мальчики не обижают девочек и даже не таскают их за косички. Почему Петрик будет меня жалеть?

— Ну вы же с ним вместе учились, он твой приятель.

— Слушай, когда это было? В третичном периоде. Романтическое увлечение в десятом классе, когда можно было потискаться на дискотеке. С тех пор прошло миллион лет, и возникло новое поколение любимых женщин.

В голосе Сони звучала искренняя горечь. Видно, для нее миллион лет пролетел слишком быстро.

— Ты боишься, что он тебя заподозрит?

— Ему не нужно меня подозревать. Это его бабки, я должна их вернуть. Все ясно, как в газовой камере. Может быть, эти триста баксов для Петрика сейчас — мелочевка, семечки, а может быть, именно их ему не хватает, чтобы вырвать когти из навоза. Только я об этом никогда не узнаю — удар в сердце, и справедливость торжествует.

— Соня, ты порешь чепуху. Ну хочешь, я поговорю с Петриком?

— О чем? О звездах и луне?

— Я наберу как-то эти триста долларов.

— Чтобы я потом была твоим неоплатным должником? Нет уж, дудки! Лучше пускай меня прирежут в переулке. От руки бывшего возлюбленного... Ах ты, Петрик, ах ты, сукин сын, опять по химии двойку схватил! — Соня говорила, как пьяная, но была не пьяна, а близка к истерике. От злости, унижения и страха. Она в самом деле очень боялась, что с нее спросят пропавшие деньги. И, конечно же, это был не просто долг — какие-то бывшие, а может, и не до конца прошедшие отношения с Петриком, который дал ей в долг значительную сумму, влияли на настроение Сони. Обрати внимание, сказала себе Лидочка, ведь просила у богатого Петрика не Алена, а ее подруга.

— Господи, как она меня подвела, как она меня подставила! — закричала в трубку Соня, и тут же раздались короткие гудки.

Конечно, обидно, очень обидно. Любому было бы обидно,

думала Лидочка, кладя трубку на рычаг. Ты несешься к ее матери, чтобы спасти подругу от опасности, от срыва... а та умирает и оставляет тебя расхлебывать ее дела... Лидочка поймала себя на том, что даже думает словами и образами Сони.

Соня позвонила снова минут через пять. Она все еще всхлипывала. Она попросила прощения за срыв, потом выразила желание собственными руками задушить Осетрова. Убить женщину, которая ему отдавала все, и потом ограбить ее. Ну последний подонок, ну самый последний коммуняка!

Лидочка не хотела спорить. Единственно, чтобы восстановить справедливость, возразила:

— Шустов не думает, что Осетров убил Алену.

— С чего это он оправдал его? Однопартийцы?

— Нет, он считает, что Осетров вел себя не так, как должен был вести себя убийца.

Лидочка слышала свой голос и понимала, насколько наивно и неубедительно звучали ее слова.

— Шустов, конечно, лучше меня знает, как себя ведут убийцы. Но пускай он предложит нам другую кандидатуру. Хоть какую-нибудь! Где тот человек, который мог прийти ночью к Аленке, которого бы она, при ее трусости, пустила бы в дом, которому позволила бы подсыпать себе в кофе или чай отравы... нет, ты только представь! Я такого человека не знаю.

— Я уж тем более не знаю.

— Значит, методом исключения, ее убил Осетров. Сначала морально раздавил, измучил, а потом и убил. Все ясно как божий день.

— Слишком просто получается, — возразила Лидочка.

— Слишком просто для тех, кто начитался Рекса Стаута. Ты лучше спроси у своего Шустова — он скажет, что все русские убийства раскручиваются через полчаса. Если они, конечно, бытовые, семейные. Деньги или не уважил. А вот если заказные — они никогда не найдут. Кто в Петрика стрелял — каждая собака знает. Это аварцы, которых Китайчик нанял. И что? А ничего.

— Осетров не произвел на меня впечатления убийцы.

— Ну вот! — Соня тяжело вздохнула. — На тебя не произвел! Да если бы он производил, его бы никогда в ЦК не взяли. В ЦК нужны такие убийцы, которые с первого взгляда не похожи на убийц.

Так как Лидочка промолчала, Соне пришлось довести атаку до конца.

— В любом действии, я скажу тебе, есть человек, которому оно выгодно. В любом преступлении надо искать того, кому это нужно. Из всех знакомых Аленки лишь Осетрову Аленка мешала. Угрожала спокойствию. И к тому же у него была возможность — мы с тобой за городом, даже Петрик, хоть он и ни при чем, — в больнице. Кому нужно убивать беззащитную и безобидную бабу, кроме любовника, которому она надоела? Уж не нам с тобой! Ты свою шкатулку искала, я свои триста баксов ждала с прибылью в тридцать процентов. Дождались, коммерсанты...

С Соней было трудно не согласиться, Лидочка понимала, что ни она, ни лейтенант Шустов всей сложности жизни Алены, всех ее отношений не знают и знать не могут. Может, даже и всезнающая Соня далеко не такая всезнающая, как самой себе кажется.

— Так чего ты мне звонила? — спросила Лидочка.

— Ты не очень вежливая.

— Я рада бы тебе помочь, но не знаю как.

— Но если в самом деле меня прижмет так, что возникнет угроза для моей жизни, ты мне сможешь на короткое время ссудить триста баксов?

— Я постараюсь.

Все это было похоже на дамский роман с переживаниями, хотя переживания — триста долларов, потерянные из-за смерти подруги, — не очень подходили для изящного романа.

— Соня, прости, но я жду звонка...

— Все понятно. Мне предлагают закрыть дверь с внешней стороны.

Соня повесила трубку.

Так как у Лидочки все равно не было сейчас под рукой трехсот долларов, да и не была она убеждена в том, что Соне на самом деле грозят какие-то страшные беды, то Лида выкинула из головы историю с пропажей денег и села работать, время от времени позванивая Шустову, но там никто не подходил. В три часа Шустов взял трубку. Он был озабочен, почти сердит, и Лидочка сразу забыла заготовленные укоризненные фразы. Оказывается, как объяснил лейтенант, в доме на Малой Грузинской местный тихий алкаш озверел без выпивки, залез к соседу по квартире, а тот проснулся, стал кричать, и алкаш зарезал соседа и его жену с маленьким ребенком.

Эту историю Лидочка выслушала еще раз, когда пришла к Шустову через полчаса.

— А он, понимаете, достал из холодильника бутылку и упился до бессознательного состояния. Он и сейчас дрыхнет — а потом будет клясться, что ничего не помнит. А сколько крови — вы бы поглядели...

Лидочка видела, как удручен милиционер, и потому не мешала ему выговориться. И милиционеру порой нужен собеседник, который умеет слушать и, главное, сочувствовать. Лидочка этим качеством обладала.

— Ну ладно, — сказал Шустов. — Хватит. Простите, что я такой сегодня. Все наперекосяк.

Он поднялся, открыл рыжий железный шкаф. Шкатулка лежала в нем на боку, иначе не помещалась.

— Кстати, — сказал Шустов, доставая шкатулку, — прокурор дал ордер на арест Осетрова.

— Для вас это неожиданность?

— Нет. Хотя я остаюсь при своем мнении — не похоже, чтобы Осетров это сделал. Но ряд улик указывают на него. Да и, честно говоря, просто некому больше было на это пойти.

— У него был мотив и удобные обстоятельства, — повторила чужие слова Лидочка.

— Вот именно. У вас мешок или сумка есть? Куда положите свой сундук?

— Мне неловко, что из-за меня вы, быть может, нарушаете какие-то инструкции, — произнесла Лидочка, понимая, что зря она это говорит — сейчас лейтенант спохватится и поставит шкатулку обратно в шкаф.

— Инструкции придумывают люди, — наставительно сказал милиционер, — и они не умнее нас с вами. Что мне с этим сундуком делать? Вы мне расписку оставьте и держите сколько нужно. Обязательно укажите в ней размер и материал. Если объявится другой владелец, тогда и посмотрим. Но чтобы по первому моему требованию возвратить, ясно?

Все-таки он подумал о расписке — доверяй, но проверяй, а она полагала, что Шустов немного в нее влюблен и готов ради ее прекрасных глаз забыть о формальностях.

Лидочка уселась за стол Инны Соколовской, чтобы написать расписку, а Шустов между тем стал сочинять какой-то отчет. Он так углубился в работу, что с трудом оторвался, даже удивился, увидев, что Лидочка стоит перед ним и протягивает ему расписку. Он принялся ее читать, в этот момент дверь отворилась, и в кабинет заглянула женщина.

— Здесь лейтенант Шустов? — спросила она.

— Я лейтенант Шустов, — ответил Шустов, продолжая читать расписку.

— Я Осетрова. Галина Поликарповна Осетрова. Это вам что-то говорит?

Лидочка не сразу сообразила, что видит жену страшного соблазнителя. Потому что придумать более безобидное, серое и даже робкое создание было невозможно.

Жена Осетрова была выше среднего роста, но так худа и сутула, что казалась совсем маленькой, и глаз непроизвольно искал палку или даже клюку, которая бы ей подходила. Когда она говорила, то обнажала золотые зубы, что было уж совсем странно для супруги такого ответственного работника.

— Осетрова? — повторил Шустов, не сразу связав эту женщину именно с тем Осетровым.

— Да. Я — супруга Олега Дмитриевича Осетрова.

— Ах да, конечно, садитесь.

Шустов был настолько удивлен, что забыл о правиле — сначала отпусти предыдущего посетителя, затем занимайся с новым. Лидочка стояла, отступив к столу Соколовской, на котором стояла шкатулка. Она и не могла уйти, потому что Шустов не успел дочитать расписку.

Сбоку ей хорошо было видно жену Осетрова. Когда-то она была хорошенькой официанткой или продавщицей, с незначительным, добрым, простым лицом и чудесными русыми волосами. Теперь волосы стали пегими, седыми в основании — давно не красилась, — глаза выцвели, кожа потеряла свежесть, да и за ногтями Галина Поликарповна не удосуживалась следить — она была российской женой, давно махнувшей на себя рукой и казавшейся старше своего мужа. Впрочем, вряд ли он выводил ее в свет.

— Ничего, — сказала Осетрова, — я постою.

— Что случилось? — спросил Шустов.

— Мой муж исчез.

Разговор звучал деловито и просто.

— Когда исчез?

— Он вчера уехал на похороны этой... этой...

Женщина проглотила слюну. Видно было, что в ее воображении слова, которыми она именовала Алену, были столь ужасны, что она не могла найти среди них достаточно мягкого, чтобы можно было произнести его вслух.

И тогда Лида поняла: вот кто мог убить Алену, совершенно

спокойно, без чувства вины, потому что Галина Поликарповна защищала не себя, но семью, — репутацию Олега, все святое, чему она отдавала жизнь.

— Вы обратились в милицию по месту жительства? — спросил Шустов.

— Зачем? — сказала она. — Я же знаю, что вы подозреваете Олега Дмитриевича. Он мне все рассказал. У нас секретов нету.

Неправда, у вас секреты есть. И немало секретов — только в самые отчаянные критические моменты вы забываете о секретах.

— Уже сутки прошли. Почему вы не обратились раньше?

— Я не знала, где он — он же пошел на поминки этой... пошел, на поминки и выпил лишнего, домой пришел поздно. А сегодня утром его уже не было.

— Так с ним бывало?

— С мужчинами так бывает.

— Откуда вы знаете, в каком отделении милиции ведется дознание?

— Так она почти напротив жила! — Галина Поликарповна показала в направлении дома Алены, и Лида поняла, что она не раз бывала там, может, даже выслеживала мужа и саму Алену, может, даже мысленно планировала ее смерть.

Видно, эта мысль посетила и Шустова. Неожиданно он спросил:

— Вы разговаривали с ней?

— С кем?

— С Еленой Флотской, с гражданкой, которую убили.

— Я видела ее. Мне достаточно.

— А когда вы с ней разговаривали?

— Не нужно мне с ней разговаривать.

— И тем не менее вы с ней разговаривали. Вы просили ее оставить вашего мужа в покое?

— Товарищ милиционер, я пришла к вам, потому что Олег Дмитриевич пропал. Я всех его знакомых обзвонила. Его нигде нет. Случилось что-то ужасное. А вы сейчас обсуждаете, разговаривала я с этой шлюхой или не разговаривала. Да, разговаривала! Я унижалась перед ней! Я умоляла ее сохранить нашу семью!

— Когда это было?

— В тот вторник.

— В день убийства?

— Какое еще убийство! Ее Бог покарал.

— Вы садитесь, пожалуйста, — сказал Шустов, оглядывая визитершу. О Лидочке он забыл. — Садитесь и расскажите, при каких обстоятельствах вы видели Елену Флотскую.

— Вы с ума сошли! Вы обязаны найти Олега Дмитриевича. Он в опасности! Я знаю!

Галина Поликарповна вдруг почувствовала взгляд Лидочки и обернулась к ней.

— Пускай она уйдет! — потребовала Осетрова.

— Лидия Кирилловна, — опомнился Шустов. — В самом деле! Вы мне позвоните?

— Хорошо. Спасибо, — Лидочка взяла со стола шкатулку. — Я расписку вам оставила.

Она двинулась к двери, но у двери ее догнал голос Шустова. Этого она и боялась.

— Лидия Кирилловна, одну минутку. У меня вопрос к Галине Поликарповне. Вы видите шкатулку в руках гражданки Берестовой?

— Вижу, вижу, — нетерпеливо откликнулась Осетрова.

— Приходилось ли вам видеть эту шкатулку раньше? В вашем доме?

— Нет, не приходилось. Когда же, наконец, вы начнете со мной говорить по делу?

И в ее голосе прозвучали такие особенные советские командные нотки, что Лидочка вдруг поняла, что Галина Поликарповна не простая мышка, а именно женившись на ней, Осетров прорвался в верхние эшелоны власти. И Лидочка даже представила себе, как эта мышка с чудесными волосами, невеста номер один, дочка члена ЦК, обратила свой лукавый взор на высокого красавца, секретаря комсомольской организации факультета... Какого факультета? Философского? Журналистики? А может, это случилось в МГИМО?

Тут Лидочка, заставив себя прервать поток воображения, закрыла за собой дверь в кабинет Шустова.

Она пошла по коридору, все ускоряя шаги. Мимо дежурного у выхода она почти пробежала — тот даже удивленно посмотрел вслед бегущей молодой женщине, прижимающей к груди большую шкатулку. Выбежав из отделения, Лидочка повернула налево, нашла скамеечку в промежутке между домами и, вытащив из сумки большой пластиковый мешок с изображением обнаженной красавицы, засунула шкатулку внутрь.

Черта с два я вам ее возвращу, подумала она, уходя проходными дворами подальше от отделения милиции. Я ее потеряла!

* * *

Дома Лидочка поставила шкатулку на стол. Это было почти чудом. Если бы в шкатулке что-нибудь оказалось, чудо было бы невероятным.

Отлично зная, что шкатулка пуста, Лидочка все же открыла ее и внимательно осмотрела стенки изнутри, будто там могли сохраниться следы или надпись, показывающая, на каком необитаемом острове зарыт клад.

Клада не оказалось.

Шкатулка была пуста и чиста.

И даже теперь Лидочка не теряла надежды. Она рассуждала так: если ты отыскал в старой шкатулке тетради, написанные, скажем, в начале века и повествующие о какой-то экспедиции, то будучи интеллигентным человеком ты эти тетрадки не выкидываешь, даже если шкатулка требуется тебе для хранения драгоценных пуговиц и катушек ниток. Ты вынимаешь чужие вещи и кладешь их на книжную полку. А если там есть и черепки, то, вернее всего, ты их не тащишь сразу в помойное ведро, а складываешь в пакет и суешь в чулан. Тем более такой ход событий вероятен, если шкатулку освобождала от вещей сама Маргарита. Маргарита, даже в тяжелые моменты, не стала бы выкидывать вещи, доверенные ей старыми друзьями.

Оставив шкатулку дома, Лидочка побежала в Госстрах по поводу машины Андрея. Правда, перед уходом она сделала странную для непосвященного человека вещь — она спрятала пустую шкатулку в шкаф под белье. Шкатулка заняла так много места, что пришлось часть простыней вынуть. Лидочка не смогла бы и себе объяснить, почему она так бережет шкатулку.

Возвращаясь из Госстраха, Лидочка из метро позвонила Шустову — не удержалась. Она опасалась, что если отложит звонок, то милиционер уйдет домой.

Шустов оказался на месте.

— Как Осетров? — спросила Лидочка. — Вы его нашли?

— Нет, — ответил сыщик, — судя по всему, ваш Осетров в бегах.

— Но его жена считает иначе?

— Его жена может считать, что ей вздумается. Прошли те

времена, когда ей достаточно было поднять трубку и наш министр стоял бы на ушах.

— Значит, я правильно догадалась!

— О чем вы догадались?

— Что папа Галины Поликарповны — бывшая шишка!

— Папа Галины Поликарповны работал в хозуправлении ЦК.

— Папа на пенсии?

— Папа выбросился с шестого этажа, когда стали проверять компартию. Он был одним из распорядителей больших денег. Но нам с вами это неинтересно.

— Нам с вами это интересно, потому что это многое меняет. Вы спрашивали себя, кто имел основания желать смерти Алены?

— Да, но Галина Поликарповна не имела такой возможности.

— Чепуха! — почти закричала Лидочка. — За последние три года она имела тысячу возможностей залезть к мужу в карман, достать оттуда ключи от квартиры так называемой шлюхи и побывать там, когда пожелает.

— Вы думаете, это психологически возможно?

— Ну чему вас учат! Это очевидно, вероятно и очевидно. Муж на изломе — еще толчок, еще удар по карьере, и его выкидывают в консультанты или на пенсию. А ему только-только за пятьдесят. И коммунисты скоро возвратятся к власти. Осетров должен быть чист. У него должны быть хрустальные семейные отношения. И если ради этих отношений мы должны убрать какую-нибудь шлюху, тем хуже для шлюхи.

— Вы слишком категоричны, Лида. Я убежден, что она на самом деле не знает, куда девался Осетров. И это ее беспокоит больше всего.

— Она хочет, чтобы вы ей поверили, что он пропал.

— Пускай тогда она признается, что убила Алену, — наивно предложил Шустов.

— Это все равно бы погубило карьеру ее мужа. Представляете, какое поле для сплетен — Осетров хотел уйти от жены, а жена зарезала любовницу.

— Отравила.

— Жена отравила любовницу! Теперь она в тюрьме ждет расстрела, а Осетров убежал в Монтевидео.

— Куда?

— В Асунсьон.

— Лидия Кирилловна, вы уж, пожалуйста, предупреждайте меня, когда вам хочется пошутить.

— Нет уж, вы сами догадывайтесь!

— Хорошо, постараюсь. У вас еще какие-нибудь вопросы ко мне есть? А то мне надо уходить. Меня ждет следователь.

— Объявляете всероссийский розыск?

— Нет, я к следователю по другому делу, об ограблении. Не думайте, что свет сошелся клином на вашей Алене.

— Она такая же моя, как и ваша. Но вы будете его искать?

— Лидия Кирилловна. Мы имеем дело не с профессиональным убийцей, тем более еще зима не кончилась. Ну куда он денется? Поедет к другу в Саратов?

— У него друг в Саратове?

— Ага, вы тоже попадаетесь в банальные ловушки. Не знаю я, есть у него друг в Саратове или нет. Главное, что в лесу ему не продержаться — он же домашнее животное.

— А если он поедет в Сочи?

— Сомневаюсь. По показаниям его супруги, Осетров покинул дом в лыжном костюме.

— Не может быть! И с лыжами?

— Без лыж.

— Значит, друзья и убежище в Сочи исключаются?

— Вернее всего.

— И надо искать его в охотничьей сторожке?

— Не исключено.

— Поэтому вы и не сочли нужным объявлять розыск?

— Следователь Чухлов — мой старый приятель, — пояснил Шустов. — Никому не нужна лишняя беготня. Он понимает, как и я, что Осетров побегает, побегает и прибежит домой зализывать раны. А жена его отправит к нам.

— А не может быть так, что коммунисты его по своим подпольным каналам переправят в Швейцарию?

— В запломбированном вагоне? — тут Шустов засмеялся. — В лыжном костюме?

— Нет, вы не смейтесь. Я знаю, что у коммунистов есть связи с коллегами за рубежом. У них есть деньги в иностранных банках.

— Это все теория. Но к нашему делу она не относится, — возразил Шустов. — Я думаю, что если бы Осетров был очень нужен партии, его бы не сбросили в отстойник.

— В каком смысле?

— В Тихоокеанский институт. На что им засвечивать каналы, если вся-то возня идет вокруг вышедшего в тираж аппаратчика.

— А раньше?

— Пока был жив и у власти его тесть, он мог рассчитывать на помощь. Тогда бы его жене не надо было убивать Алену. Нашлись бы другие методы, получше и поэффективнее.

— Значит, вы допускаете...

— Лидия Кирилловна, я ничего не допускаю. Я даже не следователь, а простой сыщик. Но я, честно говоря, слабо представляю себе ситуацию, как эта самая гражданка Осетрова сидит вместе с Аленой и пьет с ней чай, пока та принимает таблетки снотворного. А потом говорит: вот у меня здесь еще таблеточка нашлась, добавь к своим.

— Ну а что же тогда?

— А тогда, когда убийство выяснится, окажется все просто. Все убийства выясняются просто.

— Что-то пока вы ничего не выяснили.

— Выясним, никуда они от нас не денутся. Если бы это была люберецкая группировка, или солнцевская, или... скажем, организованная преступность, тогда бы мы махнули рукой. А тут бытовуха. Справимся.

— А знаете ли вы... Я это уже слышала.

— Что?

— Ладно, потом расскажу. Сейчас вам некогда.

Сейчас бы рассказать про триста долларов, которые якобы пропали из квартиры Алены. Ей не хотелось втягивать в это дело и без того пострадавшую Соню. Черт знает, что может сделать этот Петрик, если он узнает, что Соня проболталась Лидочке, а та тут же сообщила в милицию. Может, это окажется тот самый случай, когда милиция разведет руками и скажет: «А что делать? Организованная преступность!»

— Хорошо, до свидания, звоните, если что, — сказал Шустов.

Он умчался по своим, совсем уж чужим делам.

Лидочка понимала, что никому уже, в сущности, нет дела до Алены. Соня теперь больше переживает из-за долларов и сорвавшегося шоп-тура, Татьяна получит квартиру и, возможно, будет далее писать мемуары на Васильевской. У Шустова другие дела, Петрику пора убегать в Швейцарию к своим потайным счетам, что не мешает ему собирать долги по России. Да и Лидочке интереснее узнать, где искать следы содержимого шкатулки. А раз Алена уже не расскажет об этом, придется действовать самой. Лидочка представила, как дух Аленки в ожидании девятого дня, когда можно будет отправиться в чистилище, реет над грешною Москвой, неприкаянный и ни у кого не согревшийся в сердце. Впрочем, может, она несправедлива? Может быть, Осетров сей-

час сидит в уголке охотничьей сторожки и обливается слезами, раскаиваясь в том, что довел до смерти свою возлюбленную.

* * *

Лидочка вернулась к шкатулке.

Шкатулка была теплой, словно ее недавно держали другие руки.

— «Свет мой, зеркальце, скажи», — вслух произнесла Лидочка.

Шкатулка должна помнить, где лежат доверенные ей почти шестьдесят лет назад ценности. Но как заставить ее говорить?

И вновь Лидочка стала строить логическую цепочку, как отыскать пропажу. Если шкатулка нашлась у Алены, то не исключено, что и к Алене она попала с дневниками и находками из Трапезунда. Алена, не зная о ценности, которую они для кого-то представляют, спрятала дневники на антресоли, вряд ли бы она выкинула их на помойку. Обычно люди не выкидывают старые дневники, даже чужие, — суют куда-то в угол. А потом... Лида, не утешай себя. Лишенные защитной шкуры шкатулки, камешки и черепки становятся просто мусором, а дневник — макулатурой. Если Алена набила шкатулку нитками и пуговицами, значит, она считала пуговицы более ценными предметами, чем дневники...

Лидочка позвонила на квартиру Алене, надеясь, хоть и без особых шансов на успех, что малоподвижная Татьяна Иосифовна ее еще не покинула.

Конечно, ставить под сомнение слова откровенной Сони, тем более признаваться в собственном излишнем любопытстве, не следовало. И все же в Лидочке теплилась надежда еще на одно чудо: она спросит сейчас у Татьяны, не заметила ли та, разбираясь в квартире дочери, дневники ее Сергея Серафимовича...

Татьяна подошла на пятый звонок, когда Лидочка уже готова была повесить трубку. Она говорила таким слабым, умирающим голосом, что Лидочку сначала охватил глубокий стыд за то, что она вчера вечером не осталась у Татьяны, чтобы помочь ей убраться или вымыть посуду — вдруг молодежь разбежалась, так и не сообразив помочь старухе?

— Как вы там? — спросила Лидочка. — Как вы себя чувствуете?

— Глупо задавать мне такой вопрос, — ответила Татьяна. — Я по ту сторону усталости. Всю ночь я вывозила грязь, которую

они оставили, а потом накачалась реланиумом, так что чуть сама не отправилась на тот свет.

— Вы сегодня не выходили?

— Куда я пойду в таком состоянии, моя родная? Я отлеживаюсь. Жду не дождусь того момента, когда смогу захлопнуть за собой эту проклятую дверь и вернуться к своим рукописям... Ты почему молчишь? Ты думаешь, что я притворяюсь?

— Нет, я так не думаю.

Татьяна глубоко вздохнула. Потом произнесла тихо, словно ждала отказа:

— Лидочка, нельзя ли попросить тебя о маленьком одолжении?

— Я постараюсь вам помочь.

— Я в этом не сомневалась. Лидушка, если ты собираешься выходить, только, конечно же, специально этого не делай, но если ты собиралась выходить, то, пожалуйста, будь добра, зайди в молочный — у меня совсем нет ни молока, ни масла, — мне это очень нужно. Не могу же я питаться рыбными салатами и копченой колбасой, которая осталась от этого нашествия. Можно подумать, что все так голодны, что специально шляются по похоронам, чтобы потом нажраться на поминках. Это ужасно — ведь теперь все расходы обрушились на меня.

— Но теперь вы можете жить здесь, не тратиться на дачу.

— На дачу я и так не трачусь. А эту квартиру я намерена сдавать, на нее миллион желающих, стоило мне сегодня кинуть клич, как все буквально ринулись. Очень престижный район. Как ты думаешь, двести долларов в месяц — не мало?

— Я не знаю, я не сдавала.

— А я непременно сдам, мне нужно каким-то образом поддерживать в себе силы для работы — я обязана завершить мой труд... Так ты не забудешь?

— Я сейчас схожу.

— Я тебе верну деньги. Как только расплачусь со страшными долгами, в которые мне пришлось залезть из-за Аленки... Если будет приличный сыр, возьми немножко. Только в самом деле немножко. А я пока поставлю чай.

По ходу разговора голос Татьяны становился живее, словно, найдя в окружающем мире живую родственную душу, она с ее помощью выкарабкивалась из пучины бедствия.

Когда же Лидочка через полчаса позвонила в дверь, Татьяна не скрывала радости, что видит Лиду.

— Это просто счастье, что ты обо мне вспомнила! — воскликнула она, глотая слезы. Ее рыхлое тело колыхалось, затопляя маленькую прихожую. — А я с утра на кухне — я стараюсь привести все в порядок... наверное, мне потребуется для этого еще двое суток... Но ничего, я справлюсь, я и не с такими бедами справлялась. И мне никто не помогал. Согрей молока, будь любезна, мне надо обязательно позвонить моему редактору, минуты не было свободной.

Войдя на кухню, Лидочка убедилась в том, что, уходя, сокурсники и сослуживцы забыли убрать посуду и вымыть ее. Но ложью оказалось и утверждение Татьяны, что она старалась что-то сделать с этой посудой. Может быть, она ждала, что на помощь придут соседи, но соседи, понятное дело, боялись побеспокоить скорбящую мать.

Для того чтобы поставить греть молоко для Татьяны, Лидочке пришлось сначала освободить плиту от блюд и тарелок, которые складывали там, потому что у мойки, на кухонном и обеденном столах места уже не оставалось. Татьяна долго не заглядывала на кухню, делая вид, что занята делами творческими, недоступными воображению Лидочки. Появилась она лишь через полчаса, когда Лидочка позвала ее, сообщив, что молоко согрелось.

Так как обеденный стол был уже чист и клеенка вытерта, то Татьяна уселась за него и сделала вид, что именно так всегда и было. Она разговаривала, глядя в спину Лидочке, которая спешила домыть посуду и потому не оборачивалась на голос Татьяны.

Татьяна сначала высказала свое недовольство хамством подрастающего поколения, потом сказала, что Аленка безобразно запустила квартиру, жаль, что Татьяне некогда было приехать и как следует выговорить распущенному ребенку.

— Вы редко встречались? — вставила Лидочка невинный вопрос.

— Редко. Я оставила ей квартиру. Пойми, Лида, я хотела, чтобы у девушки была личная жизнь. Чтобы она не чувствовала себя в девочках.

— И вам удобнее в Переделкине?

— Я привыкла к лишениям, — сдержанно ответила Татьяна, и Лидочка догадалась, что жизнь в Переделкине тоже входит в разряд лишений.

— И вы сюда не приезжали?

— Зачем? У меня своя жизнь, у нее — своя. Мне были чужды ее интересы а ей неприятны мои идеалы.

Тут Татьяна соизволила обратить внимание на гераклов подвиг Лидочки.

— Ну зачем ты это сделала! — сказала она укоризненно. — Ты доставила мне искреннее огорчение. Я бы сама, не спеша, за день все бы убрала. Это для меня не представляет труда — мне в жизни пришлось столько перемыть вонючей посуды... нет, тебе этого даже не представить. Горы, эвересты грязной посуды на тюремной кухне...

Татьяна громко отхлебывала горячее молоко.

— Я сдам эту квартиру, — продолжала Татьяна. — Не из-за денег. Я не смогу жить там, где так ужасно погибла моя Аленушка. Это выше сил человеческих.

Рука Татьяны дрогнула, молоко пролилось на темное, в блестках по вороту, по вырезу на груди, платье. Татьяна быстро стряхнула лужицу на пол, потом взяла у Лидочки салфетку, которую та достала из навесного шкафчика.

— Когда-то это платье было у меня вечерним, — сообщила Татьяна. — Но я равнодушна к одежде. И надевала его раза три за последние десять лет. Смешно — я сшила его, когда вернулась в Москву, мне казалось, что теперь у меня всегда будет праздник. Два раза в театр, два раза на торжественные собрания, а потом... похороны. Мамины, дочкины... наверное, и меня в нем похоронят. Надо будет написать об этом в завещании. Да, я оставлю завещание, потому что мы живем в стране, где бумага имеет мистическую силу. Я убеждена, что если после меня останется завещание, то люди будут ему подчиняться, как декрету. Но ты наливай кофе, пей. И мне, кстати, налей полчашки.

— А вы со своей мамой, с Маргаритой, общались редко?

— Мягко сказано! — Татьяна громко и демонстративно рассмеялась. — Мы с ней жили как кошка с собакой.

— Но почему же?

— Пожалуй, потому, что мы обе — властные, сильные натуры, — ответила Татьяна. — Потому что моя мать была абсолютным детищем сталинской системы. Таких, на месте Сталина, я бы не уничтожала и не преследовала, а лелеяла. Впрочем, до какого-то предела он их и лелеял, а потом, когда чувствовал, что они зажрались в своей неприкасаемости, он их пожирал, как Крон своих детей. Ты читала?

— Читала.

— Современная молодежь совершенно оторвана от классического образования. Я писала об этом в «Книжном обозрении».

Лидочка не сдержала улыбки — Татьяна Иосифовна родилась, когда о классическом образовании не мечтали даже в правительственной школе для детей ЦК. И где, когда она прочла про титана Крона, осталось загадкой, да и сама она о том, наверное, забыла.

— И что же случилось? — Лидочка полагала, что подвиги, совершенные ею на кухне Татьяны Флотской, дают ей право выяснить все, что может так или иначе помочь в поисках дневников и прочего содержимого шкатулки. — Что же разлучило вас?

— Лида, я буду с тобой совершенно откровенна. В этом есть и моя вина. Да, надо уметь отнестись к себе критически. Но пойми — я была молода, я была изувечена системой, я стремилась к нормальной человеческой жизни. И мать, старая большевичка, не могла меня понять. Она жила в Москве, в относительном благополучии, получала пенсию, встречалась с подобными ей старыми большевиками и получала к праздникам пайки в столовой при доме на Старой площади. Я же, как оторванный от дерева листок, неслась безвольно по просторам нашей родины... Ведь меня забрали вскоре после войны, я провела три года в лагере, затем четыре года на поселении, а это же были мои самые лучшие, самые продуктивные, самые прекрасные годы! Еще в ссылке я встретила мужчину. Он был значительно старше меня... у него была семья. Это сложная история. Может быть, я сама не была идеалом. Мы сблизились с ним. Я надеялась, что он расстанется со своей женой. Я даже пошла на то, чтобы вопреки его желанию оставить себе ребенка. Родилась Алена... Я была без работы, без средств, у меня была одна надежда — моя собственная мать. Я кинулась к ней. Маргарита встретила меня более чем прохладно. Она совершенно не одобрила мое поведение. Ах, какие жуткие сцены происходили тогда!.. Но я была в безвыходном положении. По своей наивности и душевной доверчивости я надеялась, что этот человек женится на мне — если я буду рядом...

Татьяна закурила. Курила она папиросы «Беломор», и Лидочке показалось, что в этом есть некоторая демонстративность.

— Я уехала к нему. Но там меня ждал жестокий удар. Он меня не принял. Он отвернулся от меня. Наверное, будь я устроена попроще, примитивнее, я бы смирилась, осталась приживалкой при матери и коротала бы свой век в однокомнатной квартире в ожидании улучшения жилищных условий.

Последнюю фразу Татьяна произнесла с издевкой в голосе.

— Но моя страстная натура не желала мириться с поражением. И я совершила еще одну ошибку. Был человек... молодой человек моего возраста. Он давно добивался меня. И я решила отомстить своему любовнику.

— Когда же это было? — Лидочка постаралась восстановить хронологию.

— Начало шестидесятых. Я помню эту эпоху, эпоху надежд и громких обещаний и в то же время эпоху падения жизненного уровня... Я хотела сказать свое слово в жизни, в искусстве, наконец, в любви! — Татьяна закрыла глаза, погасила папиросу о блюдце, вспоминая те тревожные времена. — Мать хотела, чтобы я взяла к себе ребенка. Но куда я могла взять Аленку, если мое будущее было ненадежным? Мать не могла мне этого простить. Ты представляешь — ребенок ей мешал! Я знаю, что она не хотела и моего рождения, — она пыталась сделать аборт. Но почему-то не вышло. Вот я и появилась назло ей. Впрочем, это уже мои страдания, и никому нет до них дела.

Татьяна закурила вновь. Она говорила, глядя мимо Лидочки, куда-то в угол, полузакрыв глаза, покачивая головой вперед-назад. Лидочка вспомнила, что у них дома, давным-давно, был китайский болванчик. Толстый, в шляпе конусом, его тронешь пальцем, начинает качать головой. Потом он разбился.

— Главное, — произнесла Татьяна Иосифовна со значением, затянувшись папиросой, — что ей удалось за годы, пока судьба носила и молотила меня, не давая, как осеннему листу, опуститься на землю, превратить Аленку в моего врага.

Татьяна вдруг замолчала, затянулась несколько раз. Было тихо, только тараканы шуршали в помойном ведре.

— Я устала, — сказала Татьяна. — Если ты хочешь искать здесь черепки и дневники, ты можешь это делать в моем присутствии. Мне ничего не жалко. Но ты ничего не найдешь.

— Почему?

— Потому что я вчера перевернула вверх дном всю квартиру, и антресоли, и даже здесь — ноги хоть и не держат. Я тоже искала... искала то, что оставила моя мать, оставила Аленке, чтобы не досталось мне. Она, Аленка, мне всегда говорила, что все сгорело, все сгорело... Но я не верила.

— Но что сгорело?

— У мамы был маленький участок, шесть или семь соток, где-то во Внукове, в кооперативе Минпроса. Хибара, а может,

дом — я никогда там не была. Она меня не приглашала. После смерти мамы туда ездила Аленка. Но и она меня не приглашала.

— Вы там никогда не были?

— Никогда не была. Я только знаю, что эта хибара сгорела. И если бы там стояла твоя шкатулка, она тоже сгорела — фьюить и сгорела...

— Во Внукове?

— Так ты будешь обыскивать мой дом?

— Извините, я ничего не хочу обыскивать.

— Тогда оставь меня. Я так хочу спать... Я так устала от всего.

— Извините, Татьяна Иосифовна, я пойду.

— Иди, иди.

Татьяна не вышла в прихожую проводить гостью.

— Заходи, приезжай ко мне в Переделкино. Я тебе всегда буду рада! — крикнула она из комнаты. Заскрипел пружинами старый диван. Несколько дней назад на нем лежала ее дочь.

Когда Лидочка оделась и открыла дверь, Татьяна вдруг крикнула ей вдогонку:

— Она ненавидела меня. И во всем виновата моя мать! Маргарита! Но я не держу зла.

Соня позвонила ей вечером. Ее сначала интересовало, известно ли что-нибудь новое об Осетрове, а затем стала рассказывать о себе, что не зажигает свет в своей комнате и велела соседке, чтобы та всем говорила, что ее нет дома, — так она боится гнева Петрика. Поэтому просит ее не спускать руку с пульса. Как только Осетрова поймают — тут же сообщить ей. Пускай вытрясут из него баксы. Поняла?

Когда пухленькая близорукая Сонечка думает о баксах и трепещет перед однокашником, трудно узнать у нее, как же складывались отношения между тремя поколениями женщин семейства Флотских.

— Соня, а где был садовый участок? Там Маргарита жила последние годы?

— Все правильно. Ты сечешь все правильно. Только случилась беда — у них, у Флотских, нельзя без беды. Садовый участок накрылся... лопатой.

— Я тебя не поняла.

— Сгорел домик, сгорела хибарка без следа. Целиком.

— А где эта хибара была?

— Думаешь, там в земле закопано? Если бы закопано, Аленка бы откопала. А так — пустота и глушь.

— Ты не знаешь, где она стояла?

— Точно я тебе не скажу.

— Но если это садовый участок, то там можно было развести огород.

— Ах, не говорите мне глупостей. Аленка — городской человек. Как и я. Нет глупее занятия, чем копаться в грязной земле и портить маникюр. Лучше зарабатывать себе на хлеб на панели. Ты мне позвонишь, если твой Шустов шепнет насчет Осетрова? Мне нужно увидеть его раньше всех и отнять баксы.

— Почему Шустов — мой? — Лидочка не хотела давать никаких обещаний.

— Он к тебе неровно дышит — это очевидно с первого взгляда!

Соня весело рассмеялась. Потом добавила:

— А у меня на тебя вся надежда, Лидок. Иначе Петрик снимет с меня мою нежную шкурку. А шкурка у меня одна.

— Может, тебе интересно, — сказала Лидочка, — что Осетров ушел из дома в лыжном костюме.

— Враки! — возмутилась Соня. — Если ты думаешь, что он собирается в поход на Хибины, не верь ушам своим. Я думаю, он в жизни на лыжи не вставал.

— Честно говоря, намерения Осетрова меня не волнуют.

— В самом деле лыжный костюм надел?

— Так его жена сказала Шустову.

— Эта мымра врет, — возразила Соня. — Она его отправила в Гватемалу, а лыжный костюм — это лапша для наших ушей.

— Может быть, — не стала спорить Лидочка.

Глава восьмая

НАХОДКА ВО ВНУКОВЕ

Ночью Лидочка много раз пыталась добиться связи с Каиром, но автоматика срывалась на пятом номере, а от девочек-телефонисток слышала лишь: ждите ответа, ждите ответа... срочный? Через три часа... В конце концов Лидочка уснула, не раздеваясь, так и не добившись разговора с мужем. А ведь он знал куда больше нее о шкатулке и вещах, которые в ней хранились. Ей так нужен был его совет, его подсказка! Лидочкой владело странное тягучее предчувствие того, что тайна шкатулки лежит где-то рядом, только догадайся, наклонись вовремя, подними...

В утреннем непрочном сне ей все снились шкатулка, люди, которые старались спрятать шкатулку, отнять ее у Лидочки, потом надо было искать шкатулку по правилам детской игры: «Холодно, теплее, еще теплее... горячо!»

Разбудил телефонный звонок. Не просыпаясь, Лидочка с облегчением нащупала трубку, понимая уже, что потеря шкатулки и жестокие игры вокруг нее — не более как сон. Она была благодарна телефонному звонку.

О, как жестоко она ошибалась!

Звонила Татьяна Флотская. Говорила медовым голосом. И Лидочка сразу поняла, что ее снова пытаются загнать в рабство, ибо Татьяна была прирожденным рабовладельцем, и лишь историческая ошибка позволила ей родиться существом без имения, без рабов, без крепостных. Всю жизнь Татьяна, видно, пыталась отыскать себе рабов, сначала мужчин, потом собственную мать и дочь — и все от нее рано или поздно сбегали. И тут — подарок судьбы! Лидочка!

— Лидочка, ласковая ты моя, я тебя, надеюсь, не разбудила? — И, умудрившись не услышать ответа Лидочки «разбудили», продолжала так же жизнерадостно: — Ты тоже ранняя птичка? Кто рано встает, тому Бог подает! Великое дело — народная мудрость. Так ты уже почистила перышки, моя девочка? Вот и я прилетела к тебе — старая надоедливая ворона. Прилетела и зову тебя подняться со мной в небесные выси! Ты готова, моя добрая?

— Татьяна Иосифовна, переведите, пожалуйста, свой текст на обычный язык.

— Сегодня вторник, — радостно сообщила Татьяна. — И мне пора возвращаться домой, в свое Переделкино. Вдохновение торопит меня.

— А вы не останетесь до девятого дня?

— Ах, какие глупости, неужели и ты разделяешь эти суеверия?

— Вопрос не в суевериях, ведь придут люди.

— Соня справится. Я ей оставляю ключи. Я еще не решила, буду ли сама здесь обитать... вернее всего, мое прежнее решение — сдать квартиру, с которой связано столько всего плохого, остается в силе. Ты согласна?

— Честно говоря, меня это не касается.

— Нет касается, касается... ты теперь как бы член нашей маленькой семьи.

— Вы уезжаете в Переделкино?

— И ты со мной.

— Почему?

— Потому что сегодня суббота, тебе не надо идти в институт, тебе не надо готовить обед для мужа — ты свободна как птица. И потому мы полетим вместе.

Лидочка лихорадочно придумывала причину, которая не позволит ей тащиться за город с этой рабовладелицей. Но ничего не придумывалось. В голове плавала пустота. Вернее, мозги плавали в пустоте.

— Но я думала, что вы сможете доехать сами. Ведь сегодня — вторник, а не суббота, и народу в электричке не так много, а там вам всего десять минут ходьбы.

— Нет, ты не поняла меня, крошка. Если бы речь шла только о возвращении в Переделкино, я, конечно, не стала бы тебя беспокоить — я бы позвонила в секретариат Союза, чтобы за мной прислали машину и перевезли меня в Переделкино. Но перед нами с тобой стоит куда более важная задача, и наша поездка входит в круг твоих интересов и устремлений.

— Татьяна Иосифовна, пожалуйста, не говорите так сложно! У меня голова идет кругом.

— Сейчас твоя молодая хорошенькая головка занята задачей — что придумать, чтобы не тащиться с толстой старухой по зимним сугробам к черту на кулички и не потерять целый день. Правда?

— Татьяна Иосифовна, я этого не говорила.

— Но думала, моя милая, думала. Я бы на твоем месте вела себя решительнее — если заниматься филантропией, надо забыть о собственных делах. Но я сейчас предлагаю тебе сделку. Ты провожаешь немощную старуху до Переделкина, но с заездом во Внуково. То есть в Малаховку через Конотоп. Как тебе это нравится?

— Вы имеете в виду что-то очень увлекательное, — ответила Лидочка. — Вы хотите сделать мне какой-то неведомый подарок.

— Ах ты, мой маленький хитрец! — возрадовалась Татьяна Иосифовна. — Ты заставляешь меня открыть карты. И я не буду больше терзать тебя неизвестностью. Дело в том, что я не зря провела дни в этой квартире. Я ее буквально разобрала на молекулы. Ты спросишь — зачем? В силу сложившихся в нашей семье отношений, Аленка унаследовала весь архив моей матери, все ее секреты. Мне так важно было узнать о моем отце, о других родственниках. Мне хотелось все понять — я

писательница, а значит, у меня гипертрофированное чувство любознательности. Я хочу восстановить собственные корни, отыскать свое место на этом свете. Ты не поверишь мне, но я до сих пор практически ничего не знаю о своем происхождении и о судьбе моих родственников. И знаешь, что меня потрясло?

— Что?

— Я почти ничего не нашла.

— Но ведь Маргарита провела много лет в лагере. Все погибло.

— Во-первых, моя мать провела не так много лет в лагере. Куда меньше, чем я, ее единственная дочь. У меня есть основания полагать, что мать освободили из лагеря и использовали ее за рубежом в интересах нашей разведки. Жизнь моей матери — вовсе не жизнь несчастной жертвы сталинских репрессий. У нас в «Мемориале» существуют большие сомнения по вопросу ее поведения в лагерях и неясности, где она находилась во время войны. Следов в деле и в других документах не обнаружено.

— Значит, вы обыскивали дом вашей дочки, чтобы найти следы деятельности вашей матери?

— Слово «обыск» мне отвратительно.

— Вы выполняли поручение «Мемориала»?

— Не надо обобщать, Лидочка. И я никогда не выполняю ничьих поручений. Хотя у меня всегда есть внутреннее задание — гражданина и человека.

— Ну и удалось вам разоблачить вашу мать? — спросила Лидочка.

— Мне категорически не нравится твой тон, Лидия! — рассердилась Татьяна Иосифовна. — Я слышу в нем элементы издевательства и насмешки.

— Это исключено, — возразила Лидочка.

— Но я слышу! И я бы сейчас бросила трубку, если бы не забота о твоих интересах.

— Большое спасибо. — Лидочка ничего не могла поделать со своим голосом. Он ее выдавал.

— И все же я не бросаю трубку. Потому что мне ты понравилась, и я верю в то, что в конце концов ты оценишь мое к тебе доброе отношение. За мою жизнь мне приходилось укрощать таких тигров, которых тебе и в зоопарке видеть не приходилось. Молчишь? Тогда молчи. Когда я разбирала Аленкины бумаги, я отыскала среди них письмо от мамы, написан-

ное в восемьдесят четвертом, за год до ее смерти. Содержание письма тебе не интересно и тебя не касается, но вот обратный адрес может заинтересовать. Звучит он так: «Станция Внуково Киевской железной дороги, садовое товарищество Министерства просвещения «Наставник». Тебе это что-нибудь говорит?

— Что это должно мне говорить?

— Неужели тебе никто не рассказал о том, что моя мать последние годы жизни провела за городом, в своем, условно говоря, имении. Эта операция проходила под лозунгом: «Я не буду разрушать матримониальные планы моей дорогой внучки!» А на деле... на деле мы все, Флотские, большие эгоистки. Маме нравилось жить в загородном доме, одной, независимой и, главное, никому не обязанной. О, как я ее понимаю! Ведь я пошла по ее стопам.

— Вы хотите сказать, что никогда за много лет не бывали на даче у своей матери?

— Я даже не знала ее адреса!

Лидочка понимала, что Татьяна не лжет — только что она с торжеством прочла ей по телефону этот адрес. С таким торжеством, что Лидочка поняла: Татьяне не столько нужны были документы матери, письма отца, дедушки или даже фотография Сталина с Татьяной на коленях — ей нужен был именно адрес дачи Маргариты Потаповой. Именно туда ее, уже давно состарившуюся женщину, столько лет не пускали, заставляя ограничиваться щедрыми подачками от Союза писателей или общества «Мемориал». И даже ее собственная дочка Аленка продолжала в течение долгих лет после смерти Маргариты наказывать Татьяну, не пуская ее на дачу.

Для Татьяны во всех происшедших событиях была некоторая высшая справедливость. Да, как это, товарищи, ни тяжело, но я пережила их всех! И мою мать! И мою дочь! И все, что им принадлежало, все, что вы так тщательно скрывали от меня, — все это теперь мое и только мое! И я буду жить очень долго, специально для того, чтобы доказать всему миру мое право на владение так называемой Аленкиной квартирой и так называемой Маргаритиной хибарой!

Нужно быть очень близким к Татьяне человеком, чтобы она призналась тебе в действительной причине ее срочного переезда на квартиру к Аленке сразу после смерти дочери. Это было вступление во владение! Теперь, с такой же поспешностью, Татьяна норовит вступить во владение хибарой.

— Вы знаете, что дача Маргариты сгорела? — спросила Лидочка.

— Разумеется. Мне в этом призналась еще Аленка, когда приезжала в Переделкино. Мне об этом все уши прожужжала Соня.

Лидочка чуть было не спросила Татьяну, так почему она не взяла адрес хибары у Сони, вместо того чтобы обыскивать квартиру дочери в поисках какого-нибудь упоминания о давно сгоревшей даче? Но потом поняла и промолчала: Татьяна не могла себе позволить пасть столь низко, чтобы выспрашивать адрес у презираемой ею приятельницы Аленки. Что же тогда получается? Родной матери Алена этого адреса не дала, а какая-то очкастая шлюха таскает туда своих грязных любовников?

Если Татьяне хочется, чтобы Лидочка верила в то, что Татьяну интересует лишь некий гипотетический архив, хранившийся во Внукове, то Лидочка готова в это верить. Пожалуйста. У нее свои интересы. Но раз речь зашла об архиве, то, наверное, Татьяна заведет речь о шкатулке... И Лидочка не ошиблась.

— Лидуша, я не помню, сказала ли тебе, что когда лейтенант Шустов расспрашивал меня об Аленке, он показал мне шкатулку. Большую такую шкатулку из карельской березы. Оказывается, ее пытался похитить любовник Алены, но потом раскаялся и вернул.

— Да, я слышала об этом, — осторожно откликнулась Лидочка.

— И когда он стал говорить о шкатулке и упомянул о том, что она раньше стояла у Алены, то я сразу вспомнила о тебе, Лидуша.

— Почему же?

— Я рассудила логически. Подумай: ты приезжаешь ко мне в Переделкино и начинаешь допрашивать меня о шкатулке, оставленной на хранение моей маме. Я такой шкатулки не помню. Не видела я ее. Если шкатулка была, значит, ее хранили где-то, куда я не имела доступа. И хранили все годы, пока моей матери не было в Москве. И самое главное — совершенно неважно, где это было — может быть, у маминой кузины Клавдии, а может быть, у верной няньки Анюты в Курской области. Важно другое: если шкатулка в конце концов оказалась у Алены, значит, Маргарита ее взяла у няньки Анюты и перевезла к себе в хибару.

— Совсем необязательно.

— Это моя гипотеза. Моя мать слишком большая собственница, чтобы оставить свои игрушки у чужого человека.

— А были ли игрушки?

— Лидочка, не притворяйся дебилкой. Тебе это не идет. Неужели ты думаешь, что если мама в предчувствии ареста решила спрятать что-то из дорогих ее сердцу вещей вне дома, то она ограничилась чужой шкатулкой? А ее собственные документы, а ее драгоценности?

Пожалуй, тут ты и попалась, моя дорогая Татьяна Иосифовна, подумала Лидочка. Вот что тебя больше всего волнует — дача, квартира и ценности, которые могли бы там храниться. И раз уж Лидочке захотелось тут же разочаровать Татьяну, то она не удержалась:

— Неужели Маргарита хранила какие-нибудь драгоценности, живя так скромно и, главное, позволяя Аленке существовать в бедности?

— Конечно! — тут же заявила Татьяна. — Моя мать была жадной, как Скупой рыцарь. Типичный Скупой рыцарь!

— Но если дача сгорела, — не сдавалась Лидочка, — как там могло что-нибудь сохраниться?

— А вот как она сгорела — мы обязаны с тобой выяснить! — заявила Татьяна.

— Я сомневаюсь, что Алена и Соня лгали.

— Они вполне могли лгать, чтобы не допустить меня на дачу.

— Почему?

— А потому, что они устраивали там вальпургиевы ночи, — ответила Татьяна. — Потому что они превратили якобы сгоревшую дачу в гнездо разврата.

Лидочка не стала спорить. Татьяну явно занесло. Но тем не менее нельзя отказываться от поездки во Внуково. Нельзя, потому что тогда ты отказываешься от чуда. А стоит отказаться от чуда, оно не сбудется... Кроме того, на поминках Алены Лидочке встретился таинственный Константин, который назвал себя наследником Маргариты. Если бы узнать, что это значит?

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Константин? В сочетании с именем вашей матери? — спросила Лидочка.

— Никогда. А что это значит?

— Такой человек был на поминках Алены. Лет пятидесяти, массивный, с собачьим лицом.

— Еще чего не хватало! — рассердилась Татьяна. — С собачьим лицом. Скажешь тоже! Так мы едем?

— Не знаю...

— Подумай, моя девочка! Если сохранилась и не сгорела шкатулка, то почему ты считаешь, что содержимое ее обязательно сгорело? В конце концов, это глупо и нелогично!

— Шкатулка попала к Алене до пожара.

— Значит, отказываешься?

Не верит Татьяна, что дача окончательно сгорела! Но боится отправиться туда одна зимой, по скользкой дороге, с опухшими ногами. И Лидочка, с ее стремлением отыскать содержимое шкатулки, — идеальное подспорье! Конечно, шансов на то, что дневники отыщутся, нет. Но шансы на то, что Лидочка примет предложение поехать, реальны, ведь она не удержится, рискнет. Раз она искала шкатулку так настойчиво, что приехала в Переделкино, то она не менее упорно будет искать ее содержимое, пока в конце концов не убедится в том, что надежд не осталось. Пока что Татьяна дает ей такую надежду...

— А вы знаете, где этот поселок? — спросила Лидочка.

— Вот и попалась ты в золотые сети, — восторжествовала Татьяна. — Корысть — движущая сила мировой истории. Значит, едем?

* * *

Стоит ли говорить Татьяне, что ты уже несколько дней ломаешь голову над тем, не могут ли нужные тебе бумаги остаться там, откуда прибыла шкатулка, и этим местом, скорее всего, была так называемая хибарка Маргариты Потаповой? Стоит ли говорить, что ты уже отчаялась узнать, где эта хибара находится и была ли она вообще? И стоит ли предпринимать что-либо, чтобы увидеть пепелище двухлетней давности?

Лидочка ничего этого не стала говорить Татьяне. Если ты ничего не ответила человеку, который полагает, что тебя одурачил, то этот человек начинает мучиться сомнениями, не разгадал ли ты его нехитрые комбинации?

Татьяна чувствовала себя неуверенно: раза три заводила разговор о шкатулке и ее возможном содержимом, пока они ехали в такси, за которое, кстати, Лидочка заплатила бешеные деньги, и в электричке до станции Внуково.

Электричка оказалась полупустой. Татьяна расплылась по сиденью, оставив Лидочке лишь краешек скамейки. Она взяла

с собой папку с несколькими главами своих воспоминаний, которые готовила для небольшого прогрессивного парижского издательства, и, раз уж делать в дороге все равно нечего, она попросила разрешения Лидочки почитать вслух, проверить, так сказать, свои опусы, за которые мечтала получить премию Букера.

«...Наш дом стоял последним в переулке, ныне уже не существующем, который в этом месте раздваивался: один проезд вел на улицу Кирова (жители упорно продолжали именовать ее Мясницкой), а другой в лабиринт проходных дворов, кирпичных брандмауэров...»*

«Лабиринт брандмауэров», — отмечало сознание Лидочки, пока еще вслушивающейся в монотонный речитатив.

«...улочек, перегороженных заборами, дошкольных площадок, напоминавших помойки, — дом заслонял своими плечами это живописное безобразие. Дом был старый, даже старинный, с оригинальным узором из кирпичей вокруг окон, который придавал им сходство с почтовыми марками...»

Как жаль, что она не дозвонилась до Андрея. В Андрее погиб следователь. Ему свойственно было искать парадоксальные сочетания незаметных фактов, сцепления ошибок и несуразностей, которые неизбежно появляются при всякой лжи, чтобы обратить внимание на слабое место в постройке, созданной для того, чтобы закрыть собою правду. Кому и зачем понадобилось убивать Аленку? Может быть, произошла роковая ошибка на фармацевтической фабрике — в пачку таблеток снотворного попала таблетка цианистого калия? А разве он бывает в таблетках? Наверное, он — порошок. Ведь Распутину его подкладывали в пирожное.

«...все были нечистыми, все давно махнули рукой на всякие суеверия и проживали не в квартирах, а в комнатах. При этом жители черных лестниц оказывались даже в выигрыше, им было удобнее таскать ведра с мусором и тазы с бельем, тогда как обитавшие на парадных лестницах не знали, куда деваться, не выплескивать же помои на улицу. Некоторые, впрочем, так и делали — вечером выплескивали помои в решетку дождевого стока...»

Лидочка понимала, что за всю дорогу до Внукова ей так и не выйти за пределы тщательного описания старого дома и

---

* Цитаты позаимствованы из произведений других писателей, за что автор просит прощения.

гнусных обычаев его деградировавших коммунальных обитателей, ибо настоящий литератор должен ввести читателя в тягучую атмосферу плохой предвоенной жизни. На деле же дом, столь ярко запомнившийся Татьяне и задававший как бы тон всему ее литературному труду, давным-давно отошел в прошлое, замененный чередой комнат и квартир, в которых ютились и проживали Флотские. И, очевидно, основная задача бабушки и внучки, Марго и Алены, заключалась в том, чтобы не допустить к себе Татьяну, о литературном таланте которой они либо не знали, либо в него не верили. В действительности же Татьяна Иосифовна обладала определенным талантом составления слов в фразы и абзацы, способные вызвать восторг у дамы-критикессы, которая понимала, что настоящая проза должна быть туманна и не всегда понятна — этот флер и отличал талант от массовой литературы.

Татьяна сделала паузу и, отметив пальцем строчку, произнесла:

— Я не ставлю себе целью писать воспоминания. Это проза, художественное произведение, и я прошу тебя увидеть внутреннюю символику в том, что я несу людям.

— А вы в последние годы не встречались с Маргаритой? — спросила Лида, желая прекратить чтение. Оказалось, что выдерживать монотонное чтение еще хуже, чем беседовать.

— Мы не испытывали в этом взаимной нужды, — ответила Татьяна. — Я не снимаю с себя ответственность, но Маргарита, то есть моя мать, была человеком сухим и как бы замороженным, иссушенным ледяным ветром пустыни Гоби. И ты можешь это понять — она отдала всю свою жизнь торжеству партии, победе строя социализма. Она шла ради этого на подлости и убийства...

— Ну уж и убийства...

— Я убеждена в этом! И вот ее мир рухнул — она чутьем понимала, что наш советский социализм катится к упадку. И страшилась этого.

— После смерти Маргариты вы помирились с дочерью?

— Не совсем так. Аленка была очень похожа на свою бабушку. Да, мы виделись, разговаривали, но до определенного предела. Я делала шаги навстречу ей, но не нашла взаимности...

«Странно, — подумала Лидочка, — я только что ехала на подобной электричке, по подобной же железной дороге между бесчисленными, занесенными снегом и от того чуть более

опрятными, чем осенью, дачами. Иногда к железной дороге подступали задние стенки коллективных гаражей с мусором, насыпанным у этих стенок под надписями, утверждающими, что Ельцин — еврей и ему место на плахе. Господи, я же это читала на той, Ярославской дороге. Может быть, у коммунистов есть специальные писатели антиельцинских лозунгов? Почему бы и нет? В России всегда любили материться на заборах. Есть же понятие — заборная ругань. Наверное, нет страны в мире, где заборам придавалось бы такое всеобъемлющее значение. Англичанам достаточно живой изгороди, а финну полоски валунов — сосед не зайдет без приглашения...»

— Я продолжу чтение? — спросила Татьяна. В роли писательницы она теряла гонор, и в ее голосе появлялись просительные интонации. — Тебе интересно?

— Мы уже скоро подъезжаем.

— Я успею прочесть еще две страницы.

Лидочка кивнула.

И больше она не слышала чтения. Выключилась. Она смотрела в окно, для этого приходилось наклоняться вперед, потому что груда Татьяны занимала все пространство между Лидой и окном. Три дня уже держалась оттепель, и потому окна отмерзли, высохли, и можно было позволить мыслям вяло течь в голове, а самой отмечать, не задумываясь о значении виденного, что вот бежит собака и лает на электричку, пьяный мужик уронил авоську с бутылками и сидит перед ней на корточках, две девушки спешат, скользят по тропинке, видно, сейчас будет платформа и они хотят догнать электричку и сесть на нее.

А вот и платформа. Мичуринец. Маленькая, пустая, дачная, словно далекий от Москвы разъезд.

— Наша остановка следующая, — сказала Татьяна. — Как тебе?

— Интересно, — сказала Лидочка. — Но еще рано говорить.

— Я читала Окуджаве, — сообщила Татьяна. — Он был в Переделкине и согласился послушать. На него произвело большое впечатление. А моя соседка по комнате в одном месте чуть не заплакала — она сказала, что это и ее детство.

Они вышли во Внукове — это была более крупная станция, она даже не казалась дачной. Близко к перрону подходили двухэтажные бараки, на запасных путях стояли платформы с гравием, никаких дач поблизости не было видно. Они сошли

с платформы у переезда и сразу попали на шоссейную дорогу, забитую машинами. Порой приходилось отступать далеко на обочину, потому что, когда поднимался шлагбаум, сразу с десяток машин одна за другой прокатывалось по шоссе.

Татьяна обладала качеством, которому Лидочка всегда страшно завидовала. Она умела задавать вопросы и получать нужную информацию у прохожих. Она трижды останавливала аборигенов и повторяла один и тот же вопрос — где находится поселок «Наставник» и далеко ли до него идти. И так как все отвечали одинаково, что поселок расположен у шоссе, по которому они шагают, а идти до него десять минут, Татьяна успокоилась.

— Значит, идем правильно, — сообщила она.

— Правильно идете, товарищи, — поправила ее Лидочка, и Татьяна, узнав неточную цитату, засмеялась.

Выглянуло солнце, и стало ясно, что скоро придет весна — солнце стояло высоко и ощутимо грело, тени под деревьями и у дач, что тянулись по сторонам шоссе, стали синими и резкими, а снег приобрел золотистый отлив.

— Странно, — сказала Татьяна. — Идти на собственную дачу, которую никогда не видела.

Лидочка внутренне согласилась, что и в самом деле это звучит парадоксально, но вероятнее всего, что Татьяна была сама виновата в том, что ее не выносили собственные мать и дочь, зато она пережила их и теперь законно вступает в права собственности, хотя это противоречит законам природы. И, вернее всего, законам справедливости.

Дорога была скользкой. Лидочке приходилось поддерживать Татьяну под локоть, и она скоро устала, потому что Татьяна шагала все тяжелее и все сильнее наваливалась на Лидочку.

* * *

Когда-то вход на территорию дачного поселка был снабжен проходной будкой и шлагбаумом, но теперь и общий забор покосился, и шлагбаум торчал под острым углом из снега, свороченный в сторону пробегавшим мимо носорогом. У открытой двери проходной будки дремал на раннем солнышке рыжий лохматый пес с одним ухом, который собрался было тявкнуть на женщин, потом передумал и не стал тратить сил зазря.

На проходной была прибита вывеска: «Садовое товарищество «Наставник».

— Вот и дошли, — сказала Татьяна. — Давай отдохнем.

В поселке было тихо и пусто. Крики вороны, обозревавшей сверху зимний пейзаж, звучали нагло и вызывающе. Но ворона знала, кто здесь хозяин.

— А какой участок? — спросила Лидочка,

— Участок на письме не был указан. Я думаю, двенадцать лет назад здесь был комендант или сторож. Но и сейчас мы что-нибудь отыщем.

— Почему?

— Потому что поселок большой и кто-то здесь живет зимой или приехал покататься на лыжах.

Центральная дорога поселка была накатана, и на ней были видны углубленные следы автомобильных шин. Но это ничего не значило, потому что в поселок могли приезжать только на выходные. Рядом с колеями тянулась разъезженная лыжня. Домики в поселке были разными, но большей частью скромными, двухэтажными, тянущимися ввысь, чтобы занять поменьше места на маленьком участке, так как место было нужно для огородной деятельности.

— Погоди, — попросила Татьяна, — не спеши.

Как будто Лидочка куда-то спешила.

— Давай смотреть, где идет дым.

Но занятие это все равно требовало передвижения по поселку, так как в поле зрения попадало лишь несколько близких домов — остальные скрывались за соседями.

Миновав метров сто главной улицы поселка и заглядывая в ответвления от нее, вконец измученные дорогой путешественницы увидели следы людей, словно Робинзон следы Пятницы.

На стене недостроенного красного кирпичного замка, который возвышался над фанерными и бревенчатыми старшими братьями, трудились два пьяных каменщика, стараясь укладывать кирпичи так, как им велела их рабочая совесть. А еще один мужчина, приземистый, с лицом римского патриция, в длинной, до земли дубленке, скроенной так, как понимает тулуп модельер из Лос-Анджелеса, материл «рабов», наваливаясь задом на оранжевого цвета джип.

Было очевидно, что приземистый «патриций» — не патриций, а отечественный бизнесмен, а рабочие — не рабы, а свободные труженики.

Когда Татьяна и Лидочка приблизились к ним, рабочие и владелец замка перестали собачиться и принялись разглядывать женщин, вычисляя, видимо, к кому это спешит подкрепление.

Так как женщины оказались нейтралами, то они своим появлением временно примирили стороны, и все вместе стали оживленно выяснять, где находится дача, которая два года назад сгорела и которая принадлежала Елене Флотской, а до нее когда-то ее бабушке Маргарите Потаповой.

Сложность ситуации заключалась не в том, что эти люди оказались в этих местах чужими. Наоборот, рабочие были местные, внуковские, и подрабатывали в поселке много лет, а миллионер на оранжевом джипе унаследовал участок от родителей, а свое детство провел именно под этими липами и дубами. Беда была в том, что поселок был велик и дачи в нем горели многократно, так что определить, на какой из сгоревших дач жила когда-то старуха Потапова, у которой была взрослая внучка Алена, оказалось делом не простым — нашлось, по крайней мере, три варианта.

Рабочие давно уже спустились на землю, владелец забыл, что крепко поссорился с ними из-за кладки кирпичей.

В конце концов Лидочке удалось прекратить дискуссию и разделить всех присутствующих на поисковые партии. В одну, которая направлялась по наиболее вероятному адресу, отправилась Лидочка с рабочим Сашей. Владелец по имени Эдуард поспешил в другой конец поселка, а еще один рабочий, упрямый и крикливый, был отряжен в одиночестве на участок, дом на котором вроде бы не горел, но был ограблен в прошлом году. Татьяна, которая сильно уморилась, заставила Эдуарда открыть машину и устроилась внутри отдыхать.

Когда они расставались с Эдуардом на перекрестке большой дороги, тот сказал с уважением:

— Ваша тетя — с характером.

— Почему вы так решили?

— Чтобы кто-то смог меня заставить машину открыть и в ней остаться, это невероятный случай. Я страшно жадный.

— Она не умеет водить машину, — постаралась утешить его Лидочка.

— А там плейер «Филипс». Знаете, сколько стоит?

— Вернемся, покажете, — ответила Лидочка. — И вообще, нельзя же раскаиваться в добром деле, еще не совершив его!

Она пошла дальше, каменщик Саша шагал сзади след в след и долго еще хихикал, а Эдуард остался на перекрестке, пытаясь переварить слова Лидочки.

Основная дорога, которая разделяла поселок пополам, была более-менее расчищена и накатана. Но по пересекающим ее до-

рогам на машине проехать было нельзя. По некоторым из переулков, где располагались часто посещаемые угодья, тянулись утоптанные дорожки, слегка припорошенные позавчерашним снегом; в другие, позабытые на зиму хозяевами уголки, тянулись с трудом проходимые тропинки, идти по которым следовало со всей осторожностью, потому что лишь узкая стежка была протоптана и тверда. Сделал полшага в сторону — провалился глубже чем по колено.

По сторонам же дорожек и тропинок, за метровой полосой девственного снега тянулись разномастные заборы, к которым, как правило, жались изнутри голубые ветви кустов — не разберешь зимой, малина это, смородина или крыжовник. Настоящих лесных деревьев в поселке сохранилось немного, то ли их сводили хозяева участков за то, что они затеняли грядки и смородину, то ли с самого начала под поселок было выделено поле с редкими деревьями.

Хозяева домов стремились к определенному стандарту, но этот стандарт менялся от поколения к поколению. Видно, самыми ранними здесь были деревенские срубы, привезенные издалека, да финские домики, появившиеся у нас сразу после войны, — некие суррогаты загородных коттеджей. В следующем поколении стали возводить дома из бруса и обшивать вагонкой. Современные нувориши строили кирпичные особняки с крепкими железными решетками на окнах, отчего поселок постепенно превращался в своего рода тюрьмы, ибо по доброй воле человек не выезжает на пленэр для того, чтобы спрятаться в кирпичной крепости за железной решеткой.

Разглядывая дома, окна которых были забиты досками, Лидочка чуть не пропустила дорожку, на которую следовало свернуть.

Лидочка остановилась на повороте, потому что поняла, что совсем недавно, после того, как прошел снег, здесь останавливался автомобиль. Вот он остановился, потом начал разворачиваться и провалился передним колесом в глубокий снег. А вот здесь пассажиры машины вытоптали в снегу глубокую яму, стараясь вытащить машину и вкатить обратно на дорогу. Что им в конце концов удалось. Значит, так и не развернувшись, они подали машину назад и выехали задним ходом.

Может быть, Лидочка не так заинтересовалась бы этой битвой техники с природой, если бы не то, что от машины вели че-

ловеческие следы в проулок, отходивший там от главной дороги. Эти следы были многочисленны и, главное, неорганизованны. Это ее и насторожило. Под неорганизованностью она понимала то, что авторы следов никак не могли удержаться на утоптанной узкой тропинке, а все время промахивались, проваливались в снег, пробивались сквозь него спеша, оставляя за собой глубокие рытвины, будто были одержимы сумасшедшим упрямством и спешкой.

Каменщик Саша посмотрел, куда молча показала Лидочка, и сказал:

— Пьяные были. Приехали на дачу к дружку гулять, машину чуть не угробили, а потом с криками и песнями колобродили.

— Вы догадались или слышали?

— Я в пяти километрах живу — не слышал. Но про Шерлока Холмса сериал смотрел с удовольствием.

— А может, было темно? — спросила Лидочка.

— А вернее всего, темно, — согласился Шерлок Холмс. — Пьяные и темно. Ясное дело.

— А на какую же дачу они спешили?

— Хотите поглядеть?

— Обязательно.

— Ну пошли. Только если увидим пожарище, — заметил Саша, — то оно будет совсем свеженькое.

— Снег шел позавчера, — заметила Лидочка.

— Все понятно, Ватсон, — быстро ответил Шерлок Холмс. — Ваше замечание принимаем. Позавчера шел снег. А никакого снега на следах нету. Вам понятен ход моих рассуждений?

Каменщик Саша был усат по-украински, усы струйками стекали к подбородку, на голове вязаная шапочка с надписью «Хибины». На рукаве ватника был нашит суконный красный щиток со стершейся надписью. Более непохожего на Шерлока Холмса сыщика было трудно представить.

— Спасибо, — сказала Лидочка. — Пошли?

— Пошли, — Саше нравилось быть великим сыщиком. — Мы можем продвигаться без опасений, — сказал он, — потому что злоумышленники уже уехали на своем кебе. Знаете, почему я пришел к такому выводу?

— Вы пришли к такому выводу, потому что кеба нигде не видно.

— Молодчина, Ватсон, — похвалил Лидочку Саша.

Следы привели их к последнему в ряду, перед самым лесом,

участку. Лидочка остановилась, разглядывая участок. Почему-то стало тревожно. Говорить, а уж тем более шутить расхотелось.

Это был странный участок. Такие бывают в совсем новых дачных кооперативах, по первому или второму году их существования. Потому что небогатый дачник первым делом скапливает деньги на хозблок — любого типа вагончик, металлический или фанерный. Он устанавливается в углу участка с тем, чтобы, когда возведен жилой дом, превратиться в сарай или душевую.

Не считая трех берез, стоявших недалеко от калитки, участок был пуст. Вишневые, сливовые и прочие деревья, превратившиеся на зиму в пучки голых веток, — не в счет.

Но в отдалении стоял хозблок — серый сарай с плоской крышей, окном, забранным ржавой и несолидной на вид решеткой, и с дверью, покрашенной в тот особенный неприятный коричневый цвет, в который принято красить двери во всей России и, пожалуй, нигде более в мире.

От калитки к сараю вели глубокие следы — траншея в снегу, прорытая неаккуратным крокодилом.

Саша толкнул калитку — она была заперта. Саша просунул руку между досками штакетника и откинул крючок. Калитка заскрипела и сама медленно открылась внутрь — этот скрип оглушительно прозвучал в мертвом воздухе поселка, тут же на него откликнулась пролетавшая ворона, и звук оборвался, потому что калитка уперлась в снег.

Саша первым ступил внутрь, в траншею, протоптанную в снегу. Сделал шаг, второй, потом обернулся и поманил Лидочку. Оба молчали.

Снег почти не скрипел — было не холодно, градуса два-три. Набежали облака, и стало сыро.

Перед входом в хозблок было натоптано, как будто здесь танцевали.

Они постояли перед входом, не решаясь открыть дверь. Саша не представлял, чего можно ожидать, — он только почувствовал неладное. Впрочем, и Лидочка не знала, отчего ей было страшно.

И тут она увидела кровь. Кровь на снегу, недалеко от двери. Совсем небольшое пятно крови, снег был в том месте притоптан, а дальше, у стенки, были дыры в снегу, окруженные желтым, видимо, люди стояли у стенки и мочились в снег.

— Ну что? — спросил Саша. — Заходим или как?

Он перестал играть в Шерлока Холмса.

— Давайте посмотрим, — сказала Лидочка. Но Саша не тронулся с места.

— Кого-нибудь ищете? — спросил он.

— Нет, — ответила Лидочка. — Мы же объясняли, что Татьяна Иосифовна, которая со мной приехала, унаследовала здесь дачу. Только документы потеряны.

— Ну, как знаете, — ответил Саша, который не поверил ни единому слову из этого нелепого объяснения.

Саша толкнул дверь в сарайчик. Она открылась послушно и почти без скрипа. Лиде ничего не было видно, и ей не хотелось заглядывать внутрь. А почему, собственно, она обязана туда заглядывать? Кто она здесь? Приехала вместе с гражданкой Флотской Т.И. для выяснения местонахождения ее дачной собственности. А теперь она боится, что нашла эту собственность. А чего она боится?

Саша уже был внутри. Он вглядывался во что-то, потом наклонился — Лиде было видно его — наклонившись, он сделал шаг вперед, голова и руки исчезли из ее поля зрения, и приподнял с пола серое покрывало.

Потом Саша выпрямился. Он не смотрел на Лиду, а смотрел себе под ноги.

Он достал из бокового кармана ватника пачку сигарет «Мальборо» и зажигалку. Закурил. Обернулся к Лидочке.

— Заходи, — сказал он. — Если мертвых не боишься.

— Не боюсь, — сказала Лидочка. Но не сразу заставила себя шагнуть вперед.

Внутри было полутемно, свет проникал сквозь маленькое окошко, а комната была невелика.

Саша откинул брезент или серое солдатское одеяло, и обнаружилось, что на полу, скорчившись, как будто сильно замерз, лежит человек. Он был в лыжном ярко-синем костюме, сильно измаранном кровью и грязью, а лицо его было настолько залито кровью, что Лидочка лишь по седым, чуть вьющимся волосам, по руке, нелепо изогнутой с растопыренными от страшной боли пальцами, по одному, дико распахнутому глазу узнала Осетрова. Скорее, не узнала, а почувствовала, что это Осетров, ожидала его увидеть.

Уже когда они свернули в проулок и шли по снежному гребню тропинки, между проваленных в снег следов, Лидочка интуитивно начала осознавать, что они приближаются к месту, на котором произошло нечто страшное, насильственное. Ее мозг

продолжал работать, принимая и отвергая варианты подозрений, и получалось, что более всего опасность должна была угрожать Осетрову. Если не он убил Алену, то он знал нечто, связанное с ее смертью, и настоящий убийца должен был найти его и убить. И скрывался Осетров вовсе не от милиции, а от опасности куда более реальной и смертельной. Но может быть и другое: он виноват в смерти Алены. И есть человек, который решил отомстить за нее...

— Вы его знаете? — спросил Саша, как будто прочел Лидочкины мысли. Кровь замерзла странно, как замерзает вода на наледи: плоскими лужицами, по мере того, как напор иссякает — и получается как бы невысокая ступенчатая пирамидка.

— Думаю, что знаю, — сказала Лидочка. — Немного знаю.

— Как так немного? — спросил Саша. Он сглотнул слюну. Он старался не глядеть на мертвого. Шерлок Холмс из него никогда не выйдет, потому что настоящий сыщик, который входит в историю, обязательно должен быть чуть-чуть некрофилом. По крайней мере, должен с профессиональным хладнокровием рассматривать покойников, как энтомолог мертвую бабочку.

— Я его один раз видела, — сказала Лидочка. — Он совсем мертвый?

— Давно уже. Наверное, со вчерашнего дня.

— Пойдемте отсюда, — сказала Лидочка.

Они вышли наружу. Там было очень свежо и светло.

— Они мучили его страшно. Ты обратила внимание, что у него руки переломаны?

— Нет...

Лидочку мутило.

— Ты иди первой, чтобы сзади не бояться, — великодушно сказал Саша. А Лидочка спешила по тропинке и спиной чувствовала опасность, исходившую от Саши. Почему он захотел идти сзади?

У калитки она обернулась.

Саша встретился с ней взглядом.

— Дура, — сказал он, — иди тогда сама сзади.

Он сказал это без злости.

— Не обращай внимания, — сказала Лидочка.

Они прошли переулком, и Лидочка почти ни о чем не думала, потому что надо было балансировать на тропинке и не угодить в глубокий снег. Думать было страшно, и Лидочка старалась отвлекать себя, говоря: «Вот вороны летят парой, неуже-

ли у них сохраняются пары на зиму, когда не надо выводить птенцов? А может быть, вороны чуют смерть и реют над тем хозблоком?» Она невольно обернулась — хозблок был уже закрыт следующей дачей — и потеряла равновесие. Саша подхватил ее, Лида взвизгнула, чего с ней не случалось с детства, и оттого смутилась.

— Погодите, — сказала Лидочка, — дайте дух перевести.

Чем дальше они отходили от страшного сарая, тем нормальнее становилась жизнь, и та близость, что возникла между ними, как между людьми, потерпевшими кораблекрушение на резиновом плотике, истончалась, потому что оба понимали неизбежность близких событий, в которых каждый будет предоставлен сам себе — надо вызывать милицию, терять время на разговоры с чужими подозрительными людьми, выступать где-то свидетелями — острота свидания с жестокой смертью сменится формальной принадлежностью к ней. Даже показания они теперь будут давать раздельно.

— Дурак он, — сказал проницательный Саша. — Судя по всему, он здесь решил скрываться. А его выследили.

— Почему вы так думаете?

— А потому, что и ты так думаешь, — ответил Саша. — Потому что он печку включил, обогреватель. Не заметила?

— А обогреватель горел?

— Нет, видно, в борьбе шнур вырвали. А то бы все сгорело.

— Его могли с осени так оставить.

— Ты не поняла. Обогреватель у стола стоял — провод к нему через всю комнату тянулся. Если ты на зиму уезжаешь, зачем так обогреватель ставить? Потом еще: разве ты не заметила — у него на столе еда стояла. Включал чайник. Хлеб там был с колбасой. Неужели не заметила, Ватсон?

— Ничего я не заметила, — мрачно ответила Лидочка. — Я лицо его увидела, а что вокруг было — не помню.

— Жалко. Ненаблюдательная ты. И даже не заметила, как они там что-то искали?

— Нет.

— Там же все перевернуто, переломано!

— Нет, я не заметила.

— Он что-то с собой привез, а они его выследили. Или вычислили? Не отсиделся.

Они вышли на главную улицу. Теперь идти стало легко. Впереди, совсем близко, стоял оранжевый джип Эдуарда. Са-

мого Эдуарда еще не было. Видно было, что Татьяна Иосифовна спит на переднем сиденье, опустив голову на грудь, отчего казалось, что в машине сидит кто-то пирамидальный и безголовый.

Неужели виноваты триста баксов? Те самые триста долларов, о которых говорила Соня? Нет, человека за это не убивают. Даже в нашем сумасшедшем мире. Им дороже станет ехать сюда, отыскивать его. Да и не стал бы он держаться за эти доллары. Впрочем, что мы знаем?

Татьяна, видно, почувствовала их приближение. Когда они подошли к джипу, она открыла глаза и театрально медленно подняла голову.

Она открыла дверцу машины и, наклонившись вправо, чтобы высунуть голову, спросила:

— Разумеется, вы ничего не нашли?

— А где Эдуард? — спросил Саша. Видно, он предоставил инициативу Лидочке, посчитав, что она лучше знает, что надо говорить.

— Мы нашли участок...

Что-то ее останавливало, чтобы не закричать: «Там мертвое тело!»

— И там все сгорело, да? Ничего не осталось?

Господи, какая у нее противная, хищная рожа с торчащим из нее костяным носом! Ее волнует только одно — что еще удастся наследовать от собственной дочери.

— Там Осетров, — произнесла, сделав над собой усилие, Лидочка.

Подошли Эдуард и молодой парень в бушлате.

— Не исключено, — громко сказал Эдуард, — что мы отыскали участок, который вас интересует.

— Кто там? Где там? — визгливо спросила Татьяна, отмахиваясь от Эдуарда, потому что нутром почувствовала, что главное — в словах Лидочки.

— Там Осетров. Он мертвый, — сказала Лидочка. — Его убили.

— Как так? Какой еще Осетров? Кого убили?

— Любовник Алены, Осетров. Вы его должны знать.

— Ну, я его видела, — один раз или два... Он совершенно не пара Алене, — сказала Татьяна. — Кто его убил и зачем?

— Я не знаю, — ответила Лидочка и обратилась к Эдуарду: — Можно я сяду в вашу машину? У меня голова кружится.

Надо отдать должное Эдуарду, он достаточно быстро с помощью Саши сообразил, что же произошло, и отвез Лидочку с Татьяной к милицейскому посту на станции. Оттуда Лидочка смогла дозвониться до Шустова.

Глава девятая

ДВОЙНОЕ ДНО

Лидочка возвратилась домой только вечером. Сначала им пришлось ждать местных милиционеров, которые ехали с какого-то объекта и никак не могли доехать. Потом, вместо того чтобы мчаться на место преступления, милиционеры, все трое, начали допрашивать Сашу и Лидочку, будто те сами убили Осетрова.

К счастью, тут возникла Татьяна Иосифовна и заявила, что если не будут немедленно приняты реальные меры, она звонит в газету «Правда» с сообщением о том, как местные внуковские бандиты во главе с местной милицией расправились с заведующим отделом ЦК КПСС. Заявление Татьяны ввергло в полную растерянность милиционеров: толстый старшина с лицом хомяка, словно он заложил в защечные мешки по теннисному мячу, намеревался было изматюгать грозную бабу в норковой шубе, но в ответ получил от Татьяны столь изысканный матерный монолог, что на цыпочках ушел из комнаты, а Саша-Шерлок Холмс спросил:

— Где сидела, паханка?

— Не грубите, молодой человек, — сказала Татьяна. — Я политическая.

В комнату заглянул старшина и сказал, что машина будет в исправности через десять минут, но тут приехал Шустов с капитаном и к великому облегчению местной милиции сообщил, что Осетров проходит по его делу, после чего старшина с лицом хомяка стал вежлив, предупредителен и даже шустр.

Лидочка отказалась снова ехать в поселок, и Шустов отпустил ее восвояси. Зато Татьяна, отдохнувшая и чувствующая собственную значимость, сказала, что поедет с Шустовым и толстяком из внуковской милиции. С ними же отправился Саша-Шерлок Холмс. Эдуард хотел подвезти Лидочку на своем оранжевом джипе, но тут подошла электричка, и Лидочка от него сбежала.

До дома она добралась на последнем издыхании.

Главное — чтобы никто не беспокоил, никто не разговаривал, никто не звонил в дверь или по телефону... Главное — чтобы наступила тишина. Даже без вороньего крика.

Она разулась, разделась, залезла под горячий душ выгнать из себя неистребимую мелкую дрожь, которая терзала ее с того самого злополучного участка. Наверное, я заболеваю. Еще не хватало гриппа! А впрочем, почему не хватало? Может быть, в этом и есть выход? Они все суетятся, вызывают тебя свидетелем, убивают друг друга, душат и терзают, а я лежу, больная, и принимаю аспирин...

Телефон начал трезвонить, как только Лидочка закрылась в ванной.

К счастью, вода шумела и заглушала вопли аппарата.

Дрожь постепенно прошла, Лидочка почувствовала себя человеком. И более того — преследовавший ее образ изломанной окровавленной куклы, которая лишь недавно была испуганным, но спесивым человеком, тоже отступил из сознания, и Лида вновь обрела способность думать.

Почему она решила, что Осетров прячется от милиции? Потому что ему было положено прятаться от милиции, которая его подозревала в убийстве Алены и намеревалась посадить в тюрьму? Но в таком случае он должен был мчаться куда-то за пределы России, по крайней мере, за пределы досягаемости лейтенанта Шустова. Если он — видный партийный работник, то его должны были вывезти в Узбекистан или Туркмению, где коммунисты чувствуют себя в безопасности. Правда, это могло быть так только в случае, если он коммунистам нужен. Но если он никакой ценности для реанимации коммунизма в одной отдельно взятой стране не представляет, то, скорее всего, коммунисты будут первыми, кто отшатнется от морального урода, который заводит любовниц вдвое младше себя, да притом на службе, куда его с таким трудом пристроили. И тогда он должен бежать сам по себе, с помощью друга детства или тети, живущей в недоступной дня нашего правосудия Нарве. Но вместо этого Осетров надевает лыжный костюм, берет с собой тот же самый старенький рюкзак и отправляется в поселок «Наставник» Наркомпроса СССР, где когда-то была дача бабушки его любовницы. Дача сгорела. Около двух лет назад. Так говорят свидетели.

На даче они бывали на заре своего романа. С ней связаны светлые воспоминания, но это еще не основание для того, чтобы в разгар зимы мчаться на спаленный участок и, сидя рядом

с пепелищем, давно и густо запорошенным снегом, предаваться воспоминаниям о любви.

На даче можно скрыться, зная, что там сгорело не все — что там остался хозблок, сарайчик, в котором стоит электрокамин. То есть там можно переночевать, там можно пересидеть три дня. Но почему только три? Чтобы все успокоилось? Но что может успокоиться за три дня? Загадка: пожилой солидный человек, семьянин, вина которого не доказана и сомнительна, бросает все и таится в сарайчике на пепелище, что можно сделать лишь в смертельном страхе...

Лидочка начала вытираться, все еще игнорируя настойчивые вопли телефона.

Нет, ей эту загадку не распутать. Саша-Шерлок Холмс полагает, что убийцы что-то искали в хозблоке. Все перерыли. Что мог отыскать товарищ Осетров на пепелище? Триста долларов, взятых у Алены? Опять — двадцать пять! Не могут эти доллары решить его судьбу! Но что-то ее решило.

Одно совершенно ясно: бежал и скрывался Осетров вовсе не от милиции и правосудия, он бежал туда от убийц. И убийцы его нашли. Но как они его нашли?

И если смерть Осетрова — дело рук жестоких безжалостных садистов — может быть, тех наемных убийц, о которых так робко и с придыханием пишут газеты, то что можно сказать о смерти Аленки? Не связана ли она с теми же причинами? А что, если Осетров знал о настоящей причине гибели Алены? И эта причина была для него настолько страшна, что он хотел от нее укрыться и полагал, что дача, о существовании которой почти никто не знал, — самое надежное для этого место?

Голова кругом идет. И еще этот взбесившийся телефон!

— Кто? — Лидочка задумавшись подняла трубку и, продолжая вытирать голову, свободной рукой поднесла ее к уху.

— Господи, я думала, что тебя убили, — это был голос Сони. — Что с тобой произошло? Мне не хватало еще твоего трупа.

Лидочка представила, как Соня ломает в пальцах погасшую сигарету. Господи, она совсем забыла о Сониных бедах!

— Я была на даче, — сказала Лидочка. Она не собиралась ни жалеть Соню, ни проявлять деликатность. В конце концов Соня спокойно обманывала Лидочку, утверждая, что ничего не знает о садовом участке Маргариты Флотской. Знала она о нем!

— На какой даче? — спросила Соня. Она перевела дух — затянулась. — У Татьяны?

— Теперь у Татьяны. Но раньше это была дача Маргариты, а потом она перешла к Алене. И вы на ней не раз бывали.

— Какая дача? Я ничего не знаю.

— Если не знаешь, то мне с тобой не о чем разговаривать.

Так как Соня молчала, Лидочка повесила трубку и успела вытереть волосы и включить фен, прежде чем телефон зазвонил вновь. Конечно же, это была Соня.

— Лида?

— Перезвони мне через пятнадцать минут, — сказала Лидочка. — Я сушу волосы и все равно ничего не услышу.

Она положила трубку и спокойно занялась сушкой волос. Она была уверена, что Соня позвонит — куда деваться этой особе, перепуганной, как зайчишка? Сейчас она позвонит и скажет, что не говорила Лидочке о даче, потому что... а любопытно почему?

Телефон зазвонил через пятнадцать минут без десяти секунд — Лидочка поглядывала на часы.

— Извини, — сказала Соня. — Я понимаю, что у тебя есть основания мне не доверять и даже сердиться на меня. Но садовый участок Маргариты — эта такая древняя история! После того как дача сгорела, не было смысла туда ездить.

— И не ездили?

— Конечно, почти не ездили.

— Но я сегодня там была. Там остался хозблок — две комнаты, электрокамин, кушетка — явно туда ездили. Там даже жили. Почему ты об этом не знала? От тебя скрывали? Тогда почему ты говоришь, что была лучшей подругой Алены?

Лидочка слышала свой голос — он как будто принадлежал не ей. Как могла она скрыть от Сони смерть Осетрова и упрекать ее во лжи, заманивая в ловушку?

— Нет, я знала, конечно, знала, — мямлила в ответ Соня. — Но зачем тебе знать, это такой пустяк, это так неважно.

— Неважно? — совсем уж рассердилась Лидочка. Тут уж она не притворялась. — Тогда почему Осетров поехал туда? Что он там потерял?

— Значит, он все же поехал туда? — Соня была напугана. Она точно была напугана. — Вот почему он был в лыжном костюме. Ты мне сказала, а я не придала значения...

— Его там убили, — сказала Лидочка.

— Что?

— Его там убили. И не только убили. Его страшно мучи-

ли. Когда мы нашли его, он был весь изломан... — Лидочке не хватило дыхания, ее голос сорвался, но Соня не слышала этого — она выла. Когда Лидочка замолкла, смущенная странным звуком, доносившимся из трубки, она поняла, что это именно вой — на одной ноте, тупой, почти звериный, но более высокий по звуку — его можно было спутать с гулом, который издает рой пчел...

— Соня? Соня! Что с тобой?

Упала трубка. И короткие гудки.

Когда Лидочка пришла в себя после этого разговора, ей стало стыдно, что она так разговаривала с Соней. Та и без нее напугана. У нее свои беды — беды, неведомые Лидочке, но общие для всех тех людей — Алены, Осетрова, Сони... Двое из них уже погибли, а Сонечка, запутанная в те же дела, боится смерти. И, наверное, имеет все основания ее бояться. Так что никакого права упрекать Соню во лжи Лидочка, наблюдательница со стороны, не имела.

Лидочка набрала номер Сони, но там было занято.

Интересно, что узнал Шустов о смерти Осетрова? Лучше не думать об этом, потому что тогда сразу перед глазами встает картина мучительной пытки Осетрова. Ни один человек, думала Лидочка, не бывает виноват настолько, чтобы его так замучили. Даже если он убил Алену и это была месть за ее смерть.

Домашнего телефона Шустова Лидочка не знала. И, наверное, хорошо, что не знала — зачем ей превращать отношения деловые, случайные, в более личные? Может, снова позвонить Соне?

У Сони занято.

Не возвратилась ли Татьяна в квартиру к Алене? Хоть она и собиралась вернуться в Переделкино, но могла передумать.

Телефон у Алены не отвечал.

Несколько раз Лидочка набирала каирский номер, но связь срывалась на пятой цифре — то ли здесь, то ли, как еще недавно принято было говорить, «за пределами Советского Союза».

И тут снова позвонила Соня.

— Расскажи мне, что было, — попросила она.

Говорила она тихо, как всласть наплакавшаяся женщина. Тихо, ровно и даже умиротворенно.

— Тут мало что можно рассказать, — сказала Лидочка. — Меня туда Татьяна повезла.

— А откуда она узнала адрес дачи?

— Соня, да скажи мне, почему это — тайна?

— Никакая это не тайна, но Татьяну они никогда туда не подпускали. Это было принципом. Поэтому мне интересно, кто ей рассказал.

— Она сама догадалась. Нашла какое-то письмо... Все равно рано или поздно она обо всем бы догадалась.

— А Осетров и в самом деле был совсем мертвый? Никакой надежды?

— Он погиб, наверное, за день до того, как мы его нашли.

— Его Татьяна нашла?

— Татьяна оставалась в машине.

— Зачем? В какой машине?

— Тебе все детали важны или только самое важное?

— Я не знаю, — Соня снова начала плакать. Но при этом она могла говорить.

— Я пошла на участок с одним человеком. Мы увидели много следов. В снегу. И возле хозблока, — рассказывала Лидочка.

— Он был в хозблоке?

— Да.

— Он долго там был?

— Откуда я знаю! Но человек, который был со мной, предполагает, что Осетров намеревался там пожить.

— Дальше, дальше!

— Я увидела его. Он лежал на полу. Они его жутко избили перед смертью.

— Кто они? Их поймали?

— Соня, не мели чепухи. Если кто и знает убийц Осетрова, то я думаю — это ты.

— Нет, нет! Клянусь тебе, нет! Для меня это такая же неожиданность. Как тебе не стыдно!

— Ты вчера еще проклинала Осетрова и говорила, что твой Петрик его за триста долларов достанет.

— Да ты с ума сошла, что ли? Неужели он будет за триста долларов? Притом он вовсе не мой. Я его еще больше боюсь, чем Осетров боялся.

— Тогда ты должна немедленно позвонить Шустову и рассказать, что подозреваешь в убийстве Петрика.

— Я его не подозреваю! Он совсем в другом месте был... — Соня замолчала, и Лидочке показалось, что она слышит тихий неразборчивый голос, словно кто-то шепчет на ухо Соне. — А еще что ты узнала? — спросила Соня. — Какие-нибудь подозрения есть?

— Я уехала, я не стала дожидаться. Там Шустов.

— А ему там что делать? Там же внуковская милиция должна быть.

— Не знаю, меня это не касается.

— Нет, Лидочка, ты только не вешай трубку. Мне так страшно! А что там еще было?

— Тот человек, который со мной был, ты его не знаешь, считает, что убийцы что-то искали — весь домик вверх дном перевернули.

— И нашли?

— Откуда мне знать, если я даже не знаю, что они искали.

— Ну хорошо, — сказала Соня. — Тогда до свидания, я тебе еще позвоню, хорошо?

— До свидания, — ответила Лидочка. Потом она услышала щелчок — кто-то положил параллельную трубку. — Ты здесь? — спросила Лидочка.

— Спокойной ночи, — сказала Соня. И всхлипнула.

— А у тебя два аппарата? — спросила Лидочка.

— Нет, один, — быстро ответила Соня, — спокойной ночи.

Короткие гудки.

Лидочка не поверила Соне.

Разумеется, у нее не было основания строить догадки, но Лидочке показалось, что Соня говорила неестественно, словно задавала вопросы по подсказке. И разговор подслушивали. Может, это тот самый Петрик, охотник за долларами? А может быть, усатый тип в джинсовой куртке. А может, и третий, совершенно неизвестный Лидочке. И что им всем нужно? От мертвой Алены, от мертвого Осетрова, от перепуганной Сони, от Лидочки, наконец.

Никто не ответил на эти немые вопросы.

Как бывает в детективных романах? Загадочная карта, на которой указано место закопанного пиратами или разбойниками клада. Проклятие близнецов — один из них идеальный и жертва — например Осетров, другой — злодей и убийца, рассчитывающий на наследство... Но все наследство пока что переходит к толстой и немощной Татьяне. А она менее всего похожа на убийцу. Даже если бы она и захотела кого-то убить, то в ночь Аленкиной смерти она точно была в Переделкине, а к тому же ей трудно было бы пытать Осетрова.

Лида начала дозваниваться на междугороднюю, чтобы зака-

зать Каир. На любое время ночи. Только обязательно. Срочно. Если для этого придется разбудить президента Мубарака, будите президента!

* * *

Президента Мубарака разбудить не удалось, в Каире вообще было трудно кого-нибудь разбудить. В три часа Лидочка свалилась без сил и задремала, а в четыре позвонил Андрей, который и не подозревал, что его разыскивает жена, но сам беспокоился, почему несколько дней от нее нет весточки.

— Господи, Андрюша, я уж не чаяла тебя услышать!

— Неужели так плохо? — этот мерзавец даже не встревожился. У него был сытый голос человека, только что слезшего с пирамиды, где он пил портвейн и закусывал омарами.

— Андрей, перестань быть таким довольным жизнью! — взмолилась Лидочка.

— Ты здорова?

— Я совершенно здорова, но уже два человека убиты, и нашлась шкатулка, но пустая. У тебя сколько денег?

— Что ты несешь, мой ангел?

— Мне нужно пять минут, чтобы тебе все рассказать, я не могу тебе не рассказать, я не представляю, что делать дальше, хотя, вернее всего, я и не должна ничего делать.

— У меня хватит денег на твою исповедь. Но лучше начинай без предисловия.

Десяти минут вполне хватило на рассказ, несмотря на то, что Андрей несколько раз перебивал Лидочку, потому что ей казалось, что известное ей, виденное ею должно быть так же очевидно и для Андрея.

Вердикт Андрея был стандартным вердиктом обыкновенного мужа — немедленно собирай сумку и перебирайся к Гале или к Ахметовым.

— Нет, мне не очень страшно, меня охраняет лейтенант Шустов.

— Он может быть лучшим в мире лейтенантом, но сейчас он спит. И будет завтра на службе. А ты одна. Пожалуйста, Лидочка, скройся.

— Но почему ты так настаиваешь на этом?

— Я не верю в то, что это история о несчастной любви. Мне кажется, что за этим стоят деньги или преступление, которое надо сокрыть. А получается, что ты слишком приблизилась к эпицентру событий. Хоть бы тебя не понесло вчера на эту дачу!

— Я там не заметила ничего, достойного внимания.

— Это ты так думаешь. Когда ты стояла у окна на кухне, тебе тоже казалось, что ты не видишь ничего особенного — номер машины, несколько лиц — всего-то делов...

— Это ты во всем виноват, повелитель, — ответила Лидочка. — Кто, кроме тебя, выбирает самолет, к которому приходится вставать в то время, когда по улицам ездят только бандиты?

— Хорошо. Я во всем виноват. Но я не хочу быть виноватым в том, что тебя не предупредил. И предупреждаю, если ты не уедешь немедленно...

— Сейчас? Когда на улицах только бандиты?

— Утром! Первым делом как проснешься. И не говори мне сейчас, куда ты собралась — у них есть замечательные средства прослушивать телефонные разговоры. И никому не открывай дверь.

— Ты говоришь, как мой лейтенант Шустов.

— Отношения с Шустовым мы разберем, как только вернемся в Москву. Ты обещаешь уехать?

— Обещаю.

— Спокойной ночи. Проверь, закрыт ли второй замок?

Лидочка честно проверила второй замок. Он был открыт. Она закрыла его. Но спать не было никакой возможности. До разговора с Андреем Лидочке в голову не приходило бежать...

Телефон зазвонил вновь. И вновь междугородний.

Это был Андрей.

— Я вспомнил, — сказал он, — извини, если разбудил, но я вспомнил.

— О Татьяне?

— О какой еще Татьяне? О шкатулке! Ты не спала?

— Прошло всего пятнадцать минут после твоего звонка!

— Неужели? А у меня ощущение, словно два часа. Потому что я интенсивно думал. Ты уверена, что шкатулка пустая?

— Разумеется.

— Понимаешь, прошло черт знает сколько времени, но у меня есть глубокое убеждение в том, что у шкатулки было двойное дно. И оно открывалось. Я совершенно не помню, как это делалось — хоть убей не помню. Но чтобы не заниматься пустыми поисками сокровищ, проверь меня: смерь сантиметром высоту шкатулки снаружи, а потом внутри. Если разница сантиметра в два — имеет смысл поискать, что лежит в том пространстве. Может быть, дневники или хотя бы часть их? Ты меня поняла?

На этом связь прервалась. Но Лидочка даже не расстроилась, потому что у нее было занятие, достойное Шерлока Холмса. Каменщик Саша умер бы от зависти.

Следовало определить, есть ли в шкатулке двойное дно, а если таковое обнаружится, то в полости, скрытой веками от человеческих глаз, могут таиться не только дневники Сергея Серафимовича, но и секретный рескрипт Екатерины Второй о даровании дворянства их роду. Впрочем, шкатулка была не такая старая.

Лидочка принесла шкатулку из шкафа, поставила на кухонный стол, взяла с письменного стола линейку и открыла шкатулку. Золотистое сукно, которым шкатулка была обтянута изнутри, потерлось, но не очень. Лидочка приставила линейку к внутренней стенке, глубина шкатулки оказалась тринадцать с половиной сантиметров.

Ничего не получится, уговаривала себя Лидочка, чтобы потом не расстраиваться, не бывает в шкатулках второго дна, это все из плохих романов, зачем второе дно шкатулке, в которой хранились пуговицы и нитки? Однако эксперимент Лидочка продолжила. Она вынула линейку из шкатулки и приложила ее вертикально к стенке снаружи. На линейке было 164 миллиметра. Лидочка повторила упражнение.

Никаких сомнений не было. Если линейка не обрела способность удлиняться или укорачиваться по собственной воле, то, значит, низ шкатулки был необычайно толст. Или Андрей прав — в шкатулке есть второе дно. Конечно, туда не засунешь дневники Сергея Серафимовича, но ведь шкатулка была сделана куда раньше дневников, и там могли таиться другие сокровища.

Лидочка подняла шкатулку. Она была умеренно тяжелой, так что если там и находилось что-то, то не металлическое и не каменное — иначе бы руки подсказали мозгу, что вес не соответствует размерам ящика.

Лидочка легонько встряхнула шкатулку. Шкатулка молчала, не желая подсказывать Лидочке, есть ли в ней тайна. Лидочка простучала рукояткой ножа дно шкатулки — оно отзывалось так, словно там была пустота.

Затем Лидочка отыскала лупу и стала тщательнейшим образом обследовать стенки шкатулки с целью обнаружить в них тонкую щель. Попытки вставить в несуществующую щель лезвие ножа успехом не увенчались. Если какой-то старый мастер и сделал тайник, то он позаботился о том, чтобы Лидочка через двести лет его не увидела.

Отчаявшись увидеть следы тайника, Лидочка принялась искать его замок на ощупь. Но пальцы скользили по гладкому полированному дереву, им не на чем было задержаться.

Лидочка потратила не меньше двух часов, чтобы раскрыть секрет шкатулки, но ничего из этого не вышло. Дозваниваться в Каир было бесполезно, потому что если бы Андрей вспомнил, то позвонил бы сам обязательно.

Заснула Лида под утро, но несколько раз просыпалась от того, что ей казалось, как во сне к ней пришло решение. Но вокруг царила тишина, и никакого решения наяву не оставалось — оно растворялось вместе со сном.

Проснулась она разбитая, будто и не спала вовсе.

Она вошла на кухню, с ненавистью поглядела на шкатулку, которая тупо возвышалась посреди кухонного стола, и тут все ночные размышления, все попытки догадаться слились в одном незаметном для Лидочки усилии — она сообразила, что второе дно выдвигается проще простого: надо перевернуть шкатулку и, сильно нажимая ладонью на дно, выдвинуть его вперед.

Что Лидочка и сделала.

Шкатулка покорно перевернулась — дно ее было не полированным, шершавым. Лидочка нажала на дно ладонью — точно в центре. Что-то внутри тихо щелкнуло, и Лидочка вовсе не удивилась — она была убеждена, что действует правильно.

Тонкое днище, выструганное из твердого дерева, выехало, словно крышка пенала, и от этого движения пачки денег, которыми был набит тайник, начали вываливаться на стол, а одна даже упала на пол.

Это были пачки стодолларовых купюр. В каждой по пять тысяч, всего семь пачек. Правда, и число их, и количество денег в каждой пачке Лидочка узнала позже, когда пересчитала все деньги. А сначала она решила почему-то, что это старые деньги, пролежавшие в шкатулке сто лет. Потом только увидела, что новые, некоторые даже 1993 года.

* * *

Лида сидела, разглядывая купюры. Потом только начала их считать, да и то машинально, чтобы удобнее было думать. Она умела считать и думать. Она раскладывала деньги на стопки по десять бумажек в каждой — по тысяче долларов. Получилось тридцать пять стопок, тридцать пять тысяч долларов.

К тому времени, когда Лидочка кончила считать, она уже успела многое обдумать. Во-первых, она решила, что деньги не могли лежать в шкатулке со времен Маргариты Потаповой. Какой бы богатой бабушка ни была, покойнице никак бы не удалось пользоваться деньгами прошлого года. А раз так, значит, о двойном дне узнал или догадался случайно один из тех, кто имел доступ в квартиру Алены...

Скорее всего, Маргарита рассказала о двойном дне внучке. А та ни с кем, даже с Соней, секретом не поделилась, но сама им воспользовалась.

Кому принадлежат доллары? Алене? Или они получены на сохранение? Сумма достаточно велика, чтобы ради нее пойти на преступление. Она могла возникнуть от финансовых дел, от крупной продажи бабушкиных драгоценностей, но была слишком мала, чтобы оказаться тайным золотом коммунистической партии. Впрочем, и коммунистическую партию нельзя сбрасывать со счетов.

Значит, главная проблема — кому принадлежат тридцать пять тысяч долларов. Принадлежать они могли любому из действующих лиц драмы. Алене — в первую очередь: они хранились в ее шкатулке.

О тайнике никто, кроме Алены, не знал. Соня наверняка искала в квартире Алены триста долларов, которые якобы исчезли после ее смерти. Но даже зная, что шкатулка стоит у Лидочки дома, совершенно не обращала на это внимания. Вторая жертва — Осетров — сам принес шкатулку в милицию как вещь совершенно ненужную. Значит, тоже о двойном дне не знал. И о долларах не догадывался. Допустим, о деньгах знала Татьяна Иосифовна — недаром она три дня вела раскопки в квартире. Но о шкатулке она не подумала. Тогда остается лишь Алена. Только она знала о секрете шкатулки. Только она могла спрятать туда деньги. Это для следствия важно...

Лидочка в задумчивости зажгла газ, поставила на плиту чайник.

Но если она знала о деньгах и прятала их в месте, неизвестном даже возлюбленному, даже лучшей подруге, значит ли, что она им не доверяла? Нет, она могла прятать эти деньги от неизвестного убийцы и хранила молчание, чтобы не подвергать опасности друзей и любимых. Подумав так, Лидочка тут же сама себя остановила — это маловероятно.

Кофе горчил. Больше, чем нужно. Может, кто-то хочет ее от-

равить? Но ведь никто еще не знает, что ключ ко всем убийствам лежит у нее на кухонном столе.

Лидочка отодвинула стопки денег.

Что же теперь делать? Впрочем, выбор невелик — дождаться, пока придет Шустов, и отнести ему деньги. Пускай разбирается.

А откуда у Алены такие деньги? Кто их оставил ей, кто доверил? Для кого она их прятала?

Надо позвонить Шустову, чтобы он приехал. Андрей просил не выходить на улицу. Но ведь Лидочку никто не подозревает...

Прежде чем Лидочка успела позвонить в милицию, ей позвонила Соня. Как на работу. Дня не проходило без ее звонка. Этой толстухе до всего есть дело — то она мчится к чужой маме, чтобы та спасала дочку от смерти... Но ведь оказывается права. Если бы Татьяна приподняла свой зад и отправилась в Москву, Алена, скорее всего, осталась бы жива.

— Я тебя не разбудила? — спросила Соня.

— Нет.

— А что ты делаешь?

— Завтракаю.

— Ты счастливая, Лидка, ты можешь спать и есть. А я не могу.

— Почему?

— Мы все для тебя чужие. Совсем чужие. Ну, убьют меня сегодня — ты взгрустнешь на две минуты и пойдешь дальше своим путем.

— Соня, не говори красиво.

— Я стараюсь вообще говорить поменьше. Мой язык — мой враг. Если бы ты знала, сколько раз я себя подставляла. Скажи, можно я к тебе приду?

— Я собираюсь уходить...

— У тебя кто-то есть? У тебя мужчина?

— У меня нет мужчины.

— Но ведь твой муж в командировке.

— Если ты выйдешь замуж, то будешь ждать, когда муж уедет в командировку, чтобы поскорее ему изменить?

— Может быть.

— Тогда тебе нет смысла выходить замуж.

— Вот меня никто и не берет, — Соня засмеялась. — А куда ты собралась?

— К Шустову.

— Что-нибудь обнаружилось?

— Ничего особенного.

— Нет, ты скажи, скажи! Пойми, как мне это важно.

— Я обещала к нему пойти.

— Зачем?

— Ну, потому что я вчера нашла труп Осетрова. Ты что, забыла? — придумав убедительный предлог, Лидочка обрела уверенность.

— Он тебя с утра вызывает?

— С утра. А как ты думаешь, что они искали? — Лидочка перешла в наступление.

— Кто «они»?

— Убийцы.

— Деньги, конечно же, деньги.

— Те триста долларов, про которые ты говорила?

— Нет, про те они не знали. Они их у меня хотят отобрать. Они другие деньги искали.

— Откуда же деньги у старшего научного сотрудника?

— Им всем раздали, когда компартию распустили. Руководящим работникам по несколько тысяч долларов, это всем известно.

— Значит, это твой однокашник?

— Кто? — не поняла Соня.

— Петрик. Он же ссужает деньги.

— Ой, не знаешь, помолчала бы! Петрик — честный мужик. Ему чужого не надо.

— Почему же его боишься? Сама говорила, что он за триста долларов голову оторвет.

— Ты меня не так поняла. Сейчас у Петрика кризис. У него каждый бакс на счету. Он за цент глотку перегрызет. Потому что человек в стрессе меняется.

— И он мог убить Осетрова за триста долларов? — настаивала Лидочка.

— Он вообще никого не в состоянии убить! — Соня встала на защиту своего однокашника. — Он у нас в классе почти отличником был. Если бы ты знала, какое у него было тяжелое детство.

Спор был не по существу, о чем Лидочка и сообщила Соне. Соня обиделась на нее, и тут Лидочка, чтобы остановить поток слез, готовых вырваться из Сони, спросила, как оказалось, ошибочно:

— А сколько ему нужно, чтобы убить из-за этого человека?

— Я тебя не поняла.

— Ну сколько, тысячу долларов, три тысячи, десять тысяч?

— Нет! Нет!

— Двадцать тысяч? — Лидочка вдруг почувствовала себя подобно ведущему телевизионной игры, который спрашивает: «Ну, приз или миллион рублей?», и на очередное «нет» Сони, она произнесла:

— Тридцать пять тысяч?

— Сколько? — спросила Соня.

— Тридцать пять тысяч, — слово уже вылетело.

— Не надо, — после долгой паузы сказала Соня. — Глупый спор, и ничего мы с тобой не вернем. Мне страшно и одиноко. Можно я приду к тебе погреться? Возле тебя тепло.

— Нет, Соня, давай перенесем встречу на вечер. Сейчас я в самом деле ухожу к Шустову.

— Вечером меня может не оказаться в живых.

— До вечера, — сказала Лидочка и повесила трубку.

Не надо было произносить цифру тридцать пять. Если Соня откуда-то знает о деньгах, именно эта сумма должна ее насторожить. Но вроде бы она не обратила внимания...

Лидочка набрала номер Шустова. Никто не подошел. Было девять часов. Шустов может быть во Внукове. Он осматривает сторожку и ищет следы убийц. А может быть, вчера поздно вернулся и лег спать.

Стоит отнести деньги самой. Именно сейчас, пока тихо и все бандиты еще досыпают последние сны.

Но выйти на улицу было страшно — и Андрею она обещала не выходить. Нет, лучше спрятать как следует деньги, а самой пойти в отделение милиции.

Почему такое странное решение пришло ей в голову, Лидочка понять не могла. Ну сидела бы дома, не подходила к телефону, ждала бы, пока придет на службу Шустов или хотя бы Соколовская. Позвонила бы, в крайнем случае, в милицию, заявила, что к ней ломятся бандиты — но не стала бы избирать самую глупую линию поведения.

Лидочка сложила доллары в пачку и направилась к бельевому шкафу.

Открыла нижний ящик и вознамерилась спрятать доллары под белье. И тут же мысленно услышала фразу, сказанную сыщиком в каком-то американском фильме: «Все мужчины прячут деньги в книгах, все женщины — в белье». Раз так, то она спрячет деньги в книгах — никто не догадается.

Она подошла к стеллажу и тут же подумала: а почему кто-то должен искать деньги у меня? Ах да, она сказала о тридцати пяти тысячах Соне, и Соня может сказать кому-то еще. Надует щечки и скажет: «Только не бейте меня!»

А почему надо прятать деньги в стеллаж, если у нас есть замечательный тайник? Одна покойница его уже использовала!

Лидочка стала запихивать деньги обратно под дно шкатулки. При этом она умудрилась поглядеть в окно и увидеть, что на градуснике опять десять мороза и придется надевать пуховку. О чем она думает! Какая еще пуховка?

Она засунула все деньги в шкатулку, защелкнула пенал двойного дна и стала думать, куда ее спрятать. Потом догадалась, что прятать ее не следует — шкатулку все видели, и никто на нее не реагирует. Лидочка взяла сапоги, потом решила, что Шустов, наверное, уже пришел, и направилась к телефону.

И тут позвонили в дверь.

И вдруг Лидочке стало страшно.

* * *

Лидочке показалось, что это пришли бандиты.

Она на цыпочках сделала два шага, отделявшие ее от двери, держа в руке так и ненадетые сапоги, наклонилась и осторожно отвела в сторону крышечку глазка.

Она успокоилась.

За дверью стояла одна Соня — расхлюстанная, платок набок, шуба нараспашку. Круглые щечки опять стали вишневыми — столь обильно она орошала их слезами.

Соня словно догадалась, что Лидочка ее видит, и приложила палец к губам, призывая Лидочку к молчанию. Этот жест был совершенно непонятен. Но так как Лидочка не спешила открывать дверь, опасаясь, что за лифтовой шахтой могут скрываться злоумышленники, которые держат Соню в лапах, Соня позвонила снова, прерывисто, словно выбивала непонятную Лидочке морзянку.

Убедив себя в том, что Соня на лестничной площадке одна, Лидочка приоткрыла дверь.

— Ты что? — спросила она шепотом.

— Пусти меня! Скорее. Они могут меня выследить, тогда нам обеим кранты!

Лидочка приоткрыла дверь шире, чтобы несчастная Соня

могла протиснуться, но Соня оказалась толще, чем Лидочка рассчитывала, и потому застряла в дверях, и пришлось открыть дверь настежь.

Соня протискивалась медленно, боком, она наваливалась на Лидочку в тесной прихожей и говорила быстро, шепотом:

— Меня могут преследовать, ты будь крайне осторожна! Я боюсь!

Но как и откуда появились еще двое, Лидочка тогда не сообразила потому, что они ворвались в прихожую за спиной Сони, как будто пассажиры, кидающиеся в вагон метро, когда двери уже закрываются.

Лидочка потеряла равновесие и упала на спину, не почувствовав сразу боли, потому что те мгновения, когда все это приключилось, были слишком коротки для того, чтобы понять — что же вообще происходит.

Лидочка полусидела на полу, неудобно опершись спиной об угол вешалки, на ней, пыхтя и повизгивая, лежала мягкая горячая Соня, один из ворвавшихся захлопнул дверь, второй наклонился и потащил Лидочку за рукав кофты.

— Что вы делаете? — к Лидочке возвращалась способность говорить и возмущаться, но бандит не желал с ней разговаривать — он упрямо тянул ее из-под Сони и одновременно пытался ногой оттолкнуть Соню, которая ему мешала.

— Ну! — крикнул он Соне и Лидочке, как бы требуя, чтобы они ему помогали. — Ну!

Второй пришел к нему на помощь. Он рванул на себя Соню, и она клушей уселась на пол — толстые коленки в теплых желтых колготках торчали врастопырку.

И тут Лидочка узнала во втором бандите Петрика, Алика Петренко, который так вроде бы заботился о ней после покушения, что посылал Ларису с советом молчать и не вмешиваться. Алика Петренко, предмет гордости его однокашников, с которым они только что стояли рядом у гроба Аленки. Алика Петренко, с которым Лидочка познакомилась чуть раньше, чем с остальными действующими лицами драмы, и чуть не получила из-за него пулю в лоб.

— Алик! — удивилась Лидочка, поднимаясь на ноги, хотя удивляться было нечему — все становилось на свои места. Обо всем надо было догадаться раньше, только заменив несчастные триста долларов, собранные для шоп-тура, на тридцать пять тысяч, оказавшихся во владении Алены Флотской.

Как бы в ответ на возглас Лидочки телохранитель Петрен-

ко, а Лидочка тоже его узнала, неожиданно и больно ударил ее по лицу — открытой ладонью, как бьют женщин низкого поведения в классических фильмах. Голова дернулась и ударилась о вешалку. Лидочка больно прикусила язык.

— Вы что...

Больше она ничего не успела сказать. Упершись ей в лицо широкой жесткой ладонью, телохранитель толкнул ее в комнату, и Лидочка ударилась спиной о стул, стул упал, она попыталась ухватиться за что-нибудь, но ничего под рукой не оказалось, и она завалилась набок. Тут ее ударили сапогом в бедро.

Зазвонил телефон — он стоял на кухне — звонил долго, без перерывов, как будильник.

— Да выключи его! — крикнул Петрик.

И тут же закричал снова:

— Не так, пускай Сонька подойдет. Ты слышишь, сука?

— А что, а что? — Сонька умудрилась подвывать от страха при каждом слове.

— Да скажи ты, что не сюда попали!

Лидочка старалась подняться, но телохранитель, облаченный в ту же черную кожаную куртку, в которой был на похоронах, приказал ей:

— Сидеть!

Лидочке захотелось вдруг стать маленькой и незаметной и проснуться, когда все уже кончится. Главное — не сердить их, тогда они уйдут.

Из кухни было слышно, как Сонька произнесла плачущим голосом:

— Вы не туда попали... нет, это другой номер.

— А теперь сними трубку, — приказал Петрик. — Вот так.

Он вошел в комнату и остановился, глядя на Лидочку.

— Вы что на полу сидите? — спросил он так, как спросил бы любой нормальный человек.

Лидочка послушно поднялась, оглянулась. Стул был опрокинут, никто не собирался ставить его на место. Пришлось сесть на диван.

— Где деньги? — спросил Петрик.

— Что? — от такого вторжения Лидочка вовсе забыла о деньгах. Потому вопрос ее был искренним.

— Где тридцать пять тысяч баксов? — спросил Петрик терпеливо.

— Тридцать пять тысяч? Я не понимаю.

Ситуация возвращалась к нормальному течению жизни. Она

была опасна, она была неприятна, но, по крайней мере, теперь все становилось на свои места. Недаром ей показалось еще вчера, что Сонин разговор прослушивают, — видно, Петрик, старый школьный друг, смог запугать Соньку и включиться в поиски таинственных денег, спрятанных перед смертью Аленкой. И во всем виновата сама Лидочка, которая в разговоре с Соней неосторожно упомянула именно эту цифру. Все произошло по законам Фрейда — подсознательно она думала о тех долларах, которые нашла в шкатулке. А Соня или же стояла в тот момент рядом с Петриком, или проговорилась под его нажимом. Впрочем, это сейчас не так важно. Важно убедить Петрика, что она и представления не имеет, о каких деньгах идет речь.

Петрик лениво кивнул — как будто встретил на улице малознакомого человека, и Лидочка не поняла, что означает этот кивок. Но тут же телохранитель, почти не размахиваясь, ударил ее в глаз — никогда еще Лиду так не били — удар был болезненным, и ей показалось, что сместились шейные позвонки.

Лидочка схватилась за глаз, и телохранитель ударил ее в живот, руки у него были длинные, ему почти не пришлось наклоняться.

Лидочка согнулась, не отпуская рук от глаза.

— Ты будешь говорить? — спокойно спросил Петрик. Лидочка не поднимала головы и не открывала глаз, но представляла перед собой эту плотную статную фигуру в широком, верблюжьего цвета пальто, эти розовые детские щеки, эти добрые маленькие глаза. Он был как брат Сони — только Соня вся мягкая, податливая, близорукая и щечки мягкие, тронь пальцем — палец провалится, тогда как у Петрика тело и лицо были упруги, тверды, надуты молодым мясом.

— Я не знаю.

— Тогда слушай меня, курва, внимательно, — сказал Петрик. — Времени у меня мало. Так сказать, на земле меня ждет быстрокрылая птица. Без этих баксов моя жизнь за рубежом осложнится. Мне надо скрываться от плохих мальчиков, моих врагов, мне надо жить и основать свой бизнес. У меня большие планы. Так что мои деньги мне нужны, ты поняла?

Лидочка ничего не поняла. Глаз болел — как бы бандит не повредил его...

— Сейчас ты скажешь мне, где лежат эти бабки. Они все равно не твои, и тебе они не нужны. У тебя муж зарабатывает — тебе не нужно.

— Я не знаю, — произнесла Лидочка скорее из чистого упрямства, потому что Петрик был совершенно прав — у нее муж хорошо зарабатывал и она сама зарабатывала — зачем ей нужны были эти чужие деньги? Но деньги были грязные, из-за этих денег убили Алену и Осетрова. Эти деньги надо отдать лейтенанту Шустову, и пускай он сам разбирается, кому они принадлежат.

Телохранитель больно ударил Лидочку в бок; оттого, что она не ожидала удара, получилось особенно больно — Лидочка даже вскрикнула.

— Кричи не кричи, — наставительно произнес Петрик. — Тут стены толстые — в соседних квартирах не слышно. В десятом классе я в этом доме одну телку тянул, она вопила, как коза недорезанная, — хоть бы кто услышал.

Петрик говорил серьезно, а телохранитель громко рассмеялся.

— Ты внимательно слушай, — продолжал Петрик ровным и скучным голосом. — Времени у нас нет. Гоша будет тебя мучить. Он тебе сделает очень больно. Он выдавит твои глазки и сломает твои пальчики — и никто тебе не поможет. Подумай, стоят ли чужие деньги таких мучений?

Лидочка не ответила. Ей был отвратителен этот поучающий тон, эта уверенность в себе, ей хотелось, чтобы Петрику было плохо, чтобы он трусил, бесился, и чтобы ему не достались эти деньги, и не улетел он в Австралию-Португалию. Невозможно было подумать, чем это может грозить ей самой — злость на Петрика была сильнее.

— Неужели ты не понимаешь, курва, что из-за этих бабок уже несколько человек концы отдали? Сначала я.

— Как так? — Лидочка попыталась поднять голову.

Петрик усмехнулся.

— Ты же сама видела, как меня истребляли эти козлы зверские.

— К сожалению, не истребили.

— К сожалению или к счастью, но Алену тоже убили из-за этих бабок.

— Вы убили?

— Убили, и дело с концом.

— Потом Осетрова.

— Лидия Кирилловна, — согласился Петрик, обнаружив, что знает ее отчество, — вы видели этого глупого и жадного человека и знаете, как он умирал? Как раздавленный муравей.

Телохранитель снова засмеялся. У Петрика был очень веселый телохранитель. Петрик подождал, пока Гоша отсмеется, и продолжал:

— Мы ошиблись. Не было у Осетрова денег, не нашел он их. А завладела ими ты — человек совсем уж случайный. Как это получилось?

— Не знаю.

— Гоша, сделай тете больно, — посоветовал телохранителю Петрик. — У нас нет времени на долгие беседы.

Гоша крепко, но почти нежно взял руку Лидочки, и когда она стала рваться, испугавшись этой нежности, он принялся отгибать ее указательный палец назад.

— Не надо! — закричала Лида. Она не собиралась становиться героиней.

— Ой, не надо! — Соня бледная до синевы появилась в дверях. — Пожалуйста, не надо, она все скажет.

— Подожди, Гоша, — сказал Петрик, дав Соне возможность выговориться.

Гоша чуть ослабил давление на палец, и боль отпустила.

— Лидочка, пожалуйста, отдай им деньги. Ну отдай же! Они не отстанут! Они Осетрова убили! Они всех убьют, они такие люди.

— Вот, слышишь голос народа, — подтвердил ее слова Петрик. — А ей лучше знать.

— Не делайте ей больно, она все скажет! — повторяла Соня.

— Поймите, Лидия Кирилловна, — заявил Петрик, облокачиваясь на зеркальную дверцу платяного шкафа, отчего Петрик как бы удвоился и стал каким-то монстром, — меня не интересуют ваши рассуждения или терзания. Меня интересуют мои деньги. Понимаете, мои! Я их дал на сохранение Алене Флотской. Об этом узнал ее любовник, Осетров. Подтверди, Сонька.

— Да, так и было, — скучным голосом сказала Соня.

— Он отравил Аленку: воспользовавшись тем, что она ему пригрозила отравиться, решил, что подворачивается удобный случай... Все подумают, что так и было. Она поиграть хотела, чтобы он от жены ушел, а он воспользовался, — простая история, как в американском сериале про Марию.

Петрик усмехнулся усталой улыбкой делового человека, измученного конференциями, симпозиумами, контрактами, презентациями и организованным развратом в дорогих казино. Ус-

мешка была такой отрепетированной и лживой, что Лидочка на секунду забыла о том, что над ней нависает груда тупых мышц по имени Гоша.

— Но бабки эти — мои! Понимаешь, мои! Их для меня Сонька там спрятала! За процент. Я сам в бегах, меня кинули на большие бабки, очень большие — тебе такие и не снились. Мне кредит не вернуть, теперь они меня кончить хотят — счетчик включен. Я бы ушел неделю назад — но бабки Аленкины пропали. Я тебе честно говорю, кем мне быть... Ты отойди, Гоша, не действуй на нервы, пойди на кухню, приготовь нам кофе. И ты, Соня, помоги Гоше.

У Петрика было не лишенное привлекательности открытое славянское лицо, чересчур полное, чересчур тугое, но ничего преступного в лице не было.

Спутники Петрика вышли из комнаты — впереди Соня, сзади, подталкивая ее, Гоша.

— Вы извините, Лидия Кирилловна, что я разрешил Гоше вас ударить. Это от нервов. Я в таком стрессе живу, голова кругом идет. Честное слово, я не хотел.

А ведь искренне полагает, что ничего особенного не произошло — зашли в квартиру, врезали в глаз, отломали палец — ничего особенного. А теперь поговорим, как культурные люди. Он был даже не мерзавцем, а каким-то обрубком человека, в котором недоставало самых обыкновенных человеческих качеств, чего он не замечал, потому что болезнью этой страдали и люди, которые его окружали. Они так быстро схватили все то, о чем раньше им рассказывали лишь в американских фильмах, что искренне своими динозаврьими мозгами, способными к ограниченным функциям — обманывать, отнимать, пугать, — полагали естественным деление мира на своих — таких же, как они, и неких прочих — ряды которых они так недавно покинули и куда страшились возвратиться. За сумму полученных удовольствий им приходилось платить повышенным риском существования, потому что хищники, питавшиеся ими, далеко превосходили Петрика и Гошу по жестокости и полному отсутствию человеческих качеств сродни жалости, морали и состраданию.

Не дождавшись от Лидочки отпущения грехов, Петрик продолжал, стараясь убедить ее в своей правоте:

— И понимаете, что случилось, — вы обхохочетесь...

Эта перспектива Лидочке не угрожала.

— ...Вдруг мы узнаем, что Алена отдала концы. Я лежу в койке в больнице, шлепнутый на разборке, Сонька утром при-

ехала к Алене и видит, что та мертва. Понимаешь? Я не в курсе. Сонька — моему партнеру, ты его не знаешь, — так и так, Аленка концы отдала, понимаешь?

На кухне шумела вода, оттуда доносились неразборчивые голоса. Гошин, резкий, рваный, будто он все время матерился, и Сонькин, плачущий, молящий.

— Эй вы, потише там, уши оборву! — прикрикнул Петрик в открытую дверь. Потом он вновь обернулся к Лидочке. — Аленка концы отдала, а бабок нет. Понимаешь — Сонька знала, где бабки. Аленка держала ее в курсе. Мало ли что случится. В сортире, в бачке, в пластиковом мешке, сечешь? Сонька первым делом туда — она же боялась, понимаешь? И нет бабок. Тридцать пять тысяч баксов.

Словарный запас у Петрика был невелик, и любопытно было, как он смог закончить школу с такими способностями.

Петрик поднял стул и сел напротив Лидочки, чтобы быть ближе и говорить тише. Почему-то он опасался и своего Гоши. А может, не доверял Соньке. Черт разберет его примитивную, но хитрую душу.

— Мне в больнице сообщили. А я там лежал и думал — как рвануть, пока не добили, — они же найдут, сама понимаешь. Только Лариска мне шмотки принесла, Гоша прикрыл, тут мой напарник рапортует — бабки накрылись. Ну, у меня крыша поехала от такой невезухи. Понимаешь?

Петрика смущало отсутствие заинтересованной реакции собеседницы. Ведь он полагал Лидочку именно собеседницей, совершенно не замечая заплывшего глаза и посиневшей щеки.

— Ты хоть слышишь? — спросил он. Но понял, что, конечно же, слышит, и счел за лучшее продолжать: — Я сразу вычисляю, кто там был. Понимаю, что Осетров. И вычисляю — просто, как в аптеке. Аленка решила этого Осетрова купить за мои бабки, сечешь? Тридцать пять штук — на это можно начать новую жизнь на острове Гаити или под городком Рига. Но Осетров просек иначе — зачем делиться с телкой, которая надоела? Он ее подкормил чем надо, бабки взял — и долой. Теперь тебе расклад ясен? Ну ладно, молчи, обижайся, хоть и не права. Люди и за меньшие бабки горло перегрызали, а я тебе ничего плохого пока не сделал. Я тебе только ситуацию проясняю. Чтобы ты понимала мою позицию... Значит, бабки у Осетрова, так? А где он их прячет? Надо его брать и колоть. Но он не дурак — он сразу рванул. Но куда? Где его найти? Я уж понял — с концами. Но ты нам помогла.

— Как? — Лидочка настолько удивилась, что нечаянно нарушила обет молчания.

— Ты Соньке сказала, что Осетров в лыжном костюме из дома ушел, чем, так сказать, подписала ему смертный приговор.

И Петрик довольно засмеялся. Вот смеяться ему было нельзя — лицо его не было приспособлено для смеха, оно стало глупым и гнусным. Впрочем, Лидочка вынуждена была себе признаться, что ее суждение необъективно. Она ненавидела эту рожу как воплощение всех современных пороков больного общества и как холодного мерзавца — он не мог показаться ей красивым или привлекательным.

— Я вычислил, — сказал Петрик. — У меня котелок не зря привинчен. Я вычислил, куда он мог рвануть в лыжном костюме — не в Ригу же! Значит, близко от Москвы. А дачи у него нет. Значит, в какое-то такое место, где холодно и неуютно. С целью — отсидеться и спрятать деньги. А может, и не отсиживаться — хрен его знает. Главное, я понял, где он прячется — на сгоревшей даче, у Аленкиной бабки. Во Внукове. Методом исключения. Сечешь?

Конечно же секу, подумала Лидочка. Ему нетрудно было сделать такой вывод, особенно если рядом, неизвестно в какой роли — жертвы или сообщницы, находится однокашница и лучшая подруга Аленки, которая знает, где расположено бабушкино пепелище. Пепелище, куда и Осетров не раз ездил со своей любовницей, — хозблок, который лишь в бездомной России может служить уютным шалашом для возлюбленных. Все думали, что дача-то сгорела, а про сарайчик никто не подумал. Но Осетров подумал, а потом и Сонька подумала.

— Я только не мог догадаться, — продолжал Петрик, расстегивая пальто — ему стало жарко, — я не мог догадаться, что он сам деньги ищет. Я сам там не был, но люди, которые там работали, говорят, что он нечеловеческие муки выдержал — и не признался, где деньги спрятал. Такие не выносят. Я ятвягов на это дело отправил. Они русских ненавидят. Им мучить русского — одно наслаждение.

Петрик наклонил голову и внимательно посмотрел на Лидочку.

— Хочешь сказать, что я — убийца? Нет, я никогда никого пальцем не тронул. Мне это доктора не велят. Но ты пойми — довести можно любого. Я тоже хочу быть честным бизнесменом, ездить на своем «мерседесе» и делать деньги. Но мне не дают! Я живу на помойке, в говне собачьем! Как я выбью свои

деньги, если никто не хочет играть честно? Я спать ложусь — боюсь, что не проснусь.

Петрик разжигал себя, он говорил все громче. На кухне замолчали, прислушиваясь к монологу.

— Как мне достать Осетрова, если он украл мои бабки — ведь только двое знали про деньги. Сонька слишком меня боится, чтобы утаить — да и как она утаит, куда денет? А вот Осетров, комсволочь, решил меня прокатить. Вот и докатался. Получил, чего хотел!

— Но у него же не было денег! — вырвалось у Лидочки.

— Откуда я знал! Все против него! Может, если бы не исполнители, а я сам туда поехал, я бы поверил ему. А у ятвягов было задание — вынуть бабки. Они и прикончили его. Не поверили. Только удивились, какой упрямый, — ему так больно делали, а он денег не отдал. Его убивают, а он денег не дает... А теперь скажи мне, Лидия Кирилловна, как ты бабки перехватила?

Лида не ответила. Она все еще находилась в глупом, тупом состоянии, когда остатки разума диктовали ей единственный выход — немедленно отдать деньги этому бандиту! Но инстинкт самосохранения или чувство, схожее с ним, подсказывал иное: не сознаваться. Потому что как только ты сознаешься — пользы от тебя ровно грош, а вреда — в тысячу раз больше. Ты опасный свидетель. И тебя лучше и спокойней убить.

— Когда вы улетаете? — спросила Лидочка.

Петрик был удивлен. Светлые редкие брови уехали под космы желтых волос.

— Еще сказать — куда?

— Я спрашиваю — когда вы улетаете? — повторила вопрос Лидочка.

— Зачем тебе знать?

— Я хочу жить, — ответила Лидочка.

— Объяснись.

— Я объясняюсь, и вы ничем не рискуете, сказав мне правду.

— А если не скажу? Если совру?

— Вы же не знаете, что вам выгоднее — врать или не врать, в какую сторону врать...

Петрик задумался. Но не придумал ничего убедительного. Потому сказал, решив видно, что ему и в самом деле ничего не угрожает:

— Рейс у меня в четырнадцать сорок.

— Куда?

— Неважно. За границу.

— Границ теперь много.

— Границ теперь много, — повторил Петрик. — Зачем спрашивали?

— Осталось четыре часа. Вам пора уже собираться.

— Пора. А я теряю на вас время.

— Тогда я объясню. Честно. Потому что надеюсь, что вы мне не соврали.

Петрик вдруг обиделся.

— Погоди! — приказал он. Он дотянулся до двери в коридор. Толкнул ее и громко спросил телохранителя: — Гоша, во сколько рейс?

— Четырнадцать сорок две. Люфтганза.

— Вот это лишнее, — заметил Петрик. — Когда тебе задают вопросы, то отвечай на вопрос, а не про Люфтганзу.

— Так ты же сказал, когда рейс?

— Ты бы еще номер сказал.

— Семнадцать тридцать два, а что?

Петрик закрыл дверь и сказал, цитируя какой-то фильм:

— Видите, с какими людьми приходится работать.

Он снова опустился на стул и деловито спросил:

— Зачем задавали вопрос?

— Потому что я рассуждала, — сказала Лидочка, — говорить про деньги или не говорить.

— И что рассудила? — разговор стал совсем уж мирным.

— Если бы рейс, скажем, завтра или сегодня ночью, — я бы предпочла рискнуть.

— В каком смысле?

— Чтобы вы пытались из меня выбить информацию о деньгах. Может быть, вам бы это не удалось. И пришла бы милиция. Или кто-то еще. Мы не в джунглях.

— Мы в джунглях, — печально возразил Петрик. Но глазенки у него зажглись жадной надеждой.

— Если бы самолет был завтра, вы бы меня убили, как только я сознаюсь.

— Почему? Мы никого не убиваем.

— Вы еще можете изображать справедливый гнев?

У Петрика не было чувства юмора. Он очень рассердился, и даже рука сжалась в кулак.

— Успокойтесь, — сказала Лидочка. — Вам нет нужды меня убивать. Потому что до самолета осталось всего ничего. Свяжите меня, и дело с концом.

— Значит, скажете, где бабки?

— Вы должны были давно догадаться. Я знаю, где они. Они у лейтенанта Шустова.

Позже Лидочка не могла себе объяснить, какой черт дернул ее за язык! За секунду до этого она и в мыслях не имела подобной дерзости. И, совершив этот глупейший шаг, Лидочка даже не сообразила сразу, что наделала.

— У какого лейтенанта? — тихо спросил Петрик.

— У Шустова.

— Когда?

— Вчера. В поселке. Они их нашли. Тридцать пять тысяч. Осетров закопал их.

— А ты откуда узнала?

— Шустов сказал. Тридцать пять тысяч. В жестяной банке.

— Почему Шустов сказал?

От двери раздался голос Сони. Ее было почти не видно за прикрытой дверью.

— Шустов к ней неровно дышит.

— Помолчи, — приказал Петрик.

Он поднялся, подошел к окну, он думал.

— А где была закопана жестяная банка? — спросил он.

— Не знаю. Откуда мне знать. Шустов сказал, что была банка и в ней тридцать пять тысяч.

— Нет, — сказал Петрик. — Я тебе не верю. Я ятвягам верю. Я верю, что Осетров сам искал деньги, потому и приехал на дачу, чтобы их найти. Думал, что Алена их там припрятала. Потому и приехал. А не для того, чтобы от милиции скрываться. От милиции так не скрываются, а ради бабок он уже женщину убил, значит, он на все пошел бы.

— Вот и не признался, — сказала Лидочка.

— Нет, не верю. Деньги у тебя.

— А может, их Татьяна Иосифовна нашла? — спросила Соня из-за двери.

— Она бы не стала Лидии Кирилловне говорить. Она бы никому не сказала! Она бы уже на дороге в Израиль находилась, кем мне быть!

Гоша засмеялся.

— Гоша, — попросил Петрик, — будь дружок, покажи этой суке, все, что ты умеешь делать.

— В Израиль, — повторил Гоша. У него были прижатые к голове уши и подбородок, убегающий, как у Габсбургов. — Петрик, дай мне ее трахнуть, — попросил он, как будто попросил купить мороженого. — Дай я ее потяну!

— Ой, не надо! — испугалась Соня. — Ой, не надо, мальчики!

— А что, — сказал Петрик, — это идея. Давай.

— Не надо! — завизжала Соня.

Петрик, почти не оборачиваясь, — угадал куда бить, ударил ее в висок. Соня сползла вниз по двери — толстые руки были растопырены как у старой куклы.

Гоша рванул к себе Лидочку, от него пахло чесноком, он упал на диван, подмял Лидочку и стал рвать на ней свитер — было тяжело, вонюче, нечем дышать... и страшно... Ей хотелось утешить себя, что у него не получится, он не сможет... это все бред, это снится, — но у Гоши были каменные руки — можно было лишь царапать их — трещала материя, и Петрик, она на мгновение, крутя головой, увидела, как он улыбается, глядя вниз, и с удовольствием закуривает...

Лидочка понимала, что она должна успеть все сказать — сказать прежде, чем Гоша изнасилует ее.

— Я скажу! — закричала она.

— Что?

— Пускай он... пускай отпустит.

— Ни хрена! — рявкнул Гоша.

— Я тебе говорю — отпусти!

Но Гоша не слышал — он сражался с одеждой Лидочки и никак не мог все распутать.

И вдруг он взвыл и освободил Лидочку. Он поднимался, держась за бедро, видно, Петрик ударил его ногой.

Он матерился — тупо и страшно и пошел на Петрика.

— Стой! — Петрик отступил в коридор.

— Я убью тя! — ревел Гоша. — Убью!

— Стой! — Петрик скрылся в коридоре. Гоша — за ним, и оттуда, из коридора, послышались короткие сухие удары — выстрелы. Крик Гоши оборвался на низкой, контрабасной ноте. Потом что-то мягкое и тяжелое ударилось об пол...

Лидочка догадалась, что это упал Гоша. И ей было радостно и тихо. Как будто все уже кончилось.

Петрик вошел в комнату. Он держал в руке пистолет.

— Ты его убил? — оказывается, Соня присела за шкафом, в углу. Это она спросила шепотом.

— Он бы меня кончил, — сказал Петрик. — Ну ладно, времени в обрез.

Он наставил пистолет на Лидочку.

— Слушай, Лидия Кирилловна, мне теперь терять совер-

шенно нечего. Или я вырываюсь из этой страны, или мне конец. Ты понимаешь...

— Алик, — просила Соня, так и не поднимаясь с пола, — Аличка, Петрик, не надо.

— Чего не надо?

Соня не ответила, только ныла.

Петрик не обращал на нее внимания.

Он смотрел на Лидочку.

— Говори, где бабки. Иначе я стреляю. И это хуже, чем то, что хотел сделать с тобой мальчик Гоша. Я стреляю тебе в руку. Потом в другую...

— Деньги в шкатулке, в двойном дне. Я их случайно нашла. На кухне, на столе, — быстро заговорила Лида.

Лидочка поняла, что смертельно устала и ей ничего не нужно — ни денег, ни правды, ни торжества справедливости...

— Сонька, проверь, — приказал Петрик.

— Сейчас, — сказала Соня поднимаясь, — сейчас, одну минутку.

Она поднялась, держась за стену, и так, перебирая рукой по стене, по шкафу, вышла на кухню.

— Переверни, — объяснила ей вслед Лидочка, — и потяни.

— Я не знаю, — откликнулась Соня, — не получается.

— Вставай, — приказал Лидочке Петрик, не опуская пистолета. — Покажешь ей, как надо.

Оказалось, что очень трудно подняться с постели, потому что вся одежда сбилась в какой-то клубок, Лидочка все же смогла оправить свитер. Она застеснялась поправлять колготки, и Петрик понял — сказал:

— Я на тебя не смотрю. Ты для меня все равно, что говно коровье. Быстро!

Лидочка поверила, что это так и есть, — он не видел ничего, кроме денег.

— Отойдите, — сказала она. Петрик шагнул в сторону, освобождая ей проход. Лидочку шатнуло.

Она вышла на кухню. Юбка на ней была разорвана. Краем глаза в конце коридора она увидела лежащую груду одежды — это и был Гоша. Но туда не надо было смотреть.

На кухонном столе лежала опрокинутая кверху дном шкатулка, и Соня бессмысленно возила по ней ладонью.

Лидочка спиной почувствовала, что Петрик обернулся и смотрит ей вслед.

Лидочка уже привычно провела рукой по днищу шкатулки,

и дно отъехало в сторону. Пачки долларов разбежались по столу.

— Ой! — пискнула Соня.

— Они, — сказал Петрик.

Он подошел к столу — для этого ему пришлось оттолкнуть Лидочку. Она отшатнулась от стола, и у нее мелькнула мысль — кинуться к окну, разбить его и закричать — может, он не посмеет выстрелить? А если посмеет?

— Сумку! — приказал Петрик.

Он стоял в двух шагах от Лидочки, но эти два шага были длинными, как стометровка, — никогда не достать, не выбить пистолет, ничего не сделать.

— А где? — спросила Соня.

Как всегда в моменты нервного напряжения, она покраснела, глаза наполнились слезами и распухли, по щечкам побежали синие жилки. Волосы прядями выбились из пучка и висели макаронами по обе стороны щекастого лица.

— В коридоре на тумбочке. И быстрее!

— Я понимаю, — сказала Соня, — я знаю, нам надо спешить.

Лидочка равнодушно и устало смотрела, как Петрик собирает деньги в пачку, потом он, видно, передумал класть их в сумку — понял, что пачки поместятся в карманах. Сонечка вошла с сумкой, и он сказал:

— Не надо, обойдусь!

— И что? — спросила Соня. Она вела себя, как автомат.

— Что будем делать с Лидией Кирилловной? — спросил Петрик.

Лида обернулась к нему и увидела, что на пальто спереди брызги крови, — попало, когда он убил Гошу.

— Ничего не надо делать! — попросила Соня.

— Дура. Через три минуты она будет в милиции.

— А она пообещает.

— Пообещает? — Петрик даже удивился. — Пообещаешь? — это уже относилось к Лидочке.

А ей было настолько все равно, настолько голова отказывалась работать, что она ответила:

— Нет, не обещаю.

— Вот видишь, — сказал Петрик. — Придется убирать.

— Ой, только не это, уже столько всего...

— Трупом больше, трупом меньше, — философски заметил Петрик.

— Давай ее запрем в комнату.

— Чтобы она выпрыгнула через окно?.. — Петрик почесал пистолетом за ухом, и Лидочка вдруг вознадеялась, что пистолет выстрелит. Ради торжества справедливости. Но пистолет не выстрелил.

— Ладно, — сказал Петрик, — я же не дикий. Только смотри, чтобы хуже не было. Вяжи ее к стулу.

Он сунул руку в сумку, достал оттуда большой рулон серой пластиковой липкой ленты, какой грузчики обматывают вещи при перевозке.

— Садись! — приказал Петрик. — Если не сядешь сразу — пристрелю. Ты же должна понимать!

И Лидочка поняла, что у Петрика в самом деле нет выхода. Он не может оставить ее на свободе.

Она села на стул.

— Руки назад! — приказал Петрик. Потом велел Соне: — Заматывай кисти. Как следует! Не в детские игры играешь.

Соня почему-то сказала:

— Извини, Лида,

Она ничего не ответила. Очень болели глаз и бедро — видно, вывихнула его, сопротивляясь Гоше.

Петрик положил пистолет на стол и сказал Соне:

— Давай сюда ленту.

Он начал мотать поверх повязки, сделанной Соней. Сразу руки стянуло так, что стало трудно шевелить пальцами.

— Вот так, — сказал Петрик. — Именно так. Теперь не брыкайся, а то пострадаешь.

Он был в отличном состоянии духа. И причина тому была раскрыта им тут же:

— Греют баксы, лежат на груди и греют.

Петрик опустился на корточки и принялся приматывать ноги Лидочки к ножкам стула. Соня принесла ему нож из кухни, чтобы не рвать, а резать ленту. Петрик мотал быстро и ловко. Лидочка ощутила себя частью стула — вот такой стул, состоящий из деревянной и мясной частей. Можно сесть и облокотиться.

— А теперь, — сказал Петрик, — последний штрих.

Он начал заматывать лентой и рот Лидочки. Она крутила головой, толкала ленту языком, чтобы оставить себе место перед губами — но Петрик оказался хитрее и сноровистее. Лидочка была закована абсолютно надежно и понимала, что в отличие от приключенческих романов, в которых героине обязательно удастся ослабить узы и скинуть оковы, ее положение безнадежно.

Петрик отступил на шаг. Он был доволен.

— Живи, — сказал он Лидочке. — И благодари меня. Ей-богу, на моем месте другой обязательно бы тебя пришил.

Соня сказала:

— Я боюсь одеваться, он там лежит.

Увидев, что Лидочка связана, она как бы сняла с себя ответственность за ее дальнейшую судьбу — Лидочке ничего не угрожало.

— А тебе не нужно одеваться, — сказал Петрик. Он снова был настороже, пистолет в руке.

— Ты что, Петрик?

— Садись на другой стул, — предложил ей Петрик ровным и даже веселым голосом.

— Ну ты что, шутишь, да? Шутишь? — в голосе Сони вновь возникли хныкающие интонации.

— Хватит, — отрезал Петрик. — Хочешь жить, садись на стул.

— Но мы же с тобой улетаем в Германию, — произнесла Соня, теряя уверенность в себе и в отлете.

— Нет, — сказал Петрик. — Ты не летишь в Германию. Боливар двоих не свезет.

— Какой еще Боливар?

— Надо читать художественную литературу. Вот твоя подруга Лида наверняка читала писателя Джека Лондона.

Лиде вдруг захотелось поправить этого идиота и крикнуть: «О'Генри!», но лента цепко и плотно замотала рот. Ни звука не издашь.

— Петрик, миленький, ты же меня не бросишь? — умоляла Соня. — Я же все для тебя сделала.

— Лучше помолчи. Сама же просила Лиду оставить жить — теперь при ней помолчи.

Но Соня не поняла предупреждения.

— Я не о Лиде! — закричала она, видя, что Петрик взял со стола катушку ленты. — Я о себе. Петрик, ты же обещал!

— Садись!

Самое удивительное, что Соня настолько, видно, привыкла подчиняться Петрику, что она пододвинула второй стул и села на него. Не могла не сесть.

— Петрик, — сказала она. — Я же ради тебя грех на душу взяла. Ты забыл, да? Ты поклялся, что за это меня увезешь? Ты меня любишь, ведь любишь? Ты меня не обманывал?

Петрик стал отматывать конец ленты.

— Петрик, я же твою таблетку ей подложила в бутылочку!

— Подложила так подложила, твое дело. А я думал, что Осетров подложил. А оказывается, ты у нас — отравительница!

— Ну зачем ты так говоришь? Ведь ты мне дал таблетку. И даже посоветовал с Аленкой все спланировать, и письмо мы с ней придумали для Осетрова! Ведь правда, Петрик?

— Не знаю. В первый раз слышу! Руки назад!

— Нет!

Он ударил ее по щеке, голова мотнулась, и Сонечка покорно протянула руки назад, чтобы Петрику было удобнее их связывать.

— Петрик, ты забыл, да? — она была в тихой тупой истерике, и ей казалось, что если она напомнит Петрику все, как было, он спохватится, попросит у нее прощения и возьмет с собой в Германию. — Я же Аленку уговорила Осетрова вызвать и пригрозить. Я же не хотела ее убивать.

— Но пришлось, правда? — Петрик был занят, приматывая Соню к стулу, и спросил, как бы отвлекая ее от того, что с ней происходит.

— Но ведь тебе нужны были деньги, ты без них бы погиб! — закричала в ответ Соня. — Петрик, я же тебя спасла. Я все сделала, как ты велел. И таблетку в бутылочку подложила, и даже к Татьяне уехала для алиби.

Господи, все получается наоборот, поняла вдруг Лидочка. Они договорились с Аленой, что та устроит сцену с самоубийством для Осетрова, а лучшая подруга Сонечка подложила в бутылочку с таблетками одну лишнюю — поэтому-то Аленка и не смогла, как договорились, вызвать «скорую»... Сонечка-то, оказывается, любила этого злобного убийцу, и спасала его, и верила, что он возьмет ее с собой в сладкую заграницу. И ей не жалко было подругу — может, она любила его еще со школы и, когда он снова появился в ее не очень богатой поклонниками жизни, она растаяла, как снежная баба весной. Подложить лишнюю таблетку — и кинуться к маме подруги, чтобы уговаривать ее спасти подругу от самоубийства, — замечательное алиби, которое ничего не стоит, но никому не могло прийти в голову, что Сонечка может быть замешана в преступлении. А Петрику были нужны деньги... разве это деньги Петрика, вранье это все, это другие деньги, деньги, которые Петрик намеревался получить, чтобы спасти свою драгоценную жизнь. Значит, это были деньги Осетрова, оставленные ему тестем?

— Петрик, миленький, я же тебя люблю, я никогда никому не скажу...

— Не дергай ногами, — сказал Петрик. — Если тебя здесь найдут, то подумают, что ты тоже жертва.

— Но ведь мы летим в Германию, да?

— Очень дорогие билеты, — ответил Петрик. — Мне твой билет не по карману.

Соня не почувствовала издевки.

— Но у тебя же теперь тридцать пять тысяч лишних...

— Лишних денег не бывает.

— Петрик, отпусти меня, я буду молчать... только отпусти.

— Заткнись, — сказал Петрик и неудачно дернул за конец ленты — она пошла рваться наискосок, и потому кусок, который он наклеил на лицо Сони, оказался короток. Но оторвать следующий он не смог — катушка крутилась в руках, и Петрик никак не мог отделить кончик. Он выругался.

— Нельзя меня с Лидой оставлять, — сказала вдруг Соня, смирившаяся с тем, что ее оставляют в Москве. — Она все расскажет. Убей ее.

— Я, как только устроюсь, сразу тебя выпишу. Квартиру тебе сниму. Так что сиди и молчи. Ты сейчас жертва насилия. Тебя никто не заподозрит.

— Да? — Соня схватилась за соломинку, но соломинка оказалась слишком тонкой даже для готовой надеяться Сони. — Но Лида расскажет!

— Кто ей поверит? — сказал Петрик, примериваясь куском ленты ко рту своей возлюбленной.

— Ей поверят, — сказала Соня. — Убей ее.

— Хватит, — рассердился Петрик. — Ты из меня Синюю Бороду какую-то делаешь. Не буду я связанных женщин убивать. Не моя специальность. А если убивать — то обеих сразу. Лады?

— Нет, ты меня не понял... я буду за тебя, а она против тебя... Петрик, миленький, возьми меня с собой...

— Ты меня утопишь. Мне не нужен балласт.

Петрик ловко наклеил ей на рот кусок ленты, и Соня стала крутить головой, стараясь что-то сказать. Она надувала щеки, и Петрику стало смешно...

Женщины сидели на стульях рядом. В большой комнате.

— Никуда не рыпаться, — приказал Петрик. — Мне нужно три часа. Только три часа, а там ищите меня, где хотите. Так что молчите, или моя мстящая рука вас достанет из-под земли.

Он положил пистолет в карман пальто. Он не видел, что у него на пальто пятнышки крови.

— Все нормально, — сказал он, — мы никому не причиним вреда.

Он закрыл форточку и сказал:

— Не хочу, чтобы вы у меня простудились.

Затем прошел на кухню, там тоже хлопнула форточка.

Он вышел из кухни, не закрыв за собой дверь.

— Прощайте и простите, — сказал он. — Было приятно познакомиться.

Соня плакала и крутила головой, стараясь освободиться от ленты.

Лидочка не стала смотреть на Петрика.

Тот перекинул через плечо лямку сумки и вышел в коридор.

— Мать твою, — выругался он, — понакидали здесь трупов.

Это были его последние слова.

Хлопнула дверь.

Лидочка обернулась к Соне. Соня плакала, и слезы стекали по щекам и падали на грудь.

«Ничего, нас освободят, — мысленно уговаривала она Соню. — Я очень надеюсь на лейтенанта Шустова. Он обязательно пожелает меня допросить в десять утра. Довольно скоро. А час или два можно посидеть и так. Ведь Петрик мог нас и убить. Но пожалел. И правильно сделал».

Глава десятая

ПРИЛЕТАЙ СКОРЕЙ!

Наверное, через минуту, не больше, после ухода Петрика Лида почувствовала запах газа. Тошнотворный, мертвый запах.

Где-то ей приходилось читать, что газ специально делают вонючим, чтобы люди не травились почем зря. Пахло не то чесноком, не то варящейся цветной капустой.

Лидочка стала вертеть головой — как же могло получиться, что этот дурак не закрыл газ, когда уходил из дома?

И тут же она поймала себя на том, что мыслит какими-то житейскими категориями: уходя из дома, не забудь выключить газ...

И тут завыла Сонька.

Она тоже почуяла газ и раньше, быстрее Лидочки поняла, что это означает.

Петрик, уходя, проверил, закрыты ли форточки, а потом спокойно открыл газ. Он не хотел рисковать.

С его сволочной позиции поведение было вполне логичным. Он уже натворил столько, что двумя молодыми женскими телами больше или меньше, не играло особой роли. Правда, некоторую пикантность придавало всему то, что среди новых жертв оказалась Сонька, которая была верной помощницей и исполнительницей замыслов корыстного Петрика. Не исключено, что порой инициатива исходила от нее самой. Впрочем, трудно представить себе, как могла Сонька решиться убить свою подругу, — впрочем, даже это можно объяснить — ведь она ее не убивала, она как бы оставила подруге свободу выбора: хочешь пугать Осетрова, хочешь шантажировать его — погибнешь. Но ведь если бы Аленка не захотела этого делать, она бы осталась жива? Только все равно непонятно — какого черта было все это городить, если в распоряжении Петрика было такое запугивающее устройство, как Гоша, который теперь грудой одежды перегородил прихожую, и те звери, что замучили в сарае Осетрова?

Мысли эти текли в голове Лидочки, как текли бы и в любой другой обстановке, но все усиливающийся запах газа спутывал мысли и рождал страх.

Охваченная ужасом, Сонька рвалась и билась в путах, но, видно, немецкие изготовители липкой ленты делали ее на совесть... О чем я думаю? Почему я все еще не умерла от страха?

С жутким грохотом Сонька умудрилась-таки опрокинуть стул и свалиться набок. Но это не освободило ее, стул лишь вывернул, падая, ей ногу, и Соньке было больно, она выла все сильнее — даже странно, что можно так выть, если у тебя открыт только нос. А запах газа становился невыносимым, и Лидочка хотела лишь одного — чтобы ее не вырвало, ей было бы очень стыдно, если ее найдут всю испачканную в собственной рвоте, захлебнувшуюся ею.

Толстая, в рваной одежде Сонька выла у ног и дергалась, как червяк, на которого наступили... А какая она, смерть от удушья газом? Наступит ли сейчас просто туман или будет больно? Как ей хотелось выть, подобно Соньке...

И тут в дверь позвонили.

Самый обыкновенный звонок. Так звонит почтальон.

Сонька оборвала вой. И стало так тихо, что Лидочке показалось — а может, это так и было, — что она слышит шипение, с которым газ рвется из конфорок.

Звонок послышался снова.

— Ы-ы-ы-ы! — завыла вновь Соня. Но Лидочка понимала,

что эти звуки слишком слабы, чтобы вырваться на лестничную площадку. Позвонили еще раз. Настойчиво.

И тогда в Лидочке возникла надежда, что люди, которые звонят в дверь, знают, что она там, внутри.

Она вдруг поняла, что рвется и бьется в тенетах, подобно Соне, сама не замечая того, — тело никак не хотело сдаваться, хотя дышать уже было нечем.

Потом звонки прекратились.

Ее охватил ужас, Лидочка поняла, что, не дозвонившись, спасители ушли...

И Соня замолчала — кажется, потеряла сознание.

Стало так тихо, что донеслись звуки с улицы. Нетерпеливый гудок автомобиля, которому кто-то помешал на повороте в Электрический переулок. Даже голоса на улице.

И вдруг Лидочка услышала голоса за дверью. Возможно, это было лишь наваждение, химеры умирающего мозга. А может быть, в таком критическом состоянии и органы чувств на несколько секунд могут приобретать дополнительные качества... И Лидочке показалось, что она слышит разговор за дверью. Голос коменданта Каликина:

— Петренко от них вышел, я видел, да соваться не стал...

Другой голос:

— Газом пахнет.

Комендант:

— И точно газом пахнет.

И знакомый голос, который Лидочка почти узнала:

— Плохо дело. Надо принимать меры.

Комендант:

— Но вы же понимаете, что я никакой ответственности не несу...

Незнакомый голос:

— Лейтенант, ты что? Сейчас вызовем пожарных. Они с балкона заглянут.

— И увидят трупы?

— Ну не так уж все трагично...

Они продолжали говорить, но Лидочка уже не слышала — оказалось, что смерть от газа отвратительна, но безболезненна... Она вплыла в нее покорно и прекратила сражение...

Но грохот, который потряс квартиру, она услышала.

Еще удар. Еще.

Волна холодного чистого воздуха ворвалась в квартиру вместе с упавшей внутрь дверью — какое счастье, что они с Анд-

рюшей так и не собрались поставить металлическую дверь — а ведь многие уже поставили...

Лидочка даже смогла поднять тяжелые веки... Мимо нее промчался Шустов. Оттолкнул ее стул с дороги, так что она ударилась о стену затылком, и перешагнул через Соньку, скорчившуюся на полу. Затем он сделал странную вещь — сорвал с себя ушанку и надел, как перчатку, на кулак — он скрылся в кухне, и оттуда раздался оглушительный звон.

— Вот дурак, вот дурак, — сказал комендант Каликин, остановившийся в дверях, — мне же снова стекла вставлять, вы же совсем выморозите Лидию Кирилловну... ну что за люди пошли!

* * *

Никуда, ни в какую больницу Лидочка не поехала. Она лежала на диване.

Соню увезли в больницу — она была в шоке. И сильно отравилась газом — оказывается, его было больше у пола. Удивительно то, что остался жив и Гоша — он был без сознания, но лейтенант, который вернулся к Лидочке через два часа, чтобы навестить ее и проверить, вставил ли комендант стекло, сказал сразу, что этот кусок мяса будет жить. Вот точно будет жить — все человечество перемрет, а он и амебы будут жить.

Лейтенант забежал на минутку.

Он сказал:

— Доктор бюллетень выпишет. Я с ним говорил.

Лидочка улыбнулась лейтенанту. Он был слишком красивенький, но, пожалуй, это и недоразвитость чувства юмора были его единственными недостатками.

— Я бы себе никогда не простил, — сказал он.

Лейтенант стоял в ногах дивана, сжимая в сильных руках шапку, которой он разбил окно, чтобы не порезать пальцы.

— Конечно, лучше было открыть, — крикнул из кухни комендант, который возился там со стеклом. В комнате было холодно, но, к счастью, на улице снова началась оттепель. Лидочка была накрыта всеми одеялами, что нашлись в доме, и ей было хорошо, потому что главное — это когда много воздуха, когда нет окон, дверей — ничего. Только воздух.

— Мы поставим электрическую плиту, — сообщила она лейтенанту.

— Разумно, — согласился тот.

— Как Сонечка? — спросила Лидочка.

— Какая она к черту Сонечка! Сонька — Золотая Ручка, — мрачно сказал лейтенант.

— Я знаю, что она подложила Алене таблетку цианистого калия.

— Да, Петренко достал ей яд в облатке, которая была точно такой же, как у снотворного. А какая подлость — сначала уговорить подругу совершить видимость самоубийства и даже вместе с ней подсчитать, сколько нужно таблеток, а потом спокойно подложить ей смертельную таблетку и уехать к ее родной матери — к матери, понимаешь, — чтобы добыть себе алиби! Ну ведь сволочь!

— Сволочь, — откликнулся из кухни комендант.

— А вы помолчите, гражданин Каликин. Мне вами тоже хочется заняться.

— Это еще почему?

— А за наводку.

— Такое оскорбление смывается кровью, — Каликин появился в дверях. Он вытирал пальцы от замазки. — И его еще надо доказать.

— Мы докажем, — сказал лейтенант.

— Это, конечно, вы что хотите — докажете, — согласился комендант и вернулся на кухню, откуда он продолжал подслушивать разговор.

— И все из-за денег, — произнес Шустов.

— Андрей Львович, — попросила Лидочка, — я так и не поняла, зачем Петренко давал Алене деньги на хранение, а потом ее же и убил.

— Да врали они вам! Лапшу на уши, извините, вешали.

— Это были другие деньги?

— Тридцать пять тысяч баксов?

Лидочка улыбнулась — даже лейтенант употреблял современное словечко.

— Да, тридцать пять.

— А я еще вчера вычислил, откуда эта сумма взялась. Только не догадался, что вы ее у нас перехватили. Тридцать пять тысяч. Столько Алена Флотская получила за свой участок, за так называемое пепелище с сараем.

— Так много?

— Престижный район, хороший старый участок, все коммуникации. Конечно, это незаконно — торговать кооперативной землей, но все так делают. Года два участок пустовал — они с Осетровым, а иногда с Соней туда ездили, и тут недавно полу-

чили хорошее предложение — один миллионер, их сосед, решил там строиться. Ну и заплатил... Я с ним вчера говорил — он ничего не отрицал. Его зовут...

— Константин? — спросила Лидочка.

— Вы и это знаете?

— Нет, просто я идиотка! Этот человек был на поминках Алены и даже сказал мне, что он — наследник Маргариты Потаповой, но я не догадалась, в каком смысле. Вот идиотка!

— Ну вот, я вчера же, когда труп Осетрова нашли, пришел к выводу, что Осетров приезжал туда не прятаться от нас, а что-то искал. Что-то настолько важное, что рисковал свободой и всем — только найти!

— А почему вы решили, что он искал?

— Потому что в этом сарае и вокруг него тщательные поиски были произведены два раза — сначала везде свежие отпечатки Осетрова. Везде — и на пустых кастрюлях, и на банках, и в подполе, и под обоями, — везде, понимаете? А поверх них — отпечатки тех, кто его мучил и убил. Значит, Осетров едет во Внуково и что-то ищет. Потом приезжают наемные бандиты, которые ищут то же самое, что и он, и думают, что он нашел. А он не нашел. Иначе бы дал — уж очень они сильно его мучили. Вот тогда я и задумался: что им так было нужно? Если догадаюсь, то пойму, почему убили Алену. Правильно?

— Правильно, — похвалила лейтенанта Лидочка. — Вы бы разделись, сделали себе кофе.

— Нет, мне надо бежать, я же на минутку, только отчитаться.

— Ну ладно...

— Я решил — за этим лежат деньги. Большие деньги. У нас в девяноста процентах за убийствами лежат деньги, а остальные проценты — пьянка. Я стал думать — а откуда могут оказаться большие деньги у Елены Флотской? Только от недвижимости. Теперь все недвижимость покупают. Тут же меня посетила идея. И она оказалась правильной — я связался с председателем кооператива «Наставник» во Внукове. Потому что по документам там был участок у бабушки. И он мне сказал, что всего месяц или два назад участок Флотской перешел к гражданину К.М. Абзианидзе. Формально там сумма была невелика — миллионов пять — за сарай и яблони. Но я понял — я на верном пути! Тут же позвонил этому Константину Михайловичу. И он даже скрывать не стал — тридцать пять тысяч! Значит, я на верном пути, потому что трупы есть, а денег нет. Ты меня слушаешь?

— Разумеется.

— Значит, месяц назад он передал ей наличными тридцать пять тысяч долларов. А где они? И я принимаю рабочую гипотезу — они и есть причина смерти Алены. А раз так, то куда они делись? И я вычисляю — преступники их пока не нашли. А кто мог о них знать? Три человека: Соня, Осетров и, может быть, но менее вероятно — Татьяна Иосифовна.

— Она точно не знала, но подозревала, — подсказала Лидочка. — Поэтому она и поехала во Внуково со мной. Ей хотелось узнать — принадлежит ли ей еще участок или он уже продан. Она чувствовала.

— Я тоже так думаю, — согласился милиционер.

В комнату незамеченным вошел комендант и остановился в дверях.

— Значит, — продолжал лейтенант, — остаются два человека. У Сони — железное алиби — она всю ночь уговаривала маму спасти дочь. У Осетрова — ни алиби, ничего. Только шкатулка, которую он притащил мне добровольно.

— Вы знаете, что деньги были в шкатулке?

— Теперь знаю, — сказал лейтенант. — Так что временно я ее снова изъял и понесу наказание за нарушение правил работы.

— Каких правил?

— А какой настоящий сыщик отдаст свидетельнице в подарок ящик с тридцатью пятью тысячами долларов? — коварно спросил комендант Каликин. — Надо быть большим разгильдяем...

Лейтенант громко откашлялся.

Лидочка хотела утешить лейтенанта, но поняла — тут его утешить трудно. И промолчала.

— Смерть Алены нам ничего не давала, кроме одного подозреваемого — Осетрова, которого мне подозревать не хотелось. Но вот смерть Осетрова сразу двинула все следствие вперед. Появилась сумма, ради которой можно целый взвод убить. И хоть подозрение с Осетрова было не снято, денег он не нашел. Раз его убили — значит, у нас есть другие кандидаты в убийцы. Которые знают про деньги и даже подозревают, что Осетров их взял.

— Я сдуру сказала Соне, что Осетров уехал в лыжном костюме.

— Да, не только я ошибаюсь, — сказал лейтенант.

— Ошибаетесь, — подтвердил комендант. — Меня, например, наводчиком считаете.

— Гражданин Каликин, стекло вставил?

— Дай послушать.

— Поставишь второе стекло, приходи слушать.

Каликин ушел, но дверь за собой не закрыл.

— Я и без ваших признаний, — сказал лейтенант, — понял, что искать надо в окружении Сони. Она знала точно сумму, они вместе с Аленой эти деньги получали и домой отвезли, в сумке...

— Но алиби!

— А вот тогда я подумал, — сказал Шустов, — и понял, что алиби совершенно липовое. Если ты знаешь, что человек вечером, есть ты рядом или нет, все равно собирается воспользоваться таблетками, то чем ты дальше от этого места, тем лучше. Что Соня и сделала. А если я ее подозреваю, то вообще вся поездка в Переделкино становится крайне сомнительной. Ну, подумайте, зачем в мороз, среди недели, вдруг кидаться к чужой, не любящей тебя женщине...

— Но если она искренне хотела предупредить?

— Кого? Татьяну Иосифовну? Да она же знала, что мамаша и не приподнимет своего... тела со стула ради Алены.

Лидочка согласилась.

Она устала, голова кружилась, хотелось спать, но лейтенант не видел, как угасает интерес слушательницы. Он был в эйфории сыщика, раскрывшего убийство.

— Итак, вчера вечером я имею два трупа, имею информацию про тридцать пять тысяч и знаю, что эти деньги ищут преступные структуры. Значит, моя задача номер один — найти тридцать пять тысяч и уж от них искать убийцу. Вот этот мой вывод чуть вас не погубил и все дело не засыпал. Знаете почему? Я не вычислил, что за спиной Сони стоит Петренко — он же в ту ночь в больнице был, да к тому же в одном классе с Аленой учился — не убивают девчат из своего класса, не принято это. И уж, конечно, я не сообразил, что собственными руками отдал вам все тридцать пять тысяч.

— А как вы об этом узнали?

— От Андрея Сергеевича.

— От кого?!

— От вашего супруга, — вздохнул Шустов.

— Как? Почему я не знаю?

Коменданту стало так любопытно, что, презрев запреты, он снова появился в дверях.

— Да вы живая, потому что он нас поднял. Если бы не он — я бы к вам через час пришел. И отыскал бы три теплых трупа.

— Как?

— Он позвонил вам — хотел узнать, как дела со шкатулкой. И он волновался, потому что понимал, что вы по наивности залезли в самую гущу событий. Он намного старше вас, да?

Шустов словно хотел примирить себя с существованием мужа у Лидочки. Если тот немолод, то ему и Лидочке многое прощается.

— На год старше, — Лидочка разочаровала милиционера. Он вздохнул, но продолжал:

— Он позвонил, а к телефону подошла Соня и плачущим голосом отшила его. Он как почувствовал, что вам грозит опасность. Как будто телепат.

— Он не телепат, — возразила Лидочка, — но мы живем много лет, и друг друга понимаем.

— И вот он из города Каира позвонил в Краснопресненский райотдел милиции. И может, они бы не приняли сигнал всерьез, но все-таки из-за рубежа... Послали патрульную, позвонили пару раз... И дежурный догадался мне позвонить, он знал, что я этим делом занимаюсь. Ну я и бросился сюда.

— А они уже уехали, — сказал комендант. — Я на дворе был: бежит Шустов — лица нет. Я — за ним...

«Интересно, — подумала Лидочка, — а мне показалось, что все наше спасение заняло три минуты. Так сдвинулось время».

— И окно можно было не разбивать, — добавил комендант. — На вас стекол не напасешься.

— Я заплачу, — пообещала Лидочка.

— В общем, главного я не успел вычислить, — признался Шустов.

— Осетров тоже знал, сколько денег она получила?

— Любимому человеку такая тайна раскрывается — она же надеялась, что эти деньги изменят его планы.

— А от Сони спрятала, — сказала Лидочка.

— А от Сони спрятала. И даже никому не сказала про двойное дно шкатулки.

— Значит, вы точно знаете, что Соня Алену убила? — спросил комендант.

— А кто еще?

— Осетров? — допустила Лидочка.

— Нет. Осетров только воспользовался ее смертью, обыскал квартиру и, не найдя денег, кинулся на дачу — решил, что она их там спрятала. И если бы вы не проговорились Соне о

лыжном костюме, они бы о даче не подумали. Ведь она уже чужая!

— А я бы отнесла вам деньги с утра. И вы бы никакого преступления не раскрыли.

— Вы не правы, Лидия Кирилловна, — сказал лейтенант, надевая шапку и показывая этим, что визит завершен. — Каждое преступление рано или поздно раскрывается. Закон свое возьмет. Так что отдыхайте, а если позволите, я вам завтра нанесу визит.

— Я буду рада, Андрей, — сказала Лидочка.

Шустов шагнул к двери, но ему загородил дорогу комендант Каликин.

— Нет уж, — сказал комендант, — попрошу сказать самое главное.

— А что главное? — удивился Шустов.

— Где деньги-то?

— Деньги?

— Тридцать пять тысяч. Где они?

— И вы не знаете, гражданин Каликин? — спросил лейтенант.

— Знал бы — не стал бы спрашивать.

— Деньги переданы на хранение в соответствующие органы.

— Их нашли? — вырвалось у Лидочки. — Чего же вы молчали?

— Вы не спрашивали, вот я и молчал, — ответил лейтенант.

— Так скажите!

— К сожалению, та группа преступников, которая совершила покушение на Петренко неделю назад у вашего подъезда, узнала, что он улетает и даже каким самолетом. Мы предполагаем, что они выследили его спутницу Ларису.

— Значит, он с самого начала не хотел брать с собой Соню?

— Еще чего ему не хватало! Она же некрасивая, — простодушно ответил Шустов.

— Но она же из-за него на все пошла.

— По крайней мере, пока она так утверждает.

— Почему пока? — спросил комендант.

— Да потому, что, когда она узнает, что Петренко мертв и нет ни одного свидетеля ее преступления, она наверняка откажется от своих показаний, а если не догадается, то адвокат подскажет. И засудить ее будет — ох как трудно! Она обольет слезами весь суд, и ее оправдают... Вот посмотрите.

— Андрей, ты не говоришь главного — что случилось с Петренко?

— На шоссе, по дороге в Шереметьево, его машину остановили. Его и Ларису вывели и расстреляли из автоматов. И стали искать деньги.

— Их не было в машине? — спросил комендант, словно собирался тотчас же бежать за деньгами. — Где они?

— Их повез в своей машине сообщник Петренко. Он должен был передать их ему в аэропорту.

— И что же?

— Его там ждали. Наши люди. Куда ж тут денешься?

— И эти деньги, они чьи? — спросил комендант.

— Если бы не показания гражданина Абзианидзе о передаче им денег Алене Флотской, я бы их, честное слово, оставил бы Лидии Кирилловне.

— И правильно. Как компенсацию. Чуть не погибла. Посмотри на физиономию — половина черная, — согласился комендант.

Только тут Лидочка сообразила, что на ее лице должны остаться следы побоев. Она дотронулась до глазницы — ой, как больно!

— Пройдет, — сказал лейтенант, — небольшая гематома, лучше оставить как есть. Ваш молодой организм сам справится.

— Так чьи деньги? — настаивал комендант.

— Я думаю, их получит по суду Татьяна Иосифовна.

— Разумеется, — согласилась Лидочка. — Только, пожалуйста, вы потом мне отдадите шкатулку?

— Не знаю, — честно признался лейтенант. — Она будет фигурировать на суде, и Татьяна Иосифовна может пожелать оставить ее себе.

— Точно пожелает, — сказал комендант.

Лейтенант шагнул в коридор, потом обернулся и сказал:

— Самое главное всегда забываю!

Комендант обернулся — почуял добычу.

Лейтенант невежливо вытолкнул его на кухню и, вынув из дипломата, положил перед Лидочкой на одеяло плоский пакет в старой газете и мешочек, полотняный, как кисет.

— Желаю скорейшего выздоровления, — сказал он. — До завтра.

Слышно было, как лейтенант что-то говорит на кухне коменданту. Потом хлопнула дверь. Лидочка развернула газету. Газета была хрупкой от старости. В ней лежали две общие тетради столетней давности — дневники Сергея Серафимовича, а в кисете — черепки и черные слитки из Трапезунда. Все-таки

лейтенант отыскал их в сарайчике на пепелище — видно, никому они не пригодились.

И Лидочка, спрятав дневники в тумбочку у кровати, поняла, что хочет одного — спать.

— Будете уходить, захлопните за собой дверь! — крикнула она коменданту.

— Будет сделано! — откликнулся тот.

Теперь — спать.

Но зазвонил телефон. Междугородний.

Лидочка подняла трубку.

— Ну, ты жива! — радостно воскликнул Андрей. — А то знаешь, я утром даже испугался. Ты не сердишься, что я поднял на ноги милицию?

— Я не сержусь, — ответила Лидочка. — Когда же ты, наконец, вылетаешь?

— Сегодня ночью.

— Пожалуйста, прилетай скорей, — попросила Лидочка.

— А что? Что случилось?

— Мне надоело вставлять стекла на кухне.

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ

Фантастическая повесть

Часть первая

1987 год. ДО ПОЛУНОЧИ

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминались возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим, аэродромные огни желтыми. Потом вереницей пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие остановились в ожидании багажа. Там было натоптано и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» — сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, и ее звали Элей.

Серый «Москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик вытащил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее, да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

— Мы вам, конечно, не сможем заплатить как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индейцы майя не носили. Машина ехала по обледенелому шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

— Это вы по телевизору на той неделе выступали? — спросила Эля. — Я вашу фамилию запомнила.

— Этот факт повысит посещаемость, — сказал Николайчик. — А то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода, как колонны разрушенного веками античного храма, курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

— Я с вами прощаюсь, — сказал Николайчик. — В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

— Спасибо, что вы меня встретили.

— Это наш долг. Мы всех встречаем, — сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны. — Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

— А мне когда за вами? — спросила Эля.

— Как всегда, — сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

— Как всегда — это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим и эти дома опоясывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

— А вы Сергиенко не знаете? — спросила Эля. — Он к нам в том месяце приезжал.

— А что он делает?

— Он химик, — сказала Эля. — Экологией занимается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызывал, чтобы больше таких не приглашать.

— А чем он Силантьеву не угодил?

— У нас комитет, — сказала Эля. — За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

— Ясно, — сказал Шубин.

— Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

— У вас здесь строго.

— Гронский, Николаев и Силантьев — большая тройка, — сказала Эля. — Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная линия двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенным колоннами могучим присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универмага.

— В соборе склад? — спросил Шубин.

— Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади было людно.

— Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится, — сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду, и завершение площади — типовая гостиница в пять этажей — весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, направленное против самого себя. «И что меня сюда принесло? Три сотни, которые я заработаю лекциями, или нежелание спорить с московским обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?»

Эля сказала:

— Вы идите, я машину запру и догоню.

— У вас всегда так пахнет? — спросил Шубин.

— Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой. Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Ад-

министратора не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить всю гостиницу и принялась громко спрашивать:

— Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

— Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

— У вас паспорт есть?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать бронь. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но бронь нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

— Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрасывались быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара!».

Эля сказала:

— Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона — шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

— Вы отдыхайте, — сказала она. — В десять он не позвонит. До двенадцати проспит. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не ложилась.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

— Спасибо, — сказал он. — Значит, у меня пять часов.

— Как минимум, — улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

— Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

— Есть, есть, — сказала администраторша. — Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

— Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

— На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обозрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

— Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

— Вы что? — дежурная была даже обижена. — У нас второй год этого нету.

— Но как можно? Даже в районных гостиницах...

— Не дают! Вы пишите, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

— Но, может, можно купить?

— Нету у меня.

— Хотите, я дам кусочек? — сказала горничная. — У меня один оставил в номере. Если не брезгуете?

— Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу, и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся от того, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

— Доброе утро, — послышался унылый голос Николайчика. — Как вы отдыхаете?

— Спасибо, — сказал Шубин. — Я спал.

— Можете продолжать, — сказал Николайчик. — В два за

вами будет машина. Серый «Москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

— А у вас много машин?

— Одна, — серьезно ответил Николайчик.

— Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

— Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности, — сказал Николайчик.

— Хорошо, спасибо, — сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игральных автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах — иной, чем у воды, но ощутимый, проникающий, гадкий, будто где-то рядом валялась дохлая мышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по нескольку суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, просмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск — Пермь прибывает на первую платформу, и вокруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа — он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и масло бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все менее. И его не примирили с ним даже милые, приземистые, провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял Нептун в трусах, но

книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся в глубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли многочисленные тома Всемирной литературы, а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

— Вас кто-то конкретно интересует?

— Нет, конкретно меня ничего не интересует.

— Вы любите книги?

— Кто их не любит?

— У нас редко бывают интересные книги, — сказала девушка. — Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

— Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду ничего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

— Я имею в виду на улице, — добавил он поспешно.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказала девушка. — Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас, совсем недавно. Но потом у автора были неприятности. Наше начальство приняло меры.

— Такие длинные руки?

— Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

— Мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

— Мы хотим провести митинг, — сказала девушка. — Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. Сказали, что меры принимаются.

Человек с черной бородой и длинными нечесаными волосами подошел совсем близко и высоким настырным голосом сказал:

— Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

— Борис! Я тебя не заметила.

— Меня трудно не заметить, — ответил длинноволосый. — Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступать с начальством в конфликты.

— Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец, — продолжал Борис. — Человек вы респектабельный, бывавший за рубежом. Я бы сказал — старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрять на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда оставаясь вне пределов вони. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал! Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен — от жирных немытых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

— Нет, не угадали, — сказал Шубин и отвернулся к полке.

— Не хотите, не надо, — сказал Борис. — Мы не гордые.

— Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека, — сказала, покраснев, Наташа.

— А я их всегда обижаю, — сказал Борис. — Между нами слишком много барьеров — классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

— Спасибо, — сказал Шубин Наташе и отошел от полок. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним.

За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину:

— Убийцы! Все они из одной своры...

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее. Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей — заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке, по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала кашица, которая брызгала из-под колес набитых народом ав-

тобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый воздух!» Борьба за чистоту окружающей среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали походя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

— Вы хорошо отдохнули? — спросил он.

— Спасибо.

— Я забыл провентилировать с вами вопрос питания, — сказал он. — На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитывать утром в машине.

— Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

— С колбасой по талонам? — спросил Шубин.

У него разболелась голова, не привык к здешним миазмам.

— Ценю юмор столичного жителя, — сказал Николайчик. — Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидированы очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силантьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожаной куртке.

— Федор Семеныч, — обратилась она к Николайчику. — Вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

— Да, — проснулся Николайчик. — И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

— Вы машинку пишущую всегда с собой возите? — спросила она.

— Всегда.

— Чтобы когда мысль придет, ее сразу схватить, да?

— Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

— Мне пора, — сообщила Эля, не трогаясь с места.

— Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

— Он вполне приличный, — сказала Эля. — Только запуганный. Его из гороно выгнали, за прогрессивность. С тех пор он боится. Я думала, что когда он квартиры дождется, то перестанет бояться. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь. Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

— Мы не опоздаем, Эльвира?

— Я быстро поеду, — сказала девушка. — А мы о вас говорили.

— Я знаю. — Николайчик поднялся, напялил шляпу. — Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

— Я его отвезу и прямо за вами! Вы пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в раскрытую дверь и увидел, что пространство за ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застекленные таблички. Справа — «В. Г. СИЛАНТЬЕВ», слева — «В. Г. Мы-

шечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

— Привела, — сказала она.

— Пусть товарищ подождет, — сказала правая секретарша. — У Василия Григорьевича совещание.

— Вы сидите, — сказала Эля, — я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плутает. Сколько раз был, а плутает.

Шубин уселся на мягкий стул, рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

— У меня детей из города увозят, — басил начальственный голос. — Завтра они по Свердловску понесут.

— Ты же знаешь, Василий Григорьевич, — отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше. — Все это бабьи сплетни. Кирилл, подтверди.

— Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы непрерывно проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

— Кирилл — специалист. Ему за это деньги платят.

— Кто платит? Кто платит? — рычал Василий Григорьевич. — Ты знаешь, что они митинг назначили на завтра?

— А вот это надо пресекать, — сказал второй голос наставительно. — Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал, тоном ниже.

— Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет...

— Откуда?

— Из Москвы.

— Я имею в виду — кто его прислал?

— Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

— Ну и что? Знаем мы этих международников.

— Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

— Точно международник?

— Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

— Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

— Милиция и без меня знает. Но я думаю... всегда лучше запретить, чем разгонять.

— Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

— А перестройка?

— Мы не шутить собрались.

— А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть — прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

— Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

— Наши общие интересы — служение народу.

— Смотри как заговорил. Место бережешь?

— А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская... знакомая фамилия.

— Из пединститута.

— Давно на пенсию пора. А тот еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

— Борис Мелконян. Он в списке есть.

— Армянин?

— Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

— Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

— Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

— Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

— А что я могу? Я же пишу, звоню — а мне: давай план!

— Детей из города вывозят.

— Положенне нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

— Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными, — произнес долго молчавший тенор.

— А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

— Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мял мокрую шляпу.

— Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали, — сказал он. — Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

— А что? Он занят? — Николайчик повесил шляпу на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто. — У него кто-то есть?

— Гронский у него, с санинспекцией, — сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

— Тогда мы подождем, — сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным. — Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

— В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

— Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

— Разумеется! — Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер. — Нет, — сказал он твердо. — В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый, будет директор химзавода Гронский, а налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора — Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

— У нас там воздух сказочный... тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонившегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на

большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

— Простите, заговорились, — сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина. — Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

— Как же, — сказал он, — слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

— Вот именно, — обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому: — Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

— Ты же знаешь, — смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку, — конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

— Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай родине большую химию! А вы, товарищ Шубин, заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это дело отдаленного будущего. Заходите, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленней. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой «Т» для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью — стол для заседаний. Над столом висел отретушированный портрет М.С. Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В.И. Ленина, а также размещались медали, скульптурки и вымпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

— Чай, — сказал он, — живительный напиток. Вы на Западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

— Пока еще индийский есть, — доверительно сообщил Си-

лантьев. — Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

— Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? — вставил Шубин.

— Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командировочных со стажем, всегда больше всего шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

— Приходилось.

— Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз напротив нашей гостиницы. По крайней мере, сто сортов чая, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери. Я, знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал — всем привез. Да что деньги беречь — все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

— Спасибо, — сказал Силантьев. — Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез из ФРГ?

— Замечательный чай, — вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

— Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию — пусть люди встретятся, поговорят, послушают очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытащил из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

— Верю, верю, знаю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

— Василий Григорьевич, — сказал Николайчик, — вы обещали для нашего «Москвича» резину выделить. Помните?

— Что? Какую резину?

— Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

— Ну и хитрец ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

— Как устроились? — спросил Силантьев. — Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда, чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

— Чисто, — сказал Шубин. — Только вода у вас не очень.

— Что? Вода? Какая вода? — Силантьев будто выпустил на секунду из себя другого человека, с начальственным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. — У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович как старожил помнит — какая вода у нас была! А в речке — каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, из Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали... Прогресс. Губим мы природу, не жалеем. Любую газету откроешь — что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит — план! Нужна стране химия? Отвечаю — нужна! Но не за счет здоровья людей. Моя позиция бесспорна.

— А позиция завода? — спросил Шубин.

— В целом — конструктивная. Если будет у вас время, отвезем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Шубин.

— Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

— Пожалуйста.

— У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное, или, скажем, тревожное — пожалуйста, ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите — я ваш!

Силантьев поднялся.

— Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагал по просторному коридору, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И подкованы. Уши при-

жаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающуюся лысинку.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

— Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов — быстро просчитал Шубин — по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов — женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом остановил аплодисменты и подошел к микрофону.

— Среди нас, — сказал он, — находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд назад, но там был лишь Николайчик — весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить, и, совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента в США для тех, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор — еще относительно молодой и внешне интересный, хоть и небольшого роста — все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазине вечерняя очередь.

— А теперь я хотел бы, чтобы вы мне задали вопросы, —

услышал Шубин собственный голос, что его удивило, потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно, гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать: «Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание...» И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

— Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неуемного желания чиновниц засыпать Шубина вопросами.

— Нельзя ли уточнить, и поподробнее, товарищ лектор, — прогудел ветеран, — взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шуршал, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготавливая новый вопрос, резко вскочила женщина, из породы крикливых, простоволосых любительниц правды-матки.

— Вы нам вместо Аргентины скажите, — выкрикнула она, — как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

— Я просил, — грозно сказал он, — задавать вопросы по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену.

Николайчик был огорчен.

— Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

— Я не сомневаюсь, — сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала спасибо, что приехали. Чья-то рука дотронулась до его пальцев — Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик заметил и спросил:

— Что это вам дали?

— Записку, — сказал Шубин.

— Можете отдать ее мне, — сказал Николайчик. — Вам она не нужна.

— Не беспокойтесь, — сказал Шубин. — Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался — сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городе такое тяжелое положение, но обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устроят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недосягаемым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному розовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно, Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он от того, что в комнате стояла Эля.

— Что? — спросил Шубин, открывая глаза. — Пора?

— У вас лицо выразительное, — сказала Эля. — У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедем, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей — номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем, десятым, сотым, от которого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

— Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

— Извини, — сказал Шубин.

— А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федора Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой, Шубин натягивал аляску и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

— Волосы у тебя красивые, — сказал Шубин, выходя в коридор.

— Это раньше были красивые, — сказала Эля. — Я химию делала. А когда на машине стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. Какое тупое, злое лицо, подумал Шубин.

— Он всегда так? — спросил Шубин.

— Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

— Или его предупредили?

— О чем предупредили?

— Что приехал ревизор, остановился в гостинице.

— Да какой вы ревизор?

— Вот и я говорю. А что, непохоже?

— Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

— Почему?

— А потому что целоваться с шофершей не полезли бы. Ревизоры свое место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сиденье. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

— А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем, — сказала она поучительно. — Люди на мелочах попадаются.

— Как шпионы, — сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

— Не смотрите, — сказала Эля. — А то никогда не заведу.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

— Расскажи мне про общество защиты природы.

— Про «зеленых»?

— Они себя так зовут?

— Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось — не представляете. Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «зеленые», а в пединституте — политический клуб. Смешно, правда?

— Это везде происходит, — сказал Шубин.

— У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

— А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

— Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

— Кого?

— У меня сын есть, в садик ходит.

— Вот не думал...

— Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

— А муж? — Шубину стало неловко — командировочный козел! Мужчина в сорок лет...

— Не беспокойтесь... — улыбнулась Эля. — Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью. Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

— Мне бы от получки до получки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей —

туда, сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

— А он помогает ребенку?

— Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

— Идите, — сказала она. — Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

— Вам не здесь раздеваться, — сказала она. — Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

Сейчас скажет, подумал Шубин, что видела меня позавчера по телевизору.

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время ее. В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

— Подкрепитесь, — сказал он наставительно.

— Уже надо идти.

— Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, водят по кабинетам, а чтобы покормить — это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла. Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

— Вода у нас, можно сказать, целебная, — сказал Николайчик. — Я смотрел сводку — по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

— Лучше бы без микроэлементов, — сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке вычитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у выхода. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подработать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки, — та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему было неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

— А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

— Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

— Но есть такие, которые к вам не относятся.

— А вот это мы сейчас и посмотрим, — сказал Шубин в микрофон.

— Читайте, читайте! — кто-то крикнул из зала.

Шубиным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

— «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

— Это к делу не относится. — Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку:

— «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?» — Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

— «Какие меры принимаются в Японии или Америке по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокомбинат травят нас как мышей. А разве мы полевые вредители?»

— Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке, — сказал Николайчик, и зал зашумел.

— Ничего, — сказал Шубин. — Я отвечу. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

— Еще как! — крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом бородатого Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

— Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют сильные общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

— А у нас он платит из государственного кармана! — крикнул Борис, поднимаясь, словно в римском сенате, и указуя перстом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

— Спокойно! — кричал в микрофон Николайчик. — Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закруглился, так как Николайчик пошел на предатель-

ский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции намечен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому что Шубин был особо бездушен — он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда приедет какая-нибудь комиссия, и фильтры в конце концов построят.

— Значит, так, — сказал Николайчик, когда они вышли за кулисы, — в будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

— Я не совсем понимаю, — сказал Шубин. — Мне кажется, что встреча прошла интересно.

— Юрий Сергеевич! — сказал Николайчик. — Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее — созидателем.

— Вы серьезно?

— Я не сторонник демагогии, — сказал Николайчик твердо. — И не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то, что происходит?

— Значит, митинга завтра не будет? — спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благодарить Шубина за замечательную лекцию. Она пошла их провожать, но Шубин и Николайчик быстро пошли вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

— Что вы знаете о митинге? — спросил Николайчик.

— Все о нем говорят.

— Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно откуда.

— Так будет или не будет?

— Я не милиция, — сказал Николайчик. — Но хотите знать мое личное мнение?

— Я его знаю.

— Да?

— Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

— Примерно так, — согласился Николайчик. — А вы со мной не согласны?

— Категорически.

— Интересно, это ваше личное мнение?

— Нет, — ответил Шубин. — Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье:

— Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

— Я вас провожу.

— Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик официальным голосом. — Если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

— Не беспокойтесь, звоните спокойно, — сказал Шубин. — Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

— Как так?

— И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

— Я бы этого не хотел.

— До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти домой Шубина и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

— Я хотел сегодня вас пригласить к себе, — сказал он, — но моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

— Разумеется, — сказал Шубин. — Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

— Мы хотели бы с вами поговорить, — сказала Наташа. — Вы извините, если вы устали.

— Одну минуту, — сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

— Я пойду до гостиницы пешком, — сказал он.

— Я была в зале, — сказала Эля. — Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

— Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

— Он звонить побежал? — сказала Эля.

— Ты его хорошо знаешь?

— Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

— Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

— Нет. А зачем?

— Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

— Позже некуда. Девятый час.

— Ну тогда до завтра.

— Вы с ними гулять пойдете?

— До гостиницы.

— Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании — испугается.

— За меня?

— За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

— Спасибо за предупреждение.

— Долго не гуляйте, — сказала Эля. — У нас неспокойно. На химии зеки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четырем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

— Пошли?

Борис был без шапки — его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородкой клинышком. Такие бородки давно не в моде — они неизбежно вызывают представление о владельце, как о человеке с оппортунистическими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса, бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь, Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

— Мы хотим вам нашу реку показать, — сказала Наташа.

— Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не

было никаких неожиданностей, — сказал Шубин. — Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

— А мы и не думали, — сказал Борис. — Это те, кто боятся, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверно, «вольво» привезли?

— У меня «Жигули», — сказал Шубин без обиды.

— Боря, не цепляйся к человеку, — сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера тянулась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные светящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в неспокойное небо светлые клубы дыма.

— Это не вода, — сказал Бруни. — Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу — они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

— Это еще что такое? — спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

— Я постараюсь прийти сюда завтра, — сказал Бруни, — чтобы разобраться.

— И пахнет иначе, — сказал Борис. — Еще гаже, чем всегда.

— Это у тебя нос слишком большой, — сказал парень в ватнике.

— В самом деле — пахнет иначе, — подтвердил Шубин. — Я тут человек новый, еще не принюхался.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

— Наша беда в том, — сказал Бруни, — что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздействия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

— Пошли отсюда, — сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

— Но почему вы не пишете, не скандалите?

— Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят, — сказал парень в ватнике. — Я уже отсидел пятнадцать суток.

— За что?

— Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

— Я уверен, что наши письма и обращения доходят, — сказал Бруни. — Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя — в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое народом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девчушек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

— Кофе приходится класть втрое больше, — сказал Бруни, — чтобы отбить у воды этот вкус.

— Я его убью, — сказал Борис.

— Кого?

— Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

— Я уже слышал об этом, — сказал Шубин.

— От Николайчика? — спросила Наташа.

— Здесь все друг друга знают?

— Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур, — сказала Наташа. — Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудищу?

— Наш город численно разросся, — сказал Бруни. — В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов — стандартных кварталов. Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи и прочая подобная публика.

— А еще зона, — сказал Борис.

— К сожалению, на заводах мало интеллигенции, — сказал Бруни. — Большей частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

— Нет, ты не прав, есть хорошие ребята. На биокомбинате политический клуб организовали, — сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего...

В самом деле Шубин так не думал. Он как бы проигрывал чужую, не свою роль, за неимением своей... Он уедет, они останутся.

— А что, становится хуже? — спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

— Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дают лавинообразный эффект, — сказал Бруни.

— Николай Николаевич работает в пединституте, — сказала Наташа. — Он биолог.

— Вы читали про Черновцы? — спросил Бруни. — У нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

— И что же?

— Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

— Еще кофе будете? — спросила Наташа.

— Нет, спасибо, — ответил Шубин. Он вспомнил, что в чемодане у него початая банка бразильского кофе. Вернется, выпьет.

— Положение ухудшается, — сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за конец бородки, будто пробуя ее на крепость. — Первый фактор, — продолжал Бруни, — введение в строй третьей очереди на биокомбинате. Они так спешили что добились отсрочки ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо, Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за окном еще полутемно, в аудитории уютно и тепло. И все спят.

— Второй и важнейший фактор — стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере...

— Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, — сказала Наташа. — Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

— Вряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление тех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают куммулятивный эффект. Достаточно

знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе...

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише и тише...

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

— Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случится обязательно, — закончил лекцию Бруни.

— Но если вы считаете, что положение такое опасное, — сказал Шубин, просыпаясь, — почему вы не послали телеграмму, письмо...

— Есть указание: не выпускать порочащую информацию из города, — сказал Борис.

— Передайте письмо с проводником поезда.

— Письмо без убежденного человека — полдела.

— Так поезжайте в Москву.

— Нас никто слушать не будет.

— А кого будут?

— Вас, Юрий Сергеевич! — воскликнула Наташа.

— Но почему же?

— Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить — в полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то...

— У вас получается, что городом правят изуверы, — сказал Шубин.

— Ни в коем случае, — сказала Наташа. — Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

— Гронскому нужен план, — сказал парень в ватнике.

— Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем, — добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

— У Силантьева шестидесятилетие, — сказала Наташа. — Он хочет получить орден.

— У других тоже всякие соображения, — сказал парень в ватнике. — Николаев с биокомбината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойной жизни.

Правдоподобно, конечно, все это бывает — и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, думал Шубин. У нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта — они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться мученичеством. Конечно же — это ранние христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью.

— Не думайте, что мы преувеличиваем, — сказал Бруни.

— Я не думаю.

— По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом, даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

— Притом они сейчас страшно нервничают, — сказала Наташа. — Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

— И тут приезжаете вы, — сказал парень в ватнике.

— Я совершенно ни при чем, — сказал Шубин.

— Мало ли что? У всех перепуганных людей развито воображение, — сказал Бруни. — А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух. Черт вас знает.

— Спасибо. Но они ошиблись.

— Мы тоже думаем, что они ошиблись, — согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

— С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора, — сказал Борис.

— Что вам далось мое благополучие?

— Бедных всегда раздражает богатство, — сказал Борис. — Из-за этого было столько революций!

— А я думал, что не я — ваш главный враг.

— А я думаю, — повторил Борис начало шубинской фразы, — что живи вы здесь, то были бы с ними. Вообще, вы очень похожи на редактора нашей газеты.

— Мне уйти? — сказал Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

— Не надо всерьез обижаться на Борю, — сказал Бруни. — Его несдержанность — его беда. В побуждениях он чист.

— В самом деле пора, — сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

— Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? — спросил он.

— Нет, это не главное, — обрадовалась Наташа. — Главное — чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они проталкивались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

— А им и дела нет, — сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысль Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

— Мы вас проводим до гостиницы, — предложил Бруни.

— Далеко?

— Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

— Мы с вами расстанемся на углу, — сказал Бруни. — Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

— Возьму.

— Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

— Зачем такая конспирация? — улыбнулся Шубин.

— Вы не знаете, наверное, — сказал Бруни, — на что способны испуганные люди, облеченные властью.

— На что же?

— Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

— Меня трудно скомпрометировать.

— Трудно? — ухмыльнулся парень в ватнике. — Вот, видишь, ребята идут? Устроят драку. Попадем в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники — хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает — ничего не случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далек от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить... А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хоть

и отважные заговорщики, а уверенный в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе, и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

— Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

— Четверть десятого.

Шубин продолжал идти вперед, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

— Ты не уходи, папаша, не спеши, закурить найдется?

— Я не курю, — сказал Бруни.

— Он не курит? — послышался удивленный голос второго парня.

— Отстаньте! — это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который тоже рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере, их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

— Да погоди ты! — рявкнул Шубин, вырываясь у парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса. Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки и скользнул, а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел — было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

— Осторожнее! — крикнул Шубин. — Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим,

но он не мог обернуться — он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

— Милиция! — закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое ухо Шубина:

— Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша, один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож, — тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома.

Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее. Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял в арке, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

— Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

— Но мы ничего не делали.

— Беги, идиот! — прошипел парень в ватнике. — Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке...

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

— Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал в арку, по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать фланирует по улицам города, потому что он знал, что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади послышались голоса — невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался

к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, стали смотреть — сначала направо, потом налево.

Сейчас они посмотрят на забор и догадаются, понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, вглядываясь в темноту.

— Это кто там? — спросила она.

А милиционеры слышат, понял Шубин. Они все слышат.

Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где — не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова выглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста, потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

Ну и черт с вами, сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, мысленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да, я гулял, я никого не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевой пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему, полагая,

что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случилось — вроде бы его никто не бил... Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он словно оказался в другом городе — шумном, громыхающем поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами. Видно, пришел поезд — на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды у респектабельной парочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло — снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было — даже разговоров в кафе и у вонючей реки. Но как назло от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плывшей над площадью, — почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и преградил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гостиницу. Подвыпившие, модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщицки пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Она возникла за спиной молодого человека с красной повязкой, и Шубин не сразу узнал ее, потому что уже привык к энергичному существу в кожанке и надвинутой на глаза кепке. А Эля была в синтетической дубленке, на плечах белый платок, темные волосы были завиты к концам.

— Этого пропустите, — сказала она громко, и человек с повязкой тут же подчинился, не столько словам, как тону.

— Проходите, товарищ. Вы чего жметесь, гражданин, вы чего там жметесь? — словно Шубин сам был виноват в том, что до сих пор не вошел в гостиницу. Неандертальские глазки дежурного издевались над Шубиным — конечно же, он узнал постояльца.

Хорошо одетые юноши нехотя пропустили его.

В холле было тепло и светло. Эля сразу увидела ссадину над бровью.

— Что с вами? — спросила она. — Вы упали?

— Подрался, — сказал Шубин.

— Ну уж шутки у вас, Юрий Сергеевич.

— А ты что здесь делаешь?

— Я ждала вас, Юрий Сергеевич.

— Ждала? Почему?

— Хотела и ждала. А вы не рады?

— Очень рад. Только не ожидал.

— Значит, я сюрприз вам сделала.

Они стояли посреди холла, возле забытых ремонтниками козлов.

Мимо прошли хорошо одетые юноши, они повернули налево, к приоткрытой двери в ресторан, и, проследив за ними взглядом, Шубин услышал, как ресторанный оркестр настраивает инструменты.

— Что же мы будем делать? — спросил Шубин.

Он был раздосадован, увидев Элю, потому что мечтал о том, как бы забраться в номер и остаться одному, совершенно и абсолютно одному. Очевидно, Эля почувствовала это в его голосе и быстро сказала:

— Я могу уйти. Мне все равно домой пора. Я просто шла из гаража и думаю — зайду. А вас нету. Вот и решила подождать — мало ли что, город чужой...

— Готовилась искать меня по моргам?

— У нас это бывает, — сказала она серьезно. — А морг у нас один.

— Тогда пошли ко мне, — сказал Шубин.

— В номер?

— Ну не стоять же здесь?

— Нет, в номер не пойду.

— Почему?

— Я по номерам не хожу.

Она сказала это с вызовом, и Шубин улыбнулся.

— Ты уже ходила, — сказал он. — Сегодня у меня была. Даже раза три. И один раз, когда я спал.

— Так это днем. По делам.

Шубин понизил голос и спросил:

— А целовалась тоже по делам?

— Вот поэтому и не пойду, — обиделась вдруг Эля.

— Ну что тогда делать? Мне в любом случае надо умыться.

— Вы идите, я домой пойду.

— Слушай, — сказал Шубин, — а ты сегодня когда обедала?

— Днем перехватила, — сказала она. — День трудный, в разгоне. А домой зашла, Митьке все сделала и к вам побежала.

Значит, не прямо из гаража, отметил Шубин. Врать не умеет.

— Я что предлагаю, — сказал Шубин. — Давай тогда поужинаем в ресторане. И я за день ничего толком не поел.

— В ресторане? Нет, дорого.

— Это не твоя забота, — сказал Шубин. — Только, наверное, туда не попасть.

— Почему это?

— Желающих много.

Шубин уже жалел, что предложил ужинать. Он знал, что стоит ему потерять из глаз Элю, как разорвется связь, возникшая от того, что ради него другой человек поздно вечером притащился в гостиницу.

Правда, оставалась надежда, что в моральном кодексе Эли ресторан не значится.

Эля широко улыбнулась. Сверкнула золотая коронка.

— Я это устрою, — сказала она. — У меня официант знакомый. Миша. Я его уже видала, пока вас ждала. Он меня спросил даже — гулять собралась? Мы с ним в школе учились. В соседнем классе.

— Вот и отлично, — сказал Шубин. — Только у меня смокинга нет.

— Чего нет? — Эля не поняла его.

— Я не одет для ресторана.

— Вы что, сдурели, что ли? Сюда каждый, как хочет, ходит. А я прямо как подозревала — надела платье.

И было ясно, что ресторан — ее потаенная мечта, хотя сама она предложить такое развлечение не смела.

— Тогда веди переговоры с Мишей, а я через пять минут приду.

Шубин поднялся к себе. Отдавая ключ, рыхлая дежурная по этажу сказала:

— Вас тут женщина искала.

В голосе было осуждение.

— Я знаю, — сказал Шубин. — Я ее уже встретил.

— После двадцати трех посторонним в номерах не разрешается, — сказала дежурная.

— Еще десяти нет, — сказал Шубин. — Да и в номере у меня пусто.

— Я предупредила, — сказала дежурная, протягивая ему ключ с отвращением, словно некий символ разврата.

Шубин прошел к себе в номер. В туалете на раковине сидел таракан, удивленный столь поздним человеческим визитом. Он не спеша ушел в щель. Шубин поглядел на себя в зеркало. Ссадина была невелика, но вокруг была видна подсохшая кровь. Он начал мыться. Висок и бровь защипало от мыла.

Ничего страшного не произошло, рассуждал он. Давай считать путешествие сюда цепью различных, большей частью забавных, приключений, которые еще не закончились, но неприятностей не сулят... сулят, сулят! Шубин был суеверен.

Вот вроде и прилично. Жалко, что нет пластыря, впрочем, порез почти не заметен.

Шубин взглянул на часы: без двадцати десять. Неужели прошло только двадцать минут с того момента, когда пьяный спросил время у Бруни? А ведь в них уместились драка, потом бегство, потом разговор с Элей... Шубин приложил часы к уху — забыл, что электронику не слышно. Он переложил сигареты в карман пиджака.

Площадь за окном была оживлена, свет фонарей поблескивал в складках одежд монумента труженикам перед вокзалом. Как же он не заметил его днем?

Шубин прикрыл фрамугу, чтобы не так тянуло запахами. И в самом деле, после переживаний следует выпить. Он старался не вспоминать о драке и о том, что могло случиться с его знакомыми. В конце концов они сами хотели, чтобы он ушел, и это было разумно. Они местные, им ничего не будет. А ему... получить телегу в Москву о недостойном поведении лектора? Кто-нибудь из недругов этим воспользуется, и в Женеву поедет другой. Желающих достаточно.

Шубин запер комнату и спустился вниз.

Эля раздобыла столик недалеко от эстрады и была тем горда. На нем стояла табличка «Стол не обслуживается». Добродушный увалень с широким плоским лицом — друг Миша — убрал табличку и подсадил за стол двух командировочных среднего уровня. Они были раздражены и все еще переживали битву с администрацией. Один из них, горбатенький и унылый, сразу начал рассказывать Шубину, что они прописаны в гостинице и потому имеют первоочередное право скромно поужинать в ресторане:

— А свободные места есть, и их берегут для спекулянтов. Везде одно и то же, поглядите за соседний стол. Вы видите ту кавказскую компанию? Получается, что именно они, торговцы, и есть хозяева жизни. А один даже кепку не снял.

— В какую гостиницу ни приедешь, — вторил другой командировочный, налитой здоровьем и потому особенно контрастный рядом со своим спутником, — везде они толкутся в вестибюле. Твою бронь найти не могут — понятно, почему не могут. У них связи с администрацией. Все куплены.

К счастью, не видя особого сочувствия, соседи по столу принялись жаловаться друг другу и забыли о Шубине и Эле.

На Эле было плохо сшитое платье из толстого сукна. Она его специально надела, понял Шубин, потому что надеялась, хитрая, что мы с ней сюда пойдем. Тобой манипулируют, Шубин. А впрочем, не так уж и плохо получилось. Все равно надо где-то питаться.

Миша принимал заказ у командировочных. Они долго выясняли, что можно есть, а что нельзя, почему этого нет, а в меню оно указано, а жесткое ли мясо? Эля сказала Мише, когда он обернулся к ним, держа перед собой книжечку:

— Мишенька, ты уж сам сообрази, хорошо?

— Горячее есть будете? — спросил Миша, тускло глядя на Шубина.

— Мы голодные, — сказал Шубин.

— Мишенька, ты все неси, — сказала Эля. — А мы пить будем? — Это относилось к Шубину.

— Будем, — сказал Шубин. — Обязательно будем.

— Вот видишь, — сказала Эля, словно он ранее высказывал сомнения. — Мы выпьем немного.

— Есть водка, коньяк и сухое вино, — сказал Миша.

Командировочный напротив услышал и вставил обиженно:

— Почему вы нам не сказали, что водка есть?

— Я в буфете спрошу, — сказал Миша. — А вам тоже?

— Нет, нам не надо, — сказал второй командировочный. — Мы будем пить коньяк, как заказывали.

Миша ушел за заказом, и Эля спросила:

— Вы обещали рассказать, что там у вас случилось?

— Меня ждали общественники, — сказал Шубин. — Мы с ними разговаривали.

— Это психованный Борис, да?

— Там их четверо было. Еще девушка из книжного магазина.

— Очкастая? Знаю. Чего им нужно? На Силантьева жаловались?

— Рассказывали, как дела в городе.

— Дурачье они, — сказала Эля. — Они только злят начальство. А лучше не будет.

— Ты им не веришь?

— Разве так дела делаются? Это все равно что в этот ресторан без знакомства идти. Там снаружи человек пятьдесят стоят, руками машут. А мы здесь сидим, понимаете?

— А завтрашний митинг?

— Они уже вам рассказали? Разгонят митинг. А нм только неприятности.

— Ты откуда знаешь?

— А мы, водители, рядом стоим у всех учреждений, — сказала Эля. — Ждем начальство и разговариваем. Если бы среди нас шпион сидел, он бы даже удивился, как мы много знаем. Водителей не замечают. Говорят, а не замечают. А мы все слышим. Мы же нормальные люди. Они уже решили. Сначала сомневались, а потом решили — разгонят. Им бы несколько дней протянуть...

— Пока силантьевский юбилей отпразднуют? — сказал Шубин.

— Ну вот, вы тоже много знаете. Один день у нас, а столько знаете.

Подошел Миша, поставил салат, бутылку водки, нарезанные помидоры. Командировочным пока ничего не дали — только хлеб. Командировочные глядели на Шубина и Элю волками, но молчали.

— Вам сейчас будет, — сказал им Миша.

Оркестранты были навеселе, видно, тоже поужинали, один из них рассказывал анекдот, певица в длинном декольтированном платье, вся в блестках, от висков до пола, тонко хихикала.

— Но потом случилась странная история, — сказал Шубин. — Когда мы вышли из кафе, навстречу два парня...

Он рассказал о драке, правда, не стал признаваться в том, как бегал и прятался от милиционеров.

— Он велел бежать? — спросила Эля. — Думали, что это подстроили?

— Да, тот парень думал, что меня хотели скомпрометировать.

— Нет, — сказала Эля. — Если бы их, чтобы на митинг завтра не пришли, то возможно. Они сейчас сидят в отделении, пишут показания. Вот смешно!

— Значит, я зря убегал?

— Нет, не зря. А то бы вы тоже объяснения писали, а я бы тут сидела одна, в новом платье.

— Платье у тебя красивое, — сказал Шубин.

— Откуда здесь красивому быть? Это я еще в сентябре купила, подруга из Москвы привезла. А вам нравится?

— Честное слово, нравится.

Они выпили. Эля опрокинула рюмку резко, незаметно и привычно. В этом была неприятная для Шубина бравада. Или привычка?

Он немного не допил, поставил рюмку. Эля с удовольствием принялась за салат. Потом сказала:

— Нет, про вас они не знали. У нас здесь молодежь такая дикая, вы не представляете! Еще хорошо, что шапку не сняли.

— Я кепку потерял.

— Ой, и другой нет?

— Другой нет.

— Я вам завтра шапку лыжную принесу. У меня от мужа осталась. А то простудитесь. Она почти новая.

Шубин налил водки.

— За ваше здоровье, — сказала Эля. — Чтобы не простужались.

И выпила так же, как первую.

Она ела салат, потом вдруг отодвинула тарелку и сказала:

— Не знали они про вас. Николайчик вышел, когда вы уже отошли. Он меня спросил, куда вы пошли, а я сказала, что не видела. Значит, они не знали.

— Ну и отлично, — сказал Шубин.

Оркестр грянул с тем остервенением, с которым умеют играть ресторанные оркестры. Разговоры пришлось прекратить. Подошел Миша, небрежно поставил на стол две тарелки супа для командировочных и ушел.

— Пошли потанцуем! — крикнула Эля на ухо Шубину. — А то не поговоришь.

Они пошли танцевать. Танцевали все, и Шубин подумал, что многие танцуют от невозможности поговорить иначе. От тесноты получался не танец, а некое коллективное покачивание. Эля запрокинула голову, откровенно глядя на Шубина. Он прижал ее к себе, и она была послушна. Они не говорили, да и не хотелось. Водка сразу затуманила голову, потому что Шубин был голоден. Но это ощущение было приятным. Эля положила голову на плечо Шубину, она была ниже его ростом. Он дотронулся губами до ее волос. Волосы пахли мылом.

Когда они возвращались к столу, толпа танцующих рассосалась и Шубин увидел, что у стены, за длинным столом, уставленным бутылками шампанского и водки, сидит знакомый человек, похожий на породистого дога, и внимательно рассматривает Шубина.

Шубин встретил его взгляд и, не узнав еще, чуть поклонился, но человек не пошевелил головой, а продолжал смотреть, и тогда Шубин вспомнил: это же Гронский, директор химзавода. Он глядел на Шубина тяжелым пьяным взглядом, и, хоть до него было метров десять, ощущение было неприятным, как от физического прикосновения.

За стол возвращались со своими пышнотелыми дамами соседи Гронского. Народ солидный, крепкий. Когда Шубин уже подходил к своему столику, он обернулся и увидел, что Гронский что-то говорит склонившемуся к нему молодому человеку с оттопыренными ушами. Молодой человек поднял голову, шаря глазами по залу, взгляд его отыскал Шубина. Молодой человек выпрямился и быстро пошел прочь.

— Вы что увидели? — спросила Эля.

— Там Гронский?

— У них банкет сегодня, — сказала Эля. — Комиссия работала по расширению производства, из министерства. Провожают.

Молодой человек с оттопыренными ушами прошел близко от их столика, старательно не глядя в сторону Шубина.

— А это кто такой? — спросил Шубин.

Эля кинула взгляд в спину молодого человека.

— Референт, что ли... шестерка.

Шубин сказал:

— Давай еще выпьем.

— Давайте, чтобы забыть о всех неприятностях.

Оркестр снова загремел, и они снова танцевали. Шубин поцеловал Элю в висок, а она теснее прижалась к нему. Шубину почему-то казалось, что Гронский исподтишка наблюдает за

ним, он поглядывал на него, но Гронский был занят разговором с соседом, похожим на Хрущева.

Когда они вернулись после танца за стол, командировочные уже доели суп и Миша расставлял тарелки — с котлетами для командировочных и с подобными же котлетами, но украшенными зеленью, маринованными сливами и дольками лимона, для Эли с Шубиным.

Один из командировочных вынул из кармана плоский калькулятор и принялся жать на кнопки.

— Должно быть по четыре сорок с носа, — сказал он горбуну.

— Ага, — горбун загадочно улыбнулся, и Шубин понял, что они уже точно рассчитали, сколько должны заплатить, и готовятся к обману, обсчету, скандалу и жалобам. Симпатии Шубина были на стороне Миши, но правда не настолько, чтобы предупреждать его о намерениях клиентов.

Молодой человек с оттопыренными ушами вернулся к столу Гронского и, склонившись, шептался с ним. Шубин решил, что если Гронский или молодой человек в ходе разговора посмотрят на него, значит, их разговор и уход шестерки как-то связан с ним. Но никто на Шубина не смотрел. И он сказал вслух:

— Мания преследования.

— Что?

— Ничего, Эля, давай еще выпьем. Не пропадать же доброму напитку?

Эля протянула под столом руку и дотронулась до колена Шубина.

— Вы очень добрый, — сказала она. — Честное слово.

— С чего ты так решила?

— Я чувствую людей. Я как увидела вас утром, так вы мне понравились. Честное слово.

Котлета была теплой. Мишино расположение не распространялось на качество пищи.

Шубин смотрел на Элю. Она была удивительно хороша. Грубоватой, чуть восточной, чистой красотой лани. Конечно же, лани — даже это идиотское платье не может скрыть гибкости и крепости ее фигуры, о чем, с танца, помнили его пальцы.

Оркестр, молчавший уже несколько минут, вдруг оживился, пианист вышел к микрофону и объявил:

— По просьбе друзей Руслана Квирикидзе, отмечающих его день рождения, исполняется песня «Сулико».

Песню «Сулико» оркестр умудрился исполнить в том же громовом ключе, как и прежние композиции.

— Будете танцевать? — спросила Эля.

— Давай доедим сначала, — сказал Шубин.

Мимо проходил Миша, один из командировочных поймал его за рукав, и по движению его губ Шубин понял, что тот требует счет. Второй держал руку в кармане — Шубин знал, что там ждет своей минуты бесстрастный калькулятор.

— Я рад, что тебя встретил, — сказал Шубин, наклонившись к уху Эли. Она кивнула, прожевывая кусок котлеты. Прожевала и крикнула:

— Я тоже! Я просто счастливая. Спасибо.

Оркестр застонал, завершая песню. Грузины с длинного стола громко хлопали в ладоши. Миша положил перед командировочными счет, и те впились взорами в итог. Миша обернулся к Шубину и спросил:

— Что еще будем?

Шубин отрицательно покачал головой. Он следил за командировочными.

На лицах их было написано отвращение.

Они вынули из карманов бумажники и принялись выкладывать деньги, потом искали мелочь. Значит, Миша обманул их чаяния — посчитал все правильно.

Миша стоял рядом, делал вид, что его интересует лишь Шубин.

Он спросил:

— Как котлета, понравилась?

— Очень вкусная, — сказала Эля. — Спасибо, Мишенька.

Командировочные сложили деньги на скатерти, и горбун подвинул их к официанту.

— Здесь точно? — спросил Миша, подчеркивая свой триумф.

Командировочные не ответили. Грозно и шумно отодвинув стулья, они поднялись и пошли к выходу.

Эля засмеялась.

— Ты тоже видела? — спросил Шубин.

— Конечно, с самого начала. И Миша видел.

— Да мне от кухни было видно, как они с калькулятором играют, — сказал Миша. — Я им на шестнадцать копеек меньше посчитал. Для страховки. Так ведь не сознались.

Он сгреб деньги и, не считая, сунул в боковой карман пиджака, как бы отделяя их этим от остальных, более благородных.

— Кофе будем? — спросил Миша.

Эля выжидательно посмотрела на Шубина. Он понимал, что ей не хочется уходить отсюда.

— Несите, — сказал Шубин. Теперь они с Мишей были почти друзьями.

— А вашей даме мороженое, хорошо? — спросил Миша.

— Ну уж и даме! — сказала Эля.

Ей было очень смешно.

— Здесь, наверное, кофе никуда не годится, — сказал Шубин.

— Синтетика, — сказала Эля. — Из бочки.

— У меня растворимый есть. Хороший, настоящий. И кипятильник.

— Где?

— В номере.

— Вы принесете, да?

— Зачем? Пойдем ко мне, выпьем кофе. Потом я тебя провожу.

— Ой, что вы! Уже скоро одиннадцать. Они не пустят.

— Мы ее попросим.

— Да вы что! Здесь строго.

— А им можно? — спросил Шубин, указывая на стол Гронского.

— Им все можно.

— Жалко, — сказал Шубин. — Я люблю справедливость.

Эля положила пальцы на руку Шубина и погладила:

— Не расстраивайтесь. Мы попробуем. Я тогда скажу Мише, что кофе не надо.

Она не успела встать, как подошел Миша с мороженым. Пока Шубин расплачивался с ним, Эля быстро ела мороженое. Уголки губ стали белыми.

— Я ужасно мороженое люблю, — призналась она.

— Ты не спеши.

Шубин посмотрел на стол Гронского. Человек, похожий на Хрущева, смеялся, тыча пальцем в сидевшую напротив статную даму.

— Пошли, — сказала Эля. — Пошли, а то автобус ко мне перестанет ходить.

Когда они вышли в холл, Эля сказала:

— Вы по лестнице идите. И отвлекайте ее разговорами.

Шубин пошел к лестнице. У стойки администраторши толпился народ — наверное, пришел поезд или самолет. Шестер-

ка с оттопыренными ушами, перегнувшись через стойку, говорил по телефону.

— А ты?

— Я на лифте выше поднимусь и потом вниз по лестнице.

Так и сделали. Дежурная была занята беседой с кем-то из постояльцев, она кинула на Шубина равнодушный взгляд, тот миновал ее стол и пошел по коридору. Коридор был пуст. Он остановился у своей двери, достал ключ, повернул его. И увидел, что по коридору быстро идет Эля. Обошлось. Обошлось, черт возьми.

И тут за спиной Эли в конце коридора возникла фигура дежурной.

— Это ты куда? — грозно спросила она, и голос ее ядром пролетел по коридору.

Эля пробежала еще несколько шагов и замерла, словно ждала следующего выстрела в спину.

Шубин пошел навстречу ей.

Дежурная спешила по коридору, переваливаясь, словно утка. Она догнала Элю и схватила ее за руку. Эля рванула руку, но остановилась. Шубин подошел к ним.

— Это ко мне, — сказал он, стараясь произнести эти слова официальным тоном, но язык не послушался его.

— Вижу, что к вам, — сказала дежурная. — Время одиннадцать, а к нему идут. Я же предупреждала.

— Но мы на минутку, — сказал Шубин.

— Я книжку в номере оставила, — сказала Эля.

— Вот и вынесет он твою книжку.

— Ну что за безобразие! — не выдержал Шубин. — Почему я должен все время чего-то просить, чего-то нарушать, перед кем-то унижаться! Мне нужно, чтобы эта девушка зашла ко мне в номер. Она зайдет и выйдет совершенно целая.

Голос Шубина, помимо его воли, повышался, в нем появились визгливые нотки. Эля втиснулась между ним и дежурной, уже готовой к большому скандалу, и заговорила быстро, тихо и напористо:

— Вы не сердитесь, все тихо, все нормально.

И Шубин вдруг увидел, как Эля сует в руку дежурной красную бумажку, и чуть было в справедливом гневе не вырвал эту бумажку, но Эля и тут успела остановить его — будто понимала все, что в нем клокочет. Она отстранила его другой рукой, и он отступил на шаг.

— Только чтобы быстро, — сказала дежурная. — Взяла книгу — и быстро. Поняла?

Она и не смотрела больше на Шубина.

Они были в номере.

— А ты чего хотел? — спросила Эля. — Чтобы я не пришла?

— Противно все это.

— Я к тебе в номер не просилась.

— Да я не о том...

— Ты бы радовался, что обошлось.

Она поцеловала его в щеку.

— Разве в других местах не так?

— В Швейцарии не так.

— Но мы же не в Швейцарии. Нам и здесь хорошо.

Шубин понял, что гнев его вымирает, и в самом деле — все хорошо. Они вдвоем. Дверь закрыта. За окном вокзальная площадь чужого города. Дежурная заработала свой червонец. И это даже к лучшему, потому что она куплена и не сунется. Мы не в Швейцарии.

— Я тебе отдам десятку, — сказал Шубин.

— Глупо, — сказала Эля. — Вы же за ужин платили. Больше.

— Сравнила. Сколько я зарабатываю, сколько ты!

— А я сегодня больше червонца заработала, пока вы там лекцию читали.

— Ты не была?

— Вы лучше кофе сделайте. Обещали ведь.

Шубин достал банку с кофе и кипятильник.

Эля взяла банку и стала рассматривать.

— Я такого не видела, — сказала она. — С собой привезли?

— С собой. Только у меня ничего сладкого нет.

— Ну и не надо.

— И выпить мы ничего не взяли.

— С меня хватит. Я завтра работаю.

Шубин налил в стакан воды, вложил в него кипятильник. Поставил на письменный стол. Эля стояла совсем рядом. От ее волос пахло мылом. Шубин взял ее за плечи и притянул к себе. Поцелуй был таким долгим, что, когда Эля вдруг рванулась и воскликнула громким шепотом: «Стакан лопнет!» — Шубин не сразу сообразил, что вода в стакане закипела.

— Ты хочешь кофе? — спросил он тоже шепотом, выключив кипятильник.

— Не знаю, — сказала Эля и сама приблизилась к нему, подняв голову и отыскивая губами его губы.

— Я запру дверь? — сказал Шубин.

— Да.

...Эля лежала, уютно вписавшись в тело Шубина, голова мягко давила на выемку под плечом.

— Я такая счастливая, — шептала она. — Очень счастливая. Ты не думай, я не навязываюсь. Я и не думала, что пойду к тебе. Ты, наверно, думаешь, что я со всеми такая — без мужа, шоферка.

— Я так не думаю.

— А у меня грудь красивая, да?

— Очень красивая.

— Я мороженое ела и боялась, что ты сейчас скажешь, что спать хочешь, а что мне уходить пора.

— Я не хотел, чтобы ты уходила.

Шубин поправил подушку, он любил, чтобы голова была высоко. Эля приподнялась, чтобы ему было сподручней это сделать. Он увидел светящееся небо за окном. Зеленоватое с синими и черными провалами. В здешнем небе была всегдашняя тревога. На улице заверещала сирена «скорой помощи».

— Кипяток, наверное, совсем остыл, — сказал Шубин.

— Я сейчас согрею, — сказала Эля, но не двинулась. Шубин почувствовал, как она считает секунды, которые ей остались. Он прижал ее к себе теснее, и она принялась быстро и нежно целовать его руку.

Такая сладкая и горькая нежность к этой женщине одолела Шубина, что сдавило в груди от неминуемого конца этой встречи.

— Я думала, что ты на меня даже не посмотришь.

— Глупо. Ты красивая и знаешь об этом.

— У меня ноги не очень длинные.

— Я не смотрел.

Кто-то тронул дверь. Толкнул. Как будто человек, неверно шагавший по коридору, ударился о нее плечом.

Так сначала Шубин и подумал, но потом раздался стук.

Часть вторая

1987 год. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

— Ошиблись номером, — сказал Шубин шепотом.

— Она не придет, — сказала Эля. — Она червонец взяла.

Стук повторился. На этот раз он был громче и требовательнее.

— Может, телеграмма? — спросила Эля. — Тебе из Москвы не могут телеграмму прислать?

— Лежи, — сказал Шубин, поднимаясь. Коврик у кровати поехал, и Шубин с трудом удержал равновесие. В дверь ударили так, словно хотели ее сломать.

— Погодите! — крикнул Шубин. — Сейчас открою.

Босиком он подошел к двери.

— Кто там? — спросил он.

— Откройте, телеграмма, — послышался мужской голос.

— Ну вот, — сказала Эля за спиной Шубина. — Я же говорила.

Шубин оглянулся. Эля сидела на кровати, ее силуэт был черным на фоне светящегося неба.

Что-то удерживало Шубина от того, чтобы открыть дверь. Может, голос был не телеграфный.

— Откуда телеграмма? — спросил он.

— Из Москвы, — ответили из-за двери.

— Знаете что, — сказал Шубин, — я уже сплю. Суньте ее под дверь.

Была пауза, и Шубину показалось, что за дверью шептались.

— А расписаться? — спросил голос.

— Завтра распишусь.

— Нет, возьмите телеграмму и распишитесь.

— Да открой ты, — сказала тихо Эля. — Может, что дома случилось?

Шубин повернул ключ в двери и приоткрыл ее, протягивая руку, чтобы взять телеграмму.

— Давайте, — сказал он.

С той стороны дверь пихнули так, что Шубин, не ожидавший толчка, потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. Дверь распахнулась. Яркий свет ударил в лицо из коридора.

Тут же загорелась лампа в прихожей — поднимаясь, Шубин увидел, что перед ним стоит молодой человек с красной повязкой и лицом неандертальца, которому положено охранять вход в гостиницу. Он держит руку на выключателе.

— Это что такое? — взъярился Шубин.

Дежурный с красной повязкой шагнул вперед, но Шубин загородил путь в номер.

— А ну, пропустите, — сказал неандерталец, — я при исполнении.

Шубин ощутил такой взрыв злобы, что с силой оттолкнул дежурного, и тот, чтобы не упасть, вцепился сильными пальцами в майку Шубина. Майка с треском разорвалась.

— Драться? — закричал неандерталец. — Мало ему разврата, он еще драться!

И тут же, словно его подтолкнули в спину, в дверях появился молодой милиционер в мокрой шинели и мокрой фуражке.

— А ну, бери его, — сказал дежурный. — И в отделение.

Шубин отскочил в номер, но милиционер был резвее — он рванул за плечо и тут же заломил ему руку за спину.

Пролетным, неверным взглядом Шубин успел увидеть Элю. Она стояла возле дивана, завернувшись в простыню.

— Не смейте! — крикнула она, но не могла двинуться, потому что была как бы прикована к месту длинной простыней.

Левой рукой Шубин цеплялся за вешалку, дверь в туалет, за свое пальто, но милиционер лишь сильнее давил на руку, уверенный, что Шубин подчинится, и было так больно, что Шубин вынужден был подчиниться. Он вылетел в коридор, и милиционер толкнул его к стене лицом.

Дежурный тут же ударил его в бок. Милиционер сказал:

— Ну, это лишнее.

— Он на меня напал, — сказал неандерталец. — Приезжают тут хулиганить.

— Я его не пускала, — услышал Шубин испуганный и потому визгливый голос дежурной по этажу. — Вижу, что пьяный, и не пускала.

— Выходи, — сказал неандерталец, и Шубин понял, что это относится к Эле. Но повернуться не мог.

— Я оденусь, — сказала Эля.

— Умела блядовать, умей и ходить, в чем мать родила, — сказал неандерталец.

— Слушай, — сказал милиционер. — Не тебе разбираться. Пускай оденется.

— Тебя вызвали, ты исполняй.

Дежурный подогревал себя, злился, был на грани истерики, как уголовник, нарывающийся на драку.

— Отпустите, — сказал Шубин милиционеру. — Вы что, хотите меня в трусах тащить?

— И потащим, сука, — сказал дежурный. — За избиение меня при исполнении потащим. При свидетелях.

— Одевайтесь, — сказал милиционер.

Хватка ослабла. Шубин выпрямился. Дежурная по этажу отошла подальше. Неандерталец стоял рядом и тяжело дышал, от него пахло чесноком.

— Только без штучек, — сказал милиционер, входя в номер следом за Шубиным.

Эля уже была в платье, она надевала сапоги.

Шубин увидел на кресле свои брюки. Там же валялась скомканная рубашка. Было стыдно, что чужие люди смотрят на его вещи.

— Вы бы отвернулись, — сказал Шубин. — Здесь женщина.

За окном взвизгнула еще одна «скорая помощь». Загудел паровоз. Гудок его коротко оборвался.

— Блядь, а не женщина, — сказал дежурный.

Милиционер сразу же сделал шаг к Шубину, отрезая его от дежурного, Эля сказала тихо и зло:

— Ты у меня кровавыми слезами будешь плакать.

— Не пугай.

Шубин сказал:

— Товарищ милиционер, вы свидетель оскорблениям, которым нас подвергают.

— Одевайтесь, одевайтесь, — сказал милиционер, глядя в окно.

— И я вас предупреждаю: завтра же я буду у вашего секретаря горкома.

— Разберемся, — сказал милиционер.

— То-то он тебя примет, — сказал неандерталец.

— Оделись? — спросил милиционер. — Тогда следуйте за мной. В отделение.

— Почему? Вы обязаны мне сказать, в чем вы меня обвиняете.

— В нарушении режима гостиницы, — сказал милиционер.

— Нет! — крикнул неандерталец. — В нападении и хулиганстве.

— А вам не стыдно, товарищ сержант? — спросил Шубин.

— Это вам, гражданин, должно быть стыдно, — ответил милиционер.

У него было простоватое, почти мальчишеское курносое лицо. И видно было, что милиционеру не хочется ни во что вникать и мысли его далеко отсюда.

— Пойдем, — сказала Эля. — Ты им ничего не докажешь. Достали все-таки тебя. А я сначала не поверила.

И только тут Шубин понял, что, вернее всего, Эля права. Его достали. Его старались достать у кафе, а в ресторане, увидев его, Гронский понял, что представляется замечательный шанс ликвидировать журналиста.

— Я не пойду в отделение, — сказал Шубин.

— Надо, — сказал милиционер. — На алкоголь проверим.

Он взял со стола ключ от номера и подтолкнул Шубина к двери.

Эля сама пошла впереди.

— Документы не забыли? — спросил милиционер.

Вопрос был задан буднично, и Шубин, стукнув ладонью по груди и убедившись, что бумажник на месте, так же буднично ответил:

— Не забыл.

Милиционер сам запер дверь и протянул ключ дежурной. Она подбежала и взяла ключ.

— Червонец отдай, — сказала Эля.

— Что? Какой? — дежурная поспешила по коридору впереди, она раскачивалась, как утка, которая спешит спрятаться в камыши.

Неандерталец шел за ней, ежесекундно оборачиваясь, словно боялся, что Шубин приблизится на опасное расстояние. Замыкал шествие милиционер.

Они вышли на лестничную площадку. Там стоял смертельно пьяный парень в дубленке и волчьей шапке. Увидев Шубина, он невнятно, но громко и дружелюбно спросил:

— Что передать на волю?

И пьяно засмеялся.

Снизу донесся короткий крик. Перешел в хрип, оборвался.

— Я одеться должна, — сказала Эля милиционеру. — У меня пальто в ресторане. В гардеробе.

Милиционер обдумывал эту информацию. Они спустились еще на один пролет.

— Эй, — сказал милиционер, — охрана.

Неандерталец обернулся.

— Проводишь девушку одеться.

— Так дойдет.

— Проводишь, говорю. Мы тебя у машины подождем.

Дежурный не ответил, он продолжал спускаться вниз.

За последним пролетом открылся холл гостиницы.

С первого взгляда Шубину показалось, что он видит иллюстрацию к сказке о спящей царевне.

Там все спали.

В желтом прозрачном тумане, заполнившем холл, спали на полу те люди, что недавно толпились у стойки в ожидании места, спала, положив голову на стол, администратор, спали те, кто коротал время в креслах. Спал официант у приоткрытой двери в ресторан. И было очень тихо.

В этом сонном царстве была такая заколдованная странность, что милиционер тихо сказал:

— Стоять!

И все послушно остановились, кроме неандертальца, который продолжал спускаться по лестнице.

Снизу поднимался тяжкий, неживой запах, который, хоть и был знаком, не разбудил бы в Шубине воспоминания, если бы не мерцание желтоватого тумана. И Шубин увидел: черная река... желтый туман по воде... кашель Наташи и слова Бруни о непредвиденных сочетаниях сбросов. Это узнавание мелькнуло и пропало, изгнанное невероятной действительностью.

Шубин видел, как неандерталец вступил в прозрачно-желтоватую пелену тумана и движения его стали замедляться. Он схватился двумя руками за горло, повернулся обратно, к лестнице, но подняться больше чем на ступеньку не успел, а упал, ударился головой о нижнюю ступеньку и замер.

Шубин схватил за руку Элю, которая кинулась было к дежурному.

— Сказали же, стой! — крикнул он. И крик его был слишком громким для этого зала.

Они стояли втроем на лестнице, и вокруг была страшная тишина, потому что ни из ресторана, ни с улицы не доносилось ни звука. После минутной оторопи вниз двинулся милиционер. Он сделал шаг.

— Да нельзя же! — крикнул Шубин, и голос его странно раскатился по холлу, будто тот был гулким храмом.

Желтое легкое марево чуть клубилось, мерцало, словно воздух в жаркий летний день над перегретой дорогой. Шубин физически почувствовал его жадное движение, он понял, что это марево, — поглотившее тех людей, которые, казалось, спали, но по нелепым, неестественным позам было ясно, что они мертвы, — стремится к лестнице, чтобы дотянуться до живых людей, заставить его, и Элю, и милиционера упасть и утонуть в нем, как утонул дежурный с красной повязкой на рукаве.

— Там люди, — сказал милиционер. Над верхней губой его проступили капельки пота.

— Ты им не поможешь, — сказал Шубин. — А сам умрешь.

— Умрешь? — тихо спросила Эля. — Как же так?

— Не знаю. Но туда нельзя. Пошли наверх.

Шубин почувствовал дурноту и жжение в горле. Может, это было самовнушение, может, и в самом деле марево испарялось, удушая все вокруг.

Он потянул Элю за руку, а она вдруг жалобно сказала:

— Но у меня пальто в гардеробе.

Шубин начал подталкивать вверх милиционера и Элю, и они нехотя подчинялись.

— Они сознание потеряли, — говорил милиционер. — Надо «скорую» вызвать.

Вытолкнув их за площадку на ступеньки, откуда не был виден холл, Шубин остановился и стал шарить по карманам — где сигареты? Все было нереально, нет, не сон, а нереальность, в которой он бодрствует. Один раз в жизни с Шубиным такое было: у самолета — старого, трижды списанного «вайкаунта», принадлежавшего небольшой частной компании, что делала дважды в неделю рейсы из Боготы в провинцию, загорелся в воздухе мотор. Шубин сидел в салоне, вокруг кричали, кто-то пытался встать — густой шлейф дыма несся за иллюминатором, самолет кренился, кружил, искал места сесть, а внизу были покрытые курчавым лесом горы. Шубин понимал, что все это не сон, а собственная смерть, но продолжал сидеть спокойно и старался, как бы помогая пилоту, сквозь разрывы в дымном шлейфе углядеть прогалину в лесу или плоскую долину для посадки. Самолет все же сел на кочковатом поле, всем набило синяков, потом пилоты выводили пассажиров, выталкивали их из самолета. Люди, не соображая, хватали свои вещи, чемоданы, сумки, а пилоты кричали и гнали их, чтобы они отошли от самолета... И уже издали Шубин увидел, как самолет взорвался, и с каким-то странным удовлетворением понял, что он-то успел взять свой чемодан.

Сверху по лестнице спускался, покачиваясь, парень в дубленке.

— Затормозились? — спросил он. — Хочешь, я тебя освобожу?

Шубин не понял его, он забыл, что только что был арестован, потому что между той сценой в номере и виденным в вестибюле была непроницаемая вековая граница.

— Что? — спросил Шубин.

Милиционер сказал:

— Туда нельзя.

— Ну и дела, — сказал парень в дубленке. — Свободная страна, свободный город. Кого хотят, того хватают.

Он толкнул милиционера, и милиционер отступил, потому что не ощущал себя сейчас милиционером.

— Погоди, — сказал Шубин. — Там опасно. Какой-то газ.

— Газ так газ.

Парень был силен и по-пьяному размашист.

Эля зашлась в кашле.

Шубин сказал парню:

— Как хочешь, только поздно будет.

— Да нельзя же, нельзя! Там все мертвые лежат! — закричала Эля и снова закашлялась.

— Какие такие мертвые? — парень отрезвел. Ему не ответили. Шубин поддерживал Элю, которой стало плохо, ее начало рвать. Она старалась сдерживаться, Шубин подвел ее к урне, что, к счастью, стояла на лестничной площадке.

Парень прошел на площадку и заглянул вниз. И остановился. Потом тихо выругался, запахнул дубленку и побежал наверх.

Шубин поддерживал обмякшую Элю, ему стало страшно, что она отравилась.

— Ты как? — спросил он. — Это от волнения. Сейчас пройдет.

Словно старался уговорить ее, что это не имеет отношения к желтому мареву, к тому, что они увидели.

— Мне лучше, — сказала Эля. — Ты извини.

— Тебе надо наверх, в номер, тебе надо лечь, — сказал Шубин.

— Да, конечно, — Эля сразу согласилась.

— Где ключ от моего номера? — спросил Шубин.

— Ключ? Я его дежурной отдал, — сказал милиционер.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Надо позвонить.

— Точно, — милиционер вдруг улыбнулся с облегчением. Словно получил толчок, вернувший его к реальности.

И он первым побежал наверх.

Шубин достал платок, и Эля вытерла рот.

Когда они поднялись вслед за милиционером наверх, то поспели как раз к тому моменту, когда дежурная по этажу привстала от удивления, увидев, что милиционер возвращается один. Она спросила:

— А что? Что еще? Я денег не брала.

— Ключ от номера. Быстро! — сказал Шубин.

Дежурная стала копаться в ящике с ключами.

— А что? Случилось что, да?

— Внизу несчастье. Авария, — сказала Шубин. — Вниз не спускайтесь. И никому не разрешайте. Стойте на лестнице и никого не пускайте.

— Убили кого, да? Кого убили?

Милиционер увидел телефон на ее столе.

— Помолчите, — сказал он.

Он набрал три номера, ударил по рычагу.

— Через восьмерку, — сказала дежурная. — Город через восьмерку.

— Раньше бы сказали.

Милиционер набрал номер и стал ждать.

Шубин взял ключ. Он сказал милиционеру:

— Я отведу Элю в номер. Двести тридцать два. Я вернусь.

Милиционер кивнул и стал снова набирать номер. Дежурная стояла возле.

— Не отвечают, — сказал милиционер.

— Тогда пошли ко мне, позвоним от меня. Может, телефон неисправен.

Они втроем побежали по коридору. В номере горел свет. Его забыли выключить. Милиционер прошел к столу, отодвинул банку с бразильским кофе и начал набирать.

— Через восьмерку, — напомнил Шубин.

Он подошел к окну и откинул штору. Почему-то раньше это не пришло в голову. Ведь в этом ответ на все вопросы — случилось ли это только в гостинице или и на улице.

Окно было как бы большим экраном, отделяющим Шубина от того, что он увидел. На площади перед вокзалом по-прежнему горели фонари. Их желтый свет как бы рождал ответное желтое мерцание, поднимающееся от земли. Снег потерял свою ночную голубизну.

Это был стоп-кадр.

Площадь была неподвижна.

Человеческие фигурки были разбросаны по площади, будто их, куколок, высыпали с большой высоты. Они были везде. Совсем маленькие, кучками, темными пятнами — возле вокзала и на троллейбусной остановке. Реже на самой площади, между редких машин и у киосков. Совсем мало — справа, на тротуаре, возле темных магазинов.

Еще были машины. Одна из них на скорости налетела на столб, и тот вошел в радиатор, как бы обнятый им. Дверца в машине распахнулась, и водитель до половины выпал головой на мостовую.

Шубин хотел обернуться и сказать, чтобы другие тоже подошли и смотрели, но тут он увидел, как на площадь въезжает высокий «Икарус». Желтое мерцание поглотило его колеса и заклубилось впереди. Видно, водитель понял, что впереди неладно. Автобус резко затормозил. Открылась дверь.

Шубин стал рвать на себя окно, забыв повернуть задвижку, — он хотел предупредить водителя.

Тот показался в дверях. Огляделся, спрыгнул на мостовую и уже в прыжке потерял сознание или умер, потому что его подошвы так и не успели коснуться асфальта — он согнулся и упал головой вперед.

Дернулся, будто хотел отползти... и замер.

— Нельзя! — кричала Эля, и Шубин только сейчас услышал ее крик. Она повисла на его руке, отрывала ее от окна, чтобы он его не открыл.

— Ты смотри, смотри! — пытался объяснить ей Шубин.

— Я все понимаю, я все видела... ты не поможешь — они же не слышат!

Милиционер, не выпуская трубки из руки, тоже смотрел на автобус.

Пассажиров в нем было немного. Человека три.

Первый из них появился в открытых дверях сразу за водителем и задержался на верхней ступеньке, глядя вниз. Он смотрел на водителя и, видно, что-то говорил. Потом повернулся внутрь автобуса — к нему подошел второй пассажир. Затем пассажир начал спускаться вниз. Но медленно, осматриваясь. Шубину было видно, как ноги его утонули в желтом мерцании, взметнувшемся облачком навстречу. Пассажир, испугавшись, хотел подняться обратно в автобус, но вдруг ноги его подломились, словно он хотел усесться на ступеньку, и, нырнув головой вниз, он упал на водителя.

Шубину наконец удалось открыть окно.

— Назад! — закричал он отчаянно. — Не выходите!

Неизвестно, услышал ли второй пассажир крик или сам догадался, что выходить нельзя, но он обернулся к женщине, последней пассажирке, что собиралась выйти через заднюю дверь. Та остановилась, оглянулась. Отмахнулась от его слов и — через несколько секунд уже лежала на мокром снегу у задней двери.

Остался последний пассажир. Он отошел от двери, видно было, как он прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть, что там, на площади. Эля закрыла окно.

Милиционер сказал, показывая трубку Шубину:

— Не отвечают.

— Милиция одноэтажная? — спросил Шубин.

— Дежурная часть на первом этаже.

— А второй этаж есть?

— Второй этаж? Зачем?

— Если газ добрался до первого этажа, то на втором могут остаться люди!

— Но там сейчас нет никого. Ночь.

— Тогда звоните в городское управление. Звоните в горком! В «скорую помощь»! Неужели непонятно!

— А я не знаю, — сказал милиционер жалобно. — Я наш телефон знаю, а других не знаю.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Пошли к дежурной. У нее справочник может быть. Эля, милая, не выходи, хорошо? Я скоро вернусь.

— Ты куда, Юра?

— Надо узнать телефоны.

— А я?

— Ты тоже звони. Звони Николайчику. Кого знаешь — звони. Надо, чтобы принимали меры.

— А что случилось? Это газ?

— Откуда я знаю? Мы же с тобой вместе были.

— Мне надо домой, — Эля остановила его. Милиционер стоял в дверях, ждал. Он признал главенство Шубина и его право распоряжаться.

— Зачем тебе домой? Жить надоело?

— Митька дома.

— Ты на каком этаже живешь?

— На четвертом.

— И пускай спит. Он с кем?

— С мамой.

— Тогда позвони маме и скажи, чтобы заперлась и никуда не выходила. И пусть посмотрит в окно — есть ли желтый ту-

ман. Только ты ей лишнего не говори, не пугай, понимаешь, только не пугай!

Эля покорно слушала, кивала, словно старалась запомнить, а потом сказала:

— У нас телефона нет.

— Звони соседке.

— У нас в доме нет телефонов.

— Звони Николайчику домой. У него-то есть?

— У него есть.

Шубин с милиционером вышли в коридор. Из-за соседней двери доносилась музыка. Слышны были громкие голоса.

— Надо будет поставить кого-то на лестнице, — сказал Шубин. — Чтобы не пускал жильцов вниз.

— Они на лифте могут спуститься, — сказал милиционер.

— Посмотрим.

Дежурной по этажу на месте не было. Вместо нее они увидели человека с чемоданом. Это был один из командировочных, грустный горбун. Он покорно стоял возле столика дежурной.

— Вы куда? — спросил Шубин.

— Я уезжаю, — сообщил командировочный. — А ее нет. Мне ключ сдать надо.

— Вот вы и будете стоять на лестнице. Вот здесь, — сказал Шубин. — И никого не пускать вниз.

— Это еще почему? — спросил горбун. — Мне уезжать нужно.

— Сержант, объясните, — сказал Шубин. Он увидел горящий свет в комнате горничной. Может, дежурная скрывается там? Нет, комната была пуста.

— Не может быть, — говорил горбун милиционеру. — Это вымысел. Я был на улице полчаса назад.

— Ваше счастье, — сказал Шубин раздраженно, — что вы вернулись живым.

Он дернул ящик в столе дежурной. Он был заперт. Шубин рванул сильнее.

— Что вы делаете? — спросил горбун.

— Вы стойте, где вам сказали! — рявкнул Шубин.

— Стойте, стойте! — поддержал его милиционер. — А чемодан оставьте. Никто его не возьмет.

Горбун, все еще сомневаясь, сделал несколько шагов к лестничной площадке, но чемодана не выпускал.

Ящик с треском вылетел из стола. Посыпались бумажки. Шубин начал ворошить их, надеясь отыскать какую-нибудь тетрадь или список телефонов.

Зажужжал, проезжая мимо, лифт.

— Черт! — вырвалось у Шубина. Он кинулся к лифту. Но пока он бежал к нему, услышал, как лифт остановился на первом этаже, его двери открылись. Кто-то вскрикнул. И снова тишина. Красный огонек продолжал гореть рядом с дверью лифта.

— По крайней мере, теперь его уже никто не использует, — сказал Шубин.

— А что? Что случилось?

— Спуститесь на один пролет вниз, — сказал Шубин горбуну, — но не больше — загляните вниз и тут же возвращайтесь обратно, если вам мало того, что сказал сержант.

— Но он сказал — там отравление газом.

— Вот именно.

Горбун осторожно пошел вниз.

Наверху кто-то забарабанил в дверь лифта — видно, не мог вызвать и сердился.

— Я пойду наверх, — сказал Шубин. — Может, у кого из дежурных есть телефонный справочник. Вы знаете, что делать?

— Так точно, — ответил милиционер, который не знал, что ему делать.

Шубин подбежал к лестнице. Остановился. Где этот чертов горбун? Вместо того чтобы бежать наверх, Шубин сошел на несколько ступенек ниже. То, что он увидел, его не испугало: разозлило.

Горбун сидел на нижней ступеньке лестницы, откинув голову к стене и приоткрыв рот. Чемодан он продолжал держать на коленях.

— Эх, черт, — сказал вслух Шубин. — Проверить решил!

Он посмотрел на холл. Он уже привыкал к этому зрелищу. Оно было невероятным, но не сказочным и не граничило более со сном. Это была тяжелая реальность, и мозг ее воспринимал трезво.

Уровень желтого мерцания поднялся. Зал был залит им метра на полтора. От движения газа контуры предметов были размыты, и казалось, что люди движутся. Шубин заставил себя не смотреть более на холл.

Наверху милиционер по-прежнему стоял у телефона.

Он увидел Шубина и обрадовался.

— Нигде не отвечают, — сказал он, смущенно улыбаясь, словно был виноват в этом. — Я в «скорую» позвонил и в пожарную команду. И никто не подходит. Странно, да?

— Плохо, а не странно, — сказал Шубин.

— Вы думаете, что и там? — спросил милиционер.

— Мы с вами вместе смотрим это кино, — сказал Шубин. — Я пойду наверх, поищу телефонный справочник. Я хочу дозвониться до заводов или до аэропорта.

Он не стал говорить милиционеру о горбатом командировочном. Вернее всего, милиционер забыл о нем.

Шубин не успел подняться до третьего этажа, как услышал, что сверху, громко и весело разговаривая, спускается группа людей.

— «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» — загудел бас.

— Стойте! — приказал он, отступая на шаг перед поющими гостями и видя лишь напряженное лицо Гронского.

— Что еще? Это что еще, нам мешают петь! — воскликнула толстая матрона. — Витя, он нам мешает!

— Он пьян! — нашелся референт. — Уже милицию вызывали, а он все хулиганит.

— И мы тоже пьяные! — запела матрона. — Давайте петь вместе.

Шубин резко оттолкнул ее и оказался лицом к лицу с Гронским.

— Отойдите сюда, — показал он наверх. — Мне надо сказать вам два слова.

— Ты поосторожнее! — закричал референт. — Без хулиганства.

Гронский был насторожен и зол. В глазах читалось опасение: если Шубин смог вырваться из цепких объятий милиции, значит, он нашел какой-то ход, какие-то связи? Какие?

— А вы, — сказал Шубин остальным, — стойте здесь. И не спускайтесь ниже.

В голосе Шубина была та уверенность в праве приказывать, что быстро угадывается и признается людьми иерархии. Это умение, происходящее от внутренней убежденности, трудно подделать.

Компания прервала пение, все замолчали. Стояли, глядели на Гронского, будто он был старшим в этой стае и ему принимать решение.

— Подождите, — сказал он и поднялся на ступеньку выше, так что теперь его отделяло от остальных метра два. Референт приклеился сбоку, чтобы не оставить шефа в опасную минуту.

— Отойдите, — сказал ему Шубин брезгливо, как и положено говорить с шестерками.

Тот смотрел на Гронского.

— Ну! — сказал Шубин.

Гронский сделал движение головой, отправляя шестерку к остальным.

Шубин дотронулся до плеча Гронского, отводя его еще дальше от компании.

— Случилось несчастье, — прошептал он. — Катастрофа. Много людей погибло.

Гронский не отвечал. Он почуял опасность и весь подобрался. Ноздри породистого носа побелели, даже брыли подобрались.

— Вернее всего, это химическое отравление.

— Где? — спросил Гронский шепотом.

— Два этажа вниз, — сказал Шубин. Он уже говорил нормальным голосом и слышал тяжелое дыхание прочих слушателей.

— Если это шутка...

— Тогда идите, только идите один, — сказал Шубин. — Я вам не советую подвергать риску жизнь ваших гостей.

— Это бессмыслица какая-то, — сказал Гронский. Он смотрел не на Шубина, а на очень толстого, туго затянутого в костюм краснощекого лысого гостя. Гость тронул Шубина за рукав.

— Повторите, что произошло, — сказал он.

У него были красные щеки и красный носик. Очень светлые, живые, не замутненные водкой глаза.

— Я не знаю причин катастрофы, — сказал Шубин. — Но внизу лежат мертвые люди. На площади тоже. Много людей.

— На площади? Где? — Толстяк как бы взял в свои руки командование. Он был главнее Гронского, и Шубин понял, что банкет происходил именно в его честь.

— Спуститесь на пролет ниже — можете выглянуть в окно, — сказал Шубин. — В холл спускаться нельзя. Там газ.

— Какой газ? — Гронский был раздражен, ему хотелось не верить Шубину, он подозревал в этом какую-то месть за милицейский рейд. — Какой может быть газ?

Шубин пошел с ними вниз. Теперь не было нужды искать телефонный справочник. Если можно говорить о везении в такой ситуации — Гронский был этим везением. Уж он-то знает все телефоны.

Толстяк первым оказался на лестничной клетке. Милиционер все еще стоял у телефона. Больше ничего, за эти минуты не изменилось. Толстяк подошел к окну возле стола дежурной и отодвинул занавеску резким жестом пьяного человека. Гронский подошел к нему, остальные стояли сзади, заглядывали через плечи.

— Не отвечают? — спросил Шубин у милиционера.

— Боюсь, что да, — сказал милиционер. Он взял фуражку,

что лежала на столе. Надел ее. Он знал, когда имел дело с начальством.

— Чепуха какая-то, — сказал Гронский. Толстяк молчал. — Возможно, они потеряли сознание, — сказал Гронский.

— Сознание? — Толстяк обернулся к Гронскому. Потом перевел взгляд на Шубина: — Давно это случилось, товарищ...

— Шубин.

— Шубин. Очень приятно. Спиридонов. Когда это случилось, товарищ Шубин?

— Я увидел это... минут двадцать назад.

— Как увидели?

— Я спустился в холл. Вместе с сержантом.

Милиционер кивнул. Присутствие толстяка все ставило на свои места. Этот будет принимать меры. И если даже милиционер знал в лицо Гронского, все равно на роль начальника он выбрал именно Спиридонова.

— Там то же самое?

— Да. Там все мертвые. И когда человек, который был с нами, все же спустился в холл, он упал.

— Это случилось быстро?

— Практически мгновенно.

— Что вы можете сказать, Виктор Иннокентьевич? — спросил Спиридонов у Гронского.

— У нас такого не бывает, — сказал Гронский.

— Знаю, что не бывает. Иначе бы давно всю Россию перетравили, — сказал Спиридонов.

— Может, диверсия? — спросил шестерка. Уши его шевельнулись.

— Диверсия? — повторил Спиридонов. — И наверное, американская? Или сионистская? Замечательное объяснение.

— Надо позвонить на биокомбинат, — сказал Гронский. — Может, у них выброс?

— Вот и займитесь, — сказал Спиридонов.

Одна из толстых женщин громко рыдала, прислонившись к стене. Гронский подошел к ней. Он сказал:

— Верочка, не надо.

— Милиция не отвечает, — сказал Шубин.

— «Скорая помощь» тоже, — добавил милиционер. — И пожарники молчат.

— Понятно, — сказал Спиридонов. — Товарищ Шубин, пойдемте со мной, покажете мне, что там, в холле.

Шубин подчинился, подумав, правда, что даже в такой си-

туации Спиридонову, привыкшему, чтобы его провожали и ему показывали, не приходит в голову пойти посмотреть на холл одному. Шубин понимал, что это происходит не от того, что Спиридонов боится — он не производил впечатления пугливого человека. Просто он не привык действовать без человека, которому в случае нужды мог бы отдать приказание. А из окружающих он выделил себе в помощники Шубина.

Гронский взял телефонную трубку, протянутую милиционером. Шубин последовал за Спиридоновым к лестнице.

— Осторожнее, — сказал он, когда они начали спускаться. — Туман постепенно поднимается.

— Туман? Почему вы раньше не сказали?

— Я не уверен, что он — причина гибели людей, — сказал Шубин. — Но там есть желтый туман, и я думаю, что люди погибли из-за него.

Они остановились у последнего пролета. Спиридонов стоял, уперев кулаки в бока, и медленно поворачивался, как бы впитывая в себя зрелище.

Два человека лежали, заклинив открытую дверь лифта. Певица из оркестра скорчилась в дверях ресторана, и блестки ее платья мерцали в тумане золотыми звездочками.

— Мертвые, — сказал Спиридонов.

Он чуть двинул голову в сторону, чтобы вобрать в поле зрения Шубина.

— Воняет, — сказал он. — Чувствуете?

— Да.

— Здесь всегда воняет, даже вода воняет — я уж отмечал, — сказал Спиридонов. — А так чтобы воняло — не помню.

Шубин не стал отвечать.

— И что же вы предлагаете делать? — спросил Спиридонов.

— Надо связаться с другими районами, — сказал Шубин. — Мне говорили, что город стоит в низине, а заводы расположены выше.

— И зачем? — спросил Спиридонов.

— Они смогут сказать причину.

— Вряд ли, — сказал Спиридонов. — Ночь на дворе. На заводах только сторожа.

— А ночная смена?

— Сомневаюсь. Начало месяца, — сказал Спиридонов. — Но людей поднимать надо. Добраться бы до армии.

Наверху появились Гронский, рядом его референт. Они смотрели вниз, на холл, лица их были неподвижны.

— А вы что скажете? — спросил Спиридонов.

— Очень странно, — ответил Гронский.

Сверху послышался шум. Чей-то громкий голос кричал:

— У меня самолет через час. Вы что, не понимаете?

В ответ бубнил что-то милиционер.

— Успокойте его, — сказал Спиридонов Гронскому, тот кивнул шестерке, который сразу сорвался с места. Шубин смотрел ему вслед.

— Чего мы стоим? — сказал он.

— Есть предложения?

Желтый туман закрутился под ногами, и Спиридонов отошел на ступеньку выше.

— Почему мы до сих пор не позвонили в Москву?

— В Москву? — переспросил Спиридонов. Пожевал губами. — Может быть, и в Москву.

— Зачем в Москву? — спросил Гронский. Он не возражал, он задал спокойный вопрос, как человек, который хочет разобраться в трудной задаче.

— В любом случае мы должны сообщить, — сказал Шубин. — Там примут меры.

Гронский смотрел на Спиридонова. Спиридонов — на Гронского.

— Нет, — сказал твердо Гронский. — Мы не знаем ни масштабов аварии, ни причин — ничего не знаем. Что мы скажем Москве? Что в гостинице какое-то отравление?

— Не только в гостинице, — сказал Шубин.

— Пускай не только в гостинице. Пускай и на площади. И нас спросят, а какие вы приняли меры? И мы скажем — позвонили в Москву. Это же, простите, несерьезно! — Гронский развел руками, чтобы все поняли, насколько это несерьезно.

Чувствуя неуверенность Спиридонова, Гронский загремел вопросами:

— И куда мы будем звонить в Москву? В штаб ПВО? В Министерство здравоохранения? Куда? В ЦК?

Слова Гронского звучали разумно, но в них была ложь, в них был страх, что сильнее страха от увиденного. Страх перед собственной гибелью, но не физической, а моральной, карьерной, деловой.

Вернулся шестерка с оттопыренными ушами. Он не скрывал восхищения перед филиппикой Гронского. Радостно кивая, будто ждал, когда начнут раздавать конфеты.

— Дело говоришь, — сказал Спиридонов. — До Москвы

больше тысячи верст. Пока мы будем дозваниваться да искать, с кем побеседовать, утро наступит. Давайте сначала попробуем задействовать местные силы. Чем больше сделаем сами, тем меньше будет претензий у Москвы. Как там, Гронский, на биокомбинате? Что тебе сказали?

— Никто не подошел.

— Это ничего не значит. Что у тебя предусмотрено на случай аварии?

— Есть программа у дежурного.

— Ты ему приказал действовать?

— Сергей Иванович, но ведь нет аварии на моем заводе! Нет аварии! Что-то случилось здесь, в центре. А завод вон там. Вы же знаете.

— Так, значит, на завод ты еще не звонил? Иди звони.

Заметив, что шестерка хочет бежать за Гронским, Спиридонов приказал ему:

— А ты, Плотников, давай в номер люкс, держи ключ! Неси сюда бутылку и стакан.

Спиридонов посмотрел на Шубина.

— Два стакана. Нам подкрепиться надо... Так, Шубин?

— Так, — Шубину захотелось улыбнуться. В Спиридонове была внутренняя ясность, которая позволяет подчиняться без сопротивления.

— Гронский на завод не дозвонится, вот увидишь, что не дозвонится. У него там тоже все дрыхнут. А мы с тобой знаешь что сделаем? Мы с военным аэродромом свяжемся. Здесь есть, в Нехаловке. Пускай поднимут вертолеты и облетят город. Прежде чем действовать, мы должны знать, с чем имеем дело. Разумно?

— Разумно, — сказал Шубин.

— Вот и я так думаю. Пошли, а то я помру от этой вони. Мутит. Тебя мутит?

— Мутит, — сказал Шубин и отметил про себя, что ему очень хотелось добавить «так точно!».

Наверху народу прибавилось. Гронский был у телефона. Все смотрели на него. Эля стояла в сторонке, увидела Шубина и обрадовалась. Но не подошла, не посмела. Она понимала, что теперь наступило время начальников.

В стороне стояли три грузина из ресторанной компании. Они допрашивали милиционера, хотели посмотреть, что там, внизу, но милиционер пришел в себя и говорил властно. У лифта, где все еще горел красный огонек, стоял второй из командировочных, что был с Шубиным в ресторане. Надо ему ска-

зать, что его товарищ погиб. Потом скажу, подумал Шубин. Он хотел было подойти к Эле, но тут Гронский громко сказал:

— Это кто у телефона? Почему не подходите? Кто, кто — Гронский, вот кто! Что там у вас происходит?

Гронский послушал ответ. Все замерли, замолчали.

— А кто у телефона? — продолжал Гронский. — Так вот, Ховенко, выйди из дежурки, обойди территорию. Я тебе через десять минут позвоню. А если что — немедленно отзвонишь сюда. Какой телефон?

Гронский спросил, зажав трубку ладонью:

— Какой здесь телефон?

— Двадцать-триста четыре, — отозвалась дежурная по этажу.

— Двадцать-триста четыре. Гостиница «Советская». Немедленно отзвони.

Гронский положил трубку с таким видом, словно у него гора свалилась с плеч.

— У нас все в порядке, — сказал он.

Получалось, что все происходящее вокруг — лишь видимость, недоразумение.

Это уловил и Спиридонов.

— У тебя в дежурке все в порядке, — сказал он. — А что это значит? Ничего не значит! Люди погибли, а ты — все в порядке!

— Мы будем искать причину, — сказал Гронский, проводя ладонью по гладкой щеке. — Мне позвонят. Все выяснится. Я уверен, что утечка на биокомбинате.

Появился шестерка Плотников. Он нес поднос, на котором стояли початая бутылка водки, два стакана и лежала нарезанная колбаска.

Он остановился перед Спиридоновым, не кланяясь ему, но всем своим видом изображая поклон.

— Молодец, — сказал рассеянно Спиридонов, — поставь на стол.

Тот поставил поднос на стол дежурной, и все смотрели молча, как Спиридонов разливает водку в два стакана, будто решая задачу, с кем разделить бутылку.

— Шубин, — сказал Спиридонов, — примем за знакомство.

Гронский не скрывал ненависти. Если бы не беда — ох бы он до Шубина добрался!

Может, в ином случае Шубин бы отказался, но именно из-за взгляда Гронского он стакан взял.

— За здоровье, — сказал Спиридонов. — Твое лицо мне знакомо. Откуда?

— Товарищ Шубин позавчера по Центральному телевидению выступал, — сказал шестерка, легкомысленно предавая своего шефа.

— Точно, — сказал Спиридонов. — У меня память на лица.

Он выпил свой стакан в три глотка.

— Давай, набирай аэродром, Гронский! Поднимем родные ВВС в темное небо. Ты чего не пьешь? — спросил он Шубина.

— Я знаю, куда позвонить в Москве, — сказал Шубин. — Надо позвонить к нам, в «Известия». Они знают, что делать.

— Зачем? — быстро ответил Гронский. Он уже цепко держал телефонную трубку. — Мы собственными силами, без прессы.

— Испугался, — без злобы сказал Спиридонов. — Ты понимаешь, Шубин, что будет, если Москва сейчас вмешается?

— Я думаю о пользе дела, — сказал Гронский и стал набирать номер.

Шубин знал, что все равно позвонит в газету. Сейчас же. Из своего номера.

— Сейчас он с крылышками свяжется, потом твоя очередь, — сказал Спиридонов. — А ты пей, не люблю, когда мои люди манкируют своими обязанностями.

Шубин понял, что никуда ему не деться от принадлежности к людям Спиридонова. И пить придется.

Он выдохнул воздух. И подумал — Господи, спаси меня от этой чести...

Свет погас. Он погас везде — на лестнице, в коридоре, даже погас красный огонек лифта.

Это произошло не беззвучно — все здание будто ахнуло — так отозвался в ушах Шубина общий вздох, вскрик всех, кто стоял вокруг. И сразу стало видно, что небо за окном зловеще светится желтоватым отблеском.

Шубин посмотрел туда. Фонари на площади потухли, потухли окна в домах на площади. Погасли окна в вокзале. И лишь в автобусе, что стоял посреди площади с открытыми дверями, у которых лежали его водитель и пассажиры, горел яркий свет. И дальше к вокзалу светился еще один автобус. Тоже пустой.

Шубин поставил стакан на край стола. «Если высшие силы прислушиваются к моим просьбам», — началась мысль, но так и не кончилась, потому что невдалеке возник голос Эли:

— Юра, ты где?

— Я здесь, — сказал Шубин. Он пошел к Эле, наткнулся на кого-то... — Я здесь!

Эля была рядом. Вот она. Она вцепилась в его руку, как цепляется перепуганный ребенок.

За спиной голос Спиридонова произнес:

— Как связь? Работает?

— Нет, — ответил Гронский. — Молчит.

— Значит, энергию вырубили. Кто-то догадался, что опасно.

— А может, не догадался, — сказал Шубин. — Может, до них добрался туман.

— Это может быть? — спросил Спиридонов.

— Электростанция старая, на реке, — сказал Гронский.

— В низине?

— На нашем уровне.

— Мог добраться, — сказал Спиридонов. — Так что, Шубин, со звонком в Москву придется потерпеть.

— Вижу, — сказал Шубин.

Небо за окном светилось, по нему быстро бежали синие облака, между ними открывалась и сразу пропадала луна.

— Гражданка дежурная, — сказал Спиридонов. Он всегда успевал сказать раньше других. — Дежурная по этажу здесь?

— Здесь, — отозвалась та.

— На случай перебоев в энергии, где хранятся свечи или лампа?

— У горничных в комнате, — ответила дежурная.

— Тогда несите.

— Не могу, — сказала дежурная. — Как раз керосин кончился. Обещали завтра принести.

— Все у вас наперекосяк!

— Но ведь обещали. Если бы знать, из дому бы принесла.

— Все равно несите, — сказал Спиридонов. — В каких-то лампах должен остаться керосин. Вы ведь его не выпивали? Спички есть?

— Ой, кто тут? — раздался голос дежурной — значит, она все же двинулась и натолкнулась на кого-то в темноте.

— Да помогите ей кто-нибудь, — рявкнул Спиридонов. Его квадратная фигура закрыла окно. Шубин подошел к нему.

— Нас, конечно, вызволят, — сказал Спиридонов тихо, будто сам себе. — Но скандал будет большой. Гронскому не удержаться.

Сзади что-то гремело, дежурная искала лампы.

— Вы что-то сказали? — послышался голос Гронского.

Шубин подумал, что Гронский услышал слова Спиридонова, но предпочел не разобрать их.

— Ничего, — сказал Спиридонов. — Просто меня интересует, как вы дошли до жизни такой?

— Это не мой завод!

— Все равно будут искать виноватых. Смотри, сколько народу погубил.

— Когда разберутся, поймут, что мы ни при чем.

— Завтра на митинге бы и выяснилось, — сказал Шубин.

— Какой еще митинг?

— Да так, общественники, вы же знаете, сколько их теперь развелось, — сказал Гронский. — Сейчас нам надо думать о том, как выбраться отсюда.

— Общественность, говоришь? — Спиридонов не стал поддаваться на отводящий маневр Гронского. — И чем она была недовольна?

— Я с ними разговаривал, — сказал Шубин. — Вполне серьезные люди. Их беспокоило состояние атмосферы в городе. Они хотели написать коллективное письмо в Москву.

— Не успели, — сказал Спиридонов. — Но были правы. Понимаешь, Гронский, что были правы?

— Сначала надо разобраться, что случилось, — упрямо сказал Гронский.

— Тебя не собьешь.

— Что же делать, на этом держимся. Вы завтра поглядите, сколько мы писали в министерство, чтобы нам выделили фонды. Вам и писали. Мы этим воздухом дышим, а вы, Сергей Иванович, приехали и уехали.

— Еще напомни, что банкет вместе гуляли, — сказал Спиридонов.

— Я не это имел в виду. Я о нашей общей ответственности за дело. Мы — подчиненные люди, мы старались как можно лучше выполнить указания.

— Ну вот, — усмехнулся Спиридонов, — топи всех, может быть, в коллективе выплывем... Нет, Гронский, боюсь, что тебе это не удастся.

Сзади замелькал огонек.

— Нашла, — сказала, подплывая, дежурная. — Нашла! И керосину там наполовину.

— Вот и отлично, — сказал Спиридонов, поворачиваясь и как бы сбрасывая с себя разговор с Гронским. — Иди обратно, ищи еще.

— Да она же горит! — сказала дежурная.

— Сколько их там у тебя?

— Штук шесть есть.

— Так вот бери лампу и иди обратно. Из шести еще две должны гореть. Мы одной не обойдемся. А когда найдешь, одну поставь мне сюда, с другой пойдешь по этажам, скажешь другим дежурным, чтобы тоже лампы зажигали. И собирали людей. Никого в номерах оставаться не должно. Всех поднимать и гнать... Большое помещение есть? Чтобы повыше?

— Все холлы одинаковые, — сказала дежурная. Она высоко подняла горящую керосиновую лампу, и в круге света замелькали лица — Шубин понял, что народу вокруг прибавилось.

Тишина, владевшая гостиницей, сменилась растущим гулом голосов, окликов, шагов, стуков.

— Значит, так: собираем всех, кто живет в гостинице, в холле третьего этажа. Понятно? С дежурной пойдут Плотников и Гронский. Нужны еще добровольцы — по одному на этаж. Ну, кто?

Второй командировочный откликнулся:

— Я пойду.

— Я могу пойти, — сказал Шубин.

— Нет, ты останешься со мной.

— Я тоже, пожалуй, останусь здесь, — сказал Гронский тихо и требовательно. — Надо организовать мозговой центр.

— Мозговой центр — это я, — сказал Спиридонов. — При мне будут Шубин и милиция. Ты здесь, милиция?

— Здесь, — сказал сержант.

— Остальные — исполнять.

Появилась вторая лампа. Стало веселее и уютнее. Был установлен вроде бы порядок, который помогает не думать о тех людях, что лежат этажом ниже. Дежурная, преисполненная ощущением собственной значимости, двинулась вверх по лестнице. За ней — группа мужчин. Шубин заметил, как Гронский, шедший сзади, в последний момент отвернул от лестницы и остался в глубине холла.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин, — Мы забыли про наш этаж. Я пройду, разбужу, не возражаете?

— Давай, и возвращайся поскорее.

— Я с тобой пойду, — сказала Эля. — Мне страшно здесь оставаться.

Шубин взял со стола лампу.

Она легко шла за Шубиным, касаясь его рукой.

— Юрочка, — сказала она, как бы моля, чтобы он ее переубедил. — А газ до моих не доберется?

— Он тяжелее воздуха, — сказал Шубин, стараясь, чтобы

голос звучал убедительно. — Вверх он не поднимается. Сюда же не поднялся. Твои ведь на четвертом?

— На четвертом.

— Значит, они в безопасности.

— А вдруг они проснутся и вниз пойдут?

— Я надеюсь, что скоро все это кончится. Ведь не все же в городе вымерли. Есть районы, куда газ не добрался. Особенно на возвышенных местах. Поднимется ветер и все сгонит...

— А вдруг...

— Да подожди ты, — огрызнулся Шубин. — Лучше помогай. Я буду стучать в правые двери, ты — в левые.

Он постучал в первую дверь.

Не ответили. Постучал сильнее. Внутри кто-то завозился, недовольно прокашлялся.

Эля стучала в дверь напротив. Потом засмеялась.

— Ты что? — смех ее был удивителен.

— Я подумала, — сказала она, — что там они, как мы с тобой... Ведь сейчас больше двадцати трех.

Господи, улыбнулся Шубин. Как давно все это было! Целый час назад!

— Открывайте! — крикнул Шубин. — Авария! Одевайтесь и спокойно выходите из номера. Авария, понимаете?

— Что? Что такое? — открылась дверь дальше по коридору, где было совсем темно. Голос оттуда испуганно спросил: — Почему нет света?

— Где авария? — откликнулись за дверью.

Скрипнула дверь напротив. Шубин услышал, как Эля говорит двум девчушкам, стоящим в дверях в ночных рубашках:

— Ничего страшного. Но надо выйти из номера. Одевайтесь.

— А вещи с собой брать нужно? — спросили издали, из конца коридора.

Шубин пошел вдоль дверей, молотя в них кулаками. Некогда было уговаривать каждого в отдельности.

— Срочно одеваться! — кричал он. — Срочно выходить!

А в ответ раздавались голоса — казалось, они доносились не только из-за дверей, а со всех сторон — катились по коридору, отражались от потолка, от стен...

— Что? Пожар? Где свет? Что случилось? Кто там хулиганит...

Три лампы горели на столе дежурной на третьем этаже.

Холл этажа был тесно набит тяжело дышащими, перепуганными, сонными людьми. Некоторые не поместились, толпились

в коридоре, все время подходили новые люди и шепотом, а то и громко спрашивали, что произошло.

Говорил Спиридонов. Неверный свет ламп обтекал его грубое, щекастое лицо. На кого он похож? На Фантомаса? За его спиной стояли несколько человек, среди них, конечно же, Гронский и его шестерка. Как бы штаб. Шубин, обняв за плечи Элю, встал у окна.

— Пока не прибыла помощь, — продолжал Спиридонов, — а на ее прибытие мы рассчитываем, как только восстановится связь, никто из гостиницы не выходит. Никто не спускается ниже второго этажа, там высокая загазованность. Опасно для здоровья.

— Насколько опасно? — спросил кто-то из толпы.

— Очень опасно. Если не верите, можете проверить. Жильцы второго этажа переходят на этаж выше. Занимают пустые номера или остаются в коридорах.

— А водой пользоваться можно?

— Водой пользоваться не рекомендуется. Пока ее не проверят специалисты. Оснований для паники нет. Приказываю: строго подчиняться административной группе, которая размещается здесь. Я — Спиридонов Сергей Иванович. В случае необходимости обращаться лично ко мне.

Толпа качнулась к центру, к столу, за которым стоял Спиридонов. Начали спрашивать, перебивая друг друга, вопросы повторялись: про вещи, про радиацию. Спиридонов отвечал уклончиво и уговаривал оставаться в номерах. Но в номера мало кто ушел, спрашивали друг друга, никто толком ничего не понял. Но потом кто-то выглянул в окно, ахнул, все стали давиться у окна, Шубина оттолкнули. Он сказал Спиридонову через головы:

— Я пойду вниз, передайте мне лампу.

— Зачем? — спросил Спиридонов.

Шубин пробился к столу.

— Я хочу проверить, не поднимается ли газ.

— Рациональная идея, — сказал Гронский.

Спиридонов взял одну из ламп, протянул Шубину.

— Доложишь мне лично, чтобы никто не знал.

И тут же крикнул:

— Милиция, ты здесь?

— Здесь, — откликнулся сержант от лестницы.

— Никого вниз не пускать.

— Слушаюсь.

— Как же так? — раздался высокий голос. — Я же вещи из номера не взяла.

— Вещи возьмете завтра! — крикнул Спиридонов.

— Там мертвые! Они же все мертвые! — крикнули от окна.

Шубин пошел к лестнице. Эля собачонкой спешила за ним.

— Пойду погляжу, как там, — сказал он милиционеру.

— Вы осторожнее, — сказал тот.

— Спасибо.

— Может, девушка ваша здесь останется?

— Ничего, — сказал Шубин. — Она шофер.

— Шофер? — удивился милиционер. — А мне сказали, что это... из ресторана с вокзала.

— Они скажут, — огрызнулась Эля. — Я еще им покажу.

— Не покажете, — сказал милиционер. — Он там лежит, задохся.

Им удалось спуститься только до второго этажа. И тут же, тремя ступеньками ниже, Шубин увидел желтое, маслянистое в свете керосиновой лампы, мерцание. Что-то произошло, заставив туман ожить и двинуться выше. Впрочем, если источник тумана, где идет смертельная реакция, продолжает действовать — а почему бы и нет? — то газ постепенно заполняет котловину города. Люди, что живут в одноэтажных домах, давно уже умерли. Вернее всего, умерли. И не заметили, как это случилось.

— Поднимается, — сказала Эля. — Почему поднимается?

— Не знаю, — сказал Шубин.

— И сколько будет подниматься?

— Вернее всего, это предел, — сказал Шубин. — Газ будет растекаться вокруг — он уже наполнил низину, а теперь будет растекаться.

— И убивать тех, кто выше?

Шубин пожалел, что разрешил Эле идти сюда. Она дрожала, голос срывался.

— Надо посоветоваться со Спиридоновым, — сказал он. — Пошли обратно.

Милиционер наклонился, увидев, как поднимается Шубин с лампой в руке. За спиной милиционера гудели голоса.

— Ну что? — спросил он.

— Немного поднялось, — сказал Шубин. — На второй этаж лучше не ходить.

— У вас закурить не найдется?

— Черт возьми, кончается, — сказал Шубин, достав пачку.

— Тогда не надо.

— Нет, берите, я в номере возьму.

— Ты туда не ходи, — сказала Эля.

— Слушайте, мы с вами вроде теперь знакомы, — сказал Шубин милиционеру. — А я не знаю, как вас зовут.

— Сержант Васильченко.

— А по-человечески?

— А по-человечески Коля, Коля Васильченко.

— Меня Юрой.

— Вот познакомились, даже странно, — сказал милиционер. — Сначала вроде как вы нарушали, а теперь мы вместе.

— Это ты точно заметил, — сказал Шубин. — Только когда-нибудь потом расскажешь мне, чего я нарушал?

— Сами знаете, — сказал Коля и покосился на Элю.

— Ладно. Слушай, Коля, Эля останется с тобой. Чем скорее я схожу в номер, тем лучше. У тебя, Эля, там ничего не осталось?

— Нет. У меня только сумка была.

Он подтолкнул Элю к милиционеру и быстро спустился вниз.

Огонек в лампе затрепетал, чуть-чуть уменьшился. Еще не хватало, чтобы она погасла. Шубин покачал лампу, вроде бы внутри булькнуло.

На площадке второго этажа он остановился и снова поглядел вниз. Желтый туман мирно лежал у его ног. От него исходил мертвый запах. Это как вода, подумал Шубин. Как океан или озеро. На дне его лежат утонувшие люди. Было крушение, утонул корабль, и там лежат люди. И между мной и ними толща воды. И эта вода разлилась широко, еще не известно, насколько широко. Затопила много домов... Наводнение на Урале, могут сообщить по телевизору. Хотя наводнения обычно случаются в Бангладеш. Да и лучше, если было бы наводнение. Или землетрясение. В этом никто не виноват. А здесь смерть безмолвная, подлая, придуманная людьми.

Он пошел по коридору. Еще недавно здесь были люди, даже запахи остались. Но теперь стояли тишина и запустение покинутого корабля, который чудом удерживается на плаву. В номере Шубин открыл чемодан. Что взять? Наверное, самое разумное — взять весь чемодан и отнести его наверх. Но неловко. Кто-нибудь заметит, и люди со второго этажа начнут рваться вниз. Нет, если всем нельзя, то и мне тоже. Шубину раньше не приходилось попадать в стихийные бедствия, и он даже удивился собственному решению — оказывается, совесть твоя не дремлет, Юра, сказал он себе.

Он достал из чемодана сигареты, потом положил в карман

аляски банку с кофе. Документы здесь. Больше человеку на плоту в открытом океане ничего не нужно. Он хотел уже выходить, но тут его посетила мысль: а что, если предметы, попавшие в желтое мерцание, заражаются? Тогда он больше чемодана не увидит. Жалко, хороший чемодан, небольшой, крепкий, красивый, в Кельне покупал. И он забросил его на верх шкафа. Все же лишние полтора метра — может, не достанет. Потом заглянул в ванную, взял оттуда зубную щетку и пасту — тоже может пригодиться.

Перед тем, как уйти совсем, вернулся к окну.

Площадь была такой же — по ней тянулись тени от луны. В пустом автобусе все еще горел свет. Люди на снегу лежали так же покорно и неподвижно, как прежде. На крыше вокзала было какое-то шевеление. Шубин пригляделся. Там был человек. Нет, два человека. Ну и холодно им, подумал Шубин.

Где сейчас Бруни, Борис, Наташа? Если их забрали в милицию, то, вернее всего, их уже нет в живых. Шубин подумал об этом отстраненно, будто решал логическую задачу. Хорошо, если их отпустили. Тогда они дома. И если Бруни увидел, что творится, до того, как погас свет, он мог успеть позвонить в Москву или в Свердловск. Кто-то же должен был сообразить! Есть железная дорога, аэродром и воинская часть — город как бы вписан в паутину постоянных связей с внешним миром. Значит, сейчас уже поднимается тревога — надрываются телефоны, спешат самолеты...

Шубин спохватился. Пора идти. Эля там с ума сходит. Вчера Эли не существовало. А сейчас он убежден, что она сходит с ума. И ничего в том странного. Может, никогда жена не была ему так близка, потому что за одиннадцать лет жизни ему ни разу не пришлось бояться за нее, да и она никогда не дрожала от мысли, жив ли он? Даже когда родилась дочка, он был за границей. Узнал об этом из телеграммы как о событии радостном и не тревожился. И расстались они как-то без трагедии. Он знал, что у нее роман, и даже почти знал — с кем, и даже понимал, что тот, другой, сильнее и отнимет Дашу. Когда захочет Даша, тогда он ее и отнимет. Так и произошло.

Два человека шли по гребню крыши вокзала.

Шубин закрыл дверь в номер. В этот момент керосиновая лампа погасла. Он потряс ее. Не булькает. Пришлось возвращаться, придерживаясь рукой за стену, а потом, уже в холле, возле стола дежурной, стало страшно — ему представилось, что желтый туман подобрался к лестничной площадке и молча под-

жидает его. Шубин набрал воздуху и задержал дыхание. Он шел, выставив вперед руки. Сердце заколотилось, и не хватало воздуха — грудь разрывало, так хотелось вдохнуть. И потом воздух сам прорвался в легкие. Даже зашумело в ушах. Но ничего не случилось. Шубин отыскал ступеньку и стал подниматься, хватаясь за перила ослабшей от страха рукой.

— Это ты? — прошептала сверху Эля.

— Лампа погасла, — сказал Шубин. И голос сорвался. Он кашлянул. — Все в порядке. Только лампа погасла, керосин кончился.

Эля бросилась к нему. Она плакала.

— Я хотела к тебе бежать, — сказала она. — А Коля не пускает.

— У нее же света нет, — сказал рядом не различимый в темноте Коля. Они, оказывается, спустились на пролет, ожидая его.

— Да чего со мной случится? — сказал Шубин. — Ничего не случится. Чуть не забыл, — добавил Шубин. — Держи. Сигареты.

— Вот спасибо, — обрадовался Коля. — А я думал, что забудете.

— Спички есть?

— Есть.

Они с Элей поднялись выше. Лампа на столе мигала, в ней тоже кончался керосин. Можно было различить силуэт Спиридонова, который стоял, опершись ладонями о стол. Возле него было несколько черных теней. Толпа куда-то рассосалась.

— Основа, очевидно, сероводород, — негромко бубнил Гронский, — он сам по себе опасен. Но без анализа я не скажу.

— Ты же химик. Придумай, что делать, — сказал Спиридонов.

— Я не химик, а администратор. Но даже химик другого не скажет.

— Мать вашу! Довели город до ручки!

Спиридонов почувствовал приближение Шубина.

— Куда провалился? — сказал он ворчливо.

— За сигаретами ходил, — сказал Шубин. — Пока не поднимается.

— Дай-ка сигареты, — сказал Спиридонов. — Хоть я и бросил.

Шубин открыл пачку. Спиридонов взял сигарету.

— «Мальборо», — сказал он. — Фирменные куришь?

Из темноты протянулись еще две руки, взяли по сигарете.

— Вы будете? — спросил Шубин у Гронского.

— Я не курю, — ответил тот, словно в предложении Шубина было нечто неприличное.

Потянуло вкусным дымом.

...Слабенькое пламя керосиновой лампы, огоньки сигарет вокруг, тишина, чей-то повествовательный голос неподалеку, доносящиеся до слуха слова: «И был еще такой у меня случай. Попал я в командировку в Курган...» — все вместе создавало по-своему гармоничный, законченный ночной мир, и, если забыть, что внизу, под слоем желтой воды, лежат утопленники, то можно придумать вполне мирную, обыденную причину, объединившую этих людей, ожидающих, но не напуганных ожиданием.

— Сергей Иванович, — сказал Шубин. — Я хочу подняться на крышу.

— Зачем? Хотя ты прав, надо, наконец, осмотреться. Иди. Доложишь. Возьми с собой только кого-нибудь. Один не ходи.

— Я милиционера возьму, — сказал Шубин. — Он местный, он может объяснить.

— Разумно. Идите. Плотников, смени милиционера на лестничной площадке.

Эле Шубин велел остаться внизу, потому что она была без пальто. Эля не стала спорить. Она сказала, что поищет свободный номер, чтобы там устроиться, потому что Юре надо поспать.

С ними пошла дежурная со второго этажа. Этажом выше они нашли лампу. Лампы горели и на пятом этаже, и на шестом, последнем. Во всех холлах был народ — люди боялись расходиться по темным номерам. При виде милиционера с Шубиным люди оборачивались, вставали, спрашивали, что нового. Какая-то женщина сказала:

— Я видела пожар. Из моего окна.

— Спасибо, мы сверху поглядим, — сказал Шубин.

На шестом этаже играла музыка — она доносилась из глубины коридора. Музыка была современная, рваная, с выкриками.

— Что там? — спросил Коля у старика, который сидел за столом дежурной и читал при свете керосиновой лампы.

— Гуляют, — сказал старик равнодушно. — Видно, большие запасы спиртного. Вот и решили ликвидировать.

— Со страху, что ли? — спросила дежурная.

— А им с шестого этажа ничего не видно, — сказал старик и перевернул страницу.

— А вы что читаете? — спросил Шубин.

— Евангелие, — ответил старик. И снова перевернул страницу.

— Чудак, — сказал милиционер, когда они вышли на служебную лестницу. Дежурная показала дверь на чердак. Дверь была закрыта и опечатана.

— Здесь печать, — сообщил Коля.

— Вижу, — сказал Шубин. — Срывайте.

Милиционер колебался. Шубин протянул руку и сорвал печать. Он нажал на дверь, та не поддавалась.

— Дайте я, — сказал милиционер. Он отклонился назад и ударил в дверь плечом. Дверь послушно распахнулась.

Дежурная сказала:

— Вы там найдете выход. А я не пойду. Не одетая я. Я здесь подожду. Вам лампа не нужна?

Они легко нашли выход на крышу.

Было холодно, но безветренно. Большинство домов в городе были ниже гостиницы, потому был виден весь город до невысоких холмов, ограничивавших котловину, разделенную посередине рекой.

Видно было хорошо. Светила луна, чуть светилось небо, а за рекой полыхал пожар. Дворы и крыши домов были покрыты снегом. Так что город был виден почти как днем.

Крыша была плоской, снег лежал на ней ровно — никто не поднимался сюда за последний день.

Город спал. Ни в одном из домов не было огня. Хотя нет, если напрячь зрение, увидишь, что далеко, там, где стоят пятиэтажки, в одном или двух окнах мерцает слабый свет — кто-то зажег свечи.

Шубин поглядел вниз — видна была улица, ведущая от вокзала к центру. Он сразу увидел те же игрушечные фигурки, темные полоски и закорючки на снегу и на грязной мостовой — всюду лежали люди. Их было не так много, потому что несчастье случилось поздно, а город после одиннадцати засыпает. Но все равно в поле зрения оказались десятки тел. Там несколько человек тесно лежат на автобусной остановке, а вот и сам автобус — окна светятся, как у того, что у станции.

Дальше по дворам и переулкам, видным лишь частично, мертвых было очень мало. Один, два... но переулки были застроены одноэтажными домами, и желтый газ забрался в них.

Газ можно было угадать. Не столько увидеть, сколько угадать — настолько он был прозрачен. Он накрыл центр города ровным спокойным слоем прозрачной воды. На главной улице он достигал середины окон первого этажа, дальше в переулках он кое-где залил одноэтажные строения до самых крыш. Мест-

ность постепенно понижалась к реке — черной полосе за домами. Там, у реки, туман поднимался даже до третьих этажей.

Над водой он клубился, двигался, жил, как бы рождался из воды, выплескивался и, успокаиваясь, как вода, выбивающаяся из подземной скважины, растекался во все стороны. Слева река вливалась в черное незамерзшее озеро, также покрытое подушкой желтого тумана.

Значит, понял Шубин, процесс рождения газа продолжается. И он постепенно поднимается. В желтом тумане там, за рекой, играли отблески пожара. Горело большое трехэтажное здание — в его широких окнах светилось адское пламя, языки прорывались уже сквозь крышу, черный дым порой закрывал луну.

— Что там? — спросил Шубин.

— Текстильная фабрика, — сказал Коля.

Удивительна была безжизненность пожара. Ведь пожар всегда привлекает к себе — не только пожарные машины, но и зеваки окружают место пожара, он вызывает мельтешню людей. А этот пожар пылал в полном безмолвии и равнодушии города.

Шубин старался понять, рассеивается ли желтый туман рядом с огнем, но на таком расстоянии нельзя было вычленить его бесплотную суть из сполохов огня.

Еще один пожар разгорался дальше — там горел жилой дом, стандартная пятиэтажка, частично перекрытая другими домами, и потому земля вокруг нее не была видна. Но даже если бы и была — лучше не смотреть, потому что люди, выбегая из дома, наверняка погибали тут же от газа — дом стоял неподалеку от реки.

А за рекой и такими же немыми и темными кварталами, как по эту ее сторону, город взбирался на пологий склон. Там тоже стояли дома — одноэтажные улицы сбегали к озеру, погружаясь в туман. Дальше начинались заводские здания. Над лесом труб не было дыма, в окнах — темнота. А есть ли там люди и что они делают — отсюда не разберешь.

— Юра, ты здесь?

Эля вылезла на крышу и побежала к ним. Она была в одном платье.

— Ты зачем сюда пришла? Здесь ничего мне не грозит, — сказал Шубин. — А ну, давай обратно, простудишься.

— Ну и пускай, — сказала Эля. Она отмахнулась от Шубина, она смотрела к реке, в сторону горящего дома.

— Ты что?

— Ой, — сказала Эля.

— Это твой дом? — впервые за эту ночь Шубин ощутил холодный ужас.

— Нет, это двадцатый, — сказала Эля. — Мой дальше, правее.

— Не бойся, огонь не перекинется, — быстро сказал Шубин. — Ты же видишь, между ними сквер.

— Но там Верка живет... ты не знаешь. Подруга моя...

— Уходи, — сказал вдруг милиционер. — Уходи, а то силой уведу!

— Нет, не надо, я боюсь, там темно. Пожалуйста, не надо.

Шубин снял аляску, накинул на плечи Эле.

— Коля, — спросил он осторожно, — а ты где живешь?

— Я в общежитии, — сказал милиционер. — Я же после армии. Отсюда не видно... за теми домами. Мне не за кого беспокоиться. Как и вам.

— А почему он загорелся? — спросила Эля.

— Кто-то мог оставить утюг или плитку...

— Оставить и умереть, да?

— Тише!

Над головами родился отдаленный гул. Он приблизился. Над ними летел самолет.

— Нет, — сказал милиционер. — Это рейсовый. Высоко летит.

— Если никто не заметил, что нет энергии, — сказал Спиридонов, который тоже вышел на крышу, — то пожар заметят. Уже заметили.

— Хорошо бы заметили, но плохо, если поедут тушить, — сказал Шубин.

— Далеко не доедут, — согласился Спиридонов.

Спиридонов был в расстегнутом пиджаке, обширный живот наружу. Галстук съехал набок.

— Сейчас бы выпить, — сказал он. — Твой стакан где остался?

— На втором этаже.

— И бутылка там?

— Там, наверное.

— Ладно, потом схожу.

Между тем Спиридонов оглядывал город. У него плохо поворачивалась голова, и потому он разворачивался всем телом.

— До воинской части далеко? — спросил Спиридонов у милиционера.

— Километров двадцать, — Коля показал в сторону завода.

— Дым должны заметить. Не могут не заметить. А аэродром где?

— Там же, только поближе, — сказал милиционер. — Сейчас самолет пролетал.

— Чего же вы молчали? И куда полетел?

— Наверное, рейсовый, — сказал Шубин. — Он высоко пролетел.

— Не люблю, — сказал Спиридонов, — сидеть и ждать, пока тебя сожрут с дерьмом. Этого не люблю. Как ты думаешь, есть какое-нибудь противоядие?

— Не знаю.

— Я тут допрашивал — есть ли химики? Один нашелся, но никакой версии не дал. Потом смылся куда-то.

— Надо сделать ходули, — сказал милиционер. — Только подлиннее, чтобы голова выше была.

— Хорошая мысль, — сказал Спиридонов. — А потом что?

— Потом уйти.

— Много ты на ходулях в своей жизни ходил?

— Не ходил еще.

— И на скрипке не играл?

— Нет, не играл, а что?

— А то, что всему научиться надо. Выйдешь ты на ходулях на площадь, грохнешься на третьем шаге — и прощай, деревня.

Спиридонов прошел на ту сторону крыши, Шубин присоединился к нему. Оттуда были видны подъездные пути с темными вагонами, трупы на рельсах, далее — погруженные по пояс в желтый туман дома, склады... С той стороны город кончался раньше — можно было разглядеть в темноте щетку леса.

— Я что думаю, — сказал Спиридонов, — у них в гостинице должен быть штаб гражданской обороны. Милиция, случайно не знаешь, где он?

— Нет, не знаю.

Милиционер тоже подошел к ним, на той стороне крыши осталась только Эля. Она все смотрела на свой дом и соседний, горящий.

— Жаль, — сказал Спиридонов. — Но вернее всего на первом этаже. И какого черта все склады устраивают на первом этаже?

— Потому что города редко затопляет, — сказал Шубин.

— Обыскать бы первый этаж, там наверняка противогазы гниют.

— Если противогазы помогут от этого, — сказал Шубин. — Нет гарантии. Нужны с автономным питанием.

— А мы бы попробовали. Надели бы на Гронского и отправили его. Останется живой, мы все спасены, а погибнет — почетные похороны.

— Жалко, но ваш план не пройдет.

— Вижу, что не пройдет. А может, морду замотать мокрым полотенцем? Я читал где-то.

— И куда пойдете?

— Заведу автобус...

Сзади донесся гулкий звон. Еще удар, еще...

Они кинулись на тот край, к Эле.

— Что это? — спросил Спиридонов.

— Это в церкви, — сказала Эля. — Звонят.

— Зачем? — спросил Спиридонов. — Это еще зачем?

— Набат, — сказал Шубин. — Слышите, как бьют? Часто и одинаково.

— Кто разрешил? — И тут же Спиридонов опомнился, махнул рукой.

— Странно, — сказал Шубин. — Он ведь как-то прошел в церковь?

— Церковь на холме, — сказала Эля. — А он, наверное, в доме живет, возле церкви. Красный дом такой.

— Точно, — согласился милиционер. — Он там живет.

— Зря он колотит, — сказал Спиридонов, — и без него плохо.

— Может, он хочет предупредить, — сказал Шубин. — Или привлечь внимание.

— Не знаю, не знаю, — сказал Спиридонов. — Какой дурак услышит, выскочит из дома — вот ему и конец.

Они замолчали, колокол продолжал бить, словно пытаясь разбудить мертвый город.

— Я бы полжизни сейчас отдала, только бы до дому дойти, — сказала Эля.

— Не швыряйся жизнью, девушка, — сказал Спиридонов. — Еще нарожаешь.

Эля поежилась, но сделала вид, что не расслышала.

Она потянула Шубина за руку — чтобы уйти.

— И точно холодно, — сказал Спиридонов, заметив ее движение. — Пошли, я совершу рейд на второй этаж — чтобы бутылка не пропадала.

Шел второй час ночи, на шестом этаже холл опустел. Три

человека спали в креслах, поставив рядом вещи, остальные все же разошлись по комнатам.

На четвертом этаже все еще играла музыка. Спиридонов сказал:

— Разогнать их, что ли? Пир во время чумы устроили.

— Не тратьте силы, только нарветесь на скандал, — сказал старик. Он все еще читал Евангелие. — Они хотят заглушить страх. Каждый это делает, как может.

— Но нам-то бояться нечего.

— Люди, которые мертвые, тоже ничего вчера не боялись.

— Ладно, пошли, — насупился Спиридонов, — нечего тут мистику разводить.

На третьем этаже у стола стояли Гронский и шестерка Плотников. О чем-то шептались.

— Вас долго не было, — сообщил Гронский Спиридонову. — Пока никаких происшествий не произошло.

— Отдыхайте, — сказал Спиридонов. — Завтра трудный день.

Звук колокола сюда не проникал.

— Я пошел на второй этаж, — сказал Спиридонов. — Надо проверить.

— Я с вами, — вызвался Гронский.

— Обойдусь, — сказал Спиридонов.

Лампа совсем уже выгорела, вот-вот погаснет.

— Ты лучше сходи, Гронский, наверх, — сказал Спиридонов. — Принеси другую лампу, там вроде лишняя есть. Только у старика не отбирай.

Он подмигнул Шубину.

— Даю вам пять минут, — сказал Шубин. — Потом высылаю спасательный отряд.

— Я сам кого хошь спасу, — сказал Спиридонов и, убедившись, что Гронский с шестеркой ушли, уверенно двинулся к лестнице.

Лампу он взял с собой. Стало темно.

— Я комнату нашла, — сказала Эля. — Пойдем, ты поспишь немножко. Тут рядом, вторая от края.

Шубину спать не хотелось, но он послушно пошел за Элей — она должна быть занята, думал он, хотя никак не мог придумать ей такого занятия, чтобы она отвлеклась от мыслей о доме.

Эля толкнула дверь. Номер был куда больше, чем у Шубина.

— Люкс, — сказала она. — Он был пустой, они всегда люксы держат для особых гостей. Как Спиридонов.

— А кто он такой, не знаешь?

Шубин отодвинул тяжелые шторы, чтобы впустить в комнату лунный свет.

— Вроде бы начальник главка. Из Москвы. Он Гронского начальник.

— Странный человек. В нем нет страха. И нет вины. Как будто он на каких-то маневрах.

— Это хорошо или плохо? — не поняла Эля.

— Не знаю. Но знаю, что сейчас лучше, что он с нами. Бывают люди, которые умеют командовать. Это призвание.

— Он умеет, это точно, — сказала Эля.

Шубин притянул к себе Элю, поцеловал ее в закрытые глаза. Она покорно стояла рядом. Потом сказала:

— Не надо сейчас, хорошо?

— Что не надо? — не понял Шубин. И тут же догадался, улыбнулся и ответил: — Я просто тебя поцеловал. Понимаешь — просто, потому что ты очень хорошая и я тебя люблю.

— Правда?

— Честное слово.

Он смотрел в ее глаза — удивительно, как он привык к темноте, словно лемур какой-то.

— Мне страшно, — сказала Эля. — Но я очень счастливая. Это плохо?

— Почему плохо?

— Потому что Митька и мама там, а я счастливая.

— С ними ничего не будет. Я тебе слово даю.

— Спасибо, ты добрый.

Шубин посмотрел в окно — как там люди на крыше вокзала?

Но никого не увидел.

И замер от удивления. К вокзалу подходил товарный поезд. Яркой звездой появился огонь прожектора, ударил по вокзалу, протянулся дальше. Даже сквозь стекло было слышно, как стучат колеса. Поезд миновал вокзал. В просвете между зданием вокзала и багажными строениями было видно, как проскакивают вагоны.

— Неужели он не заметил? — спросила Эля.

— Он и не должен здесь останавливаться, — сказал Шубин. — Только если впереди какое-нибудь препятствие.

— Какое?

— Может быть, состав не увели с пути, или человек лежит... Не знаю.

— Пускай ничего не будет, пускай он проедет, — сказала Эля.

И как бы в ответ на ее слова раздался отдаленный скрежет. Вагоны начали как-то дергаться, замедляя ход, поезд останавливался.

— Черт, сглазил, — сказал Шубин.

Он представил себе, как машинист, увидев какое-то препятствие или почувствовав неладное, потому что не освещен вокзал и не горят светофоры, начал срочно тормозить. Он остановит состав... вот-вот. Потом скажет своему помощнику: «Свяжись со станцией, что у них там приключилось, чего не отвечают?»

И никто им не ответит.

Видно было, как все медленнее тянутся мимо вокзала вагоны. И вот поезд остановился... А сейчас машинист спрыгнет на землю... вот он упал... Вот его помощник спускается к нему, чтобы узнать, что случилось...

— Все!

— Что все?

— Ничего, это я про себя. Сколько времени прошло? Пойду посмотрю, что там со Спиридоновым. Ты останешься здесь?

— Нет, только не здесь. Я лучше к дежурной пойду.

У стола дежурной Спиридонова не было. Милиционера тоже. Где Коля?

— Коля! — позвал он. Тот не откликнулся.

Лампа была у Спиридонова. Шубин ожидал увидеть ее свет, как только опустится на пролет ниже, но в холле второго этажа было темно. Куда же он отправился? Неужели внизу?

— Сергей Иванович! — позвал Шубин.

Шубин вспомнил о зажигалке. Сошел еще на несколько ступенек и остановился — не исключено, что желтый туман поднялся на площадку и Спиридонов попался.

Зажигалка горела ровно, но свет ее был очень слаб. Шубин присел на корточки — внизу, насколько доставал свет, тумана не было. Шубин спустился еще на две ступеньки вниз, снова посветил. Так он добрался до второго этажа, не обнаружив тумана. Он выпрямился.

Слабый свет падал через окно, на столе стояла бутылка из-под водки и пустой стакан.

Шубин прислушался. Из коридора донесся какой-то неясный шум. Хлопнула дверь.

Шубин окликнул:

— Сергей Иванович!

Кто-то громко выругался.

Шубин выскочил в коридор. Там, в дальнем конце, он увидел свет. На полу стояла керосиновая лампа. Возле нее дверь в номер была раскрыта, и в дверях возились какие-то темные фигуры.

Шубин побежал к свету. Там дрались... Невнятные и гулкие в темноте всхлипы, удары, возгласы...

Когда Шубин подбежал ближе, раздался тонкий, будто детский крик. Один из драчунов упал.

— Стой! — кричал Шубин. — Стой, я говорю!

Еще один человек старался подняться, перебирая руками по стене. Третий побежал к Шубину.

— Уйди! — кричал он на бегу.

— Не пускай! Не пускай! — кричали от открытой двери. И Шубин узнал голос Спиридонова.

Шубин кинулся навстречу бегущему, тот махнул рукой, но не удержался от встречного удара, что-то звякнуло о пол, человек упал, откатился к стене, но тут же поднялся и, прихрамывая, побежал дальше.

Второй, странно согнувшись, бежал следом. Нет, не Спиридонов — этот был тонок и невысок.

— Держи же, черт тебя дери! — Спиридонов лежал там, у двери, царапаясь, рвался прочь.

Шубин мгновенно вцепился в убегавшего, повис на нем. Человек вырвался из объятий Шубина, тот побежал за ним. Нет, не догнать. Он молодой и очень испуган.

— Ты куда! — это был голос милиционера Коли. Он раздался сверху.

Милиционер стоял на лестнице, подняв керосиновую лампу.

Шубин успел увидеть искаженное дракой, отчаянием плоское лицо. И тут на площадку выбежал, держась за бок, второй — тот, за которым бежал Шубин.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Коля.

И оба беглеца, ничего не соображая и думая только о спасении, кинулись по лестнице вниз.

— Туда нельзя! — закричал Шубин. — Вы что!

Снизу раздался стон, глухой мягкий удар тела о пол. И еще один удар...

— Все, — сказал Шубин. — Идиоты.

— Чего же они, — сказал милиционер. — Не понимают?

— Теперь поздно рассуждать.

Шубин сказал:

— Дай лампу.

— А что там случилось?

— Что-то со Спиридоновым.

Он взял лампу и первым пошел по коридору. Коля шел сзади и задавал пустые вопросы:

— Слушай, а кто они? Ты их пугнул? А ты их рассмотрел? Здешние или пришли?

— Откуда пришли? — огрызнулся Шубин. — С крыши?

Спиридонова они увидели не сразу, потому что между ними и им была полоса огня: керосиновая лампа в драке упала, керосина в ней оставалось мало, но достаточно, чтобы пятнами занялся в коридоре грязный палас.

— Еще пожара нам не хватало! — крикнул Шубин. Он начал топтать пятна огня, от них сыпались искры. Шубин высоко поднял лампу, чтобы в нее не попадали искры.

Милиционер тоже принялся было протаптывать дорожку дальше. Было дымно, палас отвратительно вонял.

— Потом! — крикнул Шубин. Он перепрыгнул через полоску огня и наклонился над Спиридоновым. Тот полусидел, прислонившись к стене, закрыв глаза, прижав толстые крепкие пальцы к боку. Пальцы были темными от крови.

— Сергей Иванович! — позвал Шубин. — Что с вами?

Спиридонов ответил, еле шевеля губами:

— Пырнули, суки. У них нож был.

Милиционер продолжал вытаптывать очажки огня.

— Я думал, что сгорю, — сказал Спиридонов.

— Больно? — спросил Шубин.

— Нет, не больно, тошнит.

— Это от дыма, — сказал милиционер. — Давайте посмотрю, что там.

Спиридонов с трудом, как со сна, приоткрыл маленькие светлые глаза.

— А ты умеешь?

— Нас учили первую помощь оказывать, — сказал Коля.

— Тогда оказывай.

Шубин с милиционером помогли Спиридонову лечь на спину. Милиционер задрал пиджак и рубашку, чтобы увидеть рану.

— Эй! — сказал Спиридонов. — Огонь-то опять пошел.

Шубин поднялся и принялся топтать проклятый палас.

— Ну и что? — спросил Спиридонов. — Как говорится, жить буду.

— А черт его разберет, — сказал Коля. — Рана небольшая. Только не знаю, какая глубокая. Это у них пером называется.

— Черт меня дернул, — сказал Спиридонов. — Я услышал, что они тут шуруют — удивился. Думаю, ну кому придет в голову шуровать в такое время? Я решил, что, может, кто из клиентов решил свои вещички наверх вытянуть. А они... а они... Слушай, живодер, ты можешь пальцами не лазить? Больно же! Еще микробы занесешь!

— Я платком, — сказал милиционер.

Шубин осмотрелся. Кое-где палас еще тлел. Водой бы его полить.

— Товарища надо наверх отнести, — сказал милиционер.

Спиридонов натужно кашлял. Он снова схватился за обнаженный грязный бок, и видно было, как кровь течет сквозь пальцы.

— А может, не трогать меня? — спросил Спиридонов.

— Нет, — принял решение Шубин. — Сюда газ в любой момент может проникнуть. И дымно.

— Вы не дотащите, только замучаете.

Палас дымил, дышать и в самом деле было трудно, милиционер пропал за пеленой дыма.

— Мы на одеяле, — сказал он. — Я из номера возьму.

Он отыскал дверь в номер, споткнулся обо что-то, выругался. Спиридонов застонал.

— Паршиво, — сказал он.

— Черт знает что, — сказал Шубин. — В самом деле грабители. Неужели в такое время они бывают?

— А почему нет? — сказал Спиридонов. — В такое время грабить — самый смак. Сбежали они?

— Сбежали, — сказал Шубин.

— Зря вы их не поймали. Они же на других этажах этим займутся.

— Нет, они вниз побежали.

— Ясно... Значит, сильно мы их пугнули... черт, больно. Знал бы, не сунулся. Ты понимаешь, я думал, кто из клиентов...

Спиридонов замолчал. Он тяжело и быстро дышал.

Появился милиционер. Он тащил за собой одеяло. В дверях опять наткнулся на чемодан, который, видно, бросили мародеры. И Шубин с равнодушным отстранением понял, что это его чемодан. Хороший, купленный в Кельне и совершенно не нужный.

Они перетащили тяжелого, как камень, Спиридонова на одеяло. Потом пришлось оставить его и снова топтать тлеющий палас.

— И ведра нету, — сказал милиционер.

— Сейчас отнесем его к лестнице, там народ позовем, с ведрами. Потушим.

Они поволокли одеяло по коридору. Оно рвалось из рук, выламывало своей тяжестью пальцы.

— Здоровый вы мужик, — сказал милиционер.

— Теперь сам жалею, — сказал Спиридонов. — Осторожнее, черти!

Пока они дотащили его до лестничной площадки, Шубин выбился из сил. Еще шаг — и сердце лопнет.

Он отпустил одеяло и сказал милиционеру:

— Погоди, я сейчас.

Только сейчас он сообразил, что милиционер так и не оставил лампы. Тащит одеяло одной рукой, лампа — в другой. Упрямый.

Шубин поднялся по лестнице — ему казалось, что он бежит, а дыхания не хватало, ноги были ватными. У стола сидели только Эля с дежурной. Они о чем-то разговаривали, и Эля резко подняла голову, услышав шаги и дыхание Шубина.

— Что случилось?

— Спиридонов ранен. У вас аптечка есть? — Шубин не дошел нескольких ступенек до этажа. Стоял, держась за стену.

— Должна быть, — сказала дежурная. — Сейчас поищу.

— Нам нужен доктор и мужчины, чтобы поднять его сюда. Где все?

— Кто выше перешел, а кто в номере сидит, — сказала дежурная.

— Беги по номерам! — приказал Шубин Эле. — Ищи доктора. Или сестру, ну, кого-нибудь ищи. И мужиков зови. Где Гронский с его шестеркой?

Шубин прислонился к стене. Не было сил сделать хоть шаг.

Эля бежала по коридору, барабанила в двери, и слышно было, как она спрашивает:

— У вас доктор есть? Там человека ранило! А мужчины есть — надо помочь.

Ему бы следовало подняться этажом выше и делать то же там, но ноги не слушались.

Дежурная сказала:

— Вот аптечка, я думала, куда я ее сунула — вчера еще видела, а оказывается, в нижний ящик, голова садовая!

Шубин запрокинул голову и закричал в пролет лестницы:

— Если там есть доктор, пускай спустится на третий этаж! И мужчины, чтобы поднять раненого.

— Иду, иду, — послышалось сверху.

Быстро спускался старик, который читал Евангелие. Он нес лампу. За ним шел командировочный.

— Вы доктор? — спросил Шубин.

— Нет, но я хотел бы помочь.

Шубин открыл коробку из-под ботинок и высыпал ее содержимое на стол. Аспирин, таблетки от кашля, йод... Он взял с собой только рулон ваты.

Внизу было дымно. Милиционер сидел на корточках возле Спиридонова и поддерживал его голову. Спиридонов глухо стонал, в горле булькало. Шубин взглянул вниз и увидел, что желтая мгла, как бульон, заполнивший чашку до краев, подступила к самой лестничной площадке. Вот-вот начнет переливаться через край.

Остальные этого не заметили. Шубин дал Спиридонову ком ваты, и тот окровавленной рукой приложил его к боку. Когда тащили Спиридонова к лестнице, Шубин покрикивал:

— Выше держите, выше!

Он боялся, что провисшее под тяжестью Спиридонова одеяло коснется желтого тумана.

Пролетом выше их встретили Гронский с толстой Верой. Гронский помог тащить Спиридонова. Вера испугалась, что Спиридонов рассердится на Гронского. Она шла рядом с одеялом и все время повторяла:

— Все обойдется, у вас замечательное здоровье... Ну как же вас угораздило...

А когда Спиридонова втащили, толкаясь и делая ему больно, в первый из номеров, Гронский протиснулся к Спиридонову и укоризненно сказал:

— Ну, как же так неосторожно, Сергей Иванович!

Спиридонов не отвечал. Он закусил губу, по подбородку текла струйка крови.

Эля отыскала среди постояльцев медсестру, они выгнали из комнаты всех, кроме милиционера Коли, который помог им раздеть Спиридонова, и закрыли дверь.

Тогда Шубин вспомнил о пожаре.

Он стоял в холле, вокруг возникли люди. На шум пришли те, кто сидел по номерам.

— Кто пойдет со мной на второй этаж? — спросил Шубин, нарушив выжидательное молчание. Никто не назначал его заместителем Спиридонова, но тем не менее ждали именно его слов.

— Я пойду, — сказал старик, который читал Евангелие.

— Мы постараемся быстро посмотреть, что там творится. А остальные — срочно, понимаете, срочно — ищите ведра, миски — что угодно. Надеюсь, вы понимаете, что значит для нас пожар?

Снизу через лестничную клетку тянуло дымом.

— Я пожарный щит там видел, — сказал молодой грузин в кепке. Его звали, кажется, Русланом. — Огнетушитель есть.

— Это самое лучшее, — сказал Шубин.

Он колебался, сказать ли о желтом тумане, или промолчать. Ведь испугаются.

Но паузу уловили окружающие.

— А что? Что? — спросил кто-то из темноты.

— А вот что: газ добрался до площадки второго этажа. Предупреждаю — площадку проходить быстро, не задерживаться.

— А если до ног дотронется? — спросил женский голос.

— До ног, надеюсь, не опасно — очень надеюсь. Но гарантировать ничего не могу. Мы все тут равны... Впрочем, давайте договоримся: мы проходим к пожару. Если опасности нет — то вы не спускайтесь. А если есть... тогда нужны будут добровольцы.

Вокруг молчали. И в этой внезапной тишине послышались гулкие быстрые шаги. Из темноты выскочил Руслан. Он нес огнетушитель и багор.

— Я же говорил, — сказал он.

— Спасибо, — сказал Шубин, протягивая руку.

— Багор возьми, — сказал грузин. — А огнетушитель сам буду использовать. Я инструкцию читал, а ты не читал.

— На площадке газ.

— Ты идешь? — обиделся Руслан.

— Иду.

— Значит, я иду, ара?

— Тогда вам не надо, — сказал Шубин старику.

— Прошу, не указывайте мне, что надо, а что нет, — тихо сказал старик.

Шубин не стал спорить.

Он взял с собой лампу, оставив холл третьего этажа в темноте. Лампа была последней, если не считать той, что горела в номере, где лежал Спиридонов.

Перед площадкой второго этажа Шубин остановился. Грузин и старик ждали сзади. Здесь было много дыма. Как Шу-

бин ни вглядывался, он не понял — поднялся ли еще желтый туман.

— Не видно? — спросил сзади Руслан.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Подождите, — сказал старик. — Я вас буду держать за руку. Если вам, не дай бог, станет дурно, я вас вытяну.

— Спасибо, не надо, — сказал Шубин, но руку протянул. Пальцы старика были сильными и прохладными.

— И я возьму, — сказал Руслан.

Он ступил на площадку. Ничего не случилось.

— Пошли, — сказал он.

Так они и прошли площадку, держась за руки, втроем.

Дальше было так дымно, что свет лампы проникал метра на два, не больше.

— Я включу огнетушитель, — сказал Руслан.

— Рано, — сказал Шубин. — До очага метров двадцать, не меньше.

— Может, и меньше, — сказал Руслан. Они прошли еще метров десять и близко услышали треск настоящего пожара.

— Плохо дело, — сказал Шубин.

Было куда теплее, чем на площадке, в лицо дуло горячим ветром, сквозь дым пробивались оранжевые блестки.

— А теперь не рано, — сказал Руслан. Он перевернул огнетушитель. Он действовал по инструкции. Шубин подумал, что по закону подлости огнетушитель должен быть неисправен. У него же в руке был багор — бессмысленное оружие для борьбы с пожаром в гостиничном коридоре.

— Я пойду по номерам, — сказал старик.

— Зачем?

— Надо всюду включить воду. Пускай течет.

— Номера заперты, — сказал Шубин.

— Эх! — сказал Руслан радостно. Огнетушитель дернулся в его руке, и пенная струя рванулась вперед.

Шубин надеялся почему-то, что дым отступит, но струя пены смешалась с дымом, а тот не отступал. Дышать было невозможно — глаза резало так, что трудно было их открыть. Старик ударил ногой в дверь. Дверь открылась, а старик скрылся в темноте.

Стало слышно, как зашумела в ванной вода, — этот звук перекрыл треск пожара и шипение огнетушителя.

— Погоди, — Шубин схватил Руслана за руку. — Ты все истратишь.

— Понимаю, — сказал тот и скрылся впереди в тумане. Старик вышел из номера. Он нес большой белый ком.

— Я намочил полотенца, — сказал он. — Чтобы легче дышать.

Он вытащил из кома одно, и Шубин благодарно замотал им лицо. Показалось, что лучше.

— Эй, генацвале! — крикнул он. — Возьми противогаз!

Из дыма возник Руслан.

— Какой противогаз? — крикнул он.

Шубин протянул ему мокрое полотенце.

Сзади раздался крик:

— Вы где?

Это бежал командировочный. Он нес ведро.

— Мы вас не дождались, — сказал он. — Что делать?

— Вон там открыта дверь, — сказал старик. — Там течет вода.

— Понятно, — сказал командировочный.

Рядом появился еще человек, в дыму не разберешь — кто. Он тоже ринулся в номер, где текла вода, столкнулся в дверях с командировочным. Командировочный тут же, от двери, с силой плеснул водой вперед.

— Огонь дальше, — сказал Шубин.

— Без вас знаю, — крикнул командировочный и снова исчез в номере.

— Простите, — сказал старик. — Вы не будете так любезны помочь мне отойти немного.

Старик стоял у стены, запрокинув голову, и глаза его над белым полотенцем были мутными.

— Вам плохо?

— Сейчас пройдет.

— Ведра ни у кого нет? — спросили рядом.

— Возьмите багор, — сказал Шубин.

Он помог старику выйти в холл, что с трудом удалось сделать, так как навстречу бежали люди, в дыму и темноте они налетали друг на друга. Подняв лампу, чтобы обойти человека, который не мог разойтись с ними, Шубин узнал милиционера. Милиционер добыл где-то большой таз.

— Коля? — обрадовался Шубин. — Как там Спиридонов?

— А кто его знает. Лежит.

— Ладно. Возьми лампу и постарайся как-то организовать людей, — сказал Шубин. — А то, боюсь, они только мешают друг другу.

— Слушаюсь, — ответил милиционер.

Шубин в полной темноте вывел старика в холл, но и тут задерживаться было нельзя — из-за дыма трудно дышать. Вокруг были крики, метались люди, и Шубин подумал, что пожар был для них делом понятным и даже спасительным, потому что очень страшно было сидеть в тишине и чего-то ждать, когда в любой момент можно подойти к окну и увидеть мертвых людей на площади. Люди бежали на пожар с остервенением, но без страха, потому что пожар был бедствием объяснимым и всем было известно, что пожар можно потушить.

Шубин помог старику подняться этажом выше. Дыма было много и здесь, но, по крайней мере, можно было дышать.

— Есть тут кто живой? — спросил Шубин.

— Я на месте, — ответила дежурная, и Шубин различил ее силуэт за столом.

— Где-то было кресло, — сказал старик, отцепляясь от Шубина.

— Как вы себя чувствуете?

— Лучше, спасибо вам, — сказал старик. — Я уже сижу. Так что вы можете заниматься своими делами.

Шубин перевел дух, сердце еще билось, ноги еще бежали, надо было сообразить, что делать дальше.

— Вы идите, не беспокойтесь, — неправильно истолковал его колебания старик.

— Сейчас... Скажите, а вы кто по специальности?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Вы читали Евангелие.

— Нет, я не священник. Я пианист. Я здесь на гастролях. Моя фамилия Володиевский, не приходилось слышать?

— Простите, я плохо разбираюсь в серьезной музыке.

— Меня мало кто помнит, — сказал старик. — Я всю жизнь подавал надежды. Но не больше. Но очень приятно, когда кто-то говорит мне: «Как же, слышал, неужели это вы?»

— Я к вам еще подойду, — сказал Шубин. Он обернулся к дежурной и добавил: — У вас там в аптечке есть что-нибудь от сердца?

— Не надо, — сказал Володиевский. — Я уже принял нитроглицерин.

Шубин пошел к Спиридонову.

Дверь в первый номер была закрыта. Он постучал.

— Войдите, — сказала Эля.

Шубин закрыл за собой дверь, чтобы не просачивался дым.

На столике у кровати горела керосиновая лампа. Эля сидела на стуле, держа Спиридонова за руку. Тот лежал на спине, глядя в потолок, одеяло ровным и пологим горбом покрывало его живот.

— Это ты Шубин? — спросил Спиридонов. — Ну как там?

— Горит, — сказал Шубин. — Но прибежало столько добровольцев, что, может, и обойдется.

— Если начало гореть как следует, нам не потушить, — сказал Спиридонов. — Глупо получилось.

— Почему глупо?

Эля поднялась со стула.

— Ты садись, — сказала она. — Хочешь, я тебе воды принесу? Только из-под крана.

Эля все еще была в его аляске.

— Слушай, — вспомнил Шубин. — Там в кармане — банка с растворимкой. Разведи мне холодной водой.

— Хорошо, — сказала Эля.

Она ушла в ванную.

— Я боюсь, что помру, — сказал Спиридонов.

— Еще чего не хватало.

— Ты думаешь, что я молодой? — сказал он. — Я же на фронте был. Я ран насмотрелся. Этот гад меня глубоко пронзил, слишком глубоко. А они кровь остановить не сумели. Перевязали, все сделали, а она идет. Я уж руку держу под о деялом, чтобы кровь под себя подгребать. Чего людей беспокоить.

— Нет, так не будет, — сказал Шубин, словно отменял приговор.

— Дурак ты, — сказал Спиридонов. — Может, я этого заслужил. Пожар почему? Потому что я сдуру сунулся, куда не следует, лампу опрокинул. Если погибнете, проклинайте меня.

— Вы хотели как лучше.

— Я всю жизнь хотел как лучше. А получилось не как лучше... А знаешь, мне лучше помереть как бы на боевом посту... Я не шучу, Шубин. Я же понимал, чего Гронскому надо — на повышение, в Москву. Он старался, вторую очередь пустил без очистных — и отрапортовал. — А я знал, что здесь липа. И про общественность знал, и про митинг. Все знал и дал понять Гронскому, что не замечаю. Даже вони не замечаю, в которой люди жили. Думал, что обойдется. Мне же тоже рапортовать — уже министру. А я уже пенсионный возраст прошел, сечешь? Если не выполним, мне уходить. А я еще сильный, у

меня работать охота была... да что тебе говорить... Я и в Москву тебе не дал звонить... помнишь?

Шум воды в ванной прервался. В кране заурчало.

— Ну вот, — сказал Спиридонов.

— Что? — не сообразил Шубин.

— Я все ждал, — сказал Спиридонов. — Это же должно было случиться.

— Вода?

— Конечно. Там же насосная станция. Не из колодца же... А я все думал, как вы начали пожар тушить, вот и конец... вот и конец... Конец... конец...

Спиридонов будто играл этим словом, произнося его все невнятнее и тише.

В комнату вернулась Эля.

— Вода кончилась, — сказала она.

— Тогда плохо, — сказал Шубин. — Если они пожар потушить не смогли... не знаю, куда и бежать...

— Юра, — сказала Эля.

— Что?

— Я люблю тебя.

— Надеюсь, у тебя еще будет в жизни немало поводов сказать это.

— Я правда тебя люблю.

Спиридонов застонал тонко и тихо, будто ребенок.

— Надо будет тащить его на крышу, — сказал Шубин, и мысль эта была просто ужасна. Эля не могла понять, что значит тащить Спиридонова.

— Почему на крышу?

— Это наш единственный шанс, — сказал Шубин. — Вниз нельзя. Это мгновенная смерть. А если уже поднялась тревога, то ищут на крышах.

— На вертолетах ищут?

— Наверняка... И пожар не сразу туда доберется.

«Господи, как я неубедительно говорю, — подумал Шубин. — Я должен говорить твердо, чтобы Эля мне верила. И сейчас будут другие люди, и я тоже должен говорить им твердо, чтобы они верили».

Шубин подошел к окну. Окно в этом номере выходило на пустые крыши домов, на мертвые улицы и зарево пожаров. Шубин поглядел на часы. Еще нет трех. Всего три часа прошло?

Эля стояла рядом с ним, осторожно касаясь его плеча.

— Эля, — сказал Шубин. — Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Да?

— Ты не согласишься быть моей женой?

— Ты с ума сошел!

— Я никогда в жизни не был так серьезен. Ты для меня — самый близкий человек на земле.

— Ой, ты для меня тоже. Митька и ты.

По коридору кто-то бежал. Остановился у двери. Громко спросил:

— Здесь?

Далекий невнятный голос дежурной ответил:

— Здесь, здесь.

Дверь распахнулась. Это был милиционер. Грязный, в саже. Он с порога закричал:

— Воды нет! Вода не идет!

— Знаю, — сказал Шубин.

— Но там горит! Весь этаж горит.

— Значит, не успели, — послышался слабый голос с кровати.

— Что делать?

Шубин вздохнул — никуда не деться.

— Будем выводить людей на крышу, — сказал он. — Сколько-то времени у нас есть. Давай, зови всех людей снизу. Пускай поднимаются. Проверьте по номерам, чтобы никто не остался. Я сейчас приду.

— Слушаюсь, — сказал милиционер. — Правильно, Юра.

— А сам придешь сюда. Гронского позови, нет, лучше того грузина, с огнетушителем... Будем поднимать наверх Спиридонова, — Шубин показал на кровать.

— Не надо, — сказал Спиридонов явственно. — Лишнее дело. Я умер.

— Иди, иди, — сказал Шубин.

— Сейчас, — милиционер громко затопал по коридору.

Эля отошла к кровати. Посмотрев, Шубин увидел, что простыня и одеяло мокрые от крови, кровь течет на пол.

— Сергей Иванович, — позвал он.

Спиридонов не откликнулся.

— Он кровью истечет, — сказала Эля.

— Вижу. Перельют. Надо скорее его поднимать.

— А там мороз.

— Какого черта ты сомневаешься? — закричал Шубин. —

Нельзя сомневаться. Если мы будем сомневаться, то останемся в мышеловке!

— Да, — сказала Эля робким голосом.

— Прости.

— Ты прав.

— Эля, если ты думаешь, что я сказал про женитьбу только потому, что у нас так получилось — нет!

— Я верю тебе, Юрочка, — сказала Эля. — Ты не беспокойся, я тебе, конечно, верю.

По коридору снова затопали. Вошел милиционер, за ним Руслан. Руслан был черен — весь — от кепки до пяток. Кто-то еще топтался в дверях.

— Отнесем Спиридонова наверх, — сказал Шубин. — Нужно шесть человек, он тяжелый.

— Сейчас подойдут, — сказал Руслан. Зубы и белки глаз у него были белые. На кого же он похож? На шахтера, конечно же, на шахтера!

— Как там пожар? — спросил Шубин.

— Горит, — сказал Руслан. — Красиво горит.

— Нельзя понять, — сказал Коля. — Там дым.

Дым проникал и в номер, потому что дверь была открыта. Все толпились в махонькой прихожей.

— Заходите, — сказал Шубин. — Беремся за углы матраса, а двое посередине.

Спиридонов молчал. Эля наклонилась, попробовала пульс.

— Не задерживай, — сказал Шубин. — И захвати все одеяла. Сколько можешь. Его надо будет закутать.

Спиридонова они до крыши не донесли. Сначала пришлось остановиться между четвертым и пятым этажами. Спиридонов начал биться, будто хотел вырваться, он ругался, но невнятно, и непонятно было, чего он хочет. Эля, которая захватила с собой графин с водой, старалась его напоить. Он не пил. Потом вдруг перестал биться, замолк, вытянулся. Но еще не умер.

— Шубин, — прошептал он. — Шубин, ты здесь?

— Я здесь, Сергей Иванович.

— Прости, Шубин, — прошептал Спиридонов. Все замолкли, чтобы было слышно Шубину. Спиридонов быстро, мелко дышал. Потом заговорил снова: — Бойся Гронского. Он выживет. Ему надо будет это все дело покрыть... нейтрализовать. Понимаешь? Ты скажи... меня нет, а ты скажи... только осторожно, а жена моя проживает... ты паспорт мой возьми.

И вдруг он замолчал. И перестал дышать. Сразу.

Они стояли вокруг и ждали чего-то. Эля поставила графин на пол и пригнулась к его лицу, слушала. Потом наклонилась еще ниже и прижала ухо к груди.

— Молчит, — сказала она.

Шубин увидел, что глаза Спиридонова полуоткрыты. Он положил ладонь ему на глаза, и веки послушно сомкнулись. Лоб Спиридонова был горячим.

— Все, — сказал милиционер.

Мимо них проходили люди, обходили, поднимаясь наверх, некоторые несли вещи. Они старались не смотреть на лежащего человека. И ничего не спрашивали..

Шубин ощутил усталую тупость проходивших людей. Уже не страх, а усталость, когда все равно.

— Поднимем его? — спросил Шубин.

— Ты что, совсем дурак? — удивился Руслан. — Зачем мертвого таскать. Ему и здесь лежать хорошо.

Он натянул одеяло на лицо Спиридонову.

И они пошли наверх, на крышу.

На крыше уже было много народу. Некоторые принесли одеяла и кутались в них, сидя на чемоданах, другие стояли или ходили, вглядывались вдаль, смотрели в небо, откуда должно было прийти спасение.

Говорили тихо.

— Старик, — вдруг вспомнил Шубин, — старик там сидит.

— Где? — не поняла Эля.

Но дежурная по этажу поняла. Она стояла рядом, закутанная в одеяло, которое капюшоном свисало на глаза.

— Помер старичок, вы ушли, а он помер, — сказала она. — Я точно знаю.

— Почему вы знаете?

— Потому что он со стула упал. Я слышу, со стула упал, а он помер. Инфаркт, наверно.

— Не надо, не ходи туда, — сказала Эля. — Он все равно умер.

— Все помрем, грехи наши тяжкие, — сказала дежурная. — Никто живой не останется.

Шубин подумал — чего-то не хватает, чего-то ожидаемого. И понял: молчит колокол в церкви.

— Возьми куртку, — сказала Эля.

— Не надо, мне не холодно.

— Возьми, у меня одеяло есть.

— Вернусь, тогда возьму.

— Ты куда? Тот старик умер. Я сама видела.

Шубин увидел Гронского. Он стоял у края крыши, за ним шестерка Плотников. И две толстые женщины. Они были одеты — значит, было время одеться. Шубин понял, что он давно уже не видел Гронского. И он не обгонял их, когда несли Спиридонова. Значит, он поднялся сюда раньше.

Гронский стоял, приложив к ондатровой шапке руку в перчатке, и смотрел вдаль, как моряк, ожидающий встречи с землей.

Шубин хотел было сказать ему, что Спиридонов умер, но потом передумал: если сам не спрашивает, значит, забыл о начальнике. Вспомнит.

Подул ветер. Это хорошо. Ветер очень нужен. Зачем? Голова работает с трудом. Ветер нужен, объяснил он себе терпеливо, чтобы разогнать газ, и тогда мы все выйдем из гостиницы. Газ улетит, и мы выйдем. Если, конечно, огонь не отрежет нам путь.

— Коля, — позвал он. — Пошли вниз.

— Пошли, — сказал Коля, святой человек. — Зачем?

— Посмотрим, где огонь. И можно ли выйти из гостиницы.

— Я с вами пойду, — сказал Руслан. — Здесь холодно.

— А выйти нельзя, — сообщил милиционер, спускаясь за Шубиным по лестнице. — Там газ.

Было темно, приходилось идти, придерживаясь за стену.

— Ветер, — сказал Шубин. — Если станет сильнее, он разгонит газ.

— Ветер есть, — сказал Руслан. — Еще какой!

Спиридонов лежал на площадке, и Шубин, проходя, не удержался — поднял его уже похолодевшую тяжелую руку и постарался нащупать пульс.

Руслан и Коля молчали, ждали.

— Пошли, — сказал Шубин.

Но они смогли добраться только до третьего этажа. Там уже был такой дым, что не выйдешь даже в холл. Снизу доносился громкий треск — огонь пожирал нижние этажи. Шубина охватил ужас от ненадежности существования, от того, что огонь пытается выгрызть низ гостиницы и скоро, очень скоро он подточит ее, и крыша со всеми людьми, и Эля, и он — все рухнут в оранжевое пламя.

Шубин даже забыл, что хотел найти старика Володиевского.

— Плохие дела, — сказал Руслан.

— Поднимемся на четвертый, — сказал Шубин.

Там они подошли к окну, что выходило на площадь. Луна

спряталась, и стало куда темнее. И небо светилось меньше. Площадь порой скрывалась за клубами дыма, что рвались снизу. Клубы мешали смотреть.

— Что хотите? — спросил Коля.

— Хочу понять, есть ли ветер на площади?

Он вглядывался в прорывы в дыму, стараясь угадать, в каком состоянии газ. Ему казалось, что желтая мгла завивается смерчиками... нет, наверное, он так хочет это увидеть, что видит.

— Погляди, — сказал он Коле.

Милиционер и Руслан прижались к стеклу.

— Поехала, — сказал Руслан. — Точно говорю, поехала.

— Кажется, гонит, — сказал Коля. — Только не знаю, хорошо это или плохо.

— Почему? — спросил Руслан.

— А потому, — рассудительно произнес милиционер, — что ее может нагнать еще больше, чем раньше. Ты думаешь, что ее отгонит, а ее может пригнать.

Это была здравая, хоть и грустная мысль.

Дым валил все сильнее, и площадь появлялась лишь в редких просветах.

— Пошли наверх, — сказал Шубин. — Все ясно.

На крыше мало что изменилось — лишь возросло напряжение. Многие столпились у края, заглядывая вниз, показывали пальцами. Шубин понял, что надежда на то, что ветер, который не спадал, отгонит газ, овладела всеми.

Эля подбежала к Шубину.

— Разгоняет — сказала она. — Ты знаешь?

— Хорошо бы скорее, — сказал Шубин. — Горит уже третий этаж.

— Не может быть, — прошептала Эля. Она сразу все поняла.

Высокий столб дыма поднялся над крышей, порывом ветра его бросило на людей, кто-то закашлялся. Испуганно вскрикнула женщина. Поднимавшийся ветер подавал надежду на спасение. Черный дым напомнил об опасности.

Шубин смотрел вдаль, к реке, к заводу. Зарево пожара на текстильной фабрике достигало реки, и Шубин мог поклясться, что видит не ровную желтую гладь, а клубы тумана, гонимого ветром.

— Надо спускаться, — сказал кто-то.

Гронский пошел к выходу с крыши. Шубина он обошел, словно не заметил.

За ним потянулась толстая Вера с приятельницей. Сзади шагал шестерка Плотников.

— Вы хотите спускаться? — спросил Шубин. — Я там только что был. Горит уже третий этаж. Вы не пройдете.

— Не поднимайте паники, — брезгливо сказал Гронский. — Мы намочим полотенца и пробежим.

— Вы забыли, что воды нет? — Притворяется он, что ли? Или обезумел?

— Как так нет воды? — Гронский подобрал брыли и нахмурился.

Шубин понял, что Гронский на крыше давно, он сюда поднялся еще до пожара, чтобы первым увидеть спасательные вертолеты.

— Воды нет давно, — сказал Шубин, понимая, что его слушают несколько десятков человек, готовых ринуться за спасителем — Гронским. — Вы сгорите. Это не лучшая смерть.

— Не может быть, — сказал Гронский, забыв следить за своим голосом. Оказалось, что в действительности он у него куда выше, чем полагают окружающие.

— Три этажа уже сгорели, — сказал весело Руслан. — А вы, гражданин, пока мы пожар тушили, по крыше гуляли, да? Самое интересное пропустили. Ничего, скоро крыша внутрь упадет — как фанерка в печку.

— Пускай он замолчит! — закричала толстая Вера, кутаясь в норковую шубу. — Запрети ему говорить.

— Он совершенно прав, — сказал Шубин. — Но мы еще не погибли. Еще есть время спастись.

Вокруг поднялся гомон, трудно было всех перекричать. Надо было успокоить людей. Как? Только не паника!

— Тише! Тише! — закричал шестерка Плотников. — Не мешайте товарищу Шубину!

— Опасности нет! Мы все спасемся. Если вы будете молчать и слушаться меня.

Когда Шубин начинал фразу, он еще не знал, чем ее закончит. И в середине фразы до примитивности простая мысль пришла в голову. И в самом деле был шанс.

— Да тише вы! — закричал Гронский.

Породистое, собачье величие его лица превратилось в оскал — словно лицо потеряло все мясо.

— Успокойтесь, — сказал Шубин негромко, хотя хотелось кричать. — Мы можем спастись только в случае абсолютной дисциплины. Полного самообладания. Потому что путь, кото-

рый я предлагаю, сложный. Если начнется давка — погибнут все.

Он говорил, и вокруг уже было тихо. Так что слышен был треск пожара снизу.

— Мы забыли, что есть пожарная лестница, — сказал Шубин. — Вон она, справа.

Все смотрели туда. Там, словно передок саней, загибались на крышу поручни пожарной лестницы.

И тут же кто-то побежал к лестнице.

— Сейчас еще спускаться нельзя, — сказал Шубин. — Потому что внизу газ. Если кто хочет погибнуть, пускай пробует.

Человек, что побежал к лестнице, остановился в двух шагах от нее.

— Придется немного потерпеть, — сказал Шубин.

Он подошел к краю крыши и заглянул вниз. Раньше он всегда боялся высоты, а сейчас страх прошел, но Шубин даже не заметил этого.

Сначала он увидел не лестницу, а языки пламени, почти бездымного, яркого, что вырывались на втором этаже из окна, которое было рядом с лестницей.

Между вторым и третьим этажами лестница была забита досками — так часто делают, чтобы злоумышленники не забрались по ней в комнаты.

— Там доски. Их надо оторвать, — сказал Шубин, понимая, что долго рассматривать лестницу нельзя. — Сначала спустится... Руслан. Он их оторвет. Ты сможешь?

— Почему не смогу? — сказал Руслан.

— А почему не я? — вдруг выкрикнул шестерка. Уши его вылезали из-под шапки под прямым углом.

— Потому что там пожар. Посмотрите вниз, — сказал Шубин. — Руслану я верю. Он в пожаре был, а вам я не верю, вы только погубите все дело и сами погибнете.

Гронский подошел к краю крыши, присел на корточки и что-то достал из кармана. К изумлению Шубина, это был электрический фонарь. Луч его скользнул вниз, по ступенькам лестницы, до досок.

— Все правильно, — сказал он. — Товарищ Шубин прав.

«Если я скину его с крыши, — подумал Шубин, — на том свете меня оправдают. Как нужен был фонарь раньше!.. Впрочем, что бы от этого изменилось? Пускай живет...»

Эти мысли неслись как-то стороной и не помешали Шубину спросить Элю:

— Ты графин где оставила?

— Я его с собой взяла, — сказала Эля. — Я думала, вдруг тебе пить захочется.

— Дайте шарф, — сказал Шубин.

Никто не двинулся.

И тогда Шубин мстительно избрал Гронского, подошел к нему и рванул шарф на себя. Голова Гронского мотнулась, он еле успел подхватить очки.

— Это что? Это что такое? — жалобно крикнул он.

— Эля, — сказал Шубин, не глядя на него, — намочи шарф и дай Руслану. Пускай обмотает лицо.

— Меня огонь уже не возьмет, — сказал Руслан.

— Там может газ быть, — сказал Шубин.

Руслан быстро спустился до верхнего края досок. На секунду его скрыло дымом. Эля потянула Шубина за руку, чтобы не стоял близко к краю.

— Сверзишься, ты же усталый, — сказала она, словно извинялась. Она понимала, что Шубину надо смотреть вниз, но все равно боялась.

Шубин послушно присел за низкий парапет.

Руслан начал бить каблуком по концам досок, прикрепленных вертикально к лестнице. Ему пришлось спуститься пониже, чтобы удар получался сильнее. Огонь вырывался из окна на втором этаже, но пока до Руслана достигал только дым. Доски не поддавались.

— Сильнее! — крикнул сверху Гронский. — Не бойся!

Руслан не откликнулся. Он спустился еще ниже, стал пробовать концы досок руками. Затем, ловко держась за перекладины лишь носками ботинок, опустился за доски, так что лишь его голова поднималась над их концами. Шубин догадался, в чем дело: доски были не прибиты — их прикрутили к стойкам проволокой.

Шубину было холодно. Он насквозь продрог под морозным ветром. Только бы вытерпеть... Ведь не худшее испытание.

Вцепившись одной рукой в стойку лестницы, Руслан отматывал ржавую проволоку.

Гронский стал ходить по краю крыши, выказывая нетерпение.

Шубин старался понять, что же происходит с желтой мглой.

Ему казалось, что ветер выдул ее с той стороны здания. Но надолго ли?

— Я помогу ему, — сказал шестерка Плотников и перегнул-

ся через край, чтобы тоже спускаться. Ему не терпелось скорее на землю, Гронский понял это, схватил за рукав, зарычал на шестерку, и обе дамы, что паслись возле Гронского, заверещали. Шестерка, напуганный, отступил.

Снизу донесся крик.

Шубин посмотрел туда. И изумился. За те несколько секунд, что он отвлекся, огонь прорвался в комнаты третьего этажа, и язык пламени, будто разумное существо, высунулся из окна и как-то лениво, любопытствуя, потянулся к Руслану. Руслан, не заметивший этого нападения, обжегся, подтянулся и, перебирая руками, поднялся выше.

— Не трусь! — крикнул Гронский, который внимательно наблюдал за тем, что происходит внизу. — На тебя надеются женщины и дети.

— Смелее? — озлился Руслан. — Смелее сам сюда лезь, ара?

Язык пламени облизал доски, почернив их, и спрятался в доме, выпустив вместо себя черный удушающий клуб дыма.

Руслан со злостью ударил по доске. Проволока уже была ослаблена, доска с хрустом оторвалась верхним концом от лестницы и закачалась под прямым углом к зданию.

— Молодец! — закричал Гронский. — Действуй!

Кто-то из зрителей, сбежавшихся к краю крыши, захлопал в ладоши.

Руслан снова полез было вниз, но тут же ему пришлось ретироваться — лестница стала дорожкой между языками пламени, такими горячими, что жар достигал Шубина. Каково же там Руслану!

Эля наклонила графин. Струйка воды, светясь, пролетела мимо Руслана.

— Ну, это уж никуда не годится! — возмутился Гронский.

Шубин так и не понял — необдуманным поступком Эли или поведением Руслана.

Руслан держался из последних сил, на одном упрямстве. Он не мог вернуться с пустыми руками. Интересно, есть ли в грузинском языке слово для этого состояния? У испанцев его называют «мализмо».

Руслан снова сражался с досками. Вторая доска оторвалась. Язычок огня пробежал по плечу Руслана.

— Возвращайся! — закричал Шубин. — Скорее!

— Ну почему же? — сказала Вера. — Вы ему только мешаете! Ведь немного осталось.

Она не понимала, как больно Руслану.

— Наверх! — закричал Шубин. — Я приказываю тебе.

— Жалко, — махнул рукой Гронский, не споря, впрочем, с Шубиным. — Совсем немного осталось.

Одна из оторванных досок, что покачивалась у окна, занялась. Огонь лизал ее сбоку и был упорен.

На четвертом этаже со звоном вылетело стекло, и оттуда вырвался сноп искр.

Руслан поднялся на крышу. Он был чуть живой. Сразу несколько рук протянулись к нему, вытаскивая на крышу. Руслан жестоко обжегся, но сам этого еще не чувствовал.

— Можно спуститься, — сказал он. — Честное слово. И газа нет. Я смотрел.

— Нужна очередность! — Гронский взял на себя руководство спуском.

Шубину было все равно. Люди жались ближе к лестнице. Некоторые так и не выпустили чемоданов.

— Сначала женщины, — сказал Гронский. — И дети.

Детей, к счастью, не было. Среди женщин возникла заминка.

— Сначала пойду я, — сказал тогда Шубин. — Надо оторвать остальные доски.

— Возьмите себя в руки, — сказал Гронский. — Не отталкивайте от лодки слабых. Сначала пойдут женщины.

— Идиот, разве ты не видишь, что доски горят! Как твои женщины пройдут?

— Не спорь, Юра, — сказал милиционер. — Такая уж моя работа. Я пойду. Спущусь и буду принимать людей.

— Давай, — сказал Шубин. — Спасибо тебе за все... Смотри, чтобы газа не было.

— Увидимся, — сказал Коля. — Ты не дрейфь.

Он застегнул шинель, подтянул пояс, надвинул грязную фуражку на самые уши. Гронский замолчал, не вмешивался.

Милиционер спускался быстро. И все у него получилось ладно. Видно, проволока перегорела. Ему удалось сразу сбить оставшиеся доски. На несколько секунд его окутал дым, потом он возник уже внизу.

Коля стоял на последней ступеньке, которая не доставала до земли метра полтора, и внимательно смотрел вниз. Ему было страшно.

— Давай! — крикнул Гронский. — Не робей!

Подчиняясь этому голосу, милиционер оттолкнулся от лестницы и упал на снег. Сразу встал. Поднял голову.

— Порядок! — крикнул он.

Крик его донесся слабо, потому что с новой силой взвыл огонь.

— А теперь женщины, — сказал Гронский. — Верочка, иди сюда.

Только тут Шубин догадался, что эта матрона в норковой шубе — его жена.

— Нет! — закричала вдруг Верочка. — Ни за что! Я лучше умру!

Гронский тащил ее к краю крыши, ругал, она отбивалась.

— Пойдешь? — спросил Шубин Элю.

— Потом, — сказала она. — Пускай они идут.

Из двери, через которую они выходили на крышу, вырвался дым.

Шубину не хотелось подходить к Гронским, но он понимал, что придется. Время идет. В этот момент какая-то маленькая женщина в нейлоновой шубке кинулась к лестнице и начала спускаться.

Шубин испугался за нее. Эта шубка может вспыхнуть как спичка.

Он закричал:

— Снимите шубу! Вы слышите, снимите шубу! Бросьте ее вниз!

Женщина не слышала или не хотела слышать криков Шубина.

Многие догадались, в чем дело, и тоже начали кричать:

— Сбрось шубу!

Запрокинув лицо, кричал милиционер:

— Сбрось шубу!

— Мать ее! — зарычал Руслан, который только что сидел рядом с Шубиным и, тихонько воя, пытался унять боль в обожженных руках. Он перемахнул через бортик крыши и начал спускаться, чтобы догнать женщину раньше, чем она достигнет полосы огня.

Он тоже кричал. Все кричали. Только женщина не слышала. Может, она ценила шубу и боялась с ней расстаться, а может, полагала, что именно она ее защитит.

Женщина благополучно миновала третий этаж, и язык пламени догнал ее, когда она была уже у второго. Вместо того, чтобы скорее спускаться вниз, женщина вдруг остановилась и, отпустив одну руку, стала сбивать с себя пламя, которое окутало ее легким искристым шаром.

Руслан, почти догнавший ее, принял отчаянное решение. Он прыгнул вниз, схватив в этом прыжке женщину и оторвав ее от лестницы.

Коля подставил было руки, чтобы их удержать, но они упали рядом с ним.

Женщина начала пронзительно и заунывно кричать.

Руслан с трудом поднялся и тут же упал — нога у него подкосилась. Видно, сломал.

Коля сначала потянул в сторону визжавшую женщину, затем помог отползти Руслану.

Люди стояли у лестницы, ждали чего-то.

Гронский все еще уговаривал жену:

— Я буду тебя поддерживать, я тебя не отпущу.

— Нет! — кричала она. — Нет! Ты же сказал, что нас спасут. Мы будем ждать, что нас спасут...

И тут — будто мольбы Верочки донеслись до небес — над ними появился вертолет.

За шумом пожара и криками они его не услышали — только, когда луч его прожектором упал на крышу, все поняли, что с неба пришло спасение.

Это был большой военный вертолет. Он был темнее неба. Зависнув над самой крышей, он казался огромным, как дирижабль.

В брюхе вертолета образовался квадрат света. Все, кто был на крыше, потянулись к свету, поднимая руки... Наступила тишина.

И тогда стал слышен клекот вертолетного мотора.

По веревочному трапу, мягко упавшему на кровлю, ловко спустился офицер в комбинезоне.

— Спокойно, — сказал он, спрыгивая на крышу. — Без паники, товарищи.

— Я Гронский, директор химзавода. — Почему-то он первым оказался возле офицера.

— Я вас слушаю, — офицер оглядывал толпу, жмущуюся к нему. Он выглядел усталым, и Шубин догадался, что для него это не первая подобная миссия.

— Мне необходимо в штаб, — сказал Гронский. — Он организован?

— Да, — сказал офицер. — Давайте сначала возьмем женщин.

— Разумеется, — сказал Гронский. — Верочка, скорее, тебя же ждут.

Верочка закричала снова, что она упадет.

Сквозь ее крик прорвался резкий голос Гронского:

— Товарищ капитан, неужели вы не можете опустить машину ниже? Вы же видите, в каком состоянии женщины.

Люди толпились вокруг трапа, многие держались за него руками, будто боялись, что вертолет улетит.

— Да не толпитесь! — закричал офицер. — Чем спокойнее вы будете себя вести, тем быстрее мы вас всех погрузим.

Гронский уже поднимался по трапу, буквально волоча за ворот шубы свою жену. Офицер удерживал трап снизу, Верочка кричала, из люка высунулся солдат, чтобы принять первых беженцев.

— Шестьдесят восемь человек, — сказал Шубин.

— Ты всех пересчитал? — удивилась Эля.

— Я хорошо учился в школе. Ты будешь пробиваться туда? За раз ему всех не взять.

— Нет, я с тобой, — сказала Эля.

— Тогда у меня есть предложение, — сказал Шубин.

— Пошли скорее, — сказала Эля, — пока можно спуститься.

Шубин опустил капюшон аляски и затянул молнию, чтобы спрятать Элины волосы. Он тронул кончик ее носа.

Эля улыбнулась.

Шубин спускался по лестнице первым. Эля за ним. Шубин думал, что страхует ее, а Эля спускалась так, чтобы успеть протянуть руку, если Шубин будет падать.

Пламя хваталось за лестницу. Было очень жарко.

— Терпи! — крикнул Шубин, но Эля не услышала.

Шубину казалось, что он залез в духовку. Вспыхнули волосы — он догадался, что вспыхнули волосы, потому что стало больно голове. На какое-то время ему стало так жарко и так горяч был воздух, которым приходилось дышать, что он потерял Элю из виду.

Неизвестно, смогли бы они прорваться, если бы порыв ветра не рванул с такой силой, что пламя отлетело от лестницы... Потом была последняя ступенька — за ней ничего. Шубин не сообразил, что последняя, он упал, но Коля был там, он все еще стоял у лестницы. Он подхватил Шубина, потом Элю.

— У тебя голова обгорела, — это были первые слова Эли.

— Лучше расти будут, — сказал Коля. — Как в лесу.

Шубин провел рукой по голове. В ушах страшно гудело. Волосы были короткие, неровные, ежиком.

— Больно, — сказал он.

— Пройдет, — сказала Эля. — У мамы мазь есть от ожогов. Из трав.

И, сказав «мама», Эля мысленно перенеслась к себе домой. Шубин как бы потускнел в ее глазах — она заторопилась...

— Мне надо, — сказала она. — Мне надо, Юрочка, ты не сердись.

— До свидания.

— Погоди, — сказал Коля, — сейчас по городу опасно ходить. Кто знает, где этот газ затаился.

— Коля прав, — сказал Шубин. — Погоди, отдышусь, пойдем вместе.

Эля затихла. Шубин так и не спросил, не обожглась ли она. Рукав аляски оплавился — из него торчала обгоревшая подкладка.

Руслан лежал на снегу и выл сквозь зубы.

— Потерпи, — сказал Шубин, — мы «скорую» вызовем.

— Найдешь здесь «скорую», — зло сказал Руслан. — У меня нога сломана, понимаешь?

— Вы идите, — сказал Коля. — Я знаю, что у Эли ребенок дома, я знаю. А я не уйду, я помощь найду.

— Увидимся, — сказал Шубин, пожимая руку Коле.

— Обязательно увидимся, — сказал Коля и широко улыбнулся, как будто все плохое в его жизни уже кончилось. — Если вы меня, конечно, узнаете.

Шубин поглядел наверх. Вертолет все еще висел над крышей, и на той части трапа, что была видна снизу, висели люди. Они очень медленно поднимались вверх. Порывы ветра раскачивали трап и заставляли людей замирать, вцепившись в перекладины.

Вдруг вертолет загудел сильнее, перекрывая шум пожара, и резко пошел вверх.

— Смотри, что делает, гад! — воскликнул Руслан, который тоже смотрел на вертолет.

И только в следующее мгновение Шубин понял, что произошло.

В том месте, где за секунду до того был вертолет, возник клуб дымного пламени. Раздался зловещий утробный грохот, поглотивший все остальные звуки. Крыша провалилась внутрь. Вертолет уходил в сторону, быстро снижаясь, и люди, висевшие на раскачивающейся лесенке, казались тлями. Шубин понял, что пилот хочет как можно быстрее спуститься на вокзальной площади, чтобы спасти людей.

И тут он увидел, как один из них сорвался и черной кляксой, растопырив руки, полетел вниз... Что было дальше, Шубин не видел. Вертолет скрылся из глаз.

Руслан зло кричал по-грузински.

Шубин не знал, видела ли это Эля — она склонилась над плачущей женщиной в обгоревшей шубе.

Но оказалось, что Эля все видела. Потому что она сказала подошедшему к ней Шубину:

— Ты умный, что повел меня по лестнице. А то бы мы точно погибли. Мы бы последними поднимались, правда?

Они оттащили подальше от здания Руслана и ту женщину, потому что стало жарко. Казалось, что гостиница ярко освещена изнутри — в окнах горел желтый и оранжевый свет.

Теперь, когда наступала реакция на эту, так еще и не кончившуюся ночь — была половина пятого, еще далеко до рассвета, — Шубину стало смертельно холодно.

Эля сказала:

— Тут недалеко, если ты со мной пойдешь.

— Конечно, пойду, — сказал Шубин, который понимал, как страшно ей одной возвращаться домой.

— Но ты не дойдешь, — сказала она. — Ты по дороге околеешь.

— А мы побежим с тобой, — сказал Шубин.

Они вышли на улицу. По улице мело. На выходе из гостиничного двора лежал, согнувшись, будто старался согреться, человек, его уже припорошило снегом. Меховая шапка откатилась в сторону и лежала, как пустое птичье гнездо.

Эля наклонилась, подняла шапку и отряхнула, ударяя ею себя по бедру.

— Возьми, — сказала она. — Ему уже не нужно.

— Не надо, — сказал Шубин.

— Давай, давай, — Эля приподнялась на цыпочки и обеими руками натянула шапку на саднящую, обожженную голову Шубина.

— Погоди, — сказал Шубин. — Больно.

Он поправил шапку, она была мала.

— Это в сущности мародерство, — сказал он.

— Твою тоже кто-то носит, — сказала Эля.

Она выглянула на улицу, посмотрела направо, налево. Было темно. Облака, затянувшие небо, подсвечивались пожарами, и на открытых местах по снегу пробегали оранжевые блики.

Они вышли к автобусной остановке. Здесь люди лежали

странной грудой, один на другом, будто хотели согреться. Автобус с открытой дверью въехал передним колесом на тротуар и уткнулся в столб.

Эля сказала:

— Ты, конечно, не захочешь, а может, пальто снимем.

— Перестань, — сказал Шубин. — Куда идти?

Шапка грела голову, конечно же, грела, но она была чужая, от нее неприятно пахло...

И в следующее мгновение Шубин очнулся.

Он лежал на мостовой. Эля стояла рядом на коленях, приподняв его голову, и прижималась к щеке губами.

— Миленький, — говорила она, — миленький, ну не надо, нельзя, ты что делаешь?

Голова раскалывалась так, что нельзя было двинуть ею, но попытку движения Эля уловила и вдруг принялась ругаться:

— Ты что, — говорила она со злостью. — Ты зачем притворяешься? Поскользнулся, что ли, я не могу больше... ну, нельзя же так. Вставай, вставай, простудишься. Тебе что, плохо стало? Ну вот, потерпи немного, придем домой, я тебе чаю сделаю...

Шубин с помощью Эли сел, его мутило.

— Извини, — сказал он, — отвернись...

Он приподнялся на четвереньки, и его вырвало. Это было мучительно, потому что безжалостно выворачивало, пока хоть что-то оставалось внутри. Эля что-то хотела сделать... но Шубин находил силы лишь отмахиваться, отталкивать ее.

Чтобы она не приставала с пустой, как казалось Шубину, заботой, он попытался отойти на четвереньках в перерыве между приступами рвоты, но рука натолкнулась на холодную преграду — красивая девушка лежала на боку, и ее мертвые глаза внимательно смотрели на Шубина.

Шубин отпрянул, и тут же его снова свернуло пружиной приступом рвоты.

Шубин увидел, что Эля набрала в пригоршню снега, подбирая его у столбиков остановки, где было не натоптано. Он слабо ударил ее по руке, снег рассыпался.

— Ты что? Это как вода, охладит, — сказала Эля как больному ребенку, не обижаясь.

— Дура, — сказал Шубин, стараясь подняться. — Не поняла, что ли? Там газ остался.

— Да, — согласилась Эля, так и не поняв. Она подобрала с асфальта шапку и протянула ее Шубину.

— Эля, — сказал он, стараясь говорить внятно и убедительно, — выбрось ее и не трогай ничего, что было на земле. Ничего. Я тоже не сразу догадался. Даже когда понял, что шапка воняет... Видно, она на мне согрелась... хорошо еще, что доза была невелика. Ты поняла?

— Ой! — Эля отбросила шапку на мостовую, шапка ударилась о днище лежащей на боку машины. Вторая машина стояла, уткнувшись в нее помятым радиатором, дверца была раскрыта, и человек, что лежал на переднем сиденье, все еще держался за ручку сведенными пальцами.

— Вытри руки об аляску, — сказал Шубин. — Как следует. И пошли.

Его все еще мутило, во рту было отвратительное ощущение, но он пошел дальше, обходя тела, лежащие здесь особенно тесно. Шубин никак не мог сообразить, почему здесь погибло так много людей. А Эля, которая догнала его, сказала:

— Здесь кино «Космос», понимаешь? Они с последнего сеанса выходили.

— Побежали, — сказал Шубин, понимая, что вот-вот окоченеет совсем.

Ему казалось, что он бежит, но он трусил лишь чуть скорее, чем если бы шел шагом. Так что Эля, идя быстро и часто, успевала держаться за ним.

— Здесь направо, — сказала она. — Мы дворами пройдем.

Справа догорал дом, в котором жила Элина подруга Валя... или Лариса? Значит, близко... Здесь, между домов, росли тополя, голые, мокрые, пустыми были запорошенные снегом скамейки и детские качели. Здесь не было мертвых и казалось, что дома мирно спят под утро.

Они миновали еще один дом. По дорожке вдоль дома стояли пустые автомобили. На скамейке возле клумбы сидели, обнявшись, двое.

Они сидели столь мирно и уютно, что Шубин сделал шаг в их сторону, словно хотел окликнуть.

И тут же он понял, что ошибся. И парень, обнявший девушку за плечи, и девушка, положившая голову ему на грудь, были мертвы.

— Ты что? — спросила Эля, которая уже дошла до угла дома.

Она их не заметила.

Шубин побежал следом за ней.

Эля остановилась возле угла дома. Впереди был переулок, на той стороне еще один дом.

— Я здесь живу, — прошептала Эля.

Шубин думал, что она сейчас кинется со всех ног к своему дому, но Элю вдруг оставили силы, и она буквально повисла на Шубине.

— Я не могу, — сказала она.

Дом был темен, он спал. В некоторых окнах были открыты форточки.

— Четвертый этаж? — спросил Шубин.

— Вон те окна.

— Пошли.

Шубин взял ее под руку и буквально потащил через мостовую.

Но в этот момент что-то заставило его поглядеть направо, туда, откуда прилетел очередной заряд снега.

Это их спасло. Снежный заряд был желтым.

Газ, смешанный со снегом, подхваченный ветром где-то над озером или в низине у реки, собрался в гигантский, в несколько метров в диаметре шар и, легкий и даже веселый, мерцая под отблесками пожара, несся вдоль улицы.

— Назад! — крикнул Шубин и с силой последнего отчаяния рванул Элю назад, к дому, от которого они только что отошли. Эля не поняла, она пыталась вырваться, но Шубин, охваченный страхом, был столь силен, что оторвал ее от земли, кинул за дом и упал сверху.

И все это случилось так быстро, что он не успел ничего сказать. Но лежа, отворачивая лицо от несущегося шара, прохрипел:

— Не дыши!

И сам постарался задержать дыхание.

Возможно, прошла минута...

Шубин поднял голову. Улица была пуста. Ветер стих.

Шубин встал первым, помог подняться Эле. Она придерживала рукой локоть — ушибла.

— Ты что? — спросила она. — Там что было?

— Газ, — сказал Шубин.

— Откуда газ?

— Его по улица несло.

Они быстро перешли улицу, крутя головами, словно боялись, что газ подстерегает их, завернули во двор и вошли в подъезд.

Шубин не дал Эле войти в дом первой. Сначала он открыл дверь в подъезд и сосчитал до пятидесяти.

— Ты газа боишься? — спросила Эля.

Она переступала с ноги на ногу от нетерпения. Она пыталась оттолкнуть Шубина. Она понимала, что он прав, но в ней уже не осталось ни крошки терпения.

Она вырвалась и вбежала в темный провал подъезда.

Застучали ее подошвы по лестнице.

Шубин пошел следом. Ему было страшно догнать Элю, ему было страшно, что будет потом.

Шубин поднимался по лестнице с трудом. Снова мутило, дыхание срывалось — не хватало почему-то воздуха. Он ощущал запах желтого газа в подъезде особенно на первых двух этажах, но шагов не ускорял, потому что был обессилен.

Он догнал Элю у двери ее квартиры.

Обыкновенная дверь, без глазка, покрашенная коричневой краской, с номером 15.

Эля обернулась, услышав его шаги, и сказала:

— А ключей нет... Ключи в сумке... или в пальто. Не знаю.

— Тогда позвони.

Эля нажала на кнопку звонка, но было по-прежнему мертвенно-тихо.

— Дурачье, — сказал Шубин, упираясь ладонью в косяк двери, чтобы не упасть. — Электричества нет. Стучи.

Эля постучала. Тишина.

— Они же спят, — сказал Шубин. — Стучи громче.

Эля постучала сильнее.

— Они не спят, — прошептала она.

Она не смогла ничего больше сказать. Лицо ее было неподвижно, и по грязным щекам катились слезы.

Шубин ударил по двери кулаком. Еще раз, начал молотить, только чтобы перебить высокие, жалкие звуки, что вырывались изо рта Эли.

И он молотил так, что не услышал, как из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Стой! — Эля повисла на его руке. — Это я, это я, мама! Где Митька? Это я, мама!

— Погоди, не шуми, — ответил голос, щелкнул замок, дверь открылась, и мать Эли произнесла фразу, которую намерена была сказать, еще не отворив дверь, и которая теперь прозвучала как из другого мира: — Ты что, опять ключи забыла?

И тут она увидела Элю и страшного — это Шубин только

потом, увидев себя в зеркале, понял, до чего страшного — мужчину.

— Господи! — сказала она.

За соседней дверью раздался недовольный мужской голос:

— Вы что шумите, не знаете, сколько времени?

— Порядок, — ответил голосу Шубин. — Извините. Все в порядке.

Эля упала внутрь, повисла на матери и начала судорожно смеяться. Шубин втолкнул ее в дверь и быстро захлопнул. Наступила кромешная тьма, и в ней был слышен лишь истерический смех Эли, который прерывался возгласами матери: «Ты что, ты что, что с тобой?» И попытками Эли спросить: «А Митька, где Митька?»

И снова смех.

— Положите ее куда-нибудь, — сказал Шубин. — Ей надо лечь.

Но Эля вырывалась — она рвалась в комнату, распахнула дверь. В свете догорающего пожара была видна кровать. На ней спал мальчик. Эля схватила его, мальчик начал отбиваться со сна, а Шубин оттаскивал Элю и кричал на нее:

— Не смей его трогать! Не смей! На тебе может быть газ.

Эля опустила мальчика на кровать, а сама как-то спокойно, тихо и мирно легла возле кровати на коврик, будто заснула. На самом деле это был глубокий обморок.

Шубин подхватил Элю и спросил ее мать, белая ночная рубашка которой светилась в темноте, как одежда привидения:

— Куда ее положить?

— Ой, а что с ней?

Мать все еще ничего не понимала — да и откуда ей было понять?

— Где диван?..

— Рядом с вами, туда и ложите.

Она была сердита, потому что уже уверилась в том, что ее непутевая дочь где-то напилась, попала в переделку и вот теперь хулиганит. Шубин не знал, бывало ли такое с Элей, — он ничего не знал о своей будущей жене. Он с трудом перетащил ее на диван.

— У вас валерьянка есть?

— А вы кто такой? — спросила мать Эли, в которой росло раздражение против бродяги, которого Эля притащила домой.

— Накапайте валерьянки. Или валидола. Ничего страшного. Она очень устала. И переволновалась.

И в голосе Шубина была такая настойчивость, что мать,

бормоча что-то, пошла в другую комнату и принялась щелкать выключателем.

— Света нет, — сказал Шубин. Он присел на корточки перед диваном и положил ладонь на теплую щеку Эли. И та, все еще не приходя в себя, подняла руку и дотронулась слабыми пальцами до его кисти.

— Почему света нет? — спросила из той комнаты мать.

— Воды нет тоже, — сказал Шубин. — А если есть, то лучше ее не пить. В чайнике вода осталась? Из чайника налейте.

Митька повернулся в кровати и забормотал во сне.

— Да вы хоть скажите по-человечески, что случилось-то? — спросила из той комнаты мать. Она, видно, шуровала среди лекарств, разыскивая валерьянку.

— Авария, — сказал Шубин. — Авария. Выходить из домов нельзя. Закройте форточки...

Мать зашаркала шлепанцами на кухню, громыхнула там чайником.

Шубин прислушался к дыханию Эли. И понял, что она спит.

— Не надо, — сказал он, — она заснула...

Мать уже вернулась в комнату. Шубин не заметил как — в сознании пошли провалы.

— Вы сами тогда выпейте, — сказала мать уже без озлобления. — Вам тоже нужно.

Она вложила в его руку стаканчик с валерьянкой.

— А где авария? Серьезная, да? На химзаводе?

— Серьезная, — сказал Шубин. И заснул, сидя у дивана на коврике, положив голову на руки, которыми касался руки Эли.

Было пять часов утра. Те жители города, что остались живы, еще спали.

Шубин проснулся, и ему показалось, что он и не засыпал — только закрыл на минутку глаза, чтобы не так щипало. Он сразу вспомнил, где он, и первая мысль была хорошая: ну вот, обошлось.

Он лежал на том же диване, у которого, сидя на полу, отключился. В комнате стоял утренний полумрак — небо за окном было холодным, голубым. Повернув голову, Шубин увидел кровать и спящего на ней Митьку, которого он толком еще и не видел.

За стенкой тихо разговаривали.

Шубин вспомнил, что обгорел, спускаясь с крыши, он провел рукой по колючей голове. В комнате было холодно.

Он поднес часы к глазам, но света в комнате было слишком

мало. Ничего не увидел. Он поднялся и пошатнулся так, что чуть было не уселся обратно. В голове все потекло.

Эля услышала и вошла в комнату.

— Ты чего встал? — прошептала она.

— Ты же тоже не спишь, — сказал Шубин.

Он прошел на кухню, где на табуретке сидела мать Эли, обыкновенная полная женщина, тоже скуластая и черноволосая. Только губы, в отличие от Элиных, у нее ссохлись и сморщились. Глаза были заплаканы.

На кухонном столе горели две свечи. От них уже наплыло на блюдце.

— Здравствуйте, — сказал Шубин. — Простите, что так вышло.

— Это вам спасибо, Юрий Сергеевич, — сказала мать Эли. Она всхлипнула. — Мне Эля все сказала, а мы вот сидим и боимся.

— Лучше не выходить, — сказал Шубин.

— А воды нет, — сказала мать, — и газа, знаете, тоже нет. Когда дадут, вы как думаете?

— И холодно, просто ужасно, — сказала Эля. — Знаешь, на улице похолодало.

В синее окно Шубину было видно, что на улице метет.

Наверху кто-то прошел, зазвенел посудой, дом был панельный — слышимость абсолютная.

— Сколько времени? — спросил Шубин.

Эля поглядела на ходики, висевшие над столом. Шубин сам увидал: половина восьмого.

— В это время уже машины ездят, — сказала Эля, — люди на работу идут. А мама мне верит и не верит.

— Чего ж не верить, — ответила та. — Многие говорили, что этот завод нас погубит. Детей вывозили. Вы слышали?

— Да, я даже видел.

— Но с них как с гуся вода. А Эля говорит, много народу погибло.

— Да, — сказал Шубин, — многие погибли.

Он посмотрел на Элю. Она встретила его взгляд настороженно, будто таясь.

Уже был другой день, другая жизнь, и он в ней был будто гостем. Да и что скажешь при матери?

Шубин подошел ближе к окну. Улица, на которую оно выходило, была пуста. Вон оттуда, из-за угла дома на той стороне, они пытались перейти улицу и потом спрятались от желто-

го шара. Он увидел истоптанный снег, там они лежали, боясь поднять головы. А чуть дальше за домом — лавочка, где сидят влюбленные.

— Я пойду, — сказал Шубин.

— Что? — не поняла Эля.

— Я пойду. Сама понимаешь, не сидеть же здесь.

— Я вас, Юрий Сергеевич, никуда не пущу, — сказала Эля, перейдя снова на «вы». — Вы на себя в зеркало посмотрите. Вы же на последнем издыхании.

— Я выспался, — сказал Шубин. — Я больше двух часов проспал.

— Я с вами.

— И не мечтай, — сказала ее мать.

И Шубин как эхо повторил:

— И не мечтай.

— Ну как же так... — покорилась Эля.

— Я очень прошу вас, — сказал Шубин, — никуда из дома не выходить. У вас четвертый этаж, это спасение. Мы не знаем, кончилось все уже или еще будут последствия.

— Холодно ведь, — сказала мать, — когда затопят?

— Я все узнаю и вернусь, — сказал Шубин.

— Правильно, — сказала мать, — сходите, поглядите и возвращайтесь.

Шубин взял свечу, прошлепал босиком в ванную комнату. Вода не шла. И не могла идти. Он поднял голову, посмотрел в зеркало и увидел себя впервые с вечера. И не сразу узнал, потому что за тридцать девять лет жизни привык к другому человеку.

На него смотрело грязное, обросшее щетиной существо. Волосы его и ресницы были опалены, от волос вообще остались какие-то клочья. На виске и щеке — высохшая кровь. И как назло — нет воды.

— Юрий Сергеевич, — сказала из-за двери Эля. — У нас в кастрюле вода осталась. Вам пригодится.

Шубин хотел было с благодарностью согласиться, но сказал:

— Отлей мне в стакан. Неизвестно, когда пустят воду. Надо экономить. Может, целый день придется терпеть... или больше. Ты же понимаешь, что водопровод может быть отравлен.

— Понимаю, — сказала Эля. — Щетку зеленую возьмите, это моя.

Он открыл дверь. Она протянула ему полный стакан.

Он услышал голос матери из кухни:

— В чайнике еще осталось. Смотри, не выплесни.

Шубину было неловко, что он не может спустить за собой воду в унитазе. Он прикрыл его крышкой, потом почистил зубы, намочил водой край полотенца и протер кое-как лицо. На полотенце остались пятна сажи и крови.

Пока Шубин натягивал ботинки, Эля почистила его пиджак и пыталась уговорить его съесть холодного мяса. Но есть совсем не хотелось. Он бы еще выпил воды, но не посмел попросить.

Эля стояла в смущении перед вешалкой, потому что Шубину надо бы переодеться, а дома не было мужских вещей. Она уговорила его надеть под рваную аляску свой толстый свитер, и Шубин согласился. Потом вытащила откуда-то белую лыжную вязаную шапку и сказала:

— Это ничего, что она женская, у нас ребята многие носят.

На шапке были изображены олимпийские кольца.

— До свидания, — сказал Шубин матери, которая стояла в дверях кухни.

— Приходите, — ответила та сдержанно.

Эля вышла проводить Шубина на лестницу.

Он пониже надвинул на глаза лыжную шапку.

— Ты адрес помнишь? — спросила вдруг она. — Улица Строительная, двенадцать, корпус два, квартира пятнадцать. Записать?

— Нет, запомню, — сказал Шубин. — Только не выходи. Не надо. И мать не пускай. Пока не вернусь, не выходи, обещаешь?

— Обещаю, — улыбнулась Эля. Впервые он увидел ее улыбку с прошлого вечера. Блеснула золотая коронка. А он и забыл, что у нее золотая коронка.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянул громоздкий мужчина в пижаме.

— Привет, — сказал он, — гостей провожаешь?

В вопросе было плохо скрываемое презрение к соседке.

— Доброе утро, Василий Карпович, — сказала Эля, не выпуская руки Шубина.

Этот человек был из другого, обыкновенного, сонного, вчерашнего существования.

— Чего-то света нету? — спросил он. — Не знаешь?

— А вы проверьте, — сказал Шубин, — нет воды, нет газа и не работает телефон.

— А что? — Человек сразу поверил и испугался. — Что случилось, да?

— Эля, — сказал Шубин, отпуская ее руку. — Я тебя очень прошу. Пройди по квартирам и еще лучше — возьми кого-нибудь из мужчин, на которых можно положиться. Сейчас люди будут вставать, они ничего не знают. Может быть паника, кто-то может заразиться... Ну, не мне тебя учить.

— Хорошо, Юрий Сергеевич, — сказала Эля.

Она хотела еще что-то сказать, но Василий Карпович из соседней квартиры не дал.

— Да что случилось, я спрашиваю! — почти закричал он. — Ты можешь человеческим языком объяснить?

Перешагивая через две ступеньки, Шубин сбежал с лестницы. Хлопнула бурая дверь подъезда.

Холодный ветер ударил в лицо. Он нес колючие снежинки. Шубин надвинул капюшон аляски.

На улице рассвело. Он перешел улицу и оглянулся. Эля стояла у окна. Она смотрела вслед. Тут же рядом с ней возникло лицо Василия Карповича — значит, он уже проник к ним в квартиру.

Шубин прошел за соседний дом. И остановился у его угла, не оборачиваясь больше. Он понимал, что через несколько шагов уйдет из той обыденности мира, в котором еще ничего не произошло, который только сейчас начинает открывать, и то не во всей полноте, масштабы бедствия — как будто от гостиницы, где они провели ночь, до этих домов — много километров, и звуку несчастья еще предстоит их одолеть.

Конечно же, Шубин мог остаться у Эли и поспать еще несколько часов. Нет, он бы уже не заснул. Он-то знал, что жизнь этого и соседних домов — только видимость, а то, настоящее, к чему он принадлежит, начнется за углом.

И вдруг неожиданная мысль заставила его оглянуться.

Он посмотрел на Элин дом. Нет, не на четвертый этаж, а на первый. В трех, нет, в четырех окнах первого этажа открыты форточки. Значит, почти наверняка, там лежат мертвые люди. Лежат мирно, будто спят, но скоро эти двери взломают. Где водораздел? Два этажа — гробы, три верхних — обыкновенные квартиры, где люди просыпаются и удивляются, почему нет воды и света. Водораздел — на втором этаже...

Больше он не мог стоять — он должен был оказаться там, где много людей, где что-то делается, где он может пригодиться.

Шубин вышел в следующий двор. Навстречу ему рванулся крик. У скамейки, на которой сидели, обнявшись, влюбленные, стояла, подняв руки, женщина и неразборчиво крича-

ла. Можно было лишь разобрать: «...моя девочка... девочка... Лидуша...»

Хлопнула дверь, из дома выбежал другой человек, побежал к скамейке. Шубин быстро пошел стороной, к главной улице, к вокзалу.

Дворами Шубин вышел на главную улицу, что вела к вокзалу, как раз к арке, через которую он убегал от милиционеров.

Сыпал снег, неровно, зарядами, зло. У кафе, где он сидел с общественниками, лежали тела. Возле них стояли два человека, непонятно зачем — просто смотрели.

По улице, вдоль домов, шел парнишка, лет пятнадцати, он нес туго набитый пластиковый пакет. Перехватив взгляд Шубина, он побежал, одна ручка пакета оторвалась, и оттуда начали вываливаться меховые шапки. Парень остановился и принялся собирать их, не спуская взгляда с Шубина.

— Зря ты, — сказал Шубин, — они зараженные.

Прижимая пакет к животу, парень побежал в арку.

И тут Шубин увидел собственную кепку. Она лежала у края тротуара, совсем засыпанная снегом. Ждала его.

Шубин подошел к ней, поднял, снег примерз к ней, кепка была жесткой и чужой. И тут же Шубин уловил взгляд женщины, закутанной в серый платок. В ее взгляде было осуждение.

— Люди страдали, а вы пользуетесь, — сказала вдруг женщина.

— Это моя собственная кепка, — сказал Шубин. — Я ее вчера потерял.

И понял, как глупо это звучит.

— Понимаю, понимаю, — сказала женщина.

— А вы проходите, — озлился Шубин.

Женщина пошла у самой стены.

По улице ехал бронетранспортер. В нем стояли два солдата. Они смотрели по сторонам, видимо, изучая обстановку.

Шубин поглядел им вслед. Повернул туда же, куда ехала машина, — к вокзалу. Он миновал кинотеатр «Космос» и автобусную остановку. Автобус все стоял передним колесом на тротуаре, но столкнувшиеся машины были убраны с дороги, и трупы тоже исчезли.

«Быстро работают, — подумал Шубин. — Молодцы». Кто молодцы и почему — он не задумывался. Ему приятно было, что кто-то думает, делает, принимает меры.

На остановке стоял старичок в военной шинели и заячьей шапке.

— Молодой человек! — окликнул он Шубина. — Почему нет автобуса? Я жду уже двадцать минут.

— Автобуса не будет, — сказал Шубин и пошел дальше.

— Почему? Вы мне можете объяснить почему? — старичок стучал палкой.

Шубин увидел, куда убрали трупы, — их, оказывается, еще не успели вывезти. В просвете между большими домами они громоздились грудой, частично прикрытые бульдозером, которым, видно, их туда и отодвинули. Бульдозер был пуст, но возле него стоял милиционер и курил.

Он увидел, что Шубин остановился, и сказал устало:

— Идите, гражданин, смотреть не положено.

— Ладно уж, — сказал Шубин.

По улице медленно ехал грузовик. Задний борт его был откинут. Там тоже лежали тела.

Простоволосая растрепанная женщина в распахнутой шубе бежала посреди улицы навстречу грузовику и кричала, открыв рот, на одной ноте. Грузовик затормозил, гуднул, но она его не видела. Водитель подождал, пока она пробежит мимо, и снова дал газ.

Окна продовольственного магазина, мимо которого проходил Шубин, были разбиты, большие куски стекла валялись на тротуаре. Внутри шевелились какие-то темные фигуры.

Должна была показаться гостиница, но ее не было. И Шубин, пройдя последний большой дом перед вокзальной площадью, понял, что случилось: гостиница стала вдвое ниже — провалившись, крыша увлекла за собой два верхних этажа. Казалось, что в гостиницу попала бомба.

Развалины еще дымились, и снег вокруг был черным.

Шубин вышел на площадь. Как ни странно, подъезд гостиницы не был тронут огнем. Даже сохранились стеклянные двери и стеклянные вывески с названием гостиницы по сторонам. Но сквозь дверь было видно черное сплетение упавших балок.

Вокзальная площадь была странно оживлена. По какой-то организационной причине именно в вокзале находился штаб, который руководил спасательными работами. На площади стояло несколько бронетранспортеров, дальше, между пустыми автобусами, тянулись крытые военные грузовики. У монумента труженикам стоял танк. Его зачехленная пушка была высоко

задрана. У входа в вокзал Шубин увидел несколько легковых машин, в том числе две или три черные «Волги».

Правильно, понял Шубин, направляясь через площадь к вокзалу. Вокзал — это связь с другими городами. Здесь должны быть паровозы, так что можно обойтись без электричества, пока не запустят станцию.

Трупы с площади уже убрали, и Шубин не стал искать глазами куда. Он пошел мимо танка. Люк его был открыт, в нем сидел солдат в шлеме и курил. Рядом стоял автобус, двери его были открыты, на полу головой к открытой двери лежал человек.

— Юрий Сергеевич! — услышал Шубин. — Юрий Сергеевич, это вы?

К нему бежал Борис.

И если он был неопрятен и даже страшноват в обычной жизни, то сейчас казался неким подземным чудовищем. Черные длинные волосы сбились неопрятным стогом, пальто было без одного рукава, из которого торчала ковбойка. Под глазом большой синяк.

Борис схватил Шубина за руку и принялся трясти. Солдат из танка смотрел на них сверху, потом сплюнул окурок и спрятался в башне.

— Я думал, что вас нет, что вы погибли. Я ведь специально пришел сюда, к гостинице, я уже час здесь, у меня теплилась надежда. Никто ничего не знает, мне только говорили, что ночью, когда гостиница сгорела, оттуда с крыши люди вниз кидались. Вот у меня и оставалась надежда.

— Успокойтесь, — сказал Шубин. Он был рад видеть этого психа. — Что с остальными, что случилось?

— Про Наташу я не знаю, — сказал Борис, — Наташу отпустили. Они, конечно же, вас искали, потом я был на допросе, только это неинтересно, они искали компромат, но в самом деле — письмо Бруни, они думали, что письмо Бруни у вас.

— Кто они, какие письма? — Шубин оглянулся, куда бы отойти с ледяной площади. — Пошли в вокзал, может, там хоть не дует.

— Не сходите с ума, кто вас туда пустит? Там же штаб. Там все оцеплено. Кто нас пустит?

Шубин посмотрел в ту сторону. Он просто не обратил раньше внимания на солдат, каждый из которых был как бы сам по себе, но все вместе они образовали редкую цепочку, перегораживавшую площадь примерно там, где стояли машины. Вот

одна из них вдруг развернулась и, поднимая пыль, понеслась с площади. На заднем сиденье был виден профиль Силантьева. Значит, он остался жив.

Шубин повел Бориса в сторону, к киоскам, что тянулись вдоль площади, к стоянке автобусов.

— Зачем нам туда? — спросил Борис. — У нас так мало времени.

Шубин подошел к автобусу, дверь в который была открыта. Он поднялся внутрь и сказал Борису:

— Идите, здесь не дует.

В проходе лежал человек лицом вниз. Значит, сюда не догадались заглянуть те, кто убирал трупы.

Борис скользнул взглядом по мертвецу.

— Вы начали говорить о ваших друзьях, — сказал Шубин.

— Да? Я не знаю, что с Наташей.

— Вы говорили это. Что еще? А остальные.

— Бруни и Сырин погибли. Я видел. Меня наверх повели, меня там допрашивали. Они меня били, потому что я неприятен. Я вызываю раздражение, это я знаю. Даже в вас.

— Нет, вы не правы.

— Впрочем, вы тоже сейчас не красавец, — сказал Борис.

— Они погибли в милиции?

— Дежурный повел меня наверх, они меня допрашивали, а потом внизу был какой-то шум, дежурный заподозрил неладное, это было в одиннадцать сорок две, вы знаете?

— Догадываюсь.

В автобусе было холодно накопившимся за ночь тесным холодом. По площади проехала «скорая помощь», остановилась у вокзала. Кое-где из соседних улиц возникали люди, тянулись к вокзалу, и Шубин увидел, как их останавливали солдаты и поворачивали назад.

— Он долго не приходил. Было тихо. Я посмотрел в окно и увидел туман. Вы видели туман?

— К несчастью, видел.

— А я видел, как он догонял людей и они падали. Но я был в лучшем положении, чем дежурный. Он не знал, чего ждать, а я ждал этого уже больше месяца. Бруни все это предсказал, он три письма послал об этом. Они лежат у них в делах.

— У кого?

— У Гронского, у Силантьева, в Госконтроле. Ну и, конечно, в эпидемстанции. Он даже механику предсказал — механику диффузии. Именно так... он нам рассказывал, но вы сами по-

нимаете, кое-что было слишком специально. Например, его расчеты о сочетании рельефа, розы ветров и этих компонентов... Помните, мы вчера просили вас взять в Москву письмо? Представляете, там уже все это описано! И смертельные случаи тоже. Только он не знал, что это будет в таких масштабах, — они пустили вторую очередь, очень спешили и перешли критическую массу... Я ждал, ждал, открыл дверь — никого в коридоре нет. Ночь. Внизу тихо. А я уже знал.

Борис перевел дух. Ему было жарко.

— Я вниз не побежал. Я только увидел, что капитан лежит внизу, у лестницы. И еще один милиционер. Оба лежат. А Брунн и Пашка Сырин, они же были в КПЗ — на первом этаже и не могли выйти. Я сразу понял, что они не могли выйти. Что я остался один. Я всю ночь там просидел. И мне нужно найти вас, а если нет — вырваться и добраться до Москвы. Но лучше, чтобы вы, вы объективный человек. И у вас нет детей.

— А дети здесь при чем? — Шубину показалось, что Борис бредит.

— А я не сказал?

— Что?

— У меня жена, трое детей... я дома уже был.

— И что?

— Понимаете, простите, но моя жена погибла. Дети были у бабушки, мы в одном подъезде живем, а она, наверное, беспокоилась, куда я делся. И она спустилась вниз, — она меня иногда встречала, — очень беспокоилась, куда я опять попал. Она так и лежала у нашего подъезда — она пальто на халат накинула и спустилась. Вы простите, пожалуйста. Я ее отнес наверх, но не домой, потому что дети еще спали. Потом я разбудил Ниночку, она старшая, и сказал, что скоро приду, а в школу сегодня не надо. Вам неинтересно?

— При чем тут интересно или неинтересно! — крикнул Шубин. — Мне непонятно, чего вы здесь делаете! Идите домой!

— Я сейчас пойду, вы не волнуйтесь.

— Неужели вы думаете, что я скрою это в Москве? Что это вообще можно скрыть?

— У нас все можно скрыть, — сказал Борис. — И лагеря, и выселение народов... все.

— Но это было раньше, теперь все изменилось.

— Изменилось, да. Поэтому мы еще разговариваем, и я еще надеюсь. Но механика сокрытия осталась. Надо только отрапортовать, что случилась авария, есть человеческие жертвы.

И все — дальше молчок. И нет Аральского моря! Но тихо... И в другом городе — в Свердловске, в Кургане — накапливаются в отстойниках эти жидкости, идут реакции, чтобы взорваться, чтобы кинуться на людей... Бруни все это написал.

— Но, может, они поняли? — неуверенно сказал Шубин.

— Поняли? — Борис громко, деланно засмеялся, как в плохом театре. — Ха-ха-ха! Горбатого могила исправит! Вы думаете, чем они занимаются?

— Как и любой штаб во время бедствия, — сказал Шубин. — Есть какие-то правила, неподвластные даже тем, кто этим занимается. Там, конечно, суматоха, неразбериха, но они стараются что-то сделать.

— Они стараются сделать так, чтобы не сесть в тюрьму, вот что они стараются сделать.

— Как вы видите, здесь в основном армия.

— Армия, потому что ее вызывают делать черную работу. Солдатики убирают трупы, а потом будут травиться, очищая озеро. Им прикажут, они сделают. А генералы будут обедать вместе с Силантьевым и Гронским и обсуждать, как сделать, чтобы империалистическая пропаганда не подняла шума, чтобы народ не испугался, чтобы великие свершения не скрылись за темным мраком отдельных недостатков.

— Даже если вы правы, Борис, — сказал Шубин, — то сейчас они уже бессильны.

— Почему же? — Борис сунул пятерню в спутанную шевелюру, пальцы запутались, он с остервенением дернул руку, чтобы освободить.

— Слишком велики жертвы. Этого не скроешь.

— А что вы знаете о том, что уже скрыли? Вы даже о Чернобыле узнали не сразу и не все, хоть он так близок к Киеву. А ведь купленные профессора и академики пели по телевизору, что опасности нет и жертв почти нет... У нас два года назад на Сортировочной цистерны рвануло — домов двести разрушено, народу перебило... а что вы об этом слышали? МПС отрапортовало, и в Москве согласились. Неужели вы не понимаете, что никому не нужны несчастья? От них портится настроение.

— Тогда мы с вами ничего не сможем поделать.

— И пускай моя жена погибла, да, и Бруни тоже? И еще люди? Может, вы провели ночь у бабы и ничего не заметили? Вам хочется поскорее в Швейцарию? В следующий раз они рванут так, что и от Швейцарии ничего не останется. Достанут вас, достанут, честное слово даю.

Борис поднял руку и вопил. Он вопил, как какой-то древний еврейский пророк в пустыне, он готов был пойти на костер, и отблески его, рожденные усталым воображением Шубина, поблескивали за спиной.

— Я не провел ночь у бабы, — сказал Шубин. — Я был в гостинице.

Он вяло показал на дымящиеся руины.

— Тем более, — сказал Борис. — Ни черта вы не видели.

Шубин понял, что спорить с ним бесполезно, нельзя с ним спорить. Он имел монополию на высшее страдание. А впрочем, и право.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне очень грустно, что у вас такое несчастье...

— Дело не в моих несчастьях. Дело в будущих несчастьях! — закричал Борис, как учитель, отчаявшийся вдолбить тупым ученикам элементарную теорему.

— Что я могу сделать?

— То, о чем мы просили вас вчера. И вы должны это сделать ради памяти о Бруни, обо всех... Вы возьмете все документы — и все, что писал Бруни, копии наших писем, выкладки, прогнозы... и то, что написал я сегодня на рассвете. Я писал возле тела моей жены, вы понимаете? И вы отдадите все прямо в ЦК, прямо генсеку — как можно выше. Пускай это будет набат.

— Понимаю, — сказал Шубин, голова просто разламывалась от этого надрывного крика. Жутко неприятный этот Борис, физически неприятный. Но у него правда, если бывает много правд, то у него более важная правда.

— Возьмете?

— Возьму.

— Тогда вам нужно как можно скорее отсюда выбраться. Пока не оцепили город. А может быть, они его уже оцепили.

— Как выбраться?

— Я скажу.

— Почему не сейчас?

— Но мне же нужно принять меры. У меня нет с собой писем. Не могу же я носить их с собой по городу, где меня каждая собака знает! Они за мной будут охотиться, если уже не охотятся. Они подозревают.

Шубин хотел сказать, что сейчас никому нет дела до Бориса, но понимал, что этим вызовет лишь очередную вспышку крика.

— И что вы предлагаете?

— Через сорок минут я снова буду здесь. В этом автобусе. Добро? А вы где-нибудь укройтесь. Не надо, чтобы вас видели. Где ваш чемодан?

— Сгорел.

— Ах да, конечно. Ну ничего, вы еще новый купите, в Швейцарии.

— И сдалась вам эта Швейцария!

— Ладно уж, мне ее не видать как своих ушей. Я пошел. А вы не суйтесь.

— Не сидеть же мне здесь все время.

— Лучше сидеть.

— Я должен увидеть как можно больше собственными глазами. Нет ничего глупее, чем отсиживаться. Я могу там пригодиться.

— Вы? Им? — вставил Борис с сарказмом. — Чтобы вас прихлопнули?

Борис подошел к двери автобуса и с минуту оглядывался, как в детективном фильме, нет ли за ним слежки. И если бы кто-то посмотрел в ту сторону, наверное бы уверился, что видит злоумышленника.

Шубин не стал ждать, пока Борис, пригибаясь и изображая из себя злоумышленника, убежал с площади. Он спрыгнул из промерзлого автобуса на снег, и ему показалось, что снаружи чуть теплее, чем в машине. Он сунул руки в карманы аляски, надеясь отыскать там сигареты, но нащупал только банку с растворимым кофе. Чего же Эля не вынула, подумал он. Лучше бы вынула и положила сигареты.

От того, что сигарет не было, страшно хотелось курить. Шубин подошел к танку и только собрался постучать по броне, спросить, нет ли закурить у танкистов, как увидел табачный киоск. Киоск был открыт.

Шубин, ничуть не удивившись, пошел через площадь.

В киоске кто-то был.

Шубин спросил:

— Пачку сигарет не дадите?

После некоторой паузы изнутри послышался тонкий голос:

— А вам каких?

— «Прима» есть?

— Сейчас.

На полочку перед окошком легла черно-красная пачка. Ее держала тонкая детская рука.

Шубин сказал:

— Спасибо, — и положил рубль.

Рука сгребла рубль и исчезла.

— А спички есть? — спросил Шубин.

— Спичек нету.

Окошечко со стуком закрылось.

Шубин отошел на три шага, разломал пачку, вытащил сигарету.

Боковая дверь в киоск открылась, и оттуда высунулась голова мальчишки в вязаной шапке. Мальчишка вытащил мешок, явно набитый пачками сигарет, и ловко закинул его за киоск, прочь с глаз. Увидев, что Шубин наблюдает за ним, он ничуть не испугался, а разжал кулак, в котором оказался коробок спичек, и кинул его Шубину.

Тот успел подставить руку и схватить коробок.

Следом за мальчишкой из киоска выбралась девочка с таким же мешком. Оба спрятались за киоск.

Шубин пошел к вокзалу.

Солдат с автоматом, который стоял возле черных «Волг» и военных газиков, число которых за время разговора с Борисом увеличилось, шагнул навстречу Шубину.

— Нельзя, — сказал он.

— Мне можно, — сказал Шубин. Он достал из кармана пиджака редакционное удостоверение. Солдат взял удостоверение, раскрыл, начал читать, шевеля губами. Потом посмотрел на Шубина, сравнивая его с фотографией, и Шубин понял, что сходства солдат отыскать не может. Он закрыл удостоверение и крикнул:

— Величкин! Товарищ старшина!

Старшина в теплой куртке, разрисованной камуфляжными узорами, подошел не спеша. Он был без автомата, но кобура повязана поверх куртки.

— Тебе же приказано — не пускать, — сказал он.

Солдат протянул старшине удостоверение Шубина, а сам посмотрел с тоской на дымящуюся сигарету. Шубин вытащил пачку, протянул солдату.

Тот взял сигарету, но закуривать не стал, он смотрел на старшину.

— И что вам там нужно? — спросил старшина.

— Мне надо пройти в штаб, — сказал Шубин. — Я журналист, из Москвы, корреспондент. Я в командировке.

— В командировке? — спросил старшина, и взгляд его проехал по Шубину — от вязаной шапки, заросшего щетиной, по-

резанного лица до рваной аляски и замаранных брюк. — Что-то непохоже. Паспорт есть?

— Есть здесь кто-нибудь постарше чином? — спросил Шубин терпеливо, отдавая старшине паспорт.

Солдат держал сигарету так, будто готов был вернуть ее Шубину, как только того разоблачат.

— Приказано посторонних не пускать, — сказал старшина. — Авария.

— Послушай, старшина, — сказал Шубин. — Я всю ночь был на этой аварии, пока ты в казарме спал. И мне некогда было себя в порядок приводить. Я там был. — Шубин показал на гостиницу. Солдат и старшина послушно посмотрели на гостиницу.

— Погодите, — сказал старшина и, взяв удостоверение, пошел к вокзалу.

— Самое время бюрократию разводить, — сказал Шубин и зажег спичку. Солдат закурил. Солдат был из Средней Азии, он был напуган, ему было холодно.

Низко над площадью прошел вертолет. Загромыхал за вокзалом состав.

— Как оттуда ушел? — спросил солдат, показывая на гостиницу.

— По пожарной лестнице, с крыши, — сказал Шубин.

— Понимаю, — сказал солдат. — И вещи сгорели?

— Вещи сгорели.

Подъехал рафик. Из него вылезали люди, некоторые сонные, одетые кое-как, напуганные. Из вокзала выбежал шестерка Плотников, издали замахал рукой и крикнул людям, что стояли у рафика.

— Сюда, товарищи, в зал ожидания, там вас ждут. Пропустите их!

Он убежал так быстро, что Шубин не успел его окликнуть. Но среди стоявших у рафика Шубин увидел Николайчика. Тот плелся за остальными к вокзалу.

— Федор Семенович! — крикнул Шубин. — Федор Семенович!

Николайчик остановился. Другие стали оборачиваться. Шубин подошел к нему.

— Шубин, — узнал его Николайчик. — В таком виде? Что с вами произошло?

— То, что и со всеми.

— Какой ужас! — сказал Николайчик. — Вы просто не представляете, какой ужас.

— Представляю, — сказал Шубин.

— Ну да, конечно. Но никто не мог представить. Меня разбудили час назад, вызвали сюда в штаб. Есть человеческие жертвы! — последнее Николайчик произнес тихо, будто делясь с доверенным человеком государственной тайной.

— Даже у вас в доме, — сказал Шубин.

— Что?

— Те, кто жили на нижних этажах.

— Надеюсь, что вы ошибаетесь, Юрий Сергеевич, — сказал Николайчик, сразу насторожившись.

— Николайчик, — позвал кто-то из ушедших вперед.

— Сейчас. А вы почему здесь, Юрий Сергеевич? Хотите уехать?

— Меня не пропускают.

— Товарищ солдат, — сказал Николайчик, — надо пропустить товарища Шубина, он корреспондент, из Москвы.

— А мне как прикажут, — сказал солдат.

— Пойдемте со мной, — Николайчик потянул Шубина за рукав, но увидел, что рукав рваный, обгорелый, и отпустил его.

Солдат неуверенно сделал шаг, желая перекрыть путь Шубину, но Николайчик был настойчив, и солдат сдался.

Николайчик шел рядом.

— Ужасное бедствие, — говорил он, будто втолковывал Шубину урок, — роковое стечение обстоятельств.

— Какое к черту роковое! — возразил Шубин. — К этому все шло.

— Нельзя так категорично, — сказал Николайчик. — Если бы были предпосылки, неужели вы думаете, что товарищ Силантьев не принял бы мер?

— Вот не принял.

Николайчик насторожился и замолчал. У него было чутье, у этого Николайчика.

Они вошли в здание вокзала. Длинные скамьи для ожидающих, недавно переполненные народом, были пусты, только кое-где в проходах стояли чемоданы и сумки. Никто там не бродил, не фланировал, не убивал время — все спешили, бежали, исполняли. Военных здесь было немного, встречались железнодорожники и милиционеры. Основное направление движения соединяло второй этаж и платформу — муравьиной дорожкой сбегали по широкой лестнице люди, хлопали двери, ведущие на перрон, оттуда также появлялись люди, и смысл этого движения Шубину был непонятен.

— Где здесь туалет? — спросил Николайчик у Шубина.

Шубин ответил не сразу. Он думал о том, сколько людей погибло здесь — ведь залы были переполнены...

— Туалет? Вон видите — стрелка вниз: камеры хранения, туалеты. Только учтите, воды нет.

— Но мне же надо! — капризно ответил Николайчик. — Подождите меня здесь!

Он поспешил к лестнице в подвал, пробежал возле приколотого к стене бумажного листа с надписью: «Вход воспрещен!» Рядом с Шубиным остановились двое мужчин в белых халатах.

— А может, еще повезло, — сказал один. — Почти нет пострадавших. Действовало сразу.

— «Почти», ты не был в первой больнице?

— Нет, меня из дома взяли.

— Там обожженные и раненые. В коридорах лежат, в вестибюле. А людей нету. Совершенно нету. Я даже не представляю, сколько наших погибло.

Неожиданно загорелся свет. Шубин настолько привык к полутьме, что зажмурился.

— Станцию запустили, — сказал медик.

— У тебя дома как?

— Обошлось.

— О-о-о! — раздался крик. Шубин обернулся. Николайчик выскочил из подвала и бежал к нему, поддерживая расстегнутые брюки.

— Там, — сказал он, — там...

— Все ясно, — сказал Шубин. — Можете не объяснять.

— Там... ужасно... Вы не представляете! Там люди!

— А вы думаете, куда должны были снести трупы отсюда? — спросил Шубин. — И надо сказать, что они это быстро сделали.

— Солдаты, — сказал медик. — Они сейчас на путях работают. Там платформы подали.

— А что же будет? Что с ними будет? Вы не представляете.

— Захоронение, — сказал медик, закуривая. — Коллективное захоронение. И как можно скорей. Указание уже есть.

— Почему? — не понял Николайчик. — Как же так?

— А потому, Федор Семенович, — ответил Шубин, — чтобы не портить вам настроения.

— Тонкое наблюдение, — сказал медик. — Но, в общем, они правы, я бы то же самое приказал. Мы не знаем, как будет

действовать газ на окружающих, — тела могут стать источником опасности. Не говоря об эпидемиологии.

— Солдатам только сейчас противогазы привезли, — сказал второй медик. — Там у них на складе, оказывается, всех выбило...

— Но вы не понимаете! — сказал Николайчик медику. — Там они лежат горой, до самого потолка.

— Представляю. Я был в аэропорту, — сказал медик. — Придется привыкать.

— Туда тоже добралось? — спросил Шубин. — Я думал, что аэропорт выше...

— Как я понимаю, туда понесло эту дрянь, когда поднялся ветер.

— А что вы здесь делаете? — спросил Шубин.

— Черт его знает — дежурим. Нужна машина при штабе. Вот и дежурим. Считай, что нам повезло.

Медики пошли на второй этаж, а Николайчик все не мог успокоиться:

— Я туда спустился, понимаете, Юрий Сергеевич? Там же почти совсем темно. И запах... такой неприятный запах. Я чувствую, что не пройти — впереди преграда. Я стал руками искать проход — я не понял, что за преграда, может, вещи... совсем темно было. И вдруг загорелся свет. Я стою, а вокруг лежат мертвые люди — до самого потолка, вы понимаете? И такой страшный запах...

— Николайчик! — сверху перегнулся через перила незнакомый Шубину мужчина. — Срочно на ковер!

— Простите, — сказал Николайчик. — Вы идете?

— Иду, — сказал Шубин, но задержался, потому что вспомнил, что его удостоверение у старшины — надо забрать. Он пошел к выходу.

Шубин выглянул наружу — старшины не было видно. Здесь должна быть какая-нибудь комендатура.

Шубин поднялся на второй этаж вокзала.

Зал ожидания был прибран, пуст, скрепленные по шесть, жесткие вокзальные кресла отодвинуты к стенам. Но не сам зал был центром деятельности, а комната матери и ребенка, дверь в которую была распахнута, и вторая комната, над которой сияла неоновая, не к месту яркая вывеска «Видеосалон». Вокруг неоновых букв загорались поочередно лампочки, совсем как на новогодней елке.

Пока Шубин стоял в нерешительности, не зная, к какой две-

ри направиться, из видеосалона выбежал шестерка Плотников. За ним спешил низенький потный железнодорожник.

— Ну как же я пропущу? Там же людям сходить надо, — говорил он.

— Пропустить без остановки. И все пропускать — неужели вам непонятно? Ведь чрезвычайное положение.

— Вы бы мне бумагу дали, — сказал низенький.

— Будет бумага, будет, вы же видите, что я занят!

Шестерка побежал от железнодорожника, который со вздохом развел короткими руками и пошел обратно в видеосалон. И тут Плотников увидел Шубина. Он пробежал мимо, не сразу узнав его, но затормозил где-то сбоку и сделал два шага задом наперед.

— Шубин? — спросил он.

— Он самый, — сказал Шубин. — И живой.

— Вижу, — сказал шестерка. — И очень рад. Очень рад, что у вас все в порядке. А что вы здесь делаете?

— Хочу встретиться с руководством штаба, — сказал Шубин. — Надеюсь, что могу пригодиться.

— Зачем? — сказал шестерка и, вместо того чтобы продолжать свой путь дальше, развернулся, кинулся к двери в комнату матери и ребенка.

Шубин пошел за ним. Пришлось посторониться — несколько солдат притащили тяжелый ящик и принялись втискивать его в двери комнаты матери и ребенка, застряв там и перекрыв движение людей.

Вокруг кипели голоса, ругательства и советы, отчего ящик еще больше заклинивало в дверях. Через головы солдат видны были люди, что стояли в зале. Их было много. Шубин увидел Гронского, к которому подбежал Плотников и что-то говорил ему, отчего тот повернул голову к двери, и они с Шубиным встретились взглядами.

Гронский тут же отвел глаза и стал что-то говорить незнакомому чиновнику.

Шубин протиснулся к Гронскому. Гронский выглядел усталым, глаза красные, под ними темные мешки, благородные брыли свисали до плеч.

Он протянул Шубину руку. Рука была холодной, влажной.

— Вижу, что вы уже пришли в себя, — сказал Гронский. Потом добавил, обращаясь к статному усатому чиновнику в финском пальто и шляпе, что стоял рядом: — Познакомьтесь, товарищ Шубин, журналист из Москвы. А это Николаев, ди-

ректор биокомбината, заместитель начальника чрезвычайного штаба.

Рука Николаева была другой, твердой и широкой.

— Журналист? — недоверчиво спросил Николаев. Он был недоволен. Шубин словно услышал невысказанные слова: «Когда успел? Кто допустил?»

Гронский уловил недовольство. Он добавил, будто оправдываясь:

— Товарищ Шубин у нас здесь с лекциями по международному положению. Вот и попал в переделку. Мы с ним ночью в гостинице куковали.

— А, международник, — сказал Николаев облегченно и тут же закричал на солдат, которые распаковывали ящик, где таился какой-то прибор с экраном и множеством кнопок:

— Правее ставьте, правее, чтобы окно не загораживать!

Он потерял интерес к Шубину.

— Обзаводимся хозяйством, армия помогает, — сказал Гронский. — Ну как вы, отдохнули?

— А вы энергично взялись за дело.

— К сожалению, — сказал Гронский, — никто не будет нас хвалить за оперативную работу по спасению жизни и имущества граждан. У нас как бывает? Голову сносят за прошлые грехи, сегодняшние подвиги не в счет.

Гронский грустно улыбнулся. Он был искренен.

Шубин позавидовал: у него была возможность побриться.

— Как здоровье вашей жены? — спросил Шубин.

— Спасибо. Разумеется, ей придется отдохнуть — нервный шок. Вы знаете, какая трагедия произошла с вертолетом?

— Я видел.

— Мы буквально чудом остались живы.

— Я хотел быть чем-нибудь полезен, — сказал Шубин.

— Но чем, чем? — вдруг вспылил Гронский. Вроде бы оснований для вспышки Шубин ему не давал. — Вы пойдете в бригаду по уборке трупов? Или в пожарники — у нас пожарников не хватает! Или в госпитале кровь сдадите?

— Не волнуйтесь, — сказал Шубин. — Я понимаю, как вам трудно.

— А будет еще труднее. С каждым часом... Вам не понять.

— Я вас понимаю, — сказал Шубин, который более не испытывал неприязни к этому замученному человеку. Неприязнь осталась во вчерашней ночи. Какой он, к чертовой матери, убийца! Чинуша перепуганный. И о жене беспокоится, и надеется,

что, может быть, каким-то чудом все обойдется, и понимает, что ничего уже не обойдется. По крайней мере, для него.

— И какого черта вы сюда именно вчера приехали, — сказал Гронский с горечью. — Приедете в Москву, начнете ахать — что я видел, что я видел!

— Ахать не буду, — сказал Шубин. — Но если вы в самом деле думаете, что мне здесь делать нечего, тогда помогите мне улететь в Москву. Я думаю, что смогу вам там чем-то помочь. Вам же нужно многое для города.

— Нам нужно все! — почти кричал Гронский. — У нас нет врачей, нет шоферов, ни черта нет — мы же не можем на одних солдатах спасать положение!

— Ну, не надо так нервничать, — послышался начальственный голос.

В зал, в сопровождении небольшой свиты военных и гражданских чинов, вошел Силантьев.

— От вас я не ожидал услышать капитулянтских высказываний.

Силантьев не заметил Шубина, не обратил на него внимания, а может, и не узнал — в отличие от Гронского, он видел корреспондента лишь в своем кабинете, в респектабельном обличии.

— Это не капитулянтские высказывания, — сказал Гронский, — а оценка ситуации.

— Ситуация критическая, но не трагическая, — сказал Силантьев.

Он обратился к стоявшему рядом генерал-майору, высокому брюнету с черными глазами и синими от щетины щеками:

— Правда?

— Не могу я больше дать солдат, — ответил генерал, видно, продолжая разговор, который они раньше вели.

— Ты мне больше не давай, — сказал Силантьев, — ты мне оставь, сколько есть.

— Люди который час на морозе таскают трупы, — сказал генерал. — Им надо отдохнуть, мы их даже не покормили.

— Что у тебя, детский сад, что ли? — обиделся Силантьев. — А если бы война?

— Сейчас не война, — сказал генерал. Он говорил с легким восточным акцентом. — Сейчас катавасия.

— Еще один капитулянт, — сказал Силантьев и развел руками, будто призывая всех в свидетели тому, как ему трудно с такими людьми.

— Вы, Василий Григорьевич, не представляете, видимо, масштабы, — сказал генерал.

— Никто не представляет. Но мы уточним. И твоим орлам выделим из неприкосновенных запасов. Не обидим.

— У меня солдаты, — сказал генерал, — специалисты, а не могильщики.

— Ссориться будем? — спросил Силантьев, мягко укладывая ладонь на зеленый защитный погон генеральской куртки. — Не надо со мной ссориться. Всем трудно. А мне труднее всех. Это мой город, это мой народ!

Шубин нечаянно встретил взгляд генерала. Во взгляде была тоска. Или отчаяние. То же самое, что во взгляде Гронского. И других людей — медиков, Николайчика, даже солдатика на площади. Не было тоски во взгляде Силантьева. Взгляд был ясен.

Подбежала женщина в белых сапогах и распахнутой дубленке. Длинный шарф размотался, доставал до колен.

— Василий Григорьевич, есть телефонограмма, — сказала она.

Силантьев развернул листок, пробежал глазами.

— Так, — сказал он. — Будем готовиться.

— Что? — спросил Гронский. — Кто едет?

— Область, — сказал Силантьев. — Через сорок минут самолет будет здесь.

— У нас ничего не готово, — сказал Гронский.

— Где принимать будем? — спросил Силантьев у женщины в дубленке.

— В горкоме нельзя, — сказала она. — Там не готово.

— Знаю. С аэродрома везем сюда. Тебе, Мелконян, главная скрипка. — Это относилось к генералу. — Чтобы БТР спереди, танк сзади — психологическая атака по высшему разряду. Я буду встречать. Силина ко мне в машину. Ты, Гронский, тоже поедешь со мной, у тебя нервы расшалились. Николаев поедет во второй с Немченко. Слышал?

— Слышал, — сказал Николаев.

— Главная наша задача, чтобы они не очень глядели по сторонам. И если на пути следования будет хоть одно неживое тело, — Силантьев сжал руку в кулак, — убью.

Неизвестно, к кому это относилось, но ответил генерал.

— По Пушкинской и Советской мы все очистили, — сказал он. — Но на шоссе гарантии нет.

— Да там и не было никого, — сказал Николаев. — Главное, чтобы автостанцию проехать.

— Мелконян, пошли человека надежного, чтобы весь маршрут проверил. Немедленно. Весь. Если что — в кювет, в кусты — ты понял?

— Я пошлю, — сказал Мелконян, не глядя на Силантьева.

— Хорошо. Кто готовил цифры? — спросил Силантьев.

— У меня есть, — сказала женщина в дубленке. Она протянула Силантьеву смятый листок. — Здесь оценочное число жертв, зажиганий и так далее.

Силантьев смотрел на листок. Все ждали.

— До ста человек жертв? — спросил он женщину. — Да ты с ума сошла! Они же перепугаются. Это в Москву надо сразу рапортовать.

— Мы писали приблизительно, — сказала женщина.

— Они тоже не лыком шиты. Если доложу, что сто смертельных случаев, они полезут смотреть. Сделаем так: жертвы есть, подсчитываются... Ладно, сделаю. Иванов!

Иванов — расплывшийся человек в потертом костюме, с золотым перстнем на безымянном пальце — отделился от стены.

— Рви в резиденцию. Чтобы обед был готов через два часа. Возьмешь рафик и трех милиционеров. Проверь, чтобы вокруг было спокойно. А вы работайте, товарищи, — обратился он к солдатам. — Чтобы через час, когда мы вернемся, все сверкало и работало — пусть товарищи из области видят, как у нас все поставлено.

— А если они меня спросят, сколько жертв? — сказала женщина.

— Санитарный врач доложит. Доложишь?

Шубин видел его раньше, тот был в кабинете Силантьева, когда он случайно подслушал их разговор.

— Я предпочту воздержаться от оценки, — сказал врач.

— Надеюсь, все запомнили эти мудрые слова?

По толпе, окружавшей Силантьева, прошел согласный гул.

— А ты, Шубин? — Шубин так и не понял, когда Силантьев разглядел и узнал его. Но разглядел раньше, не сейчас, потому что, произнеся последние слова, он смотрел уже на дверь.

Шубину надо было молчать. Не только из-за опасения за себя — из интересов дела. Оттого, скажет ли он сейчас что-нибудь или нет, ничего в поведении Силантьева не изменится. А Шубин сможет тихо выбраться из города. Хотя, может быть, он недооценивал Силантьева, и тот уже решил не выпускать его из города.

Шубин сказал:

— Все первые этажи — мертвые.

— Что? Я не понял.

— Сейчас люди начнут открывать первые этажи, а там все мертвые.

— Шубин, не пугай людей, — сказал мирно Силантьев. Он взял Шубина под руку и повлек к двери. — Ты же не знаешь, а я знаю — эта дрянь через стекла не проникает. А ночь морозная, форточки были закрыты. Да и среди наших товарищей есть немало таких, кто живет на первых этажах. Есть такие, товарищи?

В зале была полная тишина, будто боялись пропустить каждое слово, сказанное Силантьевым.

Никто не ответил. Силантьев резко повернулся к толпе, которая медленно текла за ним.

— Надеюсь, среди вас есть люди, проживающие на нижних этажах?

И снова никто не признался.

Санитарный врач сказал:

— Мы не проверяли еще, Василий Григорьевич. У нас были первоочередные дела.

— Мне кажется, — сказал Шубин, — что вы здесь занимаетесь чепухой.

— Что? — Силантьев даже остановился.

— Вы думаете, как это все притушить, закрыть, спрятать... вы даже об обеде уже подумали. — И, говоря, Шубин как бы освобождал себя. Страх, который сковывал его, потому что он был маленьким человеком в этой отлаженной, хоть и давшей сбой машине и ничего не мог в ней изменить, пропал, как пропадает волнение у неопытного оратора после первых удачных фраз с трибуны. — Кого вы обманете? Областное начальство? А потом? Когда станут понятны размеры катастрофы?

— Неуместное слово, — сказал брезгливо санитарный врач.

— Вы же правите сейчас мертвым городом! — кричал Шубин. — Городом, дома которого наполнены мертвецами, вы это понимаете? Вы хотите навести марафет на одной улице? Для чего, чтобы завтра снова травить этот город? Чтобы завтра отравить всю страну? Весь мир?

— Нервы, нервы, — говорил Николайчик, оттаскивая Шубина в сторону.

— Погоди, пускай выговорится, — сказал Силантьев.

— Я выговорюсь не здесь, — сказал Шубин. — Я выговорюсь в Москве.

И в этот момент он уловил перемену в гуле, наполнявшем зал.

До этой секунды гул был сочувственным, потому что почти все, кто стоял там, были потрясены бедой, какими бы куцыми ни были обломки их моральных устоев. И Шубин пользовался их молчаливым сочувствием. Но в тот момент, когда он произнес слово «Москва» — он стал чужим.

— Ну что ж, — сказал Силантьев. — В Москве ты выговоришься. Но посмотрим, кому из нас поверят.

— Поверят, — сказал Шубин. — Поверят.

— А я бы хорошо подумал, прежде чем делать выводы, — сказал Силантьев, все еще владея собой. — Что ты видел здесь? Где ты прятался, когда мы все, в одном порыве, ликвидировали последствия аварии?

— Я был там же, где ваш товарищ Гронский, — сказал Шубин.

— Все ясно, — сказал Силантьев и даже улыбнулся: — С крыши наблюдали, как туристы. Хорошо еще, что мы успели вертолет организовать. Это там Спиридонов погиб?

Но вопрос был обращен не к Шубину, а к Гронскому.

Гронский вдруг подтянулся, словно вспомнил роль, которую должен был донести до публики.

— Обстоятельства гибели товарища Спиридонова загадочны, — сказал он. — Пока я организовывал спасение женщин, товарищ Шубин с группой мужчин должен был вынести раненого Спиридонова на крышу. Шубин появился на крыше один. Со своей любовницей.

— А, он и любовницей обзавелся! Ничего себе, моральный уровень.

Силантьев поглядел на часы.

— Разберитесь, — сказал он. — Слава богу, мы здесь не на пожаре. Таких вещей я никому не спускаю, Шубин. Ты мог вести себя трусливо, мог бежать в Москву и строчить доносы... Но смерть моего старого друга Спиридонова я тебе лично никогда не прощу.

— Все это ложь, — сказал Шубин. — И вы знаете, что это ложь.

— Я знаю то, что мне докладывают, — сказал Силантьев.

И он пошел к выходу из комнаты, на пороге наткнулся на забытую там куклу — наподдал ее начищенным ботинком.

— Все это полная чепуха! — Шубин пошел за Силантьевым, не в силах совладать с желанием оправдаться, объяснить.

Шубина никто не задерживал. Когда он проходил мимо генерала, тот сказал:

— Я бы на вашем месте здесь не оставался.

И прежде чем Шубин смог ответить, он быстро отошел от него и приблизился к офицерам, что стояли у двери в видеосалон.

Шубин шел вслед за Силантьевым в редеющей толпе «штабистов», и с каждым шагом желание поговорить, убедить Силантьева испарялось. Силантьев не будет его слушать. Но что делать? Может, взобраться на товарный поезд — они проходят тут. И на платформе попытаться доехать до соседнего города. Нет, лучше попробовать аэродром. Туда прилетают самолеты, аэродром открыт. Надо будет пробиться к летчикам, уговорить их...

Рассуждая так, Шубин вышел на лестницу и увидел, что Силантьев с Гронским и приближенными уже сошли в нижний зал и направляются к двери.

Но как добраться до аэродрома? На какой-нибудь машине? Надо поговорить с генералом. Сейчас, когда Силантьева нет, генерал может помочь. Ему лично катастрофа вряд ли чем грозит. Наоборот, он сразу принял меры, и Шубин может это подтвердить...

Шубин хотел вернуться в видеосалон, но тут услышал внизу крики.

От дверей вокзала к Силантьеву и Гронскому кинулась девушка в развевающемся пальто. Неумело в вытянутой руке она держала нож. Черные свалявшиеся волосы гривой окружали ее маленькое лицо. Свет люстры отразился в больших очках.

Гронский отпрыгнул назад, за Силантьева, а тот закрылся большим портфелем, который нес в руке. Нож несильно ударился в портфель, скользнул по нему и со звоном упал на каменный пол. И тут же на девушку со всех сторон накинулись несколько мужчин и повалили ее на пол. Мелькали руки, и непонятно было, чего они хотят — избить ее, связать или вытолкнуть.

Мешая друг другу, они подняли девушку с пола, заломили руки за спину. Она билась, кричала что-то. Шубин узнал в ней робкую Наташу из книжного магазина.

Он не слышал, что она кричала, потому что кричали все. Но слова Силантьева, выдержке которого можно было только позавидовать, донеслись до Шубина:

— Сумасшедшая. Бывает... Вы с ней осторожнее. Нервный стресс. Вызвать врачей!

И Силантьев продолжил движение к машине. Гронский отстал. Он, видно, совсем расклеился... Николаеву пришлось вернуться за ним. Он повел Гронского к выходу, поддерживая под локоть. Около девушки уже были медики, те, что курили внизу. Они повели ее куда-то в сторону. Зал опустел, только шестерка Плотников о чем-то разговаривал с милиционером.

Шубин был бессилен. По крайней мере, Наташиной жизни ничто не угрожало. Она жива, все обойдется...

Успокоив себя, Шубин пошел обратно. В видеосалон его не пустил солдат, что стоял за дверью.

— Мне нужно поговорить с генералом Мелконяном, — сказал Шубин.

— Нельзя.

Шубин пытался заглянуть в видеосалон через плечо солдата.

— Мелконян! — закричал он. — Мне надо с вами поговорить.

И в этот момент сильная рука рванула его от двери.

Он еле удержался на ногах. Перед ним стоял лейтенант милиции, такой же небритый, как сам Шубин. Рядом — еще один милиционер и шестерка Плотников.

— Этот? — спросил лейтенант у Плотникова.

— Этот.

— Пошли, гражданин, вы задержаны, — сказал лейтенант.

— Почему? — спросил Шубин.

— Пошли, разберемся.

Шубин обернулся, но Мелконян не вышел. Солдат, держа автомат у груди, равнодушно смотрел вслед Шубину. По его лицу бегали сполохи от веселой надписи «Видеосалон».

В станционной милиции лейтенант потратил на разговор с Шубиным минуты три. Его успели проинструктировать. Он потребовал у Шубина документы. Документов у Шубина не было, потому что их не вернул старшина. Об этом лейтенант, видно, уже знал. Затем лейтенант сказал, что товарищ, называющий себя Шубиным, задержан по подозрению в убийстве руководящего работника Спиридонова С. И. этой ночью в гостинице «Советская». Логика в этом тоже была. А идея, как решил Шубин, принадлежала самому Силантьеву. Можно спорить и даже отбрехаться, если тебя обвиняют в хулиганстве, скандале и даже оскорблении вышестоящих лиц. Но с убийцами, особенно в чрезвычайном положении, ведут себя строго.

Шубин пытался объясниться, но лейтенант слушал его равнодушно и устало. Будто только и ждал, когда Шубин замолчит, чтобы заснуть.

Он сказал:

— Я бы вас к стенке поставил.

И Шубин замолчал. Не исключено: кто-то мог посоветовать измученному лейтенанту поставить этого бродягу к стенке при попытке к бегству.

Лейтенант сам отвел Шубина в камеру, единственную камеру вокзального отделения милиции. Он шел сзади, вынув пистолет, и Шубину казалось, что лейтенант раздумывает, не прибавить ли Шубина к числу жертв катастрофы. Лейтенант никогда не поверит, что его арестант — заложник Силантьева, Гронского, всей этой благопристойной банды, что трясется не от чувства вины или боли, а от страха за свои шкуры.

Дверь в камеру громко захлопнулась. Под потолком горела тусклая лампочка, возле нар лежало на полу человеческое тело. И Шубин даже не стал возмущаться этим, понимая, что у лейтенанта и тех милиционеров, что остались в городе, достаточно дел и без выволакивания трупов из КПЗ.

Окна в камере не было. Только дверь с окошком, затянутым решеткой, лампочка, унитаз в углу под крышкой.

Шубин подошел к унитазу и попытался спустить воду. Вода еще не шла. Не пустили воду. А на даче наверняка есть горный родник. Там и будут отдыхать инспектирующие чины, которым приятнее глядеть на красоты природы, чем на вонючие трупы.

Тут Шубин вспомнил, что его давно уже ждет Борис. А вдруг с ним что-то случилось? Знает ли он, что Наташа бросалась с кухонным ножиком на городское начальство? Бориса вполне могли забрать. Ведь Силантьев — человек предусмотрительный, и они наверняка знают о письмах и бумагах Бруни. А если знают, то ищут. Если вчера эти бумаги были лишь неприятным раздражителем, то сегодня они могут оказаться смертным приговором.

И как бы в ответ на мысли Шубина в коридоре послышались шаги, перед дверью остановились, и Шубин представил себе, что сейчас в камеру войдет лейтенант и равнодушно произнесет:

— Именем закона о чрезвычайном положении вы приговариваетесь к смертной казни, которая будет приведена в исполнение немедленно.

И когда дверь отворилась, Шубин невольно отпрянул к стене. Он сам уже поверил в эти слова лейтенанта.

Лейтенант вошел и остановился у порога. С ним был второй милиционер. Плотников остался в коридоре. Его оттопыренные уши просвечивали красным.

— У меня есть свидетели! — вдруг воскликнул Шубин. Он сам не знал за мгновение, что скажет это. Но сказал: — Ваш сотрудник, сержант Васильченко, он присутствовал, он все знает.

— Лицом к стене, — сказал лейтенант.

— Почему? Зачем? Я ничего не сделал!

— Встаньте на шаг от стены, — устало сказал лейтенант, — протяните руки к стене, обопритесь на них.

Он говорил дикторским голосом, и Шубин вдруг понял, что его не будут расстреливать, зачем для этого упираться руками в стену. И он быстро, стараясь показаться послушным и неопасным, повернулся к стене и выставил вперед руки. Шестерка засмеялся. Жесткие твердые руки прощупали бока Шубина, брюки, аляску. Затем поднялись и задержались на секунду на карманах.

— Отойди назад! — сказал лейтенант.

Послышались поспешные шаги — милиционер и Плотников отпрянули. Что же испугало лейтенанта?

Лейтенант запустил руку в карман аляски.

— Это кофе, — сказал Шубин, — растворимый кофе.

— Помолчите, — сказал лейтенант. — Вижу, что не граната. Бойченко, посмотри, что там внутри.

— Я сам посмотрю, — раздался голос Плотникова.

Руки Шубина заныли от неудобной позы.

— Повернитесь лицом ко мне, — сказал лейтенант.

Шубин оттолкнулся от стены, выпрямился и обернулся. Лейтенант стоял перед ним, милиционер на шаг сзади. Плотников в дверях завинчивал банку с кофе.

Лейтенант закончил обыск. Он вытащил из кармана бумажник. Отходя, задел ногой лежавшего человека. Тот что-то забормотал.

— Дайте сюда, — велел Плотников лейтенанту. Тот отдал бумажник. Шестерка сунул бумажник себе в карман.

— Больше ничего? — спросил он.

— Больше ничего, — сказал лейтенант.

Лейтенант пошел к выходу. Шубин осмелел:

— А вещи когда отдадите?

— Когда нужно будет, тогда и отдадим.

— Он еще спорит! — с деланным возмущением воскликнул Плотников.

Лучше бы Эля оставила кофе дома, подумал Шубин. Ведь не отдаст, сволочь. Дефицит.

Когда дверь закрылась, Шубин присел на край нар.

Человек у его ног, который оказался не мертвым, а мертвецки пьяным, повернулся, уютнее устраиваясь на полу.

Ясно, что они искали бумаги Бруни. Плотников не сразу спохватился. Прибежал обратно и потребовал личного обыска.

Шубин сидел на краю нар. Спать совсем не хотелось. Ничего не хотелось, только вырваться из этой камеры. Но он понимал, что сейчас в этой суматохе никто его не разыщет. Эля? Эля спохватится, конечно, но кто она — шоферша? Случайная девочка? Борис? Бориса они постараются изолировать. Было бы окно — написал бы записку для генерала Мелконяна. Черта с два напишешь записку! Они отобрали бумажник и записную книжку, сейчас шестерка сидит у лейтенанта или в какой-нибудь спецкомнате — изучают его бумажки.

— Закурить не найдется? — трезвым голосом спросил сосед по камере.

— Сейчас, — сказал Шубин. Сигареты ему оставили.

Но пока он доставал сигареты и спички, сосед снова заснул.

Шубин закурил. За дверью простучали сапоги. Потом снова тишина. Шубин подошел к двери, приложив ухо к решетке, стал слушать. Далеко по коридору звучали голоса. Потом хлопнула дверь. И Шубин не столько услышал, сколько почувствовал тишину в отделении. А чего он ждал? Что они будут здесь сидеть, сторожить его?

Шубин постучал в дверь. Неизвестно зачем, но постучал. Потом сильнее. Ему хотелось стучать в дверь, ему хотелось колотить в нее, вкладывая в эти удары возмущение собственным бессилием.

— Не шуми, — сказал сосед. — Мешаешь.

Шубин спохватился. В самом деле глупо.

Не лучше ли продумать линию поведения? Может, изобразить полное раскаяние? Обещать, что будет молчать...

Далеко хлопнула дверь.

Кто-то вошел в отделение. Шаги замерли. Потом возобновились. Они приближались к двери. Шубин отступил в сторону. Шаги были медленные, осторожные, в них была угроза.

Звякнула щеколда. Дверь открылась. Шубин стоял, прислонившись к стене.

— Ты здесь? — услышал он голос Коли.

Коля вошел в камеру.

— Не бойся, — сказал он. — Это я.

Коля тоже был не брит, но у него светлые волосы, так что не очень заметно. На лбу ссадина.

— Коля! — Шубину захотелось броситься к нему, обнять как старого друга, но Коля был строг и сух.

— Выходи, — сказал он.

Затем протянул Шубину его бумажник. И Шубин подумал: «Кофе шестерка все-таки взял себе».

— Быстрее, — сказал Коля. — Я из-за тебя под суд идти не желаю.

— Сейчас, — Шубин почему-то принялся застегивать молнию аляски.

Коля выглянул в коридор.

— Там никого нет, — сказал Шубин.

— Без тебя знаю. Нет, не в эту сторону, в другую.

Он провел Шубина по коридору, открыл своим ключом белую дверь, и они оказались на перроне.

— Иди вперед и не оглядывайся, — сказал Коля.

Со стороны должно было казаться, что милиционер ведет задержанного. Перрон был пуст. По дальнему пути медленно двигался маневровый паровоз. Из открытых дверей товарного вагона солдаты разгружали какие-то мешки. Встретившийся железнодорожник скользнул по Шубину равнодушным взглядом.

— Направо, — сказал Коля.

Они остановились в темном проходе между вокзалом и одноэтажным зданием.

— Ну вот так, — сказал Коля другим голосом. — Вот как получилось.

— Ты откуда узнал, что меня забрали?

— Услышал, — сказал он. — Говорили.

— И ты понял почему?

— А чего тут не понять, — сказал Коля. — Они тебе хотели убийство Спиридонова пришить. Ты бы не отвертелся.

— Но ты же знаешь.

— У меня служба, — сказал Коля. — Ты сейчас сразу налево, не оглядывайся, выйдешь на площадь, иди за киосками. За третьим киоском остановись. Понял?

— Понял.

— А я пошел. Меня и так с тобой увидеть могли.

— Мы обязательно увидимся, — сказал Шубин.

— Может быть, — сказал Коля и скрылся за углом вокзала.

Шубин осмотрелся — никого. Он прошел темным проходом и оказался на вокзальной площади.

Шубин быстро прошел к киоскам, за третьим из них остановился и осторожно выглянул на площадь.

Ветер стих, снег падал редко. На площади было куда больше людей, чем час назад. Видно, в городе уже знали, что штаб расположен в вокзале. Кучками, поодиночке люди стояли возле цепочки солдат, просились внутрь. Голоса почти не доносились, но общий шум с визгливыми выкриками был явственно слышен.

Шубин вышел из-за киоска, и тут на площадь въехала кавалькада — с аэродрома. Впереди, как и было оговорено, бегемотом двигался БТР, затем три «Волги» — две черные, а одна, можно сказать, обыкновенная. Затем еще один БТР. Лучше бы танк, подумал Шубин. Внушительнее.

Машины, объезжая заснеженный газон, проехали вереницей совсем близко от Шубина. В третьей, у самого окна, сидел Гронский. Он посмотрел на Шубина. Шубин не испугался. Он встретил его взгляд, и удивление Гронского его даже позабавило. Женщины у оцепления кинулись к машинам.

У него было странное чувство непричастности к этим событиям. Будто он был заколдован, заворожен, будто у него был иммунитет против этой болезни.

— Юрий Сергеевич! — окликнул его Борис.

Борис выглядывал из подъезда рядом с комиссионным магазином.

— Сюда!

Шубин зашел в подъезд.

— Я думал, что мне вас не выцарапать, — сказал Борис. — Просто сказочное везение.

— В чем везение?

— Я сержанту деньги стал давать, он меня чуть не забрал. А когда узнал, что это вас замели, он велел ждать. Я понял, что он вас выручит. Откуда он знает?

— Мы с ним всю ночь в гостинице были, — сказал Шубин.

— Нет, все-таки Бог есть, — сказал Борис.

— Письма с вами?

— Поверил?

— Я давно поверил. Только не знаю, как мы их отсюда вывезем. Они не все перекроют?

— Силенок не хватит. Завтра с помощью области точно перекроют. А сегодня еще не перекроют.

Сзади кто-то плакал.

— Что это?

— Ты забыл, что тут тоже есть первый этаж и второй этаж? Кто-то к своим пришел — и увидел. Не отвлекайся. Слушай. Я украл машину.

— Как украл?

— Проще простого. Как машины крадут? Сейчас в городе, наверное, с тысячу машин без водителей. И ключи в зажигании, понимаешь?

— Понимаю.

— Машина за углом. Я тебя вывезу из города, я знаю, где нет заслонов. Довезу до Синевы, это станция такая. Там останавливается поезд на Москву. Через два часа ты в Перми. А дальше — сможешь? Деньги есть?

— Есть. Только паспорта нет и удостоверения.

Они пробежали за угол, там стоял «жигуленок».

— Без паспорта плохо, — сказал Борис. — Паспорт нужен. Возьмешь мой.

Он завел мотор и начал разворачивать машину.

— Мы с тобой непохожи.

— Когда я его получал, были похожи. У меня прическа была цивильная и без бороды. Смотри.

Свободной рукой Борис вытащил из кармана паспорт и кинул его Шубину на колени.

— Слушай, — сказал Шубин. — Мы не успеем заехать в одно место?

— Нет, — ответил Борис. — Мы никуда не успеем. Они сейчас объявят на тебя охоту. Чрезвычайное положение, убежал убийца, маньяк. Ты себя погубишь и дело.

— Хорошо, — сказал Шубин. — Мне нужно обязательно передать записку одной девушке.

— Напиши ей письмо.

— Я не запомнил адреса.

— Глупо. Если хочешь писать записки, сначала запиши адрес.

— Обстановка не позволяла, — сказал Шубин, но Борис не уловил иронии.

Он пытался развернуться. Места было достаточно, но Борис оказался не очень умелым водителем.

— Давай я за руль сяду, — сказал Шубин.

— Тебе, может, придется прятаться — не хочу, чтобы твоя голова на виду торчала.

Шубин раскрыл паспорт. В самом деле, если особенно не присматриваться, сойдет. Борис Ашотович Мелконян.

— Я думал, что ты еврей. Генерал — твой родственник?

— Каждый дурак меня об этом спрашивает. Нет, нет, не родственник. Не нужен ему такой родственник!

Борис развернулся было, но тут над ухом взвыла «скорая». Пришлось затормозить.

— А ты Наташу видел? — вспомнил Шубин.

— Я же тебе сказал — не знаю!

— А я видел!

— Что? — Борис ударил по тормозу. Машина подпрыгнула, и ее повело по скользкому снегу.

— Не волнуйся, она жива и, может быть, здорова, — сказал Шубин. — Ты продолжай, разворачивайся, не до вечера же нам крутиться.

— Я буду, буду, ты только расскажи, что видел.

Шубин стал рассказывать. Борис рычал, ругался, только непонятно было, кого он ругает — Наташу или Гронского.

Шубин посмотрел на площадь, словно прощался с ней. Слева обугленные останки гостиницы, справа — оживший вокзал. У одной из «Волг», что стояли у подъезда, суетились люди. Дверцы были распахнуты. С одной стороны туда залезал знакомый лейтенант. С другой шестерка Плотников.

— Ах черт! — сказал Шубин.

— Ты что? Ты что не рассказал! Куда ее увезли? В какую больницу?

— Это ты узнаешь. Меня другое волнует — по-моему, я сделал глупость.

— Ну, что еще?

— Когда они с аэродрома возвращались — меня, кажется, узнал Гронский.

— И что?

— Видишь «Волга» — она по нашу душу.

— С чего ты решил?

— Знакомые лица.

— Тогда я лучше обратно поеду, по переулкам.

— Пока ты будешь снова разворачиваться, они уже на нас сядут. Давай вперед!

Борис подчинился. Возможно, это было не лучшим решением. Машин на ходу в то утро в городе почти не было. Зеленый «жигуленок», так резво промчавшийся мимо вокзала, конечно же, обратил на себя внимание. Наверное, Шубину надо было

спрятаться. Впрочем, тогда бы он открыл не менее известный преследователям профиль Бориса.

— Ничего, мы тут свернем, — сказал Борис, глядя, как черная «Волга» отходит от вокзала.

Он свернул направо, потом, увидев, что преследователей еще не видно, повернул в ворота большого дома, но тут ему пришлось затормозить. Во дворе, блокировав въезд, лежали трупы.

— Черт, я же знал... — сказал Шубин. — И забыл.

Борис хотел тут же выбираться из ворот задним ходом, но Шубин удержал его.

— Пригнись немного, — сказал он. — Дай им проехать.

Он смотрел назад, пригнувшись к сиденью. Он оказался прав. Через минуту мимо пронеслась черная «Волга». В ней был лейтенант милиции, еще кто-то в штатском и шестерка Плотников. Зеленую малолитражку, уткнувшуюся носом в ворота, они не заметили.

Борис подал назад, они вернулись к вокзальной площади и оттуда уже поехали по другой улице.

— Давай письма, — сказал Шубин. — Мало ли что, а вдруг придется срочно расставаться.

— Ты прав. Возьми в бардачке.

Шубин достал толстый конверт. Конверт был заклеен, но без надписи.

Борис затормозил на перекрестке. Работал автоматический светофор.

Шубин достал из кармана ручку и, пока машина стояла, написал на конверте крупными печатными буквами:

«ПЕРЕДАТЬ В ЦК КПСС. СРОЧНО».

Потом с трудом втиснул конверт во внутренний карман аляски.

— Правильно, — сказал Борис, который видел, как Шубин писал. — А я не догадался. Надо предусмотреть каждую случайность.

Зеленый свет не зажигался. Справа, на первом этаже, было открыто окно, и оттуда двое мужчин вытаскивали тело женщины. Женщина была в одной рубашке, ноги были белые, полные, тот мужчина, который тянул за ноги, все старался оправить рубашку.

— Давай нарушим, — сказал Шубин.

— А? — Борис тоже смотрел на то, как вытаскивают тело женщины. — Конечно, конечно, — сказал он.

Он рванул через перекресток.

— А я домой только на минуту забежал, — сказал он. — Там моя мама. Она все знает. Мою жену оденут и все сделают, да?

— Конечно, — сказал Шубин.

Он обратил внимание, что по тротуарам, в ту же сторону, что ехали они, идут люди, быстро, деловито, словно на службу. Машина переехала железнодорожные пути, за ними было открытое место, спускавшееся к реке.

И тут Борис затормозил в изумлении.

Все поле до самой воды было усеяно телами. У края стояло три или четыре грузовика с откинутыми бортами, и солдаты уныло и методично выкидывали тела на землю.

Но между этих тел, многих тысяч тел, ходили люди. Другие спешили туда, стекались с разных сторон. Некоторые вглядывались в лица мертвых, другие не смели подойти близко, одна женщина стояла на коленях перед телом мужчины и била себя кулаками в грудь.

— Вот сюда бы привезти весь обком, — сказал Шубин.

— Как только ты будешь в безопасности, — сказал Борис, — я это сделаю. Клянусь памятью моей жены, я это сделаю...

Они поехали дальше. Они ехали мимо одноэтажных домиков, улица была совершенно пуста, и Шубин понимал, почему она пуста — ни в одном из домов не осталось ни души. На мостовой валялась раздавленная собака. Две курицы спокойно клевали что-то у забора. То ли пересидели беду на насесте, то ли у птиц иммунитет...

— А сейчас на всякий случай пригнись, — сказал Борис. — Будет пост ГАИ. Я думаю, здесь никого нет, но если есть, они могли предупредить об особо опасном преступнике.

Шубин пригнулся. На полу машины у его ног лежала женская заколка.

— Можно подниматься. Пронесло, — сказал Борис.

— А кто хозяин этой машины? — спросил Шубин.

— Хозяйка. Она в соседнем доме жила. Я потом машину поставлю на место, ты не думай.

— Я не думаю.

По сторонам дороги тянулись склады, потом они миновали коровник.

— И сюда добралось, — сказал Борис.

Ворота коровника были распахнуты, и труп коровы валялся в них.

Они миновали опустевшую пригородную деревню.

— Нелегко будет Силантьеву это прикрыть, — сказал Шубин.

— У него сильная поддержка в области, — сказал Борис. — Потому мы и не смогли его сковырнуть. Он у нас всего второй год, как подающий надежды. А области тоже не нужны неприятности.

Они въехали в лес. Дорога начала подниматься. Она поднималась ровно, и ее было видно на несколько километров вперед. Объехали приткнувшийся к обочине автобус. Потом «Москвич», который стоял поперек шоссе.

— Это не главная дорога, — сказал Борис. — Только до Синевы. Поэтому я тебя и повез. Они думают, что мы на аэродром или по свердловской трассе рванем.

«Жигуленок» легко катил в гору.

— Не обольщайся, — сказал Шубин. Он смотрел в зеркало над ветровым стеклом. Далеко сзади шла черная машина.

— Может, другая? — Борис качнул головой, чтобы лучше увидеть преследователей.

— А я говорю — не обольщайся. Много ли шансов, что другая черная «Волга» идет именно по этой дороге и в этот час? Тут что впереди, их резиденция?

— Нет, резиденция по Свердловскому шоссе.

— Тогда жми, — сказал Шубин, — это за нами.

Борис честно жал, и «жигуленок» шел на пределе. Дорога была покрыта снегом и давно не чинена, так что порой машину подбрасывало так, что казалось — на асфальт она уже не вернется. Шубину жутко хотелось взять руль — он был куда лучшим водителем, чем Борис, но сейчас было некогда заниматься пересадками.

— Слушай, Борис, — сказал Шубин. — И все-таки ты выполни мою просьбу. Ты Николайчика из «Знания» знаешь?

— Знаю.

— У Николайчика работает шофером Эля.

— Знаю, — сказал Борис. — Она с парнем из моего класса жила.

— Когда?

— Ну, это давно было, года два назад.

— Вот моя карточка. Пускай она мне напишет. И еще мне нужен твой адрес. Ты же хочешь узнать, что мне удалось сделать?

Черная «Волга» постепенно приближалась. Водитель на ней был профессиональный.

— Пиши, — сказал Борис. — Гоголя, шестнадцать, двадцать три.

Шубин записал его адрес на одной из своих карточек. Положил ее себе в карман. Вторую — сунул в карман Борису.

«Волга» была уже угрожающе близко.

— Что-то надо делать, — сказал Шубин. — До станции еще далеко?

— Километров тридцать — тридцать пять.

— Догонят, — сказал Шубин.

— Я тоже так думаю. Как же они догадались?

— Они, наверное, думали, как и ты.

— Знаю! — крикнул Борис. — Через километр будет поворот, за ним дорожка, через лес, шесть верст, может, немного побольше. Выходит к разъезду Лихому. Там иногда товарняки останавливаются.

— Понял.

— На машине туда не проехать. Туда дорога с другой стороны путей, от Ловчей.

— Что предлагаешь?

— Я приторможу. Только на секунду — а ты беги, чтобы они не заметили, что ты ушел. Я их за собой поведу — как можно дальше. Тогда есть надежда, правда?

— Правда, есть надежда, — сказал Шубин.

Впереди был поворот. Шубин обернулся. До «Волги» метров четыреста. Они услышали скрип тормозов.

— Ты тормози не очень резко, — сказал Шубин, — чтобы они не услышали.

Он положил лыжную шапку с олимпийскими кольцами на спинку сиденья, чтобы сзади казалось, что пассажир в машине.

— Готовься! — крикнул Борис.

За поворотом он начал тормозить, сдвигаясь к обочине.

Шубин открыл дверь, — к дороге подступали деревья, — из «Волги» их не было видно. Когда машина, на его взгляд, затормозила достаточно, он оттолкнулся и полетел руками вперед в кювет.

Был удар. Он не почувствовал боли, потому что знал — нужно уйти. Он приподнялся — но в руке была такая боль, что он упал снова. Он пополз вниз, в кювет, и замер, потому что отчетливо услышал, как из-за поворота вылетела, взвизгнув тормозами, «Волга». Шубин вжался лицом в холодный жесткий снег. Он даже не знал — лежит ли он на виду у края дороги, или кювет достаточно глубок, чтобы скрыть его.

«Волга» промчалась мимо, но это ничего не значило. Может,

кто-то из них смотрел в окно и увидел его, но нужно время, чтобы развернуться.

Шубин приподнялся, стараясь не опираться на больную руку, и побежал к деревьям. Здесь уже было немало снега, по щиколотки, и он понял, что его легко найдут по следам. Добежав до подлеска, к счастью густого, он вторгся в него, не обращая внимания на то, как стегают по лицу ветви. Потом остановился. Дорогу было хорошо видно. Она была пуста.

Здоровой рукой он тронул больную и чуть не подскочил от острого удара боли. Хорошо, что не ногу сломал, сказал он себе. Мог и ногу.

Вокруг стояла удивительная, сказочная тишина. Вдалеке застучал дятел.

Несмотря на тупую боль, Шубин сломал густую еловую ветку и заставил себя вернуться к шоссе. Он тщательно заровнял истоптанный снег. Так, чтобы не заметили следов с проезжающей машины. Он отступал, размахивая своей метелкой, и думал о том, что еще не отыскал этой дорожки к разъезду, и не прошел потом по ней шести верст, и не дождался на неизвестном ему разъезде какого-нибудь товарняка. И все это впереди, все это надо вытерпеть.

А может быть, и вытерпеть те гневные и грозные письма, что, опережая его, рванутся из горкома и обкома. В них его будут обвинять во всех грехах, включая, может быть, и убийство начальника главка товарища Спиридонова. Считай — пропала Швейцария.

Он бросил ветку в кусты. Ох и будет Борису, сказал он себе и кустами пошел обратно вдоль дороги, пока не отыскал полузанесенную снегом тропинку, которая через два часа вывела его, вернее его упрямую тень, к разъезду Лихому.

СОДЕРЖАНИЕ

УСНИ, КРАСАВИЦА!
Роман
5

СМЕРТЬ ЭТАЖОМ НИЖЕ
Роман
271

Кир БУЛЫЧЕВ

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

Редактор *М. Недосекина*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Т. Фатюхина*

Корректор *М. Лобанова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.
Подписано в печать 09.02.99 г.
Гарнитура Таймс. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0.
Уч.-изд. л. 26,06. Заказ № 164.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02497-X

Scan Kreyder - 09.04.2019 - STERLITAMAK

ISBN 5-300-02497-X